

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. П. Протасовицкий

ТЕОРИЯ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВ

МИНСК
БГУ
2020

УДК 347.73
ББК 67.402
П83

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Р е ц е н з е н т ы:

кандидат юридических наук, доцент *В. А. Богоненко*;
доктор юридических наук, профессор *В. А. Витушко*

Протасовицкий, С. П.

П83 Теория частноправового регулирования финансов / С. П. Протасовицкий. — Минск : БГУ, 2020. — 315 с.
ISBN 978-985-566-836-8.

В монографии изложена авторская теория частноправового регулирования финансов, лежащая в основе формирования нового направления в юридической науке — финансовой цивилистики.

Предложено оригинальное видение сущности финансов и дана их цивилистическая интерпретация, в результате чего финансы представлены как объект частноправового регулирования. В работе раскрыты основные понятия финансовой цивилистики: финансовое имущество, финансовые риски, финансовые услуги, финансовые частные отношения, финансовые частные права и обязанности, финансовые договоры, финансовое частное право (в объективном смысле).

**УДК 347.73
ББК 67.402**

ISBN 978-985-566-836-8

© Протасовицкий С. П., 2020
© БГУ, 2020

ВВЕДЕНИЕ

В основу экономической политики Республики Беларусь в настоящее время положена поэтапная стратегия институциональных преобразований, ведущая к качественному экономическому росту, что предусмотрено Программой социально-экономического развития на 2016–2020 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466 [713]. Реализация избранной политики сопряжена с экономической либерализацией и развитием частного сектора. Иначе говоря, публично-правовые начала в белорусской экономике должны уступить частноправовым. «Бесспорным историческим фактом до сей поры, — писал И. А. Покровский в 1917 г., — является то обстоятельство, что по мере того, как общество прогрессирует, по мере того, как в нем обнаруживается необходимость перехода к высшим формам хозяйственной деятельности, соответственные отношения все более и более проникаются частноправовыми началами» [324, с. 44]. Значит, успех экономической реформы во многом зависит от состояния частного права. По верному утверждению С. С. Алексеева, «без развитого частного права цивилизованная рыночная экономика, да и вообще становление и функционирование современного гражданского общества невозможны в принципе, по определению» [15, с. 361].

Согласно п. 5.4 гл. 5 названной программы обязательным условием устойчивого экономического роста выступает формирование полноценного финансового рынка. Действительно, финансы имеют важное значение в экономической жизни общества. Как отмечает лауреат Нобелевской премии по экономике 2013 г. Р. Шиллер, «финансы, при всех своих изыянах и перегибах, представляют собой силу, потенциально способную оказать нам помощь в создании лучшего, более процветающего и более равного общества... Финансы сыграли центральную роль в подъеме современных процветающих рыночных экономик — без них был бы невозможен сам этот процесс... Финансы остаются важнейшим социальным институтом, необходимым для управления рисками, с которыми сталкивается общество

в процессе преобразования творческих импульсов в жизненно важные товары и услуги...» [482, с. 18].

Принимая во внимание роль частного права в функционировании экономической системы и значимость ее финансовой составляющей, мы выделяем нормативное образование, именуемое «финансовое частное право». Оно определяет финансовый правопорядок в обществе и должно способствовать экономическому развитию. Вместе с тем для надлежащего частноправового регулирования финансов необходима система научных знаний об объекте регулирования, финансовом частном праве и связанных с ними явлениях. Однако юриспруденция не предлагает подобной теории (доктрины). Наука финансового права изучает только публичные финансовые отношения, хотя в литературе уже высказана идея «нового финансового права», включающего частноправовые институты [404]. Цивилистика пока не видит в своем предмете финансы. Исследуя деньги, ценные бумаги, имущественные права и другие гражданско-правовые феномены, она рассматривает их вне финансового контекста, т. е. в иной (традиционной для нее) системе координат. Специальные научные дисциплины (банковское право, страховое право и т. п.) изучают лишь фрагменты подразумеваемого нами объекта познания.

Известные на сегодня положения цивилистики не могут заменить искомую теорию. Во-первых, они не раскрывают категорию финансов, которая формирует целостное представление об объекте регулирования и выводит на другие релевантные понятия: финансовое имущество, финансовые риски, финансовые услуги, финансовые частные отношения. Во-вторых, некоторые цивилистические решения непригодны для упомянутой системы знаний.

Таким образом, мы констатируем отсутствие научной теории частноправового регулирования финансов при осознании необходимости таковой. Построение последней вызывает проблему определения, разработки и логической организации ее содержания.

В философии науки нет единого понимания научной теории. Мы придерживаемся простой дефиниции, предложенной С. А. Лебедевым: «... это логически организованное множество высказываний о некотором классе идеальных объектов, их свойствах и отношениях» [417, с. 144]. Научные суждения относительно указанных объектов, свойств и отношений образуют содержание теории. Идеальные объекты бывают теоретическими и эмпирическими. «Теоретические объекты... — объясняет В. С. Степин, — являются идеализациями, “логическими реконструкциями действительности” <...> В логико-методологических исследованиях теоретические объекты называют иногда теоретическими конструктами, а также абстрактными объектами» [385, с. 104]. По его убеждению, в основании теории всегда можно обнаружить взаимосогласованную сеть абстрактных объектов — фундаментальную теоретическую схему [385, с. 110–111]. «Идеальные

теоретические объекты и построенные из них целостные теоретические модели (схемы) выступают существенной характеристикой структуры любой научной теории независимо от того, принадлежит ли она к сфере гуманитарных, социальных или естественных наук» [385, с. 114]. Фундаментальная схема теории частноправового регулирования финансов связывает два теоретических конструкта: финансы и частное право.

В современной экономической и юридической науке финансы являют собой публичные отношения, что исключает их частноправовое регулирование. Поэтому создаваемая теория опирается на гипотезу: финансы, помимо прочего, выступают объектом частноправового регулирования. Понятию финансов и подтверждению гипотезы посвящена первая глава работы.

Цивилистическая интерпретация финансов приводит к идеальным объектам, система которых детализирует фундаментальную теоретическую схему «финансы – частное право». Как пишет В. С. Степин, «в содержании развитой теории... можно выделить еще один слой организации абстрактных объектов – уровень частных теоретических схем. Последние конкретизируют фундаментальную теоретическую схему применительно к ситуациям различных теоретических задач...» [385, с. 126]. В нашей познавательной ситуации частная теоретическая схема объединяет понятия финансового имущества, финансовых рисков, финансовых услуг, финансовых частных отношений и финансового частного права (см. таблицу). Они изложены во второй, третьей, четвертой и пятой главах работы.

Организация теории частноправового регулирования финансов

Фундаментальная теоретическая схема	Частная теоретическая схема
Финансы	Финансовое имущество
	Финансовые риски
	Финансовые услуги
	Финансовые частные отношения
Частное право	Финансовое частное право

Методологической основой настоящего исследования выступает диалектическая логика – «составная часть, аспект диалектики, охватывающий принципы и законы, характеризующие алгоритмы мышления, связанные с порождением нового знания» [416, с. 481]. Так, принцип развития «означает необходимость постоянной “оглядки” на то, что исследуемый объект развивается, изменяется и постигать его необходимо в процессе, ходе изменений, что неизбежно влечет за собой в качестве нормы и движение, развитие самой мысли», а принцип детерминизма «предполагает всесторонность, глубину познания, требуя ориентации мышления на учет всеобщих и причинно-следственных связей, в рамках которых происходит взаимодей-

ствие интересующего нас развивающегося объекта с другими объектами» [416, с. 482]. «Диалектическая логика настаивает при этом на взаимосвязи и неразрывности в процессах мышления анализа и синтеза, индуктивных и дедуктивных умозаключений, рассматривая их не как разнородные отдельные акты мышления, а как аспекты, стороны развития мысли» [416, с. 485].

Познавая финансы, мы обращаемся также к теории самоорганизации, или синергетике, фокусирующей внимание на процессах неустойчивости, состояниях динамического хаоса, влекущих ту или иную организацию [384, с. 10]. Она наследует и развивает междисциплинарные подходы своих предшественниц: тектологии А. И. Богданова, теории систем Л. фон Берта-ланфи, кибернетики Н. Винера [70, с. 9].

В работе с нормативным материалом на первый план у нас выходит формально-юридический метод — «система подходов, принципов и приемов познания, используемых при изучении различных характеристик (свойств) правовых категорий, исходя из их места в структуре правовой действительности, выполняемых данными категориями задач/функций, а также их взаимодействия с иными правовыми явлениями и процессами в условиях, максимально исключающих воздействие на исследование иных (неправовых) факторов» [217, с. 23–24].

Теория частноправового регулирования финансов является базовой системой научных знаний, подразумевающей ее развитие. К примеру, она имеет потенциал развертывания по секторам или отдельным видам финансовых услуг. Ее можно углублять, отыскивая особенности частноправового регулирования финансов по субъектам (личные, корпоративные и др.) либо по отраслям экономики (финансы промышленности, сельского хозяйства и т. д.).

Результаты представленного исследования создают основания для критического переосмысления отдельных положений цивилистики и науки финансового права, что, на наш взгляд, способствует прогрессу юридических знаний. Кроме того, мы предполагаем формирование новой частноправовой научной дисциплины, именуемой «финансовая цивилистика».

Построение теории частноправового регулирования финансов не обязывает к проектированию норм права. Однако мы не ограничиваемся теоретическими решениями и предлагаем некоторые меры по совершенствованию законодательства, в том числе конкретные правила. В частности, считаем возможным систематизировать финансовое частное законодательство путем рекодификации Гражданского кодекса Республики Беларусь [624] (далее — ГК Беларуси) и кодификации нормативных правовых актов о финансовых услугах.

Наконец, рассматриваемая теория может найти отражение в материале ряда учебных дисциплин: «Гражданское право», «Финансовое право», «Хозяйственное право», «Банковское право». Вместе с тем мы верим, что финансовая цивилистика приобретет академическое значение и получит самостоятельное место в учебном плане белорусских юридических вузов.

ПОНЯТИЕ ФИНАНСОВ

1.1. Развитие учения о финансах

История учения о финансах насчитывает не одно столетие. По наблюдению С. В. Запольского, «им посвящены тысячи исследований ученых всего мира, всех школ, направлений и отраслей науки. И вместе с тем существо финансов остается неразгаданной тайной и продолжает волновать многие ученые умы» [162, с. 6].

«Познание... — как пишет Г. В. Ф. Гегель, — всегда движется от известного к неизвестному» [96, с. 246], потому изыскания мы начинаем с обобщения наличного понятийного знания финансов. Основной материал для этого накоплен в экономической науке и правоведении.

Финансовая экономическая наука Российской империи восходит к «Опыту теории налогов» (1818 г.) Н. И. Тургенева, который назвал ее «наукою Государственного Хозяйства» [409, с. VIII]. Согласно И. Я. Горлову, «такое хозяйство правительства составляет финансовое управление. Наука, рассуждающая об оном... есть теория финансов» [116, с. 4]. Концепция государственного хозяйства получила поддержку в работах И. Шилля [483, с. 37] К. Рау [334, с. 1], И. И. Янжула [496, с. 10], А. А. Никитского [288, с. 7], К. фон Эберга [488, с. 8], И. Х. Озерова [304, с. 16] и господствовала в российской (советской) экономической доктрине до 40-х гг. прошлого столетия.

В первые десятилетия советской финансовой науки мы наблюдаем преемственность взглядов дореволюционных экономистов. Так, Ф. А. Меньков, обозначая государственное хозяйство предметом данной науки, подразумевает деятельность государства, направленную на приобретение, управление и расходование материальных благ и личных услуг, необходимых для удовлетворения государственных нужд и потребностей [268, с. 1]. М. Н. Соболев, рассуждая о финансах, просто указывает, что «мы должны понимать под этим словом государственное хозяйство, государственные средства» [366, с. 5].

Материальное восприятие финансов постоянно сопровождает теорию государственного хозяйства. А. П. Шипов видит в них «те денежные средства государственной казны, которыми правительство достигает возможности удовлетворять всем государственным потребностям» [484, с. 5]. В техническом смысле И. И. Янжул понимает под финансами «исключительно совокупность материальных средств, необходимых для удовлетворения потребностей государства» [496, с. 11]. А. И. Буковецкий определяет финансовое хозяйство через «совокупность материальных ресурсов, которыми располагает публично-правовой союз для удовлетворения коллективных потребностей своих сочленов» [71, с. 5].

С 50-х гг. XX в. и, пожалуй, по настоящее время в отечественной финансовой науке преобладает теория экономических (денежных) отношений.

«Финансы социалистического общества — экономические отношения, выражающиеся в планомерном образовании и использовании фондов денежных средств в народном хозяйстве...» [7, с. 11]. Данную формулировку предложил А. М. Александров, хотя в более ранних его работах финансы представляли собой не отношения, а денежные ресурсы государства [6, с. 38; 8, с. 31]. Через экономические отношения объясняют финансы А. В. Багурин [440, с. 22], Г. М. Точильников [405, с. 59], С. В. Бородин [59, с. 14–15] и др.¹

Член-корреспондент Академии наук СССР В. П. Дьяченко подчеркивает денежную форму вышеупомянутых отношений: «Финансы социалистического государства есть система денежных отношений, на основе которых через плановое распределение доходов и накоплений обеспечивается образование и использование централизованных и децентрализованных фондов денежных ресурсов государства в соответствии с его функциями и задачами» [154, с. 68–69]. Подобной позиции придерживаются Д. А. Аллахвердян [443, с. 12], К. Н. Плотников [320, с. 4], Э. А. Вознесенский [84, с. 76], В. Г. Чантладзе [468, с. 284], А. Ю. Казак [438, с. 119].

Терминологическое различие в приведенной характеристике отношений считаем непринципиальным, так как экономические отношения, выражающиеся в образовании и использовании денежных фондов, являются денежными.

В современной экономической науке теоретические воззрения на сущность финансов остаются преимущественно в поле тех же отношений. Авторы расходятся лишь в понимании свойств последних.

¹ См.: *Богачевский М. Б.* Финансы и кредит СССР. М., 1964. С. 21; *Бирман А. М.* Очерки теории советских финансов. Сущность и функции финансов. М., 1968. С. 8; *Финансы СССР: учебник / И. Д. Злобин [и др.].* 2-е изд., перераб. и доп. М., 1971. С. 17; *Финансы и кредит СССР / М. М. Алексеев [и др.].* 2-е изд., перераб. и доп. Львов, 1987. С. 61; *Финансы и кредит СССР / Е. В. Коломин [и др.].* 2-е изд., перераб. и доп. М., 1989. С. 20; *Общая теория финансов: учебник / Л. А. Дробозина [и др.]; под ред. Л. А. Дробозиной.* М., 1995. С. 8.

Так, Б. М. Сабанти усматривает в финансах отношения «по поводу формирования и использования фондов...» [349, с. 9]. С ним солидарны С. И. Берлин [52, с. 4], П. И. Вахрин [77, с. 14], Ф. Г. Юсифов [445, с. 54] и др.¹ С точки зрения В. П. Литовченко, финансовые отношения связаны не только с формированием и использованием, но и распределением денежных фондов [432, с. 17]. Распределительное качество данных отношений подчеркивают Н. Е. Заяц [398, с. 18], С. А. Белозеров [47, с. 28], Н. Ф. Самсонов [446, с. 6] и др.²

Некоторые экономисты новейшего периода отождествляют финансы и денежные средства [460, с. 32], но большинство авторов такое уравнение отрицают. Л. А. Дробозина, например, целевые фонды денежных средств называет финансами только по их материальному содержанию [301, с. 10]. Аналогичную позицию занимает П. Н. Шуляк, добавляя, что «финансовые ресурсы сами по себе не определяют сущности финансов» [435, с. 10]. Эти ресурсы, отмечает О. Б. Иванова, выступают лишь «материальным носителем финансовых отношений» [168, с. 28].

В экономической литературе присутствуют и другие интерпретации финансов. Согласно Н. И. Берзону, «финансы — это наука о том, как формируются и расходуются фонды денежных средств в течение определенного периода времени» [434, с. 15]. По мнению С. П. Захарченкова, «финансы, проявляясь в форме денежных отношений, по своей сути представляют собой целенаправленное движение меновой стоимости капитала в денежном измерении, которое имеет знакопеременный во времени характер» [163, с. 51]. «Финансы, — пишет В. Н. Горелик, — это система движения денег» [115, с. 145]. Похожую дефиницию дает Н. Л. Полтораднева: «Финансы — это целенаправленное движение денег с учетом факторов времени и риска, образующее фонды денежных средств и/или обязательства» [325, с. 48]. Заметим, еще А. П. Гокиели (1957) видел в финансах форму

¹ См.: Гапоненко В. Ф., Браткова О. В. Финансы и кредит. М., 2008. С. 18 ; Бочаров В. В., Леонтьев В. Е., Радковская Н. П. Финансы. СПб., 2009. С. 13–14 ; Колтакова Г. М. Финансы, денежное обращение, кредит : учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 160 ; Финансы : учебник / Л. А. Чалдаева [и др.] ; под ред. Л. А. Чалдаевой. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. С. 18.

² См.: Финансы. Денежное обращение. Кредит / Г. Б. Поляк [и др.]. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 61 ; Финансы и кредит / М. Л. Дьяконова [и др.]. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 117 ; Артемьева С. С., Митрохин В. В., Чугунов В. И. Финансы, денежное обращение, кредит. М., 2008. С. 10 ; Нешитой А. С. Финансы, денежное обращение и кредит : учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 14 ; Финансы : учеб. пособие / О. В. Малиновская [и др.]. М., 2012. С. 12 ; Финансы : учебник / А. М. Ковалева [и др.] ; под ред. А. М. Ковалевой. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 11 ; Финансы : учебник / С. А. Белозеров [и др.] ; под ред. В. В. Ковалева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2014. С. 17.

движения денежных ресурсов [110, с. 9]. Н. М. Сабитова полагает, что финансы можно было бы рассматривать «как доходы или капитал, вовлекаемый в оборот с использованием финансовых инструментов, направляемый на реализацию целей финансовой политики» [350, с. 61].

Экономические взгляды приводят нас к выводу о публичном характере финансов. Доктрина государственного хозяйства обнаруживает публичность по определению. В советской науке она вызвана конституционным господством социалистической системы хозяйства и социалистической собственности. Как объясняет Б. М. Сабанти, «в советское время — время превалирования общегосударственной собственности понятия “финансы” и “государственные финансы” означали одну и ту же группу отношений» [427, с. 10].

В постсоветской теории экономических (денежных) отношений усматривается преемственность суждений о публичной природе финансов. А. Ю. Казак обуславливает ее фактом существования государства и необходимостью выполнения последним своих функций, что проявляется в государственно-властной форме соответствующих денежных отношений [438, с. 119]. По Л. А. Дробозиной, формирование, распределение и использование денежных фондов, в процессе которых возникают финансы, осуществляется в целях выполнения функций и задач государства [301, с. 8]. А В. П. Литовченко предмет финансовой науки прямо называет государственными финансами [432, с. 11].

Таким образом, отечественная экономическая наука представляет финансы как публичные экономические отношения, возникающие в процессе формирования (распределения) и использования денежных фондов. Хрестоматийным подтверждением найденной абстракции выступает тезис В. Ф. Гапоненко: «Финансы — это экономическая категория, а любая экономическая категория выражает определенные экономические отношения» [94, с. 9].

История финансового правоведения свидетельствует о существенной рецепции экономического понятия финансов юридической наукой.

До начала 50-х гг. XX в. **финансово-правовая наука** развивалась на основе теории государственного хозяйства с материальным акцентом в понимании финансов. В издании Ржондковского «Финансовое право для юристов» (1861) ими названы «вещественные средства, нужные для деятельности государства» [336, с. 3]. Согласно И. Т. Тарасову, «особые свойства государственного хозяйства послужили основанием тому, что хозяйство это, обособившись, получило техническое название финансов» [393, с. 3]. Подобным образом размышляли И. И. Патлаевский [310, с. 2] и Д. М. Львов [248, с. 2]. С точки зрения В. А. Лебедева, под финансами необходимо понимать «не только государственные доходы или денежные средства, но вообще все материальные и личные средства, какие государственная и общественная власть имеет в своем распоряжении для удовлетворения потребностей общества» [226, с. 5].

В советском финансовом праве середины XX в. мы еще наблюдаем материальный подход. По мнению Н. Н. Ровинского, государственные финансы являют собой «денежные средства, предназначенные для удовлетворения потребностей, связанных с выполнением функций государства» [426, с. 5]. М. А. Гурвич определяет их как «фонд денежных средств, мобилизуемых социалистическим государством и используемых на цели расширенного социалистического воспроизводства» [132, с. 4].

Материальная интерпретация финансов обнаруживает себя и в наше время. По Г. Г. Пиликину, «финансы в финансово-правовом смысле — это объективно определенная совокупность денежных средств и иных денежных инструментов, обладающих ликвидностью, выраженных в национальной валюте (при необходимости и в иностранных валютах) в различных формах (наличные, безналичные, электронные, на счетах, во вкладах, ценных бумагах и др.), поступивших или могущих поступить в обращение в установленном порядке, отражающих реальное экономическое положение страны и оценку объектов национального богатства, находящихся в собственности или на основе вещного права в распоряжении граждан, организаций, публично-правовых образований и государства по состоянию на определенный временной период и подпадающих под юрисдикцию Российской Федерации» [316, с. 98].

С 50-х гг. XX в. и по настоящее время в основе юридического понятия финансов лежит теория экономических (денежных) отношений с постепенным выделением материального содержания (аспекта, смысла) исследуемого феномена.

На взгляд Е. А. Ровинского, финансы выражают «систему экономических отношений, посредством которых планомерно образуются и используются фонды денежных средств для нужд расширенного воспроизводства и удовлетворения других общественных потребностей» [338, с. 4]. Его позицию разделяют Э. А. Вознесенский [83, с. 54], Л. К. Воронова [86, с. 4], Т. М. Осипова [307, с. 17], А. А. Жданов [158, с. 4], А. Ю. Анишин [17, с. 25].

Однако изучение центральной терминологии финансово-правовой науки свидетельствует о преобладании в ней двойственного подхода. Уже в советской юриспруденции данный термин употреблялся в двух смыслах: «1) финансы как экономическая категория; 2) финансы в материальном смысле этого слова» [376, с. 3].

«Как экономическая категория, — полагает О. Н. Горбунова, — финансы представляют собой совокупность экономических отношений, образующихся в процессе формирования, распределения и использования денежных фондов. По своему материальному содержанию финансы государства и органов местного самоуправления представляют собой фонды денежных средств» [421, с. 6]. Выделение в финансах материального содержания вместе с упомянутыми отношениями мы наблюдаем в работах

Н. Д. Эриашвили [491, с. 6], Ю. А. Крохиной [213, с. 17], Н. И. Химичевой [420, с. 20–21] и др.¹

В белорусской науке финансового права имеет место та же картина теоретических воззрений (отношения, денежные фонды и двойственный подход). По мнению А. А. Пилипенко, «финансы представляют собой совокупность денежных отношений, возникающих в процессе формирования, распределения и использования централизованных и децентрализованных фондов денежных средств в целях выполнения функций и задач государства и обеспечения условий расширенного воспроизводства» [317, с. 14]. Согласно Л. А. Ханкевичу, «под финансами для целей юриспруденции следует понимать имеющие фондовую форму денежные средства и активы, собственниками которых являются государство, административно-территориальные образования (единицы), субъекты хозяйствования» [457, с. 32]. У Г. А. Воробья финансы раскрываются в двух аспектах:

1) совокупность экономических отношений, возникающих в процессе создания, распределения и использования денежных средств, необходимых государству;

2) совокупность фондов денежных средств, мобилизованных государством для выполнения своих функций и задач [85, с. 9].

Понятие финансов в юриспруденции было предопределено экономической наукой. Вместе с теорией экономических (денежных) отношений правоведение восприняло их публичное свойство. В связи с этим А. А. Тедеев заметил, что «в юридической литературе под финансами понимаются только собственно публичные финансы» [396, с. 18]. По А. И. Худякову, именно публичные финансы образуют предмет финансового права, потому оно есть право публичное [465, с. 12; 464, с. 6]. Подобным образом рассуждают П. С. Пацуркивский [311, с. 19] и А. Т. Ковальчук [198, с. 35].

Белорусские авторы тоже признают публичную природу финансовых отношений. А. А. Пилипенко естественным их атрибутом считает государственную регламентацию и обязательное участие государства [317, с. 13]. С точки зрения Л. А. Ханкевича, «финансы всегда имеют публичный характер» [457, с. 32].

Изложенную доктрину финансов Н. М. Казанцев называет фондовой. Отмечая ее методологическую незавершенность, он предлагает иное, но не противоречащее фондовой концепции видение финансов: «Формы,

¹ См.: *Ивлиева М. Ф.* Категории «финансы» и «финансовая деятельность государства» в науке финансового права // Государство и право. 2004. № 7. С. 22; *Шурилов В. М.* Международное финансовое право. М., 2005. С. 23; *Сисаури В. В.* Финансы как объект правового регулирования // Финансовое право. 2005. № 3. С. 5; *Мальцев В. А.* Финансовое право. 3-е изд., испр. и доп. М., 2008. С. 5; *Павлов П. В.* Финансовое право. 4-е изд., испр. М., 2009. С. 12.

правила и отношения создания, оплаты, обмена, обращения, накопления и реализации прав в денежном выражении в различных конкретных объемах» [423, с. 29].

Таким образом, юриспруденция понимает финансы как публичные экономические отношения, возникающие в процессе формирования (распределения) и использования денежных фондов, составляющих материальное содержание данного феномена. Легальная дефиниция термина «финансы» в законодательстве Республики Беларусь и других участников Содружества Независимых Государств отсутствует. Тем не менее в практике правотворчества нормативное подтверждение полученной нами абстракции можно найти.

В Законе Республики Таджикистан от 28 июня 2011 г. «О государственных финансах Республики Таджикистан» [654] они являют собой «совокупность денежных отношений, связанных с образованием, распределением и использованием фондов, аккумулируемых денежных средств и других финансовых ресурсов...» (ст. 2). Межпарламентская ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств, приняв 8 декабря 1998 г. модельный закон «Об общих принципах организации местных финансов» [766], квалифицирует их через «совокупность денежных средств, формируемых и используемых для решения вопросов местного значения» (ст. 1).

Синтезируя результаты обобщения понятийного знания финансов в экономической науке и правоведении, мы выделяем **два сущностных постулата**:

- 1) финансы — экономические (денежные) отношения;
- 2) финансы — публичный феномен.

Они проявляют сущность финансов, заданную нам в известном. Мы либо принимаем ее, либо отклоняем и делаем научную «перезагрузку», предполагая иную суть феномена (пока скрытую в неизвестном). Ведь любой объект всегда богаче наличного знания о нем [418, с. 466]. За помощью в принятии обоснованного решения обратимся к философии науки.

Английский философ И. Лакатос в произведении «История науки и ее рациональные реконструкции» (1973) предложил теорию научно-исследовательских программ, объясняющую научные революции их сменой. Исследовательская программа, по его мнению, «включает в себя конвенционально принятое... “жесткое ядро”» [221, с. 217]. Современная финансовая наука в этом смысле детерминирована научно-исследовательской программой, «жесткое ядро» которой образуют выделенные нами постулаты.

В известной работе другого постпозитивиста Т. Куна «Структура научных революций» (1962) введено понятие «нормальная наука», означающее «исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений... которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности» [220, с. 28]. Такие достижения Т. Кун именует

«парадигмами». Указанные нами постулаты составляют парадигму финансовой «нормальной науки».

Если данная научно-исследовательская программа, или «нормальная наука», не позволяет удовлетворительно объяснить явления, оказавшиеся в поле научного внимания, она переходит в состояние кризиса, предполагающего поиск новой парадигмы. «Формирование новой парадигмы начинается, когда возникают проблемы, или, как их называет Кун, аномалии, разрешить и объяснить которые не представляется возможным в рамках существующей парадигмы. Кризис смены парадигмы завершается научной революцией и возникновением новой парадигмы, которая качественно несоизмерима со старой, хотя и может частично сохранять признаки предыдущей» [485, с. 62].

Отечественная финансовая наука не свободна от аномалий Куна. По наблюдению С. В. Запольского, «с одной стороны, мы говорим о том, что финансы — это отношения, и одновременно употребляем понятие “финансовые отношения”» [162, с. 9]. По логике определения финансовые отношения есть отношения (родовой термин), относящиеся к финансам (видовое отличие), т. е. экономические (денежные) отношения, или те же финансы. М. В. Карасева в этой части отметила, что «понятия “финансы” и “финансовые отношения” в науке принято считать идентичными» [425, с. 17]. «Термин “финансы”, — пишет В. А. Галанов, — есть просто сокращенное название финансовых отношений» [91, с. 23]. Но тогда мы приходим к порочному логическому кругу: финансы — это отношения, относящиеся к финансам. Объяснением показанной аномалии в финансовой науке выступает конвенция (консенсус участников научного общения). Иначе говоря, так принято считать в науке о финансах.

Другая проблема, свидетельствующая о кризисе «нормальной науки», связана с постулатом публичной природы финансов. При таком понятии любое частное (непубличное) явление квалифицируется как «нефинансы». Но это входит в противоречие с существованием феномена частных финансов. К тому же различные гражданско-правовые обязательства, поименованные с использованием производных от термина «финансы» (например, финансовая аренда), публичности не предполагают.

Так, Г. А. Тосунян и А. Ю. Викулин, предлагая концепцию «нового финансового права», считают необходимым «признать верность утверждения о существовании не только государственных, но и частных финансов. В противном случае будет невозможно объяснить порядок словоупотребления и понятийный аппарат, используемый действующим российским законодательством, в котором прилагательное “финансовый” лишено признака государственности» [404, с. 8].

По П. М. Годме, к частным финансам относятся «такие ценности, как деньги, денежные обязательства и т. д., принадлежащие отдельным лицам

и частным объединениям» [107, с. 41]. О. Н. Горбунова связывает частные финансы с рыночной экономикой и видит в них денежные фонды организаций различных форм собственности [419, с. 20]. Для А. И. Худякова частными являются финансы банков, страховых компаний и всех любых негосударственных организаций [464, с. 6]. А. А. Пилипенко выделяет децентрализованные (частные) финансы по субъекту, осуществляющему формирование (аккумуляцию) денежных фондов [317, с. 14].

Любое научное сообщество, обнаружив проблему, решает ее с позиции принятой им парадигмы. Т. Кун называет это наведением порядка [220, с. 45]. Финансовая «нормальная наука», признавая частные финансы и пытаясь объяснить данный феномен на основе собственной традиции, тоже стремится сохранить свой научный порядок.

Некоторые авторы просто увеличивают объем понятия за счет денежных фондов частных лиц, предлагая дефиницию финансов в широком смысле [137, с. 3; 135, с. 18]. Как пишет М. В. Романовский, «наряду с государственными финансами существуют децентрализованные финансы. <...> Все эти относительно самостоятельные сферы можно объединить одним общим понятием “финансы” в широком смысле слова, имея в виду более широкую трактовку их содержания, чем государственные финансы» [437, с. 24]. К. С. Бельский государственные и частные финансы объединяет в понятие «финансы страны» [424, с. 11]. Но в большинстве случаев мы наблюдаем искусственную конвергенцию публичных и частных финансов по различным признакам.

На взгляд Е. М. Ашмариной, финансовая деятельность государства имеет два направления, одно из которых заключается в создании «оптимальных условий, побуждающих в нужном для государства направлении к образованию, распределению и использованию децентрализованных денежных фондов, способствующих обеспечению бесперебойного функционирования государства...» [29, с. 86]. А. А. Пилипенко в этом смысле презюмирует двухаспектный процесс регулирования финансов: «Если в отношении формирования централизованных финансов государство императивно-принудительно обеспечивает свои доходы, то в отношении децентрализованных финансов речь идет об оптимально-побудительном регулировании с целью создания наиболее выгодных условий для осуществления хозяйственной деятельности» [317, с. 18–19]. Такое решение сближает публичные и частные финансы в объекте государственного регулирования (влияния).

В другом случае конвергенции частным финансам придается публичность через расширение содержания последней. Например, Г. А. Тосунян и А. Ю. Викулин понимают под публичностью «не только властный, но и еще общественно значимый, общесоциальный характер складывающихся отношений» [404, с. 10].

Полагаем, научно-исследовательская программа отечественной финансовой науки с ее «жестким ядром», или парадигмой, не в состоянии убедительно объяснять феномены, порождаемые социально-экономическими изменениями постсоветского периода. Такую ситуацию И. Лакатос характеризует отставанием теоретического роста от эмпирического [221, с. 220]. В связи с этим мы констатируем кризис финансовой «нормальной науки».

В литературе уже имеется новая интерпретация финансовых теорий. Согласно В. В. Ковалеву, к концу XIX в. сформировалась классическая теория финансов — «свод административных и хозяйственных знаний по ведению финансов государства и публичных союзов» [431, с. 28]. А с середины XX в. получила развитие неоклассическая теория, представляющая собой «систему знаний об организации и управлении финансовой триадой: ресурсы, отношения, рынки» [431, с. 30]. М. М. Ковалев, рассматривая тот же вопрос, пришел к выводу, что теория государственных финансов в XX в. стала теорией рынков капитала [197, с. 7]. Но еще И. Я. Горлов (1845) отмечал, что теория финансов, «занимаясь публичным хозяйством, должна необходимо открывать начала, которые господствуют в хозяйстве частном. Государственная и частная экономии, при всей разнице, имеют нечто общее. Они обе имеют предметом имущество, обе находятся в одинаковой необходимости уравнивать доходы с расходами, заботиться о постоянстве доходов, щадить капитал, из коего получают доходы, отличать чистый и грубый доход, употреблять бережливость, вести счета и ведомости» [116, с. 5].

Таким образом, результаты обобщения понятийного знания финансов в экономической науке и правоведении, а также анализ выделенных постулатов дают нам основания для научного переосмысления сущности финансов и поиска новой парадигмы.

1.2. Сущность финансов

Исследуемый феномен представлен термином «финансы», потому что источником его познания выступает прежде всего семантическое значение слова. В изложении Л. Витгенштейна «значение слова есть способ его употребления. Ибо этот способ и есть то, что мы усваиваем, когда данное слово впервые входит в наш язык» [82, с. 331]. Понимание способа употребления термина требует семантической реконструкции, а в таком деле, по утверждению О. Н. Трубачева, нельзя обойтись без этимологии [408, с. 124].

Первый энциклопедист Средневековья епископ И. Севильский определяет этимологию как «происхождение слов, когда значение (*vis*) глагола или имени получается через истолкование [его происхождения]. <...> Знание этимологии необходимо для истолкования [смысла], ибо когда

ты видишь, откуда произошло имя, ты еще лучше понимаешь его смысл» [359, с. 39].

По этимологическому словарю русского языка М. Фасмера, слово «финансы» произошло от французского *finances*, производного от *finer* — ‘оплачивать’ и среднелатинского *finantia* — ‘завершение, приказ о выплате’ [413, с. 195]. В историко-этимологическом словаре современного русского языка П. Я. Черных показано такое же (*finances*) происхождение, хотя *finer* раскрыто несколько иначе — ‘кончать (денежные дела, денежные расчеты) > платить’ [472, с. 314].

Так как русское слово «финансы» — это непосредственное заимствование французского *finances*, а не *finer*, для выявления начального значения термина нужно найти способ употребления *finances* во французском языке к XIX в., когда слово «финансы» стало входить в общее употребление в русском языке.

В словаре Французской академии 1694 г. *finance* означает наличные деньги (*argent comptant*), а во множественном числе (*finances*) — казну короля для обеспечения расходов его двора и государства [525, с. 459–460]. В пятом издании того же словаря (1814) способ употребления *finances* не изменился («FINANCES, au pluriel, signifie Le tresor du Roi, pour les depenses de sa Maison et de l’Etat») [527, с. 594].

Таким образом, термин «финансы» появился в русском языке путем рецепции французского *finances* и обозначал государственную казну. Он постепенно вытеснял из научного и официального оборота слово «казна», пришедшее из арабского («хазана») [199, с. 8]. В то же время финансы — это порождение эпохи меркантилизма, когда экономическая наука, получившая благодаря А. де Монкретьену наименование «политическая экономия» (1615), воспринималась как «наука о государственном хозяйстве или экономике национальных государств, управляемых монархами» [495, с. 73]. По этой причине в научном употреблении термин «финансы» обозначал государственное хозяйство, его доходы и расходы. Последующее развитие центрального понятия отечественной финансовой науки нам уже известно.

Оксфордский словарь русского языка (2007) лексическим соответствием русскому «финансы» приводит английское *finance/s* [428, с. 542], корни которого идут к французскому *finer* [524, с. 102].

В Королевском словаре 1715 г. английское *finance/s* обозначает наличные деньги, а также казну и доходы короля [530, с. FIR]. В словаре Т. Шеридана 1789 г. оно имеет значение прибыли и доходов, в том числе государственных («Revenue, income, profit») [526, с. FIN]. Как видим, способ употребления термина *finance/s* не ограничивается государственной казной и ее доходами. К тому же с начала XIX в. в англоязычных документах мы находим выражение *private finance* (частные финансы) [578, с. 44]. Впро-

чем, словосочетание, которое подразумевает наличие частных финансов, а именно *public finance* (публичные финансы), использовалось еще раньше [603, с. 418].

Современные западные энциклопедии определяют искомый термин по-другому. В Британике (2002) он выражает «процесс формирования денежных фондов и капитала для обеспечения всевозможных расходов» (перевод авт. — С. П.) [529, с. 779], в Американе (1995) — «процесс обеспечения денежных фондов для экономической деятельности» (перевод авт. — С. П.) [555, с. 210].

Специальные зарубежные источники предлагают иные интерпретации финансов, в частности представляют их либо как науку управления деньгами [579, с. 1]; либо раздел экономики, изучающий денежную форму капитала [500, с. 7]; либо учение о способах использования активов и получения фондов для максимизации богатства [528, с. 117]; либо область знаний о денежных потоках [509, с. 4].

Таким образом, понимание финансов в западной традиции существенно выходит за пределы публичного. В литературе выделяются «частные финансы, включающие личную, деловую или корпоративную финансовую деятельность для удовлетворения потребностей, и публичные финансы, относящиеся к доходам и расходам правительства» (перевод авт. — С. П.) [579, с. 3]. При этом наиболее крупные достижения в мировой финансовой науке с середины XX в. относятся к области частных финансов. «В то время значительный шаг вперед был сделан в понимании индивидуальных и корпоративных финансовых решений, а также их последствий...» (перевод авт. — С. П.) [538, с. IX]. Г. Марковиц, У. Шарп и Д. Тобин объяснили, как индивидуумы принимают инвестиционные решения. М. Миллер и Ф. Модильяни показали влияние структуры капитала компании на ее оценку. Р. Мертон и М. Шоулз разработали концепцию определения стоимости производных ценных бумаг. За вклад в финансовую теорию экономики каждый из них получил Нобелевскую премию [538, с. X].

Анализируя семантику термина, можно найти признаки, образующие содержание понятия, обремененного в этот термин.

Очевидно, что в финансах присутствует субъект, формирующий (распределяющий) и использующий денежные фонды, или субъект общественных отношений. Экономисты называют таких социальных субъектов экономическими агентами (домашние хозяйства, бизнес, государство), а юристы — субъектами права. Этот признак характеризует онтологию финансов, бытие которых возможно только в социальной реальности.

Будучи идеальным объектом, финансы не обладают пространственной мерностью и местоположением, потому существуют исключительно во времени. «Явление, как нечто существующее в пространстве, есть вещь. Явление, как нечто существующее во времени, есть процесс» [191, с. 505]. Сле-

довательно, финансы по своей сути есть процесс¹. Заметим, еще Э. Н. Берендтс (1914) предмет финансовой науки раскрывал через «экономический процесс...» [50, с. 9].

В теории государственного хозяйства искомый процесс представляет собой поступление доходов в казну и ее расходование, а в современном учении о финансах — формирование (распределение) и использование денежных фондов. Но общенаучное понятие исследуемого феномена требует предельной абстракции, поэтому мы предполагаем более отвлеченный процесс, в основе которого лежит прибывание (убывание) денег, или денежный поток (англ. *cash flow*).

В соответствии с п. 6 Международного стандарта финансовой отчетности (IAS) 7 «Отчет о движении денежных средств» (прил. 3 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 19 августа 2016 г. № 657/20 [715]) «денежные потоки представляют собой притоки и оттоки денежных средств и их эквивалентов». Согласно Энциклопедии финансов (США, 2006 г.) «денежные потоки имеют своим предметом фактическое поступление денег фирме или их выбытие» (перевод авт. — С. П.) [513, с. 53]. В литературе есть несколько иное видение денежного потока, когда он понимается как разность между поступлением и выбытием денег [590, с. 32; 519, с. 314], но приведенное отношение обычно именуют чистым денежным потоком (англ. *net cash flow*) [497, с. 15; 607, с. 126].

В нашем исследовании выражение «денежный поток» мы употребляем в значении прибывания или убывания денег. При таком общем разумении мы не ограничиваем область его применения корпоративными финансами, где оно в основном используется, а прилагаем ко всем субъектам, в том числе к государству и физическим лицам.

Денежный поток не следует отождествлять с движением в пространстве. Прибывание (убывание) денег существует только во времени и выражается в изменении количества. Аристотель называет количеством «то, что делимо на составные части... Всякое количество есть множество, если оно счислимо, а величина — если измеримо. <...> Из всех этих количеств ограниченное множество есть число...» [22, с. 164]. В данном смысле (суммы составных частей) деньги всегда выступают ограниченным множеством (числом) соответствующих величин (например, рублей). Еще в XVIII в. Л. Эйлер писал: «Сумма денег есть количество, ибо к оной придать и от оной убавить можно» [489, с. 1]. С прибыванием денег социальному субъекту и их убыванием число денежных величин (количество денег) у него изменяется, и тем самым денежный поток находит свое внешнее выражение.

¹ Следует оговориться, что во времени существуют и объекты материального мира, однако, обладая пространственными свойствами, они представляют собой не процесс, а вещи в процессе (развития).

Денежный поток может быть связан с изменением ценности денежной величины, которая в ограниченном множестве (числом себя) образует количество денег. К примеру, в результате обесценивания денег (инфляции) на 10 % начальная денежная сумма в 100 рублей уменьшается на 10 тех же рублей, хотя номинально остается равной 100 обесцененным рублям. Подобные изменения количества денег относятся к скрытым денежным потокам.

Финансы имеют бытие в любой момент настоящего. Если допустить обратное, то придется признать их отсутствие вообще, так как бытие идентифицируется только в настоящем (теперь, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет). Но бытие финансов не сводится исключительно к фактическим денежным потокам. Применяя онтологию Аристотеля, мы различаем бытие в действительности и в возможности [272, с. 9]. Так, если в момент «теперь» мы фиксируем фактический денежный поток, то говорим о бытии финансов в действительности, а если потока нет, но он возможен в будущем, то отмечаем бытие финансов в возможности. Другими словами, финансы будут всегда, пока сохраняется возможность денежного потока. В связи с этим считаем необходимым разделять денежные потоки на действительные и возможные. В процессе своего осуществления возможные потоки становятся действительными. По признаку прибывания (убывания) денег действительные и возможные потоки делятся на положительные и отрицательные.

Таким образом, содержание финансов образуют денежные потоки социального субъекта. Но это содержание онтологическое, позволяющее финансам непрерывно быть во времени. Вместе с тем мы разделяем бытие финансов и их существование, поскольку последнее есть лишь бытие в действительности. Следовательно, объем экзистенциального содержания финансов меньше онтологического: возможные денежные потоки в него не входят.

Определив содержательные признаки финансов, можно синтезировать их в систему и познать сущность феномена. Под системой мы понимаем «общую целостность, организованную посредством взаимоотношений между элементами, действиями или индивидами», как это предложено Э. Мореном [279, с. 133]. Необходимыми частями моделируемой системы являются социальный субъект, деньги и денежные потоки, организованные в целое (финансы) в своих взаимоотношениях.

Начальное (опорное) отношение в искомой системе имеет вид «социальный субъект — деньги» и представляет собой перманентное состояние принадлежности денег (числа денежных величин) данному субъекту. При отсутствии денег их количество принимается за нуль. «Оттого что нуль есть отрицание всякого определенного количества, он не лишен содержания...» [490, с. 208].

Следующее внутрисистемное отношение выражается во взаимодействии «деньги — денежные потоки»: положительный поток увеличивает количество денег, а отрицательный — уменьшает. Но это происходит при осуществлении потока, когда он становится действительным. Стало быть, здесь мы имеем дело с развернутым отношением «положительный действительный денежный поток — деньги — отрицательный действительный денежный поток».

Аналогичным образом мы раскладываем и другое отношение — «социальный субъект — денежные потоки». Эта взаимосвязь ограничивается лишь возможностью потоков для субъекта, т. е. упомянутое отношение предстает как «положительный возможный денежный поток — социальный субъект — отрицательный возможный денежный поток». Возможность потока существует всегда, оттого субъект пребывает в указанном отношении постоянно.

В итоге организация простейшей системы «финансы» имеет следующий условный вид (рис. 1.1¹).

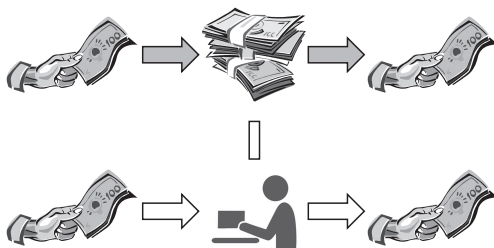

Рис. 1.1. Организация системы «финансы»

Финансы есть процесс, поэтому наша система обладает имманентным ей динамическим состоянием, которое проявляется в совокупности отношений «социальный субъект — деньги» и «социальный субъект — денежные потоки». Мы называем его монетарным состоянием социального субъекта.

Монетарное состояние в любой момент должно быть определенным, иначе мы не сможем установить его изменение. Но если отношение «социальный субъект — деньги» всегда имеет количественную определенность, то в отношении «социальный субъект — денежные потоки» она присутствует лишь тогда, когда возможный поток подлежит осуществлению в известном количестве, например в силу социальных норм. В рассуждении сего мы выделяем потоки положенные, которые, имея на то основания в своей возможности, должны осуществиться в заданном количестве. Отрицательный положенный поток именуется денежным долгом социального субъекта,

¹ Разработка автора.

а положительный — его денежным требованием. При их отсутствии количество положенного потока (долга, требования) принимается нами за нуль.

Номинальное количество денежных долгов и требований выражается в будущих деньгах, потому представляет собой их будущую ценность (англ. *future value*). В то же время долги и требования имеют и текущую ценность (англ. *present value*), которая показывает их количество в текущих деньгах. «Процесс определения текущей ценности будущих обязательств еще называют дисконтированием. Текущая ценность будущей денежной суммы всегда меньше номинала этой суммы, поэтому, чтобы получить текущую ценность, нужно дисконтировать будущую ценность» (перевод авт. — С. П.) [567, с. 18]. Реальное количество (текущая ценность) долгов и требований с течением времени обычно увеличивается и приближается к их номинальному количеству (будущей ценности). Изменение реального количества долгов и требований при сохранении их номинального количества образует скрытый денежный поток.

Положенные денежные потоки относятся к возможным, но их возникновение, изменение количества и прекращение суть факты действительности, что нельзя сказать об иных (неопределенных) возможных потоках. В связи с этим, возвращаясь к экзистенциальному содержанию финансов, мы включаем в него действительные денежные потоки, а также возникновение, изменение количества и прекращение денежных долгов и требований.

Монетарное состояние социального субъекта (имманентное состояние системы «финансы») — это принадлежность данному субъекту определенного количества денег, денежных долгов и требований. Оно может быть номинальным и реальным в зависимости от того, какое (номинальное или реальное) количество долгов и требований принимается во внимание при его описании. Монетарное состояние всегда приводится к одной (базовой) валюте. При наличии у субъекта денег, долгов или требований в другой валюте они конвертируются в базовую валюту по текущему курсу. В случае его изменения мы отмечаем скрытый денежный поток.

По своим параметрам монетарное состояние трехмерно (деньги, долги, требования), что предполагает его динамику в 8-фазовом «пространстве»¹ (табл. 1.1²).

¹ Необходимо отметить, что долги и требования можно классифицировать по срокам их осуществления, а требования к тому же — по группам кредитного риска. Поэтому в части положительных значений долгов и требований возможно выделение субфаз динамики монетарного состояния. Но при познании свойств системы «финансы» и сущности исследуемого феномена такая детализация представляется излишней.

² Табл. 1.1—5.2 — разработка автора.

Таблица 1.1

Динамика монетарного состояния

Фаза	Деньги	Долги	Требования
P ₀	0	0	0
P ₁	+	0	0
P ₂	+	0	+
P ₃	+	+	+
P ₄	+	+	0
P ₅	0	0	+
P ₆	0	+	+
P ₇	0	+	0

Между тем никакой линейной последовательности в развитии системы здесь нет. Например, из фазы P₁ она может перейти либо в фазу P₀, либо P₂, либо P₄, а может изменяться лишь по количеству денег и оставаться в фазе P₁. Следовательно, система «финансы» нелинейна.

В одном монетарном состоянии социальный субъект находится не бесконечно: рано или поздно возникает (осуществляется, прекращается) денежный поток и изменяет количество денег, долгов или требований. Иначе говоря, исследуемая система неустойчива. Она существует в развитии, которое не поддается периодизации. При таких обстоятельствах (нелинейность, неустойчивость, аperiodичность) динамика монетарного состояния представляется случайной (беспорядочной). Но экзистенция любой системы как организованной целостности требует порядка, в противном случае ее распад неизбежен. Значит, в наблюдаемом хаосе финансов реализуется некоторый порядок развития, детерминирующий конкретное изменение монетарного состояния.

Обладея порядком в своей основе, наша система тем не менее демонстрирует вышеописанный беспорядок (случайное поведение). Подобные свойства динамической системы, получившие название детерминированного или динамического хаоса, впервые обнаружил Э. Лоренц в 1963 г. [18, с. 25]. Детерминированный хаос характеризует чувствительное к начальным условиям случайное поведение системы, которое управляется детерминированными законами [18, с. 47]. Для его объяснения мы используем теорию самоорганизации, или синергетику.

Один из основных принципов синергетики состоит в открытости системы [70, с. 89]. Открытые системы «поддерживают свое существование путем обмена с окружающей средой, т. е. что-то берут в ней, а что-то отдают» [300, с. 102]. Система «финансы» не исключение. Ее «жизненной энергией» являются деньги, прибывающие в систему и убывающие из нее денежными потоками. К тому же через социального субъекта происходит информационное взаимодействие внешней среды и системы.

Внешнюю (окружающую) среду финансов образуют субъекты, явления и процессы, существующие отлично от элементов данной системы. Сложность содержания и структуры внешней среды несет в себе неопределенность (многовариантность) потенциального воздействия на открытую систему и является для последней источником хаоса.

В большинстве случаев внешняя среда денежные потоки не производит, но хаотично задает начальные условия их возникновения (осуществления, прекращения), а именно пространственно-временную ситуацию, потребности и благосостояние социального субъекта. Мы называем их экзогенными начальными условиями.

Так, в объективной реальности субъект всегда находит себя здесь и сейчас. Пространственно-временная ситуация связывает «здесь» с известным местом или территорией, а «сейчас» — с известным событием или процессом, которые могут повлиять на финансовое поведение субъекта. Следует учесть, что для государства и юридических лиц характерно лишь юридическое, а не физическое существование в том или ином месте.

Потребности выступают источником активности, побуждающим субъекта к осмысленным действиям, в том числе в системе «финансы». Как пишет П. А. Гольбах, «наши потребности заставляют нас думать, желать, действовать» [112, с. 357]. В них отражаются индивидуальные свойства социального субъекта и хаотическое влияние внешней среды. Отметим, мы имеем в виду не только текущие, но и осознаваемые субъектом будущие потребности.

Потребности человека безграничны и многообразны. Известный американский психолог А. Маслоу предложил следующую их иерархию от низших к высшим: физиологические влечения — безопасность — любовь и принадлежность — уважение — самоактуализация. «Когда у человека появляются другие (и высшие) потребности, именно они скорее доминируют в организме, нежели физиологические стремления. И когда эти потребности удовлетворены, вновь появляются новые (и еще более высокие) потребности, и т. д. Вот что мы имеем в виду, говоря о том, что базовые человеческие потребности организованы иерархически...» [265, с. 63]. Подобную структуру потребностей можно отнести и к другим социальным субъектам. Разумеется, с учетом их существа. Например, для выполнения своих функций государство нуждается в имуществе, а также в работах и услугах (функциональные потребности). Государство должно обеспечивать защиту национальных интересов от внутренних и внешних угроз (потребность в безопасности). В условиях глобализации государство не может игнорировать институты и механизмы партнерства на всех уровнях международной жизни (потребность в принадлежности). Любое государство требует признания и невмешательства в свои суверенные дела (потребность в уважении). Наконец, государство должно в полной мере выполнять свое истинное предназначение (потребность в самоактуализации).

Осознание потребностей порождает деятельный интерес к получению и (или) использованию благ для их удовлетворения. Это могут быть различные блага социального субъекта, но большей частью их приходится получать из внешней среды, в том числе от других субъектов в порядке обмена. В нашем некоммунистическом обществе обращение благ обычно опосредуется деньгами, и мы пока не можем «написать на своем знамени: “Каждый по способностям, каждому по потребностям!”» [260, с. 20].

К благам относится все, что пригодно для удовлетворения потребностей. В этом смысле деньги не есть благо. Их свойства заключаются не в удовлетворении потребностей, а в способности обращаться в благо. Потому деньги называют заместителями жизненных благ [493, с. 406], символом права на благо [462, с. 88]. К тому же еще в философии древних стоиков предположение «деньги – это благо» считалось порочным и несло в себе недуг сребролюбия [224, с. 279].

Отделяя блага от денег, мы различаем монетарное состояние социального субъекта и его благосостояние. Содержание последнего подобно монетарному: оно включает в себя наличные блага, а также долги и требования благ. Очевидно, благосостояние каждого индивидуально и во многом зависит от внешней среды.

Комплекс начальных условий не ограничивается вышеописанными экзогенными элементами. В системе «финансы» всегда заложено одно эндогенное условие, а именно текущее монетарное состояние социального субъекта, которое показывает количество денег, долгов и требований «сейчас». Денежные потоки и, соответственно, изменение монетарных параметров (развитие) системы без него невозможны (нельзя изменить параметры того, чего нет).

Таким образом, начальные условия возникновения (осуществления, прекращения) денежных потоков состоят из четырех компонентов: текущего монетарного состояния, пространственно-временной ситуации, потребностей и благосостояния социального субъекта. Будучи продуктом неопределенности внешней среды и индивидуальности субъекта, начальные условия в своей экзогенной части формируются стохастично и постоянно подвержены случайным изменениям (флуктуациям). Другими словами, в них воплощается хаос.

Начальные условия вызывают один из альтернативных вариантов финансового поведения субъекта. Мы можем наблюдать либо бездействие (пассивное поведение), либо действие, направленное на конкретное изменение монетарного состояния (активное поведение). Своим действием субъект инициирует переход системы в новое качество.

Упорядоченное развитие системы предполагает отбор единственного в данных условиях варианта активного финансового поведения. Когда субъект совершает такой выбор и следует ему, реализуется системный по-

рядок финансов или, с позиции синергетики, происходит самоорганизация системы.

Механизм самоорганизации заключается в активном финансовом поведении субъекта в соответствии с его решениями (детерминированными законами системы), которые принимаются в определенных начальных условиях. Мы называем их финансовыми решениями.

По своей сути финансовое решение есть безальтернативное отношение между начальными условиями и активным финансовым поведением. Так как социальный субъект всегда находится в тех или иных начальных условиях, любое его решение, если оно *inter alia* предусматривает действие, направленное на конкретное изменение монетарного состояния, по содержанию будет финансовым. В отсутствие финансового решения поведение субъекта остается пассивным, и его монетарное состояние подвержено лишь хаотичным изменениям.

Социальный субъект оценивает начальные условия и принимает финансовые решения на основе своих убеждений, предпочтений и прочих индивидуальных свойств. В экономической теории подобные решения предполагаются рациональными, направленными на максимизацию прибыли или субъективной полезности [492, с. 249]. Но неоклассическую гипотезу рациональности признают не все. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике 1978 г. Г. Саймон считает ее нереалистичной и предлагает теорию ограниченной рациональности, согласно которой при принятии решений субъект ищет не максимум прибыли или полезности, а лишь приемлемый (удовлетворительный) вариант поведения, определяемый уровнем его притязаний [182, с. 642]. Психологические основания финансовых решений входят в предмет изучения поведенческих финансов (англ. *behavioral finance*). «Поведенческие финансы – относительно новая, но быстро расширяющаяся область знаний, объясняющая экономические решения людей на основе сочетания поведенческой и когнитивной психологии с традиционной экономической и финансовой теорией» (перевод авт. – С. П.) [502, с. 3].

Таким образом, упорядоченное развитие системы детерминировано финансовыми решениями, но они принимаются в начальных условиях, которые формируются стохастично и постоянно подвержены случайным изменениям. Поэтому, обладая порядком в своей основе, система «финансы» демонстрирует беспорядок (случайное поведение).

Динамический хаос не позволяет достоверно предсказать монетарное состояние: «Будущее развивающейся системы однозначно заложено в ее прошлом, но без знания начальных условий выявить его не удастся» [339, с. 74]. Даже знание всех начальных условий и принятого решения не дает оснований для уверенного суждения о развитии системы. Дело в том, что ожидаемое изменение монетарного состояния не всегда осуществимо.

Во-первых, оно предполагает взаимодействие субъектов, избравших противоположные, но соответствующие по количеству варианты активного финансового поведения. Если социальный субъект своего контрагента не находит, нужного изменения его монетарного состояния не происходит.

Во-вторых, отрицательный действительный денежный поток ограничен количеством денег субъекта, поэтому их может просто не хватить для целевого потока.

В-третьих, нельзя исключать аффективное поведение социального субъекта. По М. Веберу, оно «находится на границе и часто за пределом того, что “осмысленно”, осознанно ориентировано; оно может быть не знающим препятствий реагированием на совершенно необычное раздражение» [78, с. 628].

В-четвертых, внешняя среда способна непосредственно (помимо воли субъекта) произвести денежный поток (например, хищение денег, принудительное возложение денежного долга). Тогда ожидаемое изменение монетарного состояния может быть затруднено либо стать невозможным.

Динамический хаос и случайные факторы способствуют отклонению системы от субъективно желаемого развития. Для предупреждения таких отклонений и приведения системы к намеченному будущему финансы подлежат управлению.

Управление финансами в узком смысле состоит в принятии и реализации эффективных финансовых решений. В широком смысле оно охватывает также анализ и прогнозирование начальных условий, управление потребностями и благосостоянием, планирование активного поведения (принятие финансовых решений на будущее), управление сопутствующими рисками, контроль и возможную коррекцию.

Системы «финансы» отдельных субъектов в своей совокупности образуют более сложную, иерархическую систему, а именно метасистему «финансы», под которой мы понимаем общую целостность систем, организованную посредством отношений соподчинения социальному регулятору, прежде всего — праву. Так, метасистема «финансы Республики Беларусь (страны)» объединяет системы «финансы», подпадающие под действие права Республики Беларусь. Ее не следует отождествлять с одной из своих частей — системой «финансы Республики Беларусь (государства)».

Особенностью метасистемы «финансы» является структурная иерархия: каждый элемент метасистемы представляет ее нижний уровень, а их организованная целостность — верхний уровень. При интеграции системы отдельного субъекта в метасистему происходит передача некоторой степени свободы в принятии финансовых решений на верхний уровень метасистемы (возникает отношение подчинения социальному регулятору). «Всякий раз элементы, связываясь в структуру, передают ей часть своих

функций, степеней свободы, которые теперь выражаются от лица коллектива всей системы» [70, с. 85].

Системный анализ исследуемого феномена позволяет выделить устойчивое и инвариантное в его основе и тем самым познать сущность финансов.

Система «финансы» организована тремя отношениями: «социальный субъект — деньги», «деньги — денежные потоки» и «социальный субъект — денежные потоки». Так как осуществление потоков в отношении «деньги — денежные потоки» нельзя назвать перманентным, постоянными предикатами бытия финансов выступают только два отношения: «социальный субъект — деньги» и «социальный субъект — денежные потоки». Значит, сущность финансов (на уровне предельной абстракции) состоит в единстве данных отношений, а именно в возможности денежных потоков социального субъекта, которая подразумевает и возможность субъекта иметь деньги. Возможность денежных потоков есть внутреннее начало бытия финансов, т. е. представляет собой онтологическую сущность финансов.

При исследовании свойств системы «финансы» мы установили ее имманентное динамическое состояние и обозначили понятием «монетарное состояние социального субъекта», включив в содержание последнего только положенные потоки (долги, требования) из всех возможных в отношении «социальный субъект — денежные потоки». Следовательно, мы совершили шаг восхождения от абстрактного к конкретному. Используя онтологию Г. В. Ф. Гегеля, можно сказать, что мы перешли от бытия (Sein) финансов к их существованию (Dasein). «Существование есть определенное (конкретное) бытие» (перевод авт. — С. П.) [542, с. 112]. В нашем случае бытие финансов в действительности определено (конкретизировано) изменением монетарного состояния социального субъекта, благодаря чему финансы в своем существовании отличаются от «нефинансов». Поэтому экзистенциальная сущность финансов заключается в изменении монетарного состояния социального субъекта.

Таким образом, научное переосмысление понятия финансов позволяет предложить следующие положения, образующие альтернативу наличной парадигме финансовой науки:

1) денежный поток — прибывание (убывание) денег, выражающееся в изменении их количества у социального субъекта;

2) денежные потоки делятся на действительные и возможные, а по признаку прибывания (убывания) денег — на положительные и отрицательные. Денежные потоки, которые, имея на то основания в своей возможности, должны осуществиться в заданном количестве, называются положенными. Отрицательный положенный поток именуется денежным долгом социального субъекта, а положительный — соответственно его денежным требованием;

3) монетарное состояние социального субъекта — принадлежность данному субъекту определенного количества денег, денежных долгов и требований. Оно может быть номинальным и реальным;

4) онтологическая сущность финансов — возможность денежных потоков социального субъекта;

5) онтологическое содержание финансов — денежные потоки социального субъекта;

6) экзистенциальная сущность финансов — изменение монетарного состояния социального субъекта;

7) экзистенциальное содержание финансов — действительные денежные потоки, а также возникновение, изменение количества и прекращение денежных долгов и требований социального субъекта.

В итоге предлагаем следующую дефиницию термина «финансы», обозначающего исследуемый феномен.

Финансы — основанное на возможности денежных потоков социального субъекта изменение его монетарного состояния.

С принятием альтернативы финансовая «нормальная наука» освобождается от аномалий Куна («финансы — финансовые отношения», «частные финансы»).

Так, в общенаучном плане финансовые отношения мы можем определить абстрактно: «социальный субъект — деньги», «деньги — денежные потоки» и «социальный субъект — денежные потоки» (онтологическое понимание) или более конкретно: отношения, существующие в процессе изменения монетарного состояния социального субъекта (экзистенциальное понимание). Рассмотрение финансовых отношений в какой-либо частной науке зависит от ее предмета.

Деление финансов на публичные и частные опирается на свойства социального субъекта. Публичными называются финансы публичных субъектов, а частными — соответственно финансы частных (непубличных) субъектов. К публичным субъектам мы относим государство, его политико-территориальные (административно-территориальные) единицы, их органы и должностных лиц, а также иных лиц, которым доверено исполнение государственных функций.

В завершение отметим, что поступление доходов в казну и ее расходование, а также формирование (распределение) и использование денежных фондов по своей сути есть изменение монетарного состояния социального субъекта. В рассуждении сего мы не опровергаем предшествующие теории финансов, а снимаем их в смысле гегелевского «aufheben». «Оно означает сохранить, удержать и в то же время прекратить, положить конец. <...> Таким образом, снятое есть в то же время и сохраненное, которое лишь потеряло свою непосредственность, но от этого не уничтожено» [97, с. 168].

1.3. Цивилистическая интерпретация финансов

В основе цивилистической интерпретации финансов лежит их корреляция с частным правом. Последняя обнаруживает образ финансов относительно сущности частного права, и наоборот.

Частное право — видовое понятие, входящее в состав более общего (родового) понятия «право». Следовательно, частное право обладает той же сущностью, что и право вообще, но с некоторыми видовыми признаками, отличающими частное право от публичного.

В теории и философии права имеется множество взглядов на его сущность. К примеру, О. Э. Лейст приводит не менее 27 дефиниций [231, с. VII]. По наблюдению О. В. Мартышина, «в этой области накоплены такие богатые традиции, столько великих философов и блестящих юристов пытались объяснить сущность права, что трудно ожидать открытий, прорывов, революций» [263, с. 13]. Между тем любое правовое воззрение всегда опирается на тот или иной тип правопонимания — обусловленную социокультурными ценностями научную концепцию юриспруденции, определяющую рационально-теоретический образец (модель) понимания (и понятия) права, его сущность и содержание [152, с. 60].

Финансы существуют в социальной реальности, потому и право (частное право) как коррелят финансов мы рассматриваем в той же реальности. В этом смысле мы принимаем юридический позитивизм. Позитивистские доктрины «отвергают любую правовую метафизику, любую трансцендентную справедливость и любую идею естественного права, а в качестве аргумента в пользу своей позиции указывают на тот факт, что познаваема только позитивная, правовая или научная, реальность» [51, с. 48].

По нашему мнению, содержание позитивного (объективного) права образуют социальные нормы, установленные или санкционированные государством. Внешнее выражение (формальную определенность) они получают в законодательстве.

Социальная норма, будучи правилом поведения, существует в отношении с последним. Суть данного отношения заключается в регулировании, потому сущность права мы видим в государственном нормативном регулировании социального поведения.

Видовое отличие сущности частного права зависит от решения вопроса о дуализме позитивного права, т. е. его делении на частное и публичное.

Учение о разделении позитивного права идет от известного наставления Ульпиана в первой книге Институций: «Изучение права распадается на два положения: публичное и частное (право). Публичное право, которое (относится) к положению Римского государства, частное, которое (относится) к пользе отдельных лиц» [146, с. 83].

В начале XIX в. российское гражданское право понималось подобно римскому *jus civile*. Как пишет Г. И. Терлаич, «гражданское право называется так потому, что оно предполагает уже существующим именно гражданское общество людей, живущих и действующих под защитой Высочайшей учрежденной власти, которая обеспечивает права Членов онаго» [399, с. 9–10]. В его представлении частное гражданское право «определяет права частных людей между собою, в противоположности гражданского же, но Государственного права, определяющего отношения Государя к подданным, и подданных к Высочайшему Его Лицу» [399, с. 10]. Таким же образом разделяет частное и публичное гражданское право В. Г. Кукольник [218, с. 4–5].

С XIX в. основание деления позитивного права стремятся найти либо в правоотношениях, либо в порядке их охраны. Другими словами, отличительный признак видят или в материальном, или в формальном моменте [481, с. 7].

С точки зрения Ф. Регельсбергера, частное и публичное право различается по положению субъектов в правоотношении: «Все те правоотношения, в которых государство является носителем высшей власти — вовне как суверен, внутри как правительство, — принадлежат публичному праву» [335, с. 97]. В связи с этим частным или гражданским правом он именует нормы, которые не входят в «международное право, государственное право (государственное устройство и управление), уголовное право (в своей преобладающей части), процессуальное право, церковное право» [335, с. 99].

На взгляд Г. Ф. Шершеневича, гражданское право регулирует «частные отношения отдельных лиц в обществе» [480, с. 16], т. е. отношения лиц с частными интересами. Иные относятся к предмету публичного права.

Согласно И. А. Покровскому, «если публичное право есть система юридической централизации отношений, то гражданское право, наоборот, есть система юридической децентрализации: оно по самому своему существу предполагает для своего бытия наличность множества самоопределяющихся центров. Если публичное право есть система субординации, то гражданское право есть система координации; если первое есть область власти и подчинения, то второе есть область свободы и частной инициативы» [324, с. 40]. Такую же мысль мы находим у Б. Б. Черепихина [471, с. 120].

По определению Г. Кельзена, «частное право представляет собой отношения соподчиненных, юридически равноценных субъектов, а публичное право — отношения подчиненного и подчиняющего субъектов, из которых один обладает большей юридической ценностью, нежели другой» [475, с. 104–105].

Формальный момент в делении права усматривает С. А. Муромцев: «Публичные отношения защищаются по инициативе органов государственной власти, гражданские — не иначе, как по инициативе частного

лица, субъекта отношения» [281, с. 185]. Подобным образом рассуждает Ю. С. Гамбаров: «Юридическая норма устанавливает гражданское право в тех случаях, когда она предоставляет в распоряжение самого лица, интересы которого она защищает, средства устранить нарушение этой нормы; отличительным признаком гражданского права будет *гражданский иск*; все прочие нормы, осуществляемые не иском, а непосредственной деятельностью государственной власти, будут нормами публичного права» [93, с. 51–52].

Следует отметить, что в работах некоторых авторов дуализм позитивного права подвергается критике. По мнению К. Д. Кавелина, «для сопоставления государственного права с гражданским... мало поводов и оснований; первое имеет дело с началами и условиями, в которых выражается и которыми поддерживается государственный организм... гражданское же право занимается действительными, видимыми отношениями людей, внешними явлениями, на которые начала государственного права действуют. <...> Эти две юридические области не однородны, принадлежат к разным категориям; поэтому их, конечно, можно различать, но нельзя ставить в один разряд, на одну доску» [184, с. 798]. Более категоричен Л. Дюги, утверждающий, что принципиального различия между частным и публичным правом нет и быть не может: «Принципиально его надо отвергнуть, ибо все право в общем проникнуто едиными началами, покоится на одной и той же основе: общественной солидарности» [159, с. 2].

В советском правоведении судьба учения о разделении права была предрешена в феврале 1922 г. словами В. И. Ленина: «Мы ничего “частного” не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. <...> Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в “частноправовые” отношения; расширить право государства отменять “частные” договоры; применять не *corpus juris romani* к “гражданским правоотношениям”, а наше революционное правосознание» [233, с. 398]. Но с распадом административно-командной системы, восстановлением частной собственности, экономической либерализацией и формированием гражданского общества юридическая наука вновь обращается к вопросу дуализма позитивного права, поддерживая теоретические взгляды ученых XIX в.

В современных западных источниках к предмету частного права относят взаимные права и обязанности индивидов [608, с. 1], отношения между частными индивидами [599, с. 16], гражданами [587, с. 56], лицами [574, с. 13], т. е. отношения, исключаяющие участие в них публичного субъекта (государства), что соответствует материальному подходу в разделении права.

По нашему убеждению, дуализм позитивного права заключается в его нормах: именно они, обладая некоторым общим свойством, образуют частное или публичное право. Упомянутое общее свойство должно быть

дихотомическим видом универсального (родового) свойства всех норм позитивного права. Тогда, с одной стороны, оно будет объединять нормы в частное или публичное право, а с другой — разделять позитивное право на две части. Полученная в итоге дихотомия может иметь вид «публичное право — непубличное (частное) право» либо «частное право — не частное (публичное) право». Мы принимаем за основу публичное право как более специфичное, чем частное, т. е. в нашем понимании частное право — это непубличное право.

Универсальное свойство всех норм позитивного права — регулирование социального поведения, или моделирование правовых отношений субъектов такого поведения. Значит, искомым свойством норм публичного права является моделирование публичных правоотношений, а частного права — непубличных правоотношений, которые мы называем частными.

Существенным признаком модели публичного правоотношения выступает участие в нем публичного субъекта права, осуществляющего властные полномочия. В отсутствие данного субъекта правоотношение будет частным. Публичные субъекты права суть государство, его политико-территориальные (административно-территориальные) единицы, их органы и должностные лица, а также иные лица, которым доверено исполнение государственных функций.

Таким образом, публичное право представляет собой совокупность юридических норм, моделирующих публичные правоотношения, а частное право — совокупность юридических норм, моделирующих частные правоотношения. Следовательно, если сущность права вообще есть государственное нормативное регулирование социального поведения (моделирование правоотношений субъектов такого поведения), то сущность частного права заключается в государственном нормативном моделировании частных правоотношений.

Государственное нормативное моделирование правоотношений предполагает объект, на который направлена праворегулирующая деятельность, т. е. объект правового регулирования. Он выделяется из явлений социальной реальности при наличии следующих предпосылок:

1) присущий явлению хаос либо установленный в нем порядок может привести к негативным социальным последствиям. Осознание государством подобной возможности вызывает необходимость правового регулирования явления и установления в нем должного правопорядка;

2) явление содержит материал для моделирования правоотношений, а именно социальные отношения. Эти отношения именуются предметом правового регулирования, так как путем придания им правовой формы, собственно, и осуществляется правовое регулирование (нормативное моделирование правоотношений). Беспредметное правовое регулирование невозможно.

Финансы не свободны от хаоса: финансовое поведение зависит от хаотичной внешней среды и индивидуальных свойств субъекта. Но и установленный финансовый порядок не всегда способствует нормальной жизнедеятельности общества. Финансовые пирамиды, нарушения прав вкладчиков и дольщиков — яркие тому свидетельства. К тому же ненадлежащий порядок может привести к финансовому кризису. Например, американский кризис 2008–2009 гг. был порожден рискованной практикой субстандартного ипотечного кредитования и его секьюритизации через ипотечные ценные бумаги [498, с. 413–416]. Заметим, что этот кризис имел глобальные социально-экономические последствия.

Финансы выражают процесс изменения монетарного состояния, однако «мы не можем мыслить процесса, не разлагая его на последовательность стационарных состояний — на последовательность моментов неизменности» [450, с. 31]. Поэтому в социальной реальности финансы являются собой последовательность монетарных состояний, разделенных точками их изменения. В основе же статики и динамики монетарного состояния лежит взаимное финансовое поведение субъектов, т. е. социальное взаимодействие, формирующее социальные отношения. Очевидно, часть этих отношений обходится без участия субъекта, осуществляющего властные полномочия.

Таким образом, финансы подлежат правовому регулированию и содержат его предмет, в том числе частные отношения. Следовательно, в корреляции с частным правом финансы выступают **объектом частноправового регулирования**.

Другая сторона взаимной связи финансов и частного права — проявление последнего относительно сущности финансов. Установлено, что частное право заключается в совокупности юридических норм, моделирующих частные правоотношения, а сущность финансов состоит в изменении монетарного состояния социального субъекта. Стало быть, с финансами коррелируют нормы, моделирующие частные правоотношения в области изменения монетарного состояния, т. е. финансовые частные правоотношения. Значит, финансы объединяют частноправовые нормы в **финансовое частное право**.

На следующем этапе цивилистической интерпретации мы раскрываем финансы как объект частноправового регулирования.

Системы «финансы» отдельных субъектов в своей совокупности образуют метасистему «финансы» — общую целостность, организованную посредством отношений соподчинения социальному регулятору (праву). Именно метасистема «финансы» является объектом частноправового регулирования. Но в этом качестве она утрачивает префикс «мета»: ее элементами вместо самостоятельных систем (от них мы абстрагируемся) становятся: 1) объекты, определяющие монетарное состояние и находя-

щиеся в обладании субъектов частного права; 2) субъекты частного права, способные обладать названными объектами. В данном контексте метасистема «финансы» предстает частноправовой системой, организованной **финансовыми частными отношениями**.

В частном праве упомянутые объекты относятся к имуществу, хотя его понятие и неоднозначно. Так, ст. 128 ГК Беларуси позволяет видеть в имуществе: 1) вещи; 2) имущественные права; 3) иные гражданско-правовые объекты, не квалифицируемые как работы, услуги, нераскрытая информация, исключительные права, нематериальные блага. В то же время по п. 1 ст. 132 ГК Беларуси «в состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая... долги...». В соответствии с п. 1 ст. 1033 ГК Беларуси наследственное имущество охватывает все права и обязанности, принадлежавшие наследодателю на момент открытия наследства, существование которых не прекращается его смертью.

По мнению В. А. Лапача, «в имущество необходимо включать любые объективированные, существующие независимо от человеческого сознания продукты природы и продукты деятельности (в том числе интеллектуальной), которые имеют стоимостную оценку и становятся товаром, а также имущественные права и обязанности, возникающие по поводу их» [222, с. 282]. «В строгом смысле слова, — пишет Е. А. Суханов, — имущество представляет собой собирательное понятие — совокупность принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей. Принадлежащие лицу вещи и имущественные права... составляют актив его имущества (иногда называемый также наличным имуществом), а обязанности (долги) составляют пассив этого имущества» [346, с. 301–302]. Согласно О. С. Шевцову, «под имуществом в одних случаях понимается совокупность принадлежащих лицу вещей, а также имущественных прав и обязанностей, а в других — только наличное имущество, т. е. актив имущества в виде вещей и имущественных прав. Иногда и закон, и сложившееся словоупотребление придают понятию имущества еще более узкое значение. В его состав при этом включаются только вещи, принадлежащие конкретному лицу (когда, например, говорится об истребовании имущества из чужого незаконного владения или о причинении вреда имуществу лица). Следовательно, понятие имущества в гражданском праве многозначно» [478, с. 128].

Считаем возможным рассматривать понятие имущества как в узком, так и в широком смысле. В первом случае оно охватывает только имущественные активы (вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные требования и т. д.), а в широком смысле дополняется пассивами — имущественными долгами. Полагаем, если из нормы права не вытекает иное, термин «имущество» законодатель употребляет в узком смысле.

Учитывая изложенное, мы вводим понятие **финансового имущества** (в широком смысле), объединяющее все объекты, определяющие монетарное состояние субъекта частного права. Оно включает финансовые активы (финансовое имущество в узком смысле) и финансовые пассивы. Из дефиниции монетарного состояния в состав финансовых активов попадают деньги и денежные требования. Однако частное право предусматривает ряд самостоятельных объектов гражданских прав, обеспечивающих юридическое господство над деньгами и (или) денежными требованиями. Мы помещаем их в финансовые активы под названием «финансовые инструменты».

Любой, кто управляет финансами, стремится достичь желаемого монетарного состояния. Однако финансы не всегда подвластны воле их субъектов, вследствие чего не исключается возможность нежелаемого изменения такого состояния. Иначе говоря, обладание финансовым имуществом сопряжено с риском. К тому же обладание финансовыми активами и управление финансами часто связано с услугами специальных субъектов (банки, страховые организации и т. д.). Поэтому познание частноправовой системы «финансы» требует исследования дополнительных феноменов: **финансовых рисков и финансовых услуг**.

К субъектам частного права, способным обладать финансовым имуществом, относятся граждане, юридические лица и государство (гл. 3–5 ГК Беларуси). Их частноправовым свойством выступает гражданская правоспособность. Согласно п. 1 ст. 16 ГК Беларуси гражданская правоспособность — это способность иметь гражданские права и нести обязанности. Способность же своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их именуется гражданской дееспособностью (п. 1 ст. 20 ГК Беларуси). Выделяя финансовое частное право, находим возможным использовать специальный термин «финансовая частная правоспособность» — способность иметь гражданские права и нести обязанности, связанные с финансовым имуществом. По содержанию она уже гражданской правоспособности и поглощается ею. Развивая мысль, допускаем и финансовую частную дееспособность, но она тождественна гражданской дееспособности, поскольку финансовое имущество не влияет на способность субъектов своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их.

Финансовая частная правоспособность позволяет гражданам иметь финансовое имущество; наследовать и завещать его; совершать с ним не противоречащие законодательству сделки и участвовать в финансовых обязательствах; иметь иные гражданские права и нести обязанности, связанные с этим имуществом.

Принимая во внимание п. 1 ст. 45 ГК Беларуси, отметим, что юридические лица наделены специальной финансовой частной правоспо-

собностью: они могут иметь только те гражданские права и обязанности, которые отвечают целям деятельности, предусмотренным в их учредительных документах, а также предмету деятельности, если он указан в тех же документах.

«Республика Беларусь обладает верховенством и полнотой власти на своей территории...» (ч. 2 ст. 1 Конституции Республики Беларусь [617], далее — Конституция). На территории административно-территориальных единиц вопросы местного значения решают Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы, действующие в пределах своей компетенции, исходя из общегосударственных интересов (ст. 120 Конституции). Они принимают решения, обязательные на подведомственной территории (ч. 1 ст. 122 Конституции). Другими словами, Республика Беларусь и ее административно-территориальные единицы, представленные местными Советами депутатов, исполнительными и распорядительными органами, являются властными субъектами, действующими в публичных интересах. Однако в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, они участвуют на равных с физическими и юридическими лицами (п. 1 ст. 124 ГК Беларуси). В таких отношениях государство не осуществляет властных полномочий, но продолжает действовать в публичных интересах. В силу п. 2 ст. 124 ГК Беларуси к Республике Беларусь и ее административно-территориальным единицам применяются нормы, определяющие участие юридических лиц в упомянутых отношениях, если иное не вытекает из законодательства или особенностей данных субъектов.

Финансовую частную правоспособность государства нельзя назвать общей (универсальной). Во-первых, «государство, все его органы и должностные лица действуют в пределах Конституции и принятых в соответствии с ней актов законодательства» (ч. 1 ст. 7 Конституции). Во-вторых, она ограничена публичными интересами.

Обладание финансовым имуществом и финансовая частная правоспособность, поглощенная гражданской правоспособностью, не придают дополнительного юридического своеобразия гражданам, юридическим лицам и государству, потому в познании частноправовой системы «финансы» мы исследуем лишь субъектов финансовых услуг.

Таким образом, цивилистическая интерпретация финансов приводит к следующим положениям.

В корреляции с частным правом финансы выступают объектом частноправового регулирования и предстают в образе частноправовой системы. Элементами последней являются: 1) объекты, определяющие монетарное состояние и находящиеся в обладании субъектов частного права; 2) субъекты частного права, способные обладать названными объектами. Частноправовая система «финансы» организована финансовыми частными отношениями.

Объекты, определяющие монетарное состояние субъекта частного права, охвачены понятием финансового имущества (в широком смысле). Оно включает финансовые активы (финансовое имущество в узком смысле) и финансовые пассивы. В состав финансовых активов входят деньги, денежные требования и финансовые инструменты, а финансовые пассивы состоят из денежных долгов.

К субъектам частного права, способным обладать финансовым имуществом, относятся граждане, юридические лица и государство. В частно-правовой системе «финансы» они характеризуются финансовой частной правоспособностью, т. е. способностью иметь гражданские права и нести обязанности, связанные с финансовым имуществом. По содержанию она уже гражданской правоспособности и поглощается ею.

Во взаимной связи с финансами частное право принимает вид финансового частного права — совокупности юридических норм, моделирующих финансовые частные правоотношения.

ФИНАНСОВОЕ ИМУЩЕСТВО

2.1. Общее учение о деньгах

С развитием цивилизации деньги стали атрибутом общества и во многом детерминируют мировоззрение каждого. Любой человек, вовлеченный в социально-экономические процессы, использует деньги и думает о них. По наблюдению П. С. Лемешенко, «даже не экономическое, а все человеческое сознание буквально пронизано денежно-финансовой идеологией» [232, с. 103]. Между тем, отмечает Д. А. Лоевецкий, «деньги относятся к числу самых сложных и запутанных явлений» [238, с. 5].

Проблема денежных отношений уже давно не является сугубо экономической. Раскрыть их тайну пытаются многие дисциплины – философия, социология, психология, антропология, история [32, с. 42]. Но до настоящего времени ни одной из общественных наук не удалось предложить исчерпывающего и общепринятого определения денег, адекватно отражающего их сущность [206, с. 15].

Очевидно, что ни монетарное состояние, ни денежные потоки, ни финансы в целом без денег невозможны. Деньги выступают системообразующим фактором финансов и занимают центральное место в финансовом имуществе. От их верного понимания зависит надлежащее регулирование и функционирование частноправовой системы «финансы».

Познание денег как элемента финансового имущества заключается в раскрытии общенаучного понятия данного феномена с последующим выявлением его юридической природы. Еще Л. А. Лунц разграничивал понятие денег, общее для права и экономической науки, которое мы называем общенаучным, и понятие денег в специальном юридическом смысле [247, с. 34].

Со времен античной философии деньги вызывают интерес к различным сторонам своего бытия, потому существующие знания о них имеют

разноплановый характер. В постижении исследуемого феномена мы опираемся на результаты обобщения известного в части происхождения денег, их функций, природы и видов.

Классические мыслители Древней Греции **происхождение денег** связывают с обменом. «Монета — знак обмена», — пишет Платон [318, с. 133]. По Аристотелю, «все, что участвует в обмене, должно быть каким-то образом сопоставимо. Для этого появилась монета и служит в известном смысле посредницей, ибо ею все измеряется...» [23, с. 156]. Идея происхождения денег из обмена, а точнее, из натурального обмена (бартера), получила поддержку в экономической науке и доминирует по настоящее время¹.

Появление денег традиционно объясняется неудобством бартера. Соответствующие суждения мы находим в работах Д. Ло [558, с. 7], Д. Харриса [539, с. 36], Д. А. Баркера [506, с. 3], Р. Д. Хоутри [540, с. 1], М. Н. Ротбарда [591, с. 6], А. Х. Мельцера [573, с. 9]. Но еще древнеримский юрист Павел в 33-й книге «Комментариев к эдикту» усматривал причину возникновения денег в трудности натурального обмена: «Так как не всегда совпадало... чтобы у тебя было то, что нужно мне, а я в свою очередь имел то, что хочешь получить ты, то был выбран предмет, получивший публичную постоянную оценку; посредством передачи его в равном количестве устранили трудности мены» [145, с. 559]. Участники бартера сталкивались с тем, что в литературе именуется проблемой двойного совпадения². Считается, что ее решение лежит в основе происхождения денег.

¹ См.: *Steuart J.* An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy: Being an Essay on the Science of Domestic Policy and Free Nations : in 2 vol. London, 1776. Vol. 1. P. 177 ; *Senior N. W.* Three Lectures on the Cost of Obtaining Money, and on Some Effects of Private and Government Paper Money. London, 1830. P. 40 ; *Walker F. A.* Money. New York, 1878. P. 1 ; *Keynes J. M.* A Treatise on Money : in 2 vol. New York, 1930. Vol. 1 : The Pure Theory of Money. P. 4–5 ; *Soddy F.* The Role of Money. London, 1934. P. 26 ; *Crowther G.* An Outline of Money. London, 1940. P. 15 ; *Pryor F. L.* The Origins of Money // Journal of Money, Credit and Banking. 1977. Vol. 9, № 3. P. 395 ; *Ballve F.* Essentials of Economics: a Brief Survey of Principles and Policies / transl. and ed. by A. Goddard. 3rd ed. Irvington-on-Hudson, 1994. P. 39 ; *Davies G.* A History of Money From Ancient Times to the Present Day. 3rd ed. with revis. Cardiff, 2002. P. 10 ; *Baumol W. J., Blinder A. S.* Macroeconomics: Principles and Policy. 11th ed. Mason, 2009. P. 244.

² См.: *Jevons W. S.* Money and the Mechanism of Exchange. New York ; London, 1911. P. 3 ; *Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р.* Экономика / пер. Е. Е. Балаشовой [и др.]. М., 1995. С. 474 ; *Мэнкью Н. Г.* Принципы экономикс / пер. В. Кузина [и др.]. СПб., 1999. С. 586 ; *Миллер Р. Л., Ван-Хуз Д. Д.* Современные деньги и банковское дело : пер. с англ. М., 2000. С. 12 ; *Фридмен М.* Если бы деньги заговорили... / пер. Л. С. Микши, А. М. Семенова. 2-е изд. М., 2002. С. 46 ; *Mankiw N. G.* Macroeconomics. 7th ed. New York, 2010. P. 81 ; *Ball L. M.* Money, Banking, and Financial Markets. 2nd ed. New York, 2012. P. 27.

Переход от бартера к товарно-денежным отношениям понимается по-разному, позволяя выделить рациональную и эволюционную концепции. Аристотель [23, с. 156; 24, с. 391], Б. Даванцати [517], Я. Вандерлинт [606, с. 12], Д. Юм [544, с. 309], К. А. Гельвеций [101, с. 91], Г. В. Ф. Гегель [99, с. 44] полагают, что деньги возникли по общественному соглашению. С точки зрения Ф. Аквинского [5, с. 20], Д. Локка [239, с. 289], Д. Харриса [539, с. 37], И. Вавилова [75, с. 160], Ф. Содди [598, с. 26], Д. Кроутера [516, с. 15], деньги — одно из человеческих изобретений. А по утверждению Г. Ф. Кнаппа, «деньги — порождение права» (перевод авт. — С. П.) [556, с. 1], что тоже свидетельствует о признании рационального характера их появления.

Другие авторы придерживаются эволюционной теории. В представлении Д. Такера, «использование денег... началось само по себе и не было результатом человеческой предусмотрительности, изобретательности или осмысленного сотрудничества» (перевод авт. — С. П.) [605, с. 2]. Д. С. Милль [274, с. 437] и Р. Гильфердинг [105, с. 54] думают, что с развитием товарообмена употребление денег просто вошло в обычай. По мнению К. Менгера, «практика и привычка немало способствовали тому, что наиболее в данное время способные к сбыту товары стали приниматься в обмен за все другие товары не только многими, но и всеми хозяйствующими индивидами» [267, с. 261]. Подобным образом рассуждает Л. фон Мизес [270, с. 26]. Согласно же А. Смиту [365, с. 33] и К. Марксу [258, с. 118], деньги возникли в процессе разделения труда.

Бартерной теории происхождения денег оппонирует кредитная. Представители последней доказывают, что появлению денег предшествовал не натуральный обмен, а кредит: изначально товары передавались без встречного предоставления, т. е. в долг, а бартер был случайным явлением [536, с. 21–41]. С течением времени люди пришли к соглашению измерять и обозначать долги. Как поясняет Г. Д. Маклеод, «они определили некоторую материальную субстанцию (которой договорились постоянно обмениваться), чтобы обозначать сумму долга» (перевод авт. — С. П.) [568, с. 74]. По А. М. Иннесу, когда продавец принимал от контрагента подтверждение долга, сделка считалась завершённой [547, с. 32]. «Деньги тогда есть кредит и ничего, кроме кредита» (перевод авт. — С. П.), — заявляет он [547, с. 42]. Таким образом, место источника возникновения денег в этой теории занимает кредит.

Традиционным предметом научного внимания, которому придается большое познавательное значение, выступают **функции денег**. На взгляд К. Маркса, «функциональное бытие денег поглощает... их материальное бытие» [258, с. 140]. «Деньги — это то, что они делают» (перевод авт. — С. П.), — полагает Ф. А. Уокер [610, с. 405]. «Когда будет достигнуто яс-

ное понимание функций, выполняемых деньгами, — пишет Д. Л. Лафлин, — значение данного слова станет очевидным» (перевод авт. — С. П.) [557, с. 1]. Но не все признают возможность познания денег через их функции. Так, И. А. Трахтенберг утверждает, что «функции денег вытекают из их сущности, а не сущность денег определяется их функциями. Поэтому ошибочными нам кажутся попытки определить понятие денег по их функциям» [406, с. 37]. Тем не менее если функции денег вытекают из их сущности, они несут эвристическую информацию о сути денег и требуют изучения.

Первой мы выделяем функцию *измерения*. Благодаря свойству денег любая разнообразная и несоразмерная собственность, согласно Платону, приводится к соразмерности и единообразию [319, с. 380]. «В самом деле, — размышляет Аристотель о номисме (деньгах), — она делает всё соизмеримым, ибо всё измеряют монетами» [23, с. 157]. Применительно к данной функции деньги находят различное выражение в литературе:

- мера всех обмениваемых и продаваемых товаров (Г. Биль [510, с. 21]);
- мерило ценности (Т. Гоббс [106, с. 196], В. К. Гольдман [113, с. 1], И. Т. Тарасов [392, с. 5], Э. Нассе [284, с. 1], М. Литовченко [237, с. 7]);
- мерило стоимости (А. Смит [365, с. 49]);
- мера, с помощью которой устанавливаются относительные количества товаров (Д. Рикардо [337, с. 47]);
- мера, посредством которой оценивается личное имущество (Д. С. Милль [274, с. 437]);
- мера ценности (Н. Барбон [505, с. 16], А. Р. Ж. Тюрго [410, с. 647], С. Бэйли [501, с. 3] и др.¹);
- орудие для измерения ценности отдельных элементов имущества (Ф. К. фон Савиньи [355, с. 278]);

¹ См.: *Tucker G.* The Theory of Money and Banks Investigated. Boston, 1839. P. 4 ; *Kellogg E.* A New Monetary System: the Only Means of Securing the Respective Rights of Labor and Property, and of Pro-tecting the Public from Financial Revulsions / ed. by M. K. Putnam. 5th ed. Philadelphia, 1875. P. 59 ; *Moran C.* Money. New York, 1863. P. 25 ; *Jevons W. S.* Money and the Mechanism of Exchange. New York ; London, 1911. P. 13 ; *Wicksell K.* Lectures on Political Economy : in 2 vol. / ed. by L. Robbins. Fairfield, 1978. Vol. 2 : Money. P. 6 ; *Fisher I.* Elementary Principles of Economics. New York, 1911. P. 17 ; *Barker D. A.* The Theory of Money. Cambridge, 1913. P. 9 ; *Hawtrey R. G.* Currency and Credit. London, 1919. P. 1 ; *Schumpeter J. A.* Money and Currency / intr. by R. Swedberg ; transl. by A. W. Marget // Social Research. 1991. Vol. 58, № 3. P. 528 ; *Cross I. B.* Money and Banking. New York, 1931. P. 21 ; *White H.* Money and Banking / rev. and enl. by C. S. Tippetts and L. A. Froman. New ed. Boston, 1935. P. 21 ; *Dobbs J. F.* Legal Tender Fiat Money. Los Angeles, 1939. P. 23 ; *Crowther G.* An Outline of Money. London, 1940. P. 35 ; *Портной М. А.* Деньги: их виды и функции. М., 1998. С. 34.

- посредник в измерении всех меновых ценностей (Г. Ф. В. Рошер [589, с. 342]);
- мера стоимостей (К. Маркс [258, с. 107]);
- измеритель ценности (П. А. Никольский [291, с. 11]);
- мерило для оценки всех прочих товаров (В. А. Дмитриев-Мамонов [149, с. 4]);
- механизм соизмерения товаров и услуг (В. К. Бурлачков [73, с. 334]).

Многие авторы отдельно указывают функции масштаба цен или счетной единицы¹. «Как мера стоимостей и как масштаб цен, — полагает К. Маркс, — деньги выполняют две совершенно различные функции. Мерой стоимостей они являются как общественное воплощение человеческого труда, масштабом цен — как фиксированный вес металла. Как мера стоимости они служат для того, чтобы превращать стоимости бесконечно разнообразных товаров в цены, в мысленно представляемые количества золота; как масштаб цен они измеряют эти количества золота» [258, с. 107]. По нашему мнению, функция масштаба цен (счетной единицы) охвачена функцией измерения.

Вторая функция денег — **обращение**. Посредством денег, пишет Я. Вандерлинт, «товары всех видов приобретаются и передаются от одного к другому» (перевод авт. — С. П.) [606, с. 12]. В связи с этим Д. А. Баркер, называя деньги средством обмена, заметил: «Где нет обмена, там нет никакой нужды в деньгах» (перевод авт. — С. П.) [506, с. 1]. Функция обращения отражается в следующих авторских характеристиках денег:

- инструмент торговли (Д. Локк [565, с. 139], Д. Д. Чарльз [514, с. 73]);
- средство торговли (Я. Вандерлинт [606, с. 12]);
- всеобщее орудие торговли (А. Смит [365, с. 36]);
- средство обращения (М. Гесс [103, с. 422], К. И. Родбертус-Ягцов [341, с. 65], К. Маркс [258, с. 135], М. Фридмен [453, с. 46], М. А. Портной [326, с. 34]);

¹ См.: *Kellogg E.* A New Monetary System: the Only Means of Securing the Respective Rights of Labor and Property, and of Protecting the Public from Financial Revulsions / ed. by M. K. Putnam. 5th ed. Philadelphia, 1875. P. 52; *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала / пер. И. И. Скворцова-Степанова // Сочинения : в 50 т. 2-е изд. М., 1960. Т. 23. С. 107–108; *Гольдман В. К.* Русские бумажные деньги. СПб., 1866. С. 1; *Jevons W. S.* Money and the Mechanism of Exchange. New York; London, 1911. P. 14; *Walker F. A.* Money. New York, 1878. P. 10; *Kinley D.* Money: A Study of the Theory of the Medium of Exchange. New York, 1904. P. 62; *Scott W. A.* Money and Banking. 5th ed. New York, 1916. P. 2; *Marshall A.* Money, Credit and Commerce. London, 1923. P. 16; *Rabin A. A.* Monetary Theory. Cheltenham, 2004. P. 22; *Ball L. M.* Money, Banking, and Financial Markets. 2nd ed. New York, 2012. P. 26.

- орудие, посредством которого распределяется между различными членами общества их доход (Д. С. Милль [274, с. 437]);
- средство обмена (И. Кант [187, с. 203], И. Г. Фихте [448, с. 271], С. Бэйли [501, с. 2] и др.¹);
- орудие мены (В. К. Гольдман [113, с. 1], И. Т. Тарасов [392, с. 5], Л. А. Лунц [247, с. 30]);
- орудие обращения (Э. Нассе [284, с. 1], П. А. Никольский [291, с. 11], В. А. Дмитриев-Мамонов [149, с. 4]);
- механизм обмена товаров и услуг (В. К. Бурлачков [73, с. 334]).

С функцией обращения связаны многие известные метафоры. «Деньги – кровь государства», – заявляет Т. Гоббс [106, с. 195]. По выражению В. Петти, «деньги – это только жир политического тела» [315, с. 85]. Д. Локк сравнивает обращение денег с вращением колес торговли [566, с. 21]. Ему возражает Д. Юм: «Это не колеса торговли: это масло, облегчающее движение колес» (перевод авт. – С. П.) [544, с. 309]. А в представлении А. Смита – «это великое колесо обращения» [365, с. 215].

¹ См.: *Tucker G.* The Theory of Money and Banks Investigated. Boston, 1839. P. 4 ; *Kellogg E.* A New Monetary System: the Only Means of Securing the Respective Rights of Labor and Property, and of Protecting the Public from Financial Revulsions / ed. by M. K. Putnam. 5th ed. Philadelphia, 1875. P. 45 ; *Jevons W. S.* Money and the Mechanism of Exchange. New York ; London, 1911. P. 8 ; *Walker F. A.* Money. New York, 1878. P. 2 ; *Weston G. M.* Money. New York, 1882. P. 1 ; *Levin T. W.* The Logic of Money. London, 1887. P. 3 ; *Laughlin J. L.* The Principles of Money. London, 1919. P. 2 ; *Kinley D.* Money: A Study of the Theory of the Medium of Exchange. New York, 1904. P. 60 ; *Wicksell K.* Lectures on Political Economy : in 2 vol. / ed. by L. Robbins. Fairfield, 1978. Vol. 2 : Money. P. 6 ; *Scott W. A.* Money and Banking. 5th ed. New York, 1916. P. 6 ; *Fisher I.* Elementary Principles of Economics. New York, 1911. P. 17 ; *Gesell J. S.* Die natürliche Wirtschaftsordnung durch Freiland und Freigeld. 3 aufl. Arnstadt, 1919. P. 150 ; *Hawtrey R. G.* Currency and Credit. London, 1919. P. 1 ; *Marshall A.* Money, Credit and Commerce. London, 1923. P. 16 ; *Schumpeter J. A.* Money and Currency / intr. by R. Swedberg ; transl. by A. W. Marget // Social Research. 1991. Vol. 58, № 3. P. 528 ; *Cross I. B.* Money and Banking. New York, 1931. P. 20 ; *Bradford F. A.* Money. New York, 1932. P. 3 ; *White H.* Money and Banking / rev. and enl. by C. S. Tippetts and L. A. Froman. New ed. Boston, 1935. P. 21 ; *Dobbs J. F.* Legal Tender Fiat Money. Los Angeles, 1939. P. 23 ; *Crowther G.* An Outline of Money. London, 1940. P. 35 ; *Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д.* Экономика / пер. О. Л. Пелявского. 18-е изд. М., 2008. С. 95 ; *Мизес Л.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. А. В. Куряева. Челябинск, 2005. С. 376 ; *Rothbard M. N.* What Has Government Done To Our Money? Auburn, 2010. P. 11 ; *Hayek F. A.* Denationalisation of Money: An Analysis of the Theory and Practice of Concurrent Currencies. 3rd ed. London, 1990. P. 67 ; *Pryor F. L.* The Origins of Money // Journal of Money, Credit and Banking. 1977. Vol. 9, № 3. P. 393 ; *Meltzer A. H.* What Is Money? // Economic Affairs. 1995. Vol. 15, № 4. P. 8 ; *Rabin A. A.* Monetary Theory. Cheltenham, 2004. P. 22 ; *Ball L. M.* Money, Banking, and Financial Markets. 2nd ed. New York, 2012. P. 26.

Следующей мы выделяем функцию **платежа**. Как отмечает Д. Кинли, «предмет может служить средством платежа, не будучи средством обращения и обмена. Где бы ни существовала кредитная система, между созданием долга и его оплатой может проходить значительное время» (перевод авт. — С. П.) [554, с. 64]. Данную функцию упоминают Ф. А. Уокер [610, с. 11], Э. Нассе [284, с. 1], Д. Л. Лафлин [557, с. 2] и др.¹

Четвертой функцией денег является **сбережение**. «Если сегодня нет ни в чем нужды, то монета служит нам как бы залогом возможности обмена в будущем», — пишет Аристотель [23, с. 157]. В этом смысле деньги имеют функцию сбережения или сохранения ценности².

Существующие знания о **природе денег** основаны на различном понимании ценности последних. По наблюдению Г. Зиммеля, «во всех дискуссиях о природе денег обсуждается вопрос об их ценности: должны ли сами деньги быть ценностью, чтобы выполнять функции измерения, обмена и представления ценностей, либо достаточно, чтобы деньги были просто знаком и символом без внутренней ценности...» (перевод авт. — С. П.) [596, с. 129].

Согласно первой концепции, которую мы называем **товарной** (металлической), деньги должны обладать внутренней ценностью, наделяющей их способностью измерять блага и обмениваться на них. Так, еще Аристотель, рассуждая о деньгах, имел в виду нечто такое, что при взаимном обмене само по себе представляет ценность, например железо или серебро [24, с. 391]. «Деньги обладают ценностью, — утверждает Д. Локк, — поскольку посредством обмена они способны приносить нам предметы

¹ См.: *Barker D. A. The Theory of Money*. Cambridge, 1913. P. 9; *Schumpeter J. A. Money and Currency* / intr. by R. Swedberg; transl. by A. W. Marget // *Social Research*. 1991. Vol. 58, № 3. P. 528; *White H. Money and Banking* / rev. and enl. by C. S. Tippetts and L. A. Froman. New ed. Boston, 1935. P. 21; *Портной М. А. Деньги: их виды и функции*. М., 1998. С. 34; *Гаврилов А. Н. Эволюция денег и современные проблемы денежно-кредитного обращения России*: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. СПб., 1998. С. 23; *Rabin A. A. Monetary Theory*. Cheltenham, 2004. P. 22.

² См.: *Jeavons W. S. Money and the Mechanism of Exchange*. New York; London, 1911. P. 15; *Нассе Э., Лексус В. Металлические деньги и валюта*. М., 1897. С. 1; *Kinley D. Money: A Study of the Theory of the Medium of Exchange*. New York, 1904. P. 63; *Wicksell K. Lectures on Political Economy*: in 2 vol. / ed. by L. Robbins. Fairfield, 1978. Vol. 2: Money. P. 6; *Barker D. A. The Theory of Money*. Cambridge, 1913. P. 9; *Schumpeter J. A. Money and Currency* / intr. by R. Swedberg; transl. by A. W. Marget // *Social Research*. 1991. Vol. 58, № 3. P. 528; *White H. Money and Banking* / rev. and enl. by C. S. Tippetts and L. A. Froman. New ed. Boston, 1935. P. 21; *Crowther G. An Outline of Money*. London, 1940. P. 16; *Meltzer A. H. What Is Money?* // *Economic Affairs*. 1995. Vol. 15, № 4. P. 9; *Портной М. А. Деньги: их виды и функции*. М., 1998. С. 34; *Rabin A. A. Monetary Theory*. Cheltenham, 2004. P. 22; *Ball L. M. Money, Banking, and Financial Markets*. 2nd ed. New York, 2012. P. 26.

первой необходимости или жизненные удобства, и в этом заключается их товарная природа» (перевод авт. — С. П.) [566, с. 34]. Он же ввел термин «внутренняя ценность» (англ. *intrinsic value*) в отношении денег (серебра) как инструмента и мерила торговли [565, с. 139]. Иначе говоря, деньги «уже в себе заключают ту самую ценность, которую измеряют» [355, с. 278].

Способность предметов к обмену (возможность приобретения за них других предметов) А. Смит называет меновой стоимостью (англ. *value in exchange*), противопоставляя ее потребительной стоимости (англ. *value in use*), обозначающей полезность какого-нибудь предмета [365, с. 36–37]. Субстанцией меновой стоимости для него является труд: деньги или товары «содержат стоимость известного количества труда, которое мы обмениваем на то, что, по нашему предположению, содержит в данное время стоимость такого же количества труда» [365, с. 38].

Созидающую стоимость субстанцию видит в труде и К. Маркс [258, с. 47]. «Все товары как стоимости представляют собой овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы, именно поэтому все они и могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим товаром, превращая таким образом этот последний в общую для них меру стоимостей, т. е. в деньги» [258, с. 104]. Стало быть, деньги есть «товар, который функционирует в качестве меры стоимости... и в качестве средства обращения» [258, с. 140].

Товарная природа денег находит поддержку в работах многих авторов и выражается в следующих суждениях о деньгах:

- портативный товар, на который условились для облегчения торговли обменивать все другие товары (К. А. Гельвеций [101, с. 91]);

- товар, который всякий желает приобрести в силу той легкости, с какой он мог бы меняться на предметы, необходимые для потребления (Ж.-Б. Сэй [387, с. 52]);

- всеобщий товар (Г. В. Ф. Гегель [99, с. 44], Д. П. Смит [597, с. 22], С. Бэйли [501, с. 1], Г. Ф. В. Рошер [589, с. 346], К. Маркс [258, с. 100], У. С. Джевонс [549, с. 4]);

- товар, который стал всеобщим средством обмена и общепринятой мерой ценности (Д. Такер [605, с. 4]);

- товар, используемый как посредник в осуществлении обменов самой различной природы и измерении всех меновых ценностей, а также как носитель ценности во времени и пространстве (Г. Ф. В. Рошер [589, с. 342]);

- товар, в котором целесообразнее всего выражать оценки, удовлетворяющие практическим задачам хозяйствующих людей, и помещать меновые запасы (К. Менгер [267, с. 281]);

- товар, который каждый должен получать в обмен на то, что он имеет, но не желает лично потратить, будучи в твердой уверенности, что в любое

время сможет приобрести за него то, что другие имеют, но не желают потребить (Ф. А. Уокер [610, с. 2]);

— товар, по общему согласию принятый за средство экономического обмена (Энциклопедия Британника [575, с. 252]).

Идея «деньги — товар» признана в отечественной литературе новейшего периода¹. По утверждению В. А. Лебедева, «назвать деньги товаром можно только тогда, когда они металлические» [225, с. 2]. Поэтому данную концепцию мы именуем еще и металлической. Истории известно много товаров, использовавшихся в качестве денег, однако большая их часть перестала выполнять денежные функции, оставив два драгоценных металла — золото и серебро [271, с. 400].

Другая концепция природы денег — *номиналистическая*. В ее основе лежит постулат о номинальной ценности денег, признаваемой в силу права. Считается, что металлические и бумажные деньги лишь обозначают (символизируют) приданную им номинальную ценность, которая может значительно превышать их внутреннюю ценность как материальных объектов. Именно номинальная, а не внутренняя ценность денег признается участниками экономического оборота.

«Деньги суть ценность, созданная правом», — пишет Н. Барбон, в связи с чем «нет никакой необходимости делать деньги из золота или серебра» (перевод авт. — С. П.) [505, с. 16]. «Деньги сами по себе ничто, — отмечает И. Г. Фихте. — Только благодаря воле государства они представляют что-либо» [448, с. 274]. Очевидно, признание номинальной ценности денег опирается на авторитет государственной власти: «Нам не медь дорога, но дорого его царское имянование... И по сему разумей, еже у нас не вес имеет силу, но царская воля» [327, с. 238–239].

К номинализму мы относим и государственную теорию Г. Ф. Кнаппа. Он подчеркивает правовое происхождение денег [556, с. 1] и определяет

¹ См.: Леонтьев В. Е., Радковская Н. П. Финансы, деньги, кредит и банки : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 216 ; Усаткина О. И. Влияние трансформации природы и функций современных денег на денежно-кредитную политику : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. Ростов н/Д, 2006. С. 18 ; Малахова Н. Г. Деньги. Кредит. Банки : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 2007. С. 5 ; Тарасов В. И. Денежное обращение и кредит : учеб. пособие. Минск : БГУ, 2015. С. 5 ; Кузнецова Е. И. Финансы. Денежное обращение. Кредит : учеб. пособие. М., 2012. С. 8 ; Авагян Г. Л., Ханина Т. М., Носова Т. П. Деньги, кредит, банки : учеб. пособие. М. : Магистр, 2011. С. 25 ; Галанов В. А. Финансы, денежное обращение и кредит : учебник. 2-е изд. М. : Форум : ИНФРА-М, 2013. С. 87 ; Деньги. Кредит. Банки : учебник и практикум / В. П. Битков [и др.] ; под ред. В. Ю. Катасонова, В. П. Биткова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2016. С. 21 ; Розанова Н. М. Монетарная экономика. Теория денег и кредита : в 2 т. М., 2016. Т. 1 : учебник и практикум. С. 20.

их как «хартальное средство платежа» (перевод авт. — С. П.) [556, с. 39]. Его сторонник Ф. Бендиксен тоже придерживается номиналистических взглядов: «Государственное платежное средство не нуждается ни в какой материальной ценности, оно заключает в себе эту ценность в силу авторитета государства» [49, с. 12].

Номинализм наполняет деньги чисто функциональным содержанием. По И. С. Гезелю, не денежный материал, а только функция средства обмена обеспечивает нужность и возможность существования денег [533, с. 149]. Отсюда и функциональные дефиниции денег:

- все, что повсеместно принимается при исполнении обязательств (Д. Х. Робертсон [588, с. 4]);

- любое средство обмена, любое средство платежа, получившее всеобщее распространение (И. Б. Кросс [515, с. 20]);

- все, что предназначено для использования главным образом в качестве средства обмена (Ф. А. Брэдфорд [512, с. 3]);

- все, что добровольно и повсеместно принимается в обмен на товары и услуги (Г. Уайт [612, с. 1]);

- все, что выполняет роль общепринятого средства обмена (П. Э. Самуэльсон [357, с. 931]);

- любое общепринятое средство платежа (А. Кемп [552, с. 3]);

- все, что повсеместно принимается в оплату товаров, услуг или долгов (Энциклопедия Американа [615, с. 349]).

Подобное понимание денег присутствует в современной отечественной литературе¹.

Следует отметить, что помимо товарной и номиналистической концепций встречаются иные суждения о природе денег. Г. Д. Маклеод [250, с. 26], А. М. Иннес [546, с. 76], М. Меллор [572, с. 14] усматривают в деньгах кредитно-долговую суть. По мнению Д. Р. Хикса, «истинные деньги... являются не чем иным, как самым совершенным видом ценных бумаг» [458, с. 283]. Согласно Б. И. Соколову, «деньги — это рыночная форма универсального требования... на долю стоимости богатства общества» [141, с. 23]. По выражению Ф. Содди, «деньги — ничто, которое вы получаете за что-либо,

¹ См.: Гаврилов А. Н. Эволюция денег и современные проблемы денежно-кредитного обращения России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. СПб., 1998. С. 22–23 ; Злобина Л. А. Деньги, кредит, банки : учеб. пособие. М., 2002. С. 8 ; Рыжачков А. А. Деньги и денежные агрегаты: воспроизводственный подход : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. Иваново, 2003. С. 29 ; Грибов А. Ю. Институциональная природа денег и ценных бумаг : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. М., 2006. С. 29 ; Галицкая С. В. Деньги. Кредит. Финансы : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 21 ; Перепеченко В. П. Деньги. Кредит. Банки : учеб. пособие. М., 2008. С. 6 ; Деньги, кредит, банки : учебник / Н. В. Байдукова [и др.] ; под ред. Г. Н. Белоглазовой. М., 2012. С. 14.

прежде чем вы можете получить всё, что угодно» (перевод авт. — С. П.) [598, с. 24].

В докторской диссертации Ю. В. Базулина деньги предложено рассматривать как «универсальный символ, который есть сплав всех символических благ, выработанных и накопленных обществом» [32, с. 193–194]. «Деньги — это любая вещь или явление, предмет или действие, которые в сознании индивида ассоциируются с понятиями власть, богатство, свобода». [32, с. 193]. «Деньги-символы могут иметь разнообразную вещную форму или не иметь ее вообще» [32, с. 195]. Общепризнанной, экономической, рыночной формой проявления сути денег-символа являются денежные знаки [32, с. 200].

Некоторые авторы видят в деньгах информационную сущность. По утверждению Е. Р. Денисова, «современные деньги — информация о стоимости, заключенная в различных носителях, за которыми законодательно закреплены специфические денежные функции» [138, с. 99]. С точки зрения В. М. Юровицкого, деньги есть информация о возможности приобретения ценности [494, с. 11]. На взгляд Л. Л. Арзумановой, «деньги — информационный носитель (монетный, бумажный, электронный и пр.), закрепленный в нормативных правовых актах, на основании которых ему придается платежная сила, выраженная в количестве денежных единиц, закрепленных в нем, и раскрывающая функции носителя соответствующей информации» [21, с. 179].

Различные представления о природе денег детерминируют их деление на основные виды. «Есть монета реальная и монета идеальная, — пишет Ш. Л. Монтескье. — Почти все цивилизованные народы употребляют идеальную монету и пришли к этому в результате превращения своей реальной монеты в идеальную» [277, с. 331–332]. Номинал реальных денег соответствует их внутренней ценности, а номинал идеальных денег превышает ее.

В контексте **товарной (металлической)** концепции природы денег в литературе называются следующие их виды:

- деньги-монеты (Д. Стюарт [600, с. 526]);
- реальные деньги (Д. П. Смит [597, с. 31], Д. Тейлор [601, с. 8]);
- стандартные деньги (Д. Кинли [554, с. 46], Ф. А. Феттер [523, с. 21], Р. В. Леффлер [559, с. 16], Г. Уайт [612, с. 23], М. Фридман [452, с. 65]);
- первичные (англ. *primary*) деньги (И. Фишер [531, с. 138]);
- товарные деньги (Л. фон Мизес [270, с. 56], Д. М. Кейнс [553, с. 8], Л. М. Болл [503, с. 30], Н. Г. Манкив [570, с. 621]);
- первобытные (англ. *barbaric*) деньги (Ф. Д. Эдди [522, с. 23]).

К **номиналистическим** видам денег относятся:

- счетные деньги (Д. Стюарт [600, с. 526], Д. П. Смит [597, с. 40], Д. Кинли [554, с. 46], Д. М. Кейнс [553, с. 3]);
- символические деньги (Д. Тейлор [601, с. 15]);

- фидуциарные деньги (И. Фишер [531, с. 138], Ф. А. Феттер [523, с. 37], Г. Уайт [612, с. 23], М. Фридман [452, с. 67]);
- декретные (англ. *fiat*) деньги (Л. фон Мизес [270, с. 57], Д. М. Кейнс [553, с. 7], Л. М. Болл [503, с. 31], Н. Г. Манкив [570, с. 622]);
- второстепенные (англ. *subordinate*) деньги (Р. В. Леффлер [559, с. 16]).

В литературе также упоминаются виды денег, отражающие их кредитно-долговую природу: кредитные деньги [270, с. 57], банковские деньги [553, с. 6], цивилизованные деньги [522, с. 19].

Таким образом, обобщение существующих знаний о происхождении денег, их функциях, природе и видах показывает отсутствие единства в понимании данного феномена и вызывает необходимость его актуального научного анализа.

2.2. Сущность и юридическая природа денег

Деньги – неотъемлемая часть системы «финансы» любого социального субъекта. Будучи открытыми, системы взаимодействуют через денежные потоки, что образно представлено на рис. 2.1¹.

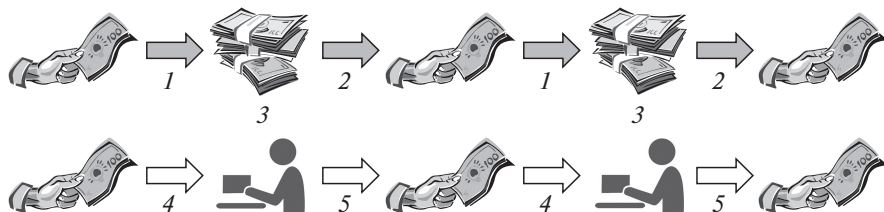

Рис. 2.1. Взаимодействие систем «финансы» через денежные потоки

Как видим, субъекты соглашаются приобретать деньги (4) и приобретают их (1), а также обладают деньгами (3), соглашаются передавать (5) и передают (2) их другим субъектам. Но обозначенное проявление денег не позволяет постигнуть их сущность, поскольку равным образом субъекты обращаются с отчуждаемыми благами (товарами). Однако это дает нам основание найти общее и особенное в понятиях отчуждаемого блага (товара) и денег, определить существенную особенность денег и тем самым познать их суть.

Благом именуется все, что пригодно для удовлетворения потребности. В свою очередь, потребность есть стремление к достижению или сохранению субъективно желаемого состояния. Связанный с благом потенциал удовлетворения потребности мы называем полезностью.

¹ Разработка автора.

По К. Менгеру, все блага делятся на две категории: «С одной стороны, материальные блага (включая сюда и все силы природы, поскольку они являются благами) и с другой стороны — полезные человеческие действия (в соответствующем случае бездействия), из которых наибольшую важность представляет труд» [267, с. 70]. Очевидно, только материальные блага могут быть отчуждаемыми, если, конечно, они не относятся к даровым, т. е. тем, «которые никем не присвоены и доставляются природой без приложения усилий человека» [264, с. 114]. Не относящиеся к даровым блага именуется редкими. Как отмечает Л. Вальрас, «они не существуют в таком количестве, что каждый из нас может иметь их сколько угодно для полного удовлетворения своей потребности» [76, с. 17]. Следовательно, отчуждаемые — это редкие материальные блага.

Полезность отчуждаемого блага (количества блага), обеспечивающая субъекту оптимальную в наличных условиях выгоду от потребления, вызывает у него желание получить или сохранить господство над этим благом (количеством блага) для действительного удовлетворения потребности, т. е. выступает причиной потребительного интереса к обладанию благом.

Целью обладания отчуждаемым благом бывает не только потребление, но и получение дохода (rentы) от него, коллекционирование благ, а также обозначение (подчеркивание) своего социального статуса. Стало быть, кроме потребительного, мы можем выделить инвестиционный, коллекционный и символизационный интересы к обладанию благом. Для удобства назовем их «ПИКС-интересы».

В социальной действительности субъекты, проявляющие ПИКС-интересы, обычно не обладают соответствующим благом и потому хотят получить господство над ним. Следовательно, у остальных субъектов возникает возможность предоставить такое господство за вознаграждение. Иначе говоря, им открывается потенциал обмена блага. Если у субъекта нет собственных ПИКС-интересов к обладанию благом (количеством блага), то потенциал его обмена, обеспечивающий субъекту оптимальную в наличных условиях меновую выгоду, порождает у него желание получить или сохранить господство над этим благом (количеством блага) для действительного обмена, т. е. является причиной менового интереса к обладанию благом. Когда в отношении отчуждаемого блага возникает меновой интерес, оно именуется товаром.

Товар, как правило, становится объектом менового интереса сразу нескольких или многих субъектов, что приводит нас к общественному меновому интересу. Последний повышает потенциал обмена: товар можно предложить не только субъекту ПИКС-интересов, но и посреднику (субъекту менового интереса). Другими словами, общественный меновой интерес детерминирует обращение товара.

В нашем рассуждении о понятии отчуждаемого блага (товара) мы пришли к общественному меновому интересу. Логическое продолжение избранного пути к сущности денег — рассмотрение всеобщего менового интереса.

Всеобщий меновой интерес к обладанию объектом означает, что все участники экономического оборота хотят получить или сохранить господство над ним с целью обмена и никто не имеет в отношении данного объекта ПИКС-интересов. Убеждены, что объект всеобщего менового интереса — это и есть деньги. Не имея возможности доказать настоящее утверждение эмпирически, мы принимаем его за постулат.

Применительно к деньгам признак всеобщности широко используется в литературе:

- всеобщее орудие торговли (А. Смит [365, с. 36]);
- всеобщее средство взаимного обмена труда людей (И. Кант [187, с. 203]);
- всеобщий товар (Г. В. Ф. Гегель [99, с. 44], Д. П. Смит [597, с. 22], С. Бэйли [501, с. 1], Г. Ф. В. Рошер [589, с. 346], К. Маркс [258, с. 100], У. С. Джевонс [549, с. 4]);
- всеобщая ценность вещей и работ (Г. В. Ф. Гегель [98, с. 321]);
- всеобщее мерило ценности (Э. Нассе [284, с. 1], Ф. Бендиксен [49, с. 9]);
- всеобщее покупательное средство (Ф. Тённис [397, с. 77]);
- всеобщее принятое за мерило ценности меновое благо (М. Литовченко [237, с. 7]);
- всеобщее орудие обмена (Л. А. Лунц [247, с. 30]);
- всеобщий эквивалент (Р. Гильфердинг [105, с. 55]; В. А. Дмитриев-Мамонов [149, с. 4], А. А. Рыжачков [348, с. 29] и др.¹);
- всеобщее средство платежа (В. П. Перепеченко [312, с. 6]);
- форма всеобщей непосредственной обмениваемости на все другие товары (М. А. Абрамова [139, с. 24]).

Будучи объектом интереса, отчуждаемые блага (товары) и деньги суть ценности. Здесь мы опираемся на теорию Р. Б. Перри: «Любой объект, каким бы он ни был, становится ценностью, когда в отношении него возникает какой-либо интерес» (перевод авт. — С. П.) [581, с. 115—116]. Ценность выступает общей характеристикой отчуждаемого блага (товара) и денег, обнаруживает их сходство, но не тождество.

¹ См.: Леонтьев В. Е., Радковская Н. П. Финансы, деньги, кредит и банки : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. С. 216 ; Казимагомедов А. А., Гаджиев А. А. Деньги, кредит, банки : учебник. М., 2007. С. 12 ; Малахова Н. Г. Деньги. Кредит. Банки : учеб. пособие. Ростов н/Д, 2007. С. 5 ; Галицкая С. В. Деньги. Кредит. Финансы : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 21 ; Панюшкина О. М. Экономическая природа денег и ее эволюция : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. Чебоксары, 2010. С. 73 ; Деньги. Кредит. Банки : учебник / Е. Ф. Жуков [и др.] ; под ред. Е. Ф. Жукова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 8 ; Авагян Г. Л., Ханина Т. М., Носова Т. П. Деньги, кредит, банки : учеб. пособие. М., 2011. С. 25 ; Деньги. Кредит. Банки : учебник и практикум / В. П. Битков [и др.] ; под ред. В. Ю. Катасонова, В. П. Биткова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 22.

Во-первых, ценность предопределяется интересом к объекту. Значит, в отличие от отчуждаемых благ (товаров) деньги — всеобщая меновая ценность.

Во-вторых, отчуждаемое благо (товар) — ценность материальная (вещественная). Деньги же — идеальная ценность. Долгое время они воспринимались исключительно как материальные объекты (например, жемчужины, меха и шкуры животных, металлы), но современные (безналичные) деньги исключают из их понятия вещественное содержание. Не подтверждают его и наличные деньги (банкноты, монеты), так как являются не деньгами, а инструментом обладания ими.

В-третьих, отчуждаемое благо (товар) становится ценностью только при возникновении в отношении него интереса. Когда со всей своей полезностью и потенциалом обмена оно никому не нужно, нет ни интереса, ни ценности. Поэтому ценность отчуждаемого блага (товара) есть лишь акциденция — нечто появляющееся, необязательное и несущественное в нем.

Всеобщность интереса предполагает его постоянство, в противном случае его нельзя назвать всеобщим. Следовательно, деньги — объект постоянного интереса, или постоянная ценность. Иначе говоря, деньги не могут не быть ценностью. Значит, ценность — это их субстанция (содержание), а всеобщая меновая ценность — сущность, отличающая деньги от «неденег».

Потенциал обмена товара порождает меновой интерес к нему и делает его меновой ценностью на основе ПИКС-интересов субъектов, желающих получить господство над данным товаром. Деньги же не бывают объектом ПИКС-интересов, потому не имеют такого конечного спроса. Тем не менее у всеобщей меновой ценности есть свое основание, а именно социальный порядок, прежде всего — правопорядок.

Социальный порядок (правапорядок) представляет собой нормативную (правовую) структуру социальной системы — сложившиеся отношения субъектов данной системы, отвечающие принятым в ней социальным (правовым) нормам. Идея всеобщей меновой ценности реализуется в социальном порядке, когда социальная система признает ее и обеспечивает через социальные нормы, устанавливая форму, стандарт и правила обращения такой ценности.

Признание идеи денег заключается в ее осмысленном принятии субъектами социальной системы и формировании убеждения в том, что все хотят получить или сохранить господство над деньгами с целью обмена. Согласно Ф. К. фон Савиньи, всеобщность признания ценности денег означает всеобщую уверенность, «в силу которой каждый охотно признает за деньгами такую ценность и знает, что всякий другой готов будет принять их от него по той же цене» [355, с. 279].

Всеобщность и меновой характер ценности придают деньгам существенную (качественную) определенность. Но обмен подразумевает пропорции — количественное соотношение обмениваемых объектов. Следовательно, деньги должны иметь не только качественную, но и количествен-

ную определенность, для чего в их содержании выделяется нормативная величина всеобщей меновой ценности — единица измерения количества денег, или валюта (например, белорусский рубль, доллар США, евро). Она выражает содержание денег в единстве качественного и количественного. Валюта — это форма денег.

Содержание денег идеально, потому выражающая его форма (валюта) тоже является таковой. Как пишет С. Шарапов, «идеальная, наилучшая форма денег — абсолютный знак, единица меры, отвлеченная, как метр, аршин, ведро. Это уже высказано, теоретически обосновано и можно считать бесспорным» [476, с. 8].

Будучи формой всеобщей меновой ценности, валюта принимается за стандарт любой ценности при обмене. Валютный стандарт отождествляет всеобщую меновую ценность денежной единицы с ценностью некоторого количества блага или набора благ и тем самым задает уровень цен. Например, золотой валютный стандарт показывает количество чистого золота, приходящееся на денежную единицу.

Так, в соответствии с п. 3 Монетного устава Российской империи 1899 г. [686] рубль содержал 17,424 доли, или 0,774234 грамма чистого золота. По п. 1 Декрета Совета народных комиссаров РСФСР от 26 октября 1922 г. [723] червонец имел 1 золотник и 78,24 доли, или 7,74234 грамма чистого золота.

На валютно-финансовой конференции ООН, состоявшейся в июле 1944 г. в г. Бреттон-Вудс (США) и утвердившей Статьи соглашения Международного валютного фонда, было решено, что стандарт валюты каждого члена Фонда должен быть выражен в золоте или привязан к доллару США, обеспеченному золотом того веса и пробы, которые зафиксированы на 1 июля 1944 г. (секция 1(а) статьи IV упомянутых Статей соглашения) [813, с. 945]. В силу Прокламации президента США от 31 января 1934 г. № 2072 к 1 июля 1944 г. доллар США содержал 320/21 грана золота 9/10 пробы, или 0,888671 грамма чистого золота [805, с. 70].

Советский Союз участвовал в конференции, но не ратифицировал ее итоговые документы, потому не был членом Международного валютного фонда. Однако с 1 марта 1950 г. Совет Министров СССР установил золотое содержание рубля в 0,222168 грамма чистого золота и определил курс рубля по отношению к доллару США 4 рубля за 1 доллар США [687]. С 1 января 1961 г. новое золотое содержание рубля составляло уже 0,987412 грамма чистого золота, а курс — 90 копеек за 1 доллар США [298], но это был рубль, деноминированный с той же даты в 10 раз [724] — его золотое содержание по сравнению с дореформенным рублем стало меньше в 2,25 раза. С опубликованием Закона СССР от 11 декабря 1990 г. «О Государственном банке СССР» [653] официальное соотношение между рублем и золотом или другими драгоценными металлами не устанавливается (п. 2 ст. 10).

Международная практика золотого валютного стандарта была юридически прекращена с 1 апреля 1978 г., когда вступила в силу вторая поправка Статей соглашения Международного валютного фонда, по которой «в рамках международной валютно-финансовой системы, имеющей форму, преобладавшую на 1 января 1976 года, валютный режим может включать... поддержание государством-членом стоимости своей валюты в специальных правах заимствования или, по выбору государства-члена, в другом эталоне стоимости, кроме золота...» (секция 2 (b) статьи IV) [621].

В наше время введение новой валюты происходит в условиях сложившегося уровня цен и состоит в замене существующей валюты. Поэтому новый валютный стандарт может быть установлен путем фиксации количественного соотношения «приходящей» и «уходящей» валюты. К примеру, 31 декабря 1998 г. Совет Европейского союза зафиксировал конверсионный курс евро к валютам государств-членов, принимавших евро с 1 января 1999 г.: 1 евро = 40,3399 бельгийского франка, 1,95583 немецкой марки, 166,386 испанской песеты и т. д. (ст. 1 Регламента Совета Европейского союза № 2866/98 от 31 декабря 1998 г. [789]).

После распада СССР Республика Беларусь и ряд других бывших советских республик сохранили прежнюю валюту — рубль. Валютный стандарт «белорусского» рубля был фактически признан равным стандарту советского рубля, т. е. определен конверсионным путем. Но только с принятием постановления Правления Национального банка Республики Беларусь от 18 мая 1994 г. № 5 [750] и постановления Верховного Совета Республики Беларусь от 19 октября 1994 г. «О платежном средстве Республики Беларусь» [714] белорусская валюта получила официальное юридическое оформление и наименование — белорусский рубль.

Валюта как денежная единица есть мера ценности, что предполагает ее постоянство. «Мерою или единицею, — пишет русский метролог Ф. И. Петрушевский, — называется в обширном смысле всякая величина, принятая для определения отношений, то есть измерения величин, с нею однородных; в обыкновенном же значении... она есть постоянная или назначенная постоянною именованная величина для измерения однородных же предметов, в общегитии и торговле наиболее встречающихся» [314, с. 1]. Следовательно, социальная система должна не только установить валютный стандарт, но и поддерживать его стабильность. Способствовать стабильности валют призван и Международный валютный фонд (часть (iii) статьи I Статей соглашения).

Обращение денег требует правил. С учетом идеального характера всеобщей меновой ценности оно возможно двумя способами: посредством финансовых инструментов и путем оказания финансовых услуг.

К финансовым (валютным) инструментам обращения денег в настоящее время относятся банкноты и монеты. Так, владение банкнотой номиналом в 100 денежных единиц означает принадлежность такого количества

денег владельцу банкноты. Соответственно, передача этой банкноты другому лицу влечет переход к нему данного количества денег.

Подобные суждения применимы и к первобытной валюте. Возьмем, например, самую распространенную — каури (англ. *cowry*), представляющую собой раковину моллюска мелководных регионов Индийского и Тихого океанов [518, с. 36]. Она имела естественный валютный стандарт: одной каури (денежной единице) соответствовала ценность одной каури (абстрактной раковины). Валютный инструмент здесь тоже был естественный — каури (конкретная раковина). С передачей 100 каури другому лицу последнее получало деньги в количестве 100 каури.

Современные финансовые (банковские) услуги, обеспечивающие обращение денег, заключаются в ведении банками денежных счетов и осуществлении переводов. Кредитовое сальдо (исходящий остаток) счета клиента показывает принадлежность ему количества денег в сумме остатка. Вследствие банковского перевода происходит кредитование счета бенефициара, т. е. переход к последнему количества денег в сумме кредита его счета.

Таким образом, в результате актуального научного анализа мы приходим к выводу, что в общенаучном плане **деньги** — это основанная на социальном порядке (правопорядке) всеобщая меновая ценность в форме валюты. Они идеальны, потому их не следует отождествлять с товаром и материальными валютными инструментами (банкнотами, монетами).

Юридическая природа денег обнаруживает себя в правовом определении данного феномена. С этой целью следует прежде всего обратиться к дефинитивным нормам права, отражающим волю законодателя в части легального понимания денег.

Согласно п. 1 ст. 141 ГК Беларуси «белорусский рубль является законным платежным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории Республики Беларусь». Следовательно, деньги в форме белорусского рубля — законное платежное средство. Подобные положения относительно национальной валюты содержатся в гражданских кодексах Армении (п. 2 ст. 142) [627], Казахстана (п. 2 ст. 127) [628], Кыргызстана (п. 2 ст. 35) [626], Молдовы (ч. 1 ст. 302) [629], России (п. 1 ст. 140) [632], Таджикистана (п. 3 ст. 155) [630], Узбекистана (ч. 2 ст. 94) [631], Украины (п. 1 ст. 192) [634] и в п. 3 ст. 21 Закона Туркменистана от 25 марта 2011 г. «О Центральном банке Туркменистана» [674]. В Азербайджане это вытекает из ч. 3 ст. 19 Конституции Азербайджанской Республики [618].

В то же время законным платежным средством белорусский законодатель называет не только валюту, но и валютные инструменты — «банкноты и монеты, выпущенные в обращение Национальным банком» (ч. 3 ст. 29 Банковского кодекса Республики Беларусь [622], далее — БК Беларуси). Такая номинация валютных инструментов встречается в законодательстве других стран Содружества Независимых Государств (например, ч. 2 ст. 29

Федерального закона Российской Федерации от 10 июля 2002 г. «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [673]).

В соответствии с секцией 5103 раздела 31 Кодекса законов США (31 USC 5103) «монеты и валюта США (включая банкноты Федеральной резервной системы и находящиеся в обращении банкноты федеральных резервных и национальных банков) являются законным платежным средством для погашения всех долгов, а также уплаты налогов, сборов и пошлин» (перевод авт. — С. П.) [781]. Заметим, что в США оплата товаров и услуг не считается погашением долга — в таких случаях частные лица не обязаны принимать предлагаемые им монеты и банкноты. Например, магазины могут обусловить продажу товаров оплатой посредством банкнот номиналом, не превышающим 20 долларов США [561].

В некоторых штатах США принят разработанный Национальной конференцией уполномоченных по унификации права штатов (the National Conference of Commissioners on Uniform State Laws) Единый закон о денежных услугах (Uniform Money Services Act) [804], по которому (секция 102 (12)) «деньги означают средство обмена, санкционированное или принятое Соединенными Штатами Америки или иностранным государством. Данный термин включает денежную счетную единицу, установленную межгосударственной организацией или по соглашению двух или более государств» (перевод авт. — С. П.).

Согласно секции 1 (2) Закона Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 10 февраля 1954 г. «О валюте и банкнотах» (Currency and Bank Notes Act 1954) [790] все банкноты, эмитированные в соответствии с данным законом, являются законным платежным средством в Англии и Уэльсе, а имеющие номинал менее 5 фунтов стерлингов — в Шотландии и Северной Ирландии. Монеты объявлены законным платежным средством секцией 2 Закона от 12 мая 1971 г. «О монетной системе» (Coinage Act 1971) [786].

В денежном обращении Европейского союза с 1 января 2002 г. меняются банкноты евро — законное платежное средство по п. 1 ст. 128 консолидированной версии Договора о функционировании Европейского союза [812]. С той же даты аналогичный статус имеют и монеты евро, но никто не обязан принимать более 50 монет одним платежом (ст. 11 Регламента Совета Европейского союза № 974/98 от 3 мая 1998 г. [788]).

Как видим, законодатель определяет деньги, а точнее валюту и (или) валютные инструменты, через понятие законного платежного средства. По п. 1 Рекомендации Европейской комиссии от 22 марта 2010 г. [787] законное платежное средство подразумевает:

— обязательность принятия: кредитор в платежном обязательстве не может отказаться от принятия банкнот и монет евро, если стороны не договорились об ином средстве платежа;

— принятие по номиналу: денежная ценность банкнот и монет евро эквивалентна указанной на них денежной сумме;

— возможность освобождения от платежных обязательств: должник может освободить себя от платежного обязательства предоставлением кредитору банкнот и монет евро.

Приведенная позиция Европейской комиссии обоснована в литературе. По утверждению У. С. Джевонса, законным платежным средством обозначаются деньги, которые кредитор обязан принять в погашение долга [549, с. 75]. Предоставление их кредитору в уплату долга, отмечает Д. Кинли, является достаточным для исполнения обязательства [554, с. 47]. При этом погашение долга происходит по денежному номиналу [613, с. 51]. На подобные характеристики законного платежного средства указывают И. Фишер [531, с. 135], Ф. А. Феттер [523, с. 48], И. Б. Кросс [515, с. 25], Ф. А. Брэдфорд [512, с. 38], Г. Уайт [612, с. 35], Ф. А. фон Хайек [541, с. 36].

Развернутое суждение о законном платежном средстве присутствует в работе Л. А. Лунца «Деньги и денежные обязательства. Юридическое исследование» (1927). «При наличии в гражданском обороте кредита, при существовании сделок, по которым исполнение отсрочено, для государства открывается возможность назвать тот предмет, который должен служить к р а й н и м и п р и н у д и т е л ь н ы м средством исполнения обязательств: к р а й н и м в том смысле, что предмет этот заменяет собой действительный предмет долга, если предоставление последнего становится невозможным без, однако, того, чтобы эта невозможность освободила должника; п р и н у д и т е л ь н ы м в том смысле, что должник может освободиться от обязательства предоставлением этого предмета, а веритель должен его принять, если не хочет впасть в просрочку» [247, с. 30–31]. Предмет, служащий универсальным суррогатом исполнения имущественных обязательств, по мнению Л. А. Лунца, и есть законное платежное средство [247, с. 31].

Правовая номинация денег (валюты) и (или) валютных инструментов как законного платежного средства порождает соответствующие юридические дефиниции. «С юридической точки зрения, — пишет Л. фон Мизес, — деньги есть не общее средство обмена, а общепризнанное средство платежа или исполнения кредитной сделки» [270, с. 66]. В правовом видении Р. Д. Хоутри, «деньги — это средство погашения долга» (перевод авт. — С. Л.) [540, с. 16]. На взгляд М. А. Коростелева, деньги — «это средство платежа, служащее определением меры стоимости товаров, находящихся в экономическом обороте, и выраженное в денежной единице государства или иного публично-правового образования» [203, с. 32]. Однако мы полагаем, что понятие законного платежного средства юридическую природу денег не раскрывает.

Во-первых, оно отражает лишь юридическую функцию денег, а не их юридическую природу. Последняя призвана показать, что есть деньги

в праве по своей сути, каково их юридическое существо. Следовательно, она должна следовать из сущности, а не функций денег.

Во-вторых, законным платежным средством именуется деньги в национальной валюте. Но если в этом состоит их юридическая природа, то иностранная валюта в данном государстве к деньгам юридически не относится. Однако куплю-продажу товаров за иностранную валюту законодатель не называет меной; банки принимают вклады (депозиты) и ведут счета в иностранной валюте. Стало быть, иностранная валюта — деньги, но, не будучи законным платежным средством, она не является крайним и принудительным средством исполнения обязательств.

В-третьих, свойство законного платежного средства обычно приписывают определенным валютным инструментам (банкнотам, монетам), которые деньгам не тождественны. Тогда понятие законного платежного средства вообще не способно выявить юридическую природу денег.

Сущность денег заключается во всеобщей меновой ценности: они представляют собой объект, над которым все участники экономического оборота хотят получить или сохранить господство с целью обмена. В переводе на правовой язык деньги — это объект, в отношении которого все участники гражданского оборота хотят получить или сохранить субъективное право с целью заключения или исполнения возмездного договора. С учетом их идеального содержания и валютной формы мы можем прийти к выводу, что по своей юридической природе **деньги** — идеальный объект субъективного права в форме валюты. В системе объектов гражданских прав присутствуют и другие идеальные объекты, но только деньги существуют в валютной форме. При этом в национальной валюте они признаются законным платежным средством, или крайним и принудительным средством исполнения обязательств в данном государстве.

Согласно ст. 128 ГК Беларуси деньги как объект гражданских прав относятся к вещам. Такой же подход законодателя мы наблюдаем в гражданских кодексах Азербайджана (ст. 135) [625], Кыргызстана (ст. 22), Молдовы (ст. 288), Таджикистана (ст. 142), Туркменистана (ст. 167) [633], Узбекистана (ст. 81) и Украины (ст. 177). Гражданский кодекс России к вещам относит лишь наличные деньги (ст. 128). В Казахстане деньги отделены от вещей, но к ним по общему правилу применяется правовой режим вещей (ст. 115 Гражданского кодекса Казахстана).

Представление о вещном характере денег получило поддержку в литературе второй половины XIX — начала XX в. «Деньги не знаки, не метки, не расчетные марки, а вещи», — утверждал П. Цитович [466, с. 29]. По мнению М. Литовченко, «деньги есть движимая и заменимая вещь (в смысле *res corporalis*)» [237, с. 33]. Подобные взгляды разделяли К. Н. Анненков [19, с. 286], Д. И. Мейер [266, с. 467], Г. Ф. Шершеневич [479, с. 58].

В советской цивилистике идея «деньги — вещь» была общепринятой¹. Но в силу ст. 4 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. [685] деньги относились к объектам гражданских прав уже не в составе вещей, а наряду с ними. Однако эта норма действовала недолго и законодателями постсоветских государств воспринята не была.

Традиция вещного понимания денег сохраняется по настоящее время². Вместе с тем мы наблюдаем и критическое отношение к ней. По мнению

¹ См.: *Луц Л. А.* Деньги и денежные обязательства. Юридическое исследование // Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. 2-е изд., испр. М., 2004. С. 99; Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / Д. М. Генкин [и др.]; под ред. Д. М. Генкина. М., 1950. Т. 1. С. 207; Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. П. Грибанов [и др.]; под ред. И. Б. Новицкого, П. Е. Орловского. М., 1959. Т. 1. С. 237; Советское гражданское право : учебник / Д. М. Генкин [и др.]; под ред. Д. М. Генкина, Я. А. Куника. М., 1967. С. 100; *Иoffee О. С.* Советское гражданское право. М., 1967. С. 236; Советское гражданское право : учебник : в 2 ч. / А. А. Пушкин [и др.]; под ред. В. Ф. Маслова, А. А. Пушкина. Киев, 1977. Ч. 1. С. 156; Советское гражданское право : учебник : в 2 ч. / К. К. Лебедев [и др.]; под ред. В. Т. Смирнова, Ю. К. Толстого, А. К. Юрченко. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1982. Ч. 1. С. 147; Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / О. А. Красавчиков [и др.]; под ред. О. А. Красавчикова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1985. Т. 1. С. 185; Советское гражданское право : учебник : в 2 ч. / Н. А. Безрук [и др.]; под ред. В. А. Рясенцева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1986. Ч. 1. С. 175; Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. А. Тархов [и др.]; под ред. Ю. Х. Калмыкова, В. А. Тархова. Саратов, 1991. Т. 1. С. 135.

² См.: *Тархов В. А.* Гражданское право. Общая часть : курс лекций. Чебоксары, 1997. С. 193; Гражданское право : учебник : в 2 ч. / М. В. Антокольская [и др.]; под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. М., 1997. Ч. 1. С. 117; Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Н. Г. Валеева [и др.]; под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгалов, В. А. Плетнева. М., 1998. Ч. 1. С. 156; Гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем [и др.]; под ред. Е. А. Суханова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. Т. 1. С. 312; Гражданское право России. Общая часть : курс лекций / М. И. Брагинский [и др.]; под ред. О. Н. Садикова. М., 2001. С. 279; Гражданское право : учебник / Т. В. Богачева [и др.]; под ред. С. П. Гришаева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 62; *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Книга пятая : в 2 т. 2-е изд., стер. М., 2011. Т. 1 : Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. С. 147; *Протас Е. В.* Гражданское право : учебник. М., 2007. С. 90; Гражданское право : учебник : в 3 т. / А. В. Каравай [и др.]; под ред. В. Ф. Чигира. Минск, 2008. Т. 1. С. 416; Гражданское право : учебник : в 2 т. / О. Н. Садиков [и др.]; под ред. О. Н. Садикова. М., 2009. Т. 1. С. 163; *Зенин И. А.* Гражданское право : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. образование, 2009. С. 122; Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. М., 2011. Т. 1. С. 384; *Белов В. А.* Гражданское право : в 4 т. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2016. Т. II : Общая часть : в 2 кн. Кн. 1 : Лица, блага. С. 339; Гражданское право : учебник / В. А. Бессонов [и др.]; под ред. М. В. Карпычева, А. М. Хужина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 77; Гражданское право : учебник : в 3 т. / В. В. Байбак [и др.]; под ред. Ю. К. Толстого. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2013. Т. 1. С. 264.

И. А. Шкаринова, деньги напрочь лишены свойств, оправдывающих их отнесение к вещам [486, с. 116]. Они не имеют собственной потребительской стоимости и являются лишь мерой стоимости других вещей, полагает К. Т. Трофимов [407, с. 40]. «Легальное отнесение денег к вещам, — пишет В. А. Лапач, — изжило себя как в историческом, так и в юридическом и в экономическом плане» [222, с. 413]. Подобная позиция присутствует в зарубежной литературе. Так, Ч. Проктор, рассуждая о понятии денег как движимой вещи (англ. *chattel*), пришел к выводу, что в свете развития финансовых рынков и современного опыта данный аспект определения денег утратил свою актуальность [583, с. 31].

Отметим, дефиниция вещи в нашем законодательстве отсутствует. Представляется, что из всего класса существующих в реальности вещей соответствующее юридическое понятие включает только объекты фактического господства человека. Как указывает К. И. Скловский, «одним из решающих свойств объекта права следует считать его способность быть предметом власти человека» [364, с. 135]. Следовательно, для отнесения того или иного объекта к гражданско-правовым вещам требуется одновременно: 1) его принадлежность к классу вещей; 2) возможность фактического господства над ним.

В самом общем значении вещь — это все, что может быть объектом мысли [228, с. 393]. В философском дискурсе есть также понятие, характеризующее вещь как физически ограниченную часть вещественной материи, т. е. тело [303, с. 25]. Стало быть, класс вещей образуют либо мыслимые объекты (вещи в широком смысле), либо только тела (вещи в узком смысле).

В данном контексте Ю. С. Гамбаров отмечает, что «объекты права, получаемые нами из внешнего мира, носят общее название “вещи”, которое на языке юридических понятий имеет два смысла: широкий и тесный. В первом оно означает предмет как объект права вообще, т. е. все, что не есть субъект права, или все те материальные и идеальные блага, которые служат удовлетворению защищенных общественной властью интересов. <...> Во втором, т. е. в тесном смысле, под вещью разумеется лишь то, что находится в пространстве и ограничивается пространством, или все то, что воспринимается непосредственно нашими органами чувств... Это — так называемые *физические, или телесные, вещи...*» [93, с. 583–584]. По мнению Ю. С. Гамбарова, правовое понятие вещи должно опираться на ее телесный характер, так как «понятие вещи получает значение для права только тогда, когда оно наделяется особыми признаками, отличающими вещь от других объектов и дающими ей, так сказать, специальную юридическую метку. Эту специальную метку вещи в области права составляет прежде всего ее *телесное бытие...*» [93, с. 584].

Древнеримские юристы выделяли как телесные, так и бестелесные вещи. Согласно 2-й книге институций Гая, «некоторые вещи суть телесные,

некоторые — бестелесные. Телесные вещи — те, которые могут быть осязаемы, например участок земли, человек (раб), золото, серебро и, наконец, другие неисчислимые вещи. Бестелесные вещи — те, которые не могут быть осязаемы; таковы те вещи, которые заключаются в праве» [146, с. 143]. По утверждению К. фон Чиларжа, «только первые из них суть вещи в юридическом смысле» [473, с. 90].

Анализ современного гражданского законодательства (например, ст. 128 ГК Беларуси), в котором вещи отделены от имущественных прав, интеллектуальной собственности, нематериальных благ, позволяет заключить, что право признает вещи только в их узком (телесном) смысле. Заметим, в Германии и Нидерландах это закреплено в нормативном порядке: «Вещами в смысле закона являются лишь телесные предметы» (§ 90 Гражданского уложения Германии [638], далее — ГК Германии), «Вещи — физические объекты, которые может контролировать человек» (перевод авт. — С. Л.) (ст. 3:2 Гражданского кодекса Нидерландов [799], далее — ГК Нидерландов).

Таким образом, если какой-либо объект 1) не принадлежит к классу вещей в их узком (телесном) смысле, либо 2) фактическое господство над ним невозможно, то он не может быть гражданско-правовой вещью.

Как мы установили ранее, деньги — ценность идеальная. Они не имеют материальной субстанции, не занимают место в пространстве, непосредственно не воспринимаются нашими органами чувств. Они не тождественны банкнотам и монетам: последние являются лишь инструментом обладания деньгами, свидетельством о праве на них. А безналичные деньги вообще не предполагают вещественного содержания. Следовательно, деньги не принадлежат к классу вещей в их узком (телесном) смысле и потому не могут быть гражданско-правовой вещью.

Помимо вещного понимания денег, в литературе присутствует и обязательственный взгляд на них, порожденный дискуссией о правовой природе безналичных денег.

С точки зрения Л. Г. Ефимовой, «безналичные деньги... являются правами требования» [156, с. 221]. По мнению В. А. Лапача, «деньги в безналичной форме имеют объективно-реальное существование лишь как специфическое обязательственное право требования владельца счета к соответствующей кредитной организации» [222, с. 281]. Л. А. Новоселова называет его абстрактным, безусловным и не ограниченным сроком правом на деньги [296, с. 17]. Таким образом, «по своей юридической (гражданско-правовой) природе, — подтверждает Е. А. Суханов, — “безналичные деньги” являются не вещами, а правами требования (для их обозначения гражданское законодательство обычно использует термин “денежные средства”» [346, с. 319].

Отдельные авторы относят к субъективному праву (правовой возможности) деньги в целом. Так, Т. Б. Замотаева [161, с. 63] и М. Н. Максимушкин [251, с. 61] в своих диссертационных исследованиях пришли к одному и тому же выводу: «Деньги — это установленная действующим национальным законом правовая возможность совершения платежа как встречного удовлетворения в товарообменных экономических процессах».

Считаем данный подход ошибочным. Предположим, деньги — это субъективное право. Тогда последнее обладает всеобщей меновой ценностью, т. е. все участники гражданского оборота хотят получить или сохранить его с целью заключения или исполнения возмездного договора. Однако основная цель приобретения субъективного права заключается в его беспрепятственном осуществлении, а не передаче (уступке) другим лицам. Некоторые субъекты, конечно, получают и сохраняют право с целью его обмена, но такая мотивация правоприобретения не является всеобщей. Иначе говоря, субъективное право не обладает всеобщей меновой ценностью. К тому же оно не может существовать в форме валюты. Следовательно, деньги — это не субъективное право, в том числе не право требования.

Отметим, что по договору текущего банковского счета банк оказывает контрагенту финансовые услуги: открытие счета, учет денег владельца счета, осуществление операций по счету и т. д., а владелец счета вправе получать такие услуги. Другими словами, право владельца текущего счета — это не право денежного требования к банку, а право на получение предусмотренных законодательством и договором банковских услуг. Дело в том, что над деньгами в отличие от вещей возможно лишь юридическое (не фактическое) господство, и банки, оказывая финансовые услуги, обеспечивают его.

Таким образом, деньги, будучи объектом гражданских прав, не относятся ни к вещам, ни к субъективным правам, в том числе правам требования. По верному суждению К. Т. Трофимова, «деньги необходимо рассматривать в качестве самостоятельного объекта гражданских прав» [407, с. 44]. В национальной валюте они признаются законным платежным средством, или крайним и принудительным средством исполнения обязательств в данном государстве.

Помимо безналичных и наличных денег законодатель оперирует терминем «электронные деньги» — «хранящиеся в электронном виде единицы стоимости, выпущенные в обращение в обмен на наличные или безналичные денежные средства и принимаемые в качестве средства платежа при осуществлении расчетов как с лицом, выпустившим в обращение данные единицы стоимости, так и с иными юридическими и физическими лицами, а также выражающие сумму обязательства этого лица по воз-

врату денежных средств любому юридическому или физическому лицу при предъявлении данных единиц стоимости» (ч. 1 ст. 274 БК Беларуси). Согласно ст. 2 (2) Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2009/110/ЕС от 16 сентября 2009 г. [792] электронные деньги означают хранящуюся в электронном виде, в том числе на магнитном носителе, денежную ценность, представленную правом требования к ее эмитенту, которая выпущена в обращение для совершения платежных операций в обмен на денежные средства и принимается не только эмитентом, но и другими физическими и юридическими лицами.

С одной стороны, электронные деньги выражают денежное требование к их эмитенту, а с другой — они названы единицами стоимости, выпущенными в обращение в качестве средства платежа, т. е. имеют денежную природу. Как пишет С. В. Овсейко, «парадокс заключается во внутренней противоречивости самой природы электронных денег. Так, с одной стороны, они являются средством платежа, с другой — обязательством, подлежащим исполнению в обычных (неэлектронных) деньгах. Объяснить подобное можно только через историческую аналогию с другими видами денег: когда-то банкноты также рассматривались как обязательства, подлежащие оплате металлической монетой, а безналичные деньги — как обязательства, погашаемые полноценными (металлическими или бумажными) деньгами» [302, с. 36].

Представляется, что законодатель предлагает гражданскому обороту электронные деньги именно как деньги, а не денежные требования.

Во-первых, из п. 15 Правил осуществления операций с электронными деньгами, утвержденных постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 26 ноября 2003 г. № 201 [756] (далее — Правила операций с электронными деньгами), следует, что электронные деньги используются аналогично деньгам (оплата товаров, работ, услуг; уплата таможенных и иных платежей в бюджет).

Во-вторых, погашение электронных денег определено через операцию их обмена на наличные или безналичные деньги, а не исполнение обязательства эмитента (абз. 8 п. 3 Правил операций с электронными деньгами).

В Республике Беларусь эмиссия электронных денег осуществляется в белорусских рублях, но допускается распространение электронных денег, эмитированных нерезидентами в иностранной валюте (ч. 1, 4 п. 9 Правил операций с электронными деньгами). Поэтому электронные деньги — не отдельная валюта, а электронная разновидность национальной валюты. Мы называем валюту электронной для условного обозначения особенностей ее режима, а не отражения сущности. Белорусские рубли и электронные белорусские рубли — одна и та же валюта, но ее электронная разновидность имеет особый режим (табл. 2.1).

Таблица 2.1

Сопоставление режимов белорусских рублей и электронных белорусских рублей

Элемент режима	Белорусские рубли	Электронные белорусские рубли
Эмиссия	Национальный банк	Банки, небанковские кредитно-финансовые организации
Учет	Банковские счета	Электронные кошельки
Наличные	Возможны	Невозможны
Безналичное обращение	Платежная система Республики Беларусь	Системы расчетов с использованием электронных денег
Применение	Любые платежи	Розничные платежи

Находящиеся в обращении электронные белорусские рубли учитываются у эмитента по кредиту сборного лицевого счета, открытого по пассивному балансовому счету 3119, как белорусские рубли, поступившие в обмен на электронные деньги (п. 33.2 Инструкции о порядке применения плана счетов бухгалтерского учета в банках... утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 29 августа 2013 г. № 506 [725]). При этом на лицевых счетах, открываемых к указанному сборному счету, или в дополнительных регистрах ведется учет операций по каждому электронному кошельку (п. 28 Инструкции об организации ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 728 [739], далее – Инструкция о бухгалтерском учете в банках).

По белорусскому определению электронные деньги выпускаются «в обмен на наличные или безналичные денежные средства», тогда как российский законодатель называет электронными «денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом... другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета...» (п. 18 ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 27 июня 2011 г. «О национальной платежной системе» [659]). Следовательно, возможны два варианта появления электронных денег: 1) эмиссия против предоставления денег, что предполагает одновременное существование денег и созданных на их основе электронных денег; 2) приобретение предоставленными деньгами качества электронных денег.

Со второй декады XXI в. получают распространение криптовалюты, например биткоин (англ. *bitcoin*). Ее создатель, известный под именем Satoshi Nakamoto, предложил электронную платежную систему, основанную на криптографии, а не доверии финансовому институту (банку). Плательщику и получателю в такой системе посредник не нужен [577]. Биткоин – децентрализованная криптовалюта: у нее нет ни эмитента, ни

регулятора. Сатоши (1 биткоин = 100 млн сатоши) возникают как вознаграждение участника за майнинг (англ. *mining*) — процесс подтверждения и регистрации транзакций в системе [499, с. 173]. Биткоин выражает деньги в сети участников системы Биткоин.

Легальная дефиниция криптовалюты закреплена в п. 4 прил. 1 к Декрету Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 [696] (далее — Декрет № 8): «криптовалюта — биткоин, иной цифровой знак (токен), используемый в международном обороте в качестве универсального средства обмена». При этом «цифровой знак (токен) — запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой» (п. 12 того же приложения). Получается, криптовалюта есть запись в реестре блоков транзакций (блокчейне) или иной распределенной информационной системе.

Но, во-первых, валюта — это величина, единица измерения количества денег, а запись — фиксация информации о количестве денег в определенной валюте. Следовательно, запись — не валюта. К примеру, записи на банковских счетах и надписи на банкнотах (монетах) не тождественны валюте, сумму которой они показывают.

Во-вторых, записи в реестре блоков транзакций (блокчейне) лишь обнаруживают информацию об операциях в криптовалюте, что, очевидно, не дает оснований для уравнивания записи и криптовалюты.

По нашему мнению, под криптовалютой следует понимать валюту, операции с которой совершаются и фиксируются в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации. Согласно абз. 1 ч. 1 п. 3.4 Декрета № 8, абз. 3—5 ч. 1 п. 4 Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (токены)», утвержденного постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 6 марта 2018 г. № 16 [747], для целей бухгалтерского учета криптовалюта признается активом в составе товаров или готовой продукции.

Встречное предоставление при отчуждении криптовалюты ограничено токенами, белорусскими рублями, иностранной валютой и электронными деньгами (ч. 1 п. 2.2, абз. 5 ч. 2 п. 2.3 Декрета № 8). Однако подразумеваемый запрет покупки товаров, работ или услуг за криптовалюту ее денежную сущность не опровергает.

Во-первых, за криптовалюту можно купить токены, представляющие товары, работы или услуги.

Во-вторых, криптовалюта по определению используется «в качестве универсального средства обмена». Все участники распределенной децентрализованной информационной системы хотят получить или сохранить

господство над ней с целью обмена. Значит, криптовалюта — объект всеобщего менового интереса в данной системе, т. е. деньги.

Электронные деньги и криптовалюту в настоящем исследовании мы рассматриваем в составе безналичных денег.

Таким образом, познание денег через раскрытие общенаучного понятия исследуемого феномена и выявление его юридической природы позволяет прийти к выводу, что **деньги** — это основанная на социальном порядке (правопорядке) всеобщая меновая ценность в форме валюты, а в юридическом качестве — идеальный объект субъективного права в той же форме, занимающий самостоятельное место в системе объектов гражданских прав. В национальной валюте они признаются законным платежным средством, или крайним и принудительным средством исполнения обязательств в данном государстве.

2.3. Понятие денежных долгов и требований

Денежные долги и требования — необходимые компоненты монетарного состояния любого социального субъекта. Без них не обходится ни одна экономическая система современного общества. К примеру, в Республике Беларусь государственный долг на 1 августа 2019 г. составлял 42,7 млрд руб. (21,0 млрд долл. США) [117], суммарная задолженность организаций на 1 июля 2019 г. — 126,2 млрд руб. (61,8 млрд долл. США) [377], кредитная задолженность физических лиц на 1 августа 2019 г. — 12,8 млрд руб. (6,3 млрд долл. США) [379, с. 104].

В философском аспекте «долг — одно из фундаментальных понятий этики, которое обозначает нравственно аргументированное принуждение к поступкам, нравственную необходимость, фиксированную в качестве субъективного принципа поведения» [133, с. 686].

Нравственное должествование с наибольшей полнотой и последовательностью представлено в практической философии И. Канта. Его этику обоснованно называют этикой долга [183, с. 651]. По И. Канту, «долг есть необходимость [совершения] поступка из уважения к закону» [189, с. 236], «объективная необходимость поступка по обязательности» [189, с. 283]. Вместе с тем он называет долгом и сам «поступок, который кто-то обязан совершить» [187, с. 130–131], а также цель такого поступка [187, с. 318–319].

Иные этические представления о долге содержатся в немецкой философии XIX в. «Что есть долг? — спрашивает себя Г. В. Ф. Гегель. — Пока что у нас нет другого ответа, кроме следующего: совершать правое и заботиться о собственном благе и о благе во всеобщем определении, о благе других» [98, с. 153]. «Долг является самоотречением, — пишет Л. Фейер-

бах, — но самоотречением, которое диктуется мне только себялюбием других» [415, с. 341].

В работах классиков немецкой философии присутствуют суждения об имущественных долгах. И. Кант именует их отрицательными капиталами, не имея при этом в виду отрицание или простое отсутствие капиталов: «Я хочу лишь сказать, что долги представляют собой положительные основания для уменьшения капиталов» [188, с. 89]. Согласно Г. В. Ф. Гегелю, «долги не суть отрицательное сами по себе; они таковы лишь по отношению к должнику; для заимодавца они суть его положительное имущество; это — некоторая сумма денег (или чего бы то ни было, обладающего известной ценностью), которая становится долгом или имуществом по соображениям, имеющим место вне ее» [95, с. 505].

Этические идеи прошлого оказали заметное влияние на современную философию долга. Д. К. Стожко, например, определяет его через введенное И. Кантом понятие категорического императива: «Долг есть категорический императив, т. е. абсолютная, субъективная и объективная необходимость для индивида как субъекта деятельности осуществлять ее (деятельность) единственно определенным способом для достижения единственно определенной цели» [386, с. 40].

Философия дает общее представление о долге и, косвенно, о требовании, в отношении с которым он состоит. Опираясь на эти знания, мы раскроем общенаучное понятие денежного долга и требования, а в дальнейшем найдем их юридическую природу.

Очевидно, что долг не существует вне социальных отношений: он всегда обременяет одного субъекта отношений в пользу другого (индивида, группы, общества). Значит, долг — элемент регулирования социального взаимодействия, и его следует рассматривать в контексте поведения социальных субъектов.

В структуре поведения мы выделяем акты целеполагания и целеосуществления. Первый заключается в выборе из всей совокупности возможностей одной из них, когда нечто возможное становится целью. Последний же есть акт реализации цели, начинающийся с выбора варианта внешнего поведения. Возможное целеполагают как желаемое или должное. Желаемое — результат свободного выбора, претворение личных интересов. От него всегда можно отказаться. В то же время должное подразумевает принудительный выбор в силу социальных норм, воплощающих общественные интересы. Целеполагание и целеосуществление должного, если оно предписано субъекту, выходит за пределы его свободного усмотрения.

Должное есть целевое состояние. Вместе с ним полагается переход от сущего к должному, а именно должное изменение состояния. Часто говорят о должном поведении, но в нашем случае оно лишь средство осуществле-

ния должного. Иначе говоря, должное — это цель, реализуемая поведением, а не само поведение. По Р. фон Иерингу, «самое деяние никогда не бывает целью, а лишь средством, ведущим к цели» [172, с. 8].

Целевое изменение состояния, по нашему мнению, образует содержание долга. Как должное оно обязательно в силу социальных норм и направлено к общественной пользе. Нормативная обязательность и общественная польза изменения состояния обнаруживают сущность долга. Как отмечает И. Кант, «долг — это материя обязательности» [187, с. 131], «всякий долг содержит понятие принуждения со стороны закона» [187, с. 329].

Таким образом, **долг** есть нормативно обязательное и общественно полезное изменение состояния. Будучи предметом целеполагания, оно существует исключительно в возможности. С действительным изменением состояния (целеосуществлением) долг прекращается.

Денежный долг предусматривает уменьшение количества денег, или отрицательный денежный поток одного субъекта (должника) в пользу другого субъекта (кредитора). Следовательно, в общенаучном плане **денежный долг** представляет собой нормативно обязательный отрицательный денежный поток, предписанный одному субъекту (должнику) в пользу другого субъекта (кредитора).

В дефиниции денежного долга присутствует родовый признак — денежный поток, через который посредством инверсии некоторых видовых признаков мы приходим к противоположному понятию, обозначенному термином **денежное требование**. Оно включает в себе нормативно обязательный положительный денежный поток одного субъекта (кредитора) за счет другого субъекта (должника).

У долга и требования один и тот же денежный поток, но тем не менее они противоположности, отрицательное и положительное. В денежном потоке — тождество этих противоположностей, неразрывное единство долга и требования: друг без друга они существовать не могут. «Обыкновенно думают, — пишет Г. В. Ф. Гегель, — что в различии между положительным и отрицательным мы имеем абсолютное различие. Они оба, однако, в себе одно и то же, и можно было бы поэтому назвать положительное также и отрицательным и, наоборот, отрицательное — положительным. Так, например, владение и долг не есть два особых, самостоятельно существующих вида владения. То, что у одного, у должника, представляет собою нечто отрицательное, то у другого, у кредитора, есть нечто положительное. И это верно также и по отношению к пути на восток, который есть также путь на запад. Положительное и отрицательное, следовательно, существенно обуславливаются друг другом и существуют лишь в своем соотношении друг с другом» [100, с. 205].

Качественная определенность денежного долга и требования состоит в положенном изменении количества денег социального субъекта. Вме-

сте с тем изменение количества предполагает определенное количество изменения. Следовательно, денежные долги и требования обладают количественной определенностью, которая выражается в количестве положенного потока.

Юридическое представление о денежном долге и требовании мы получаем прежде всего из контекста нормативного употребления соответствующих терминов.

По ГК Беларуси участники гражданского оборота долги покрывают (ст. 79), признают (ст. 204), погашают (ст. 258), переводят на другое лицо (ст. 362), прощают (ст. 385), оплачивают (ст. 1070), а также отвечают по ним (ст. 105). Думаем, при моделировании таких операций с долгом последний означает имущественную обязанность. Однако долги также вносят в депозит (ст. 308) и взыскивают (ст. 343) — тогда они отождествляются с имуществом, подлежащим передаче кредитору.

Термин «требование» многозначен, но в материально-правовом смысле под ним разумеется субъективное имущественное обязательственное право, что следует из ст. 339-1 ГК Беларуси «Залог имущественного права (требования)» и ст. 353 ГК Беларуси, по которой «право (требование), принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу...». Впрочем, к этому выводу можно прийти и через противоположение имущественной обязанности.

Таким образом, учитывая денежный характер долга и требования, мы заключаем, что в белорусском законодательстве денежный долг представляет собой: 1) обязанность одного лица (должника) передать (уплатить) деньги другому лицу (кредитору) и 2) деньги, подлежащие уплате должником кредитору. В свою очередь, денежное требование есть право одного лица (кредитора) на получение денег от другого лица (должника).

Следует заметить, что юридическая дефиниция долга и требования содержится в законодательстве США о банкротстве, причем понятие долга базируется на понятии требования. По секции 101 (5) раздела 11 Кодекса законов США (11 USC 101 (5)) требование означает право на платеж (англ. *right to payment*), а долг, согласно секции 101 (12) того же раздела (11 USC 101 (12)), — корреспондирующую требованию обязанность (англ. *liability on a claim*) [767].

Подобные мысли о долге (требовании) мы находим в юридической литературе. К примеру, Б. Виндшейд указывает, что «противоположное праву требования обязательство называют также “долгом”, но на практике обыкновенно это последнее слово употребляется только в денежных обязательствах» [81, с. 4–5].

По мнению К. П. Победоносцева, долг следует понимать в широком и узком смыслах: «Понятие о долге в обширном смысле, т. е. обязанности исполнить, соединено со всяким обязательством; но в особливом, тесном

смысле долг означает обязанность уплатить известное заранее количество, сумму известному лицу в известное время или срок» [323, с. 35]. «В каждом обязательстве, — считает Г. ДERNбург, — можно говорить о долге, т. е. о наличной или могущей возникнуть в будущем обязанности исполнить что-либо... Но в более тесном смысле употребляют выражение “долг” только тогда, когда обязанность эта состоит в передаче имущественной ценности» [144, с. 3]. Двусмысленное восприятие долга присутствует в современной доктрине. Так, О. В. Савенкова к долгу в расширенном смысле относит обязанность стороны и регулятивного, и охранительного обязательства, а в узком смысле основной долг — обязанность денежного характера в регулятивном отношении [353, с. 27–28].

Некоторые авторы связывают долг только с денежным обязательством. Долг, полагает Л. А. Лунц, является основным видом денежного обязательства [247, с. 109]. Обязательство называют долгом лишь в тех случаях, когда его предмет заключается в передаче денег, поясняет Р. Саватье [352, с. 36]. По Е. Годэмэ, обязательство именуют долгом, «когда предметом этого обязательства служит предоставление денежной ценности» [108, с. 14].

В советской цивилистике было признано, что понятие долга выражает обязанность субъекта обязательства. Как писал О. С. Иоффе, «юридическое содержание обязательства, как и всякого иного гражданского правоотношения, образуют правомочия и обязанности его субъектов. Но в отличие от других правоотношений, правомочие здесь облекается в форму права требования, а обязанность — в форму долга» [176, с. 14]. Подобная позиция поддерживается в настоящее время (см., например, Л. А. Новоселова [297, с. 7], М. Т. Саблин [351, с. 13], Д. В. Добрачев [151, с. 36]). На взгляд Е. А. Суханова, «долг как субъективная обязанность составляет существо, специфику обязательственного правоотношения» [345, с. 40].

Относительно долга (денежного дога) в литературе есть несколько иные суждения. «В субъективном смысле, — утверждает Ю. Н. Гайдук, — долг — основанная на законе или договоре необходимость исполнения обязанностей, возникающих из получения конкретными лицами вещей или совершения каких-либо действий» [90, с. 9]. С точки зрения Е. В. Тирской, «денежный долг является наиболее распространенным видом денежного обязательства и представляет собой действия должника, направленные на предоставление денежной суммы в определенной или определенной сумме денежных единиц» [400, с. 62–63].

Понятие требования (денежного требования) в юридической науке обычно раскрывается через субъективное право. К примеру, Р. Саватье видит в требовании «право, на основании которого одно или несколько определенных лиц (кредиторы) могут получить имущество от одного или

нескольких других определенных лиц (должников)» [352, с. 36]. «Существо денежного права требования, — отмечает С. В. Тарнопольская, — состоит в праве кредитора на основании обязательства требовать от должника уплаты определенной денежной суммы» [394, с. 156].

Однако не все принимают данную позицию. Согласно Л. А. Чеговадзе, «есть право кредитора (идеальное явление действительности, совокупность субъективных правомочий) и есть объект права — требование... право существует как возможность собственного поведения, как притязание на чужое заранее определенное поведение, а требование может быть выражено через содержание имущественной обязанности должника» [469, с. 71]. Обязательственное требование и субъективное право кредитора на него разделяет также В. В. Байбак [33, с. 91]. В свою очередь С. Б. Култышев заявляет, что «требования сами по себе недопустимо рассматривать в качестве объектов прав» [219, с. 25].

Таким образом, вопрос о юридической природе денежного требования, впрочем, как и долга, решается неоднозначно и требует научного анализа.

В правовом плане **денежное требование** — это юридически обязательный положительный денежный поток одного лица (кредитора) за счет другого лица (должника).

Денежное требование предусматривает положенное увеличение количества денег у кредитора, а деньги, как мы установили ранее, есть объект всеобщего менового интереса: все участники экономического оборота хотят получить или сохранить господство над ними с целью обмена. При таком интересе все желают действительного увеличения количества своих денег, но, очевидно, многим из них интересно и положенное увеличение. Ведь положенное может и должно стать действительным. Значит, денежное требование тоже есть объект интереса. Следовательно, многие участники гражданского оборота хотят получить или сохранить в отношении него субъективное право. Другими словами, в юридическом качестве **денежное требование** — объект субъективного права.

Денежный долг, наоборот, налагает положенное уменьшение количества денег у должника, но это не ведет к тому, что участники оборота избегают долга. Они своей волей принимают его, если одновременно получают благо, деньги или требование, поскольку долг позволяет получить желаемое без немедленного встречного предоставления. Однако, приняв на себя денежный долг, они не стремятся осуществить его, так как имеют естественное желание сохранить деньги. В связи с этим законодатель не оставляет осуществление долга на усмотрение должника, а возлагает на него обязанность, надлежащее исполнение которой освобождает от долга. Иные основания прекращения обязанности и долга установлены гл. 26 ГК Беларуси «Прекращение обязательств». Вместе с тем возможно прекращение обязанности у должника и возникновение ее у другого лица,

которому должник переводит свой долг (§ 2 гл. 24 ГК Беларуси «Перемена лиц в обязательстве»). Стало быть, по своей юридической природе **денежный долг** есть объект обязанности.

Денежный долг обладает количественной определенностью, которая выражается в количестве положенного потока (определенном количестве денег). В связи с этим находим возможным употреблять термин «денежный долг» в значении денег, подлежащих уплате кредитору, когда, например, мы говорим о взыскании денежного долга и внесении его в депозит.

Таким образом, денежные долги и требования не следует отождествлять с обязанностями и субъективными правами. «Как долг не тождествен обязанности, — пишет Л. А. Чеговадзе, — так и требование не тождественно праву» [470, с. 19]. В нашем понимании долги и требования относятся к целеполаганию, а обязанности и субъективные права — к целеосуществлению. Денежный долг, в частности, указывает на положенный субъекту убыток, а обязанность предписывает его осуществить. Требование, будучи в неразрывном единстве с долгом, всегда осуществляется вместе с ним.

Суждение о существовании денежного долга и требования обычно опирается на юридические факты, подтверждающие их документы и, разумеется, правовые нормы. Они призваны обнаружить основание и количество денежного долга (требования), а также личность должника и кредитора.

Денежные долги и требования возникают из договора, вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения и иных оснований (п. 2 ст. 288 ГК Беларуси). В связи с этим исполнение (осуществление) денежного долга (требования) принимает различные формы: плата или возврат денег по договору, уплата неустойки, возмещение убытков, уплата процентов, расчеты при реституции, виндикации, кондикции и др.

Некоторые долги и требования юридически абстрагированы от их основания (causa) и называются абстрактными. «Такая абстракция, — объясняет А. С. Кривцов, — имеет только тот смысл, что веритель [кредитор] освобожден от обязанности указывать наличность causa, которая существует для него при так называемых материальных договорах...» [211, с. 181]. Абстрактным денежным долгам и требованиям противостоят материальные (каузальные).

Общие правила измерения денежного долга (требования) содержатся в законодательстве. Так, «расчеты сторон при исполнении договора осуществляются по цене, установленной соглашением сторон...» (ч. 1 п. 1 ст. 394 ГК Беларуси). «В случаях, когда в возмездном договоре цена не предусмотрена и не может быть определена исходя из условий договора, исполнение договора должно быть оплачено по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы

или услуги» (п. 3 ст. 394 ГК Беларуси). «Если иное не предусмотрено законодательством или договором, при определении убытков принимаются во внимание цены, существующие в том месте, где обязательство должно быть исполнено, в день добровольного удовлетворения должником требования кредитора, а если требование добровольно удовлетворено не было — в день предъявления иска...» (п. 3 ст. 364 ГК Беларуси).

Количество денежного долга (требования) — абсолютная величина, которая может быть установлена за определенный интервал времени. Мы называем его периодом начисления. По п. 1 ст. 191 ГК Беларуси он выражается в годах, месяцах, неделях, днях или часах, но нельзя исключать минуты и секунды (электросвязь, платная парковка и т. д.). В начальный момент периода начисления денежный долг (требование) возникает, после чего его количество растет от нуля до известной абсолютной величины, достигаемой в конечный момент. Совокупность всех периодов составляет срок начисления денежных долгов (требований) по данному основанию. Если юридический факт (состав), порождающий денежный долг (требование), наступает или отпадает в пределах периода, то указанная абсолютная величина пропорционально уменьшается, но принцип ее роста сохраняется. Однако, когда период начисления рассматривается как минимальный (неполный период приравнивается к полному), денежный долг (требование) в установленном количестве возникает сразу (без роста в пределах периода).

Период начисления определяется законодательством или договором. Будучи положенным на календарь, он индивидуализирует денежный долг (требование). Иначе говоря, один календарный период — одно обязательство. Скажем, по договору аренды с условием о ежемесячном внесении арендной платы каждый месяц возникает и растет отдельное денежное обязательство. Поскольку минимальный календарный период — это календарный день, все денежные долги и требования, возникшие по одному основанию, но в разные периоды начисления в течение дня, образуют одно обязательство.

Денежные долги и требования, определяемые за период начисления, равно как и соответствующие обязательства, мы именуем периодическими. К ним относятся обязательства по выплате ренты; внесению арендной платы; возмещению вреда, вызванного снижением трудоспособности или смертью потерпевшего; уплате процентов, пени и др. Вместе с тем мы выделяем обязательства с периодическим исполнением. Они возникают вне зависимости от каких-либо периодов начисления, но подлежат исполнению по частям в течение нескольких календарных периодов: оплата товара, проданного в рассрочку; возврат займа или кредита по графику и т. д.

Денежные долги и требования всегда связаны со своими субъектами — должниками и кредиторами — сторонами денежного обязательства. Мы видим их в диспозиции нормы. Например, по ч. 1 п. 1 ст. 763 ГК Беларуси «заемщик обязан возратить займодавцу полученную сумму займа...». Законодатель может обозначить только одну сторону, а другую подразумевать: «Арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату)» (ч. 1 п. 1 ст. 585 ГК Беларуси), из чего следует, что должник — арендатор, а кредитор — его контрагент по договору — арендодатель.

Должник и кредитор из приведенных норм обладают сведениями друг о друге, поскольку ранее они заключили договор и индивидуализировали себя. Но возможна ситуация, когда личность должника кредитор не известна. К примеру, неустановленное лицо причинило вред вещи гражданина. С одной стороны, есть достаточные основания утверждать наличие деликтного долга и требования: ведь должник (причинитель вреда) объективно существует. С другой стороны, кредитор (потерпевший) в отсутствие осведомленности о должнике не может реализовать свои права — текущая ценность (реальное количество) его требования стремится к нулю. Полагаем, в такой ситуации мы можем говорить о «спящих» долгах и требованиях, которые становятся активными в момент установления личности должника.

Заметим, срок исковой давности начинает течь «со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права» (п. 1 ст. 201 ГК Беларуси), т. е. без учета осведомленности кредитора о должнике. Между тем в России «течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права» (п. 1 ст. 200 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК России). В Германии исковая давность берет начало в момент окончания календарного года, в котором: 1) возникло притязание и 2) кредитор узнал о лежащих в основе притязания обстоятельствах и о должнике либо должен был узнать об этом, если бы не проявил грубую неосторожность (п. 1 § 199 ГК Германии). Аналогичные правила следует принять в Беларуси, предусмотрев к тому же предельный срок, как это сделано в Германии: «В отношении притязаний... применяется десятилетний срок давности после их возникновения независимо от осведомленности кредитора или его неосведомленности вследствие грубой неосторожности» (п. 4 § 199 того же акта).

Денежные долги и требования — необходимые денежные потоки, потому их исполнение (осуществление) обязательно. Так как необходимость не может быть бесконечной, исполнение (осуществление) долга (требования) имеет свой срок. «Если обязательство предусматривает или позволяет опре-

делить день его исполнения или период времени, в течение которого оно должно быть исполнено, обязательство подлежит исполнению в этот день или соответственно в любой момент в пределах такого периода» (п. 1 ст. 295 ГК Беларуси). В других случаях обязательства подлежат исполнению в семидневный срок со дня поступления письменного требования кредитора (ч. 2 п. 2 ст. 295 ГК Беларуси), хотя в предыдущей части упомянутой нормы речь идет о разумном сроке исполнения. Для устранения противоречия стоит отказаться от ч. 1 п. 2 ст. 295 ГК Беларуси и заимствовать правило из п. 2 ст. 314 ГК России: «При непредъявлении кредитором в разумный срок требования об исполнении... обязательства должник вправе потребовать от кредитора принять исполнение...».

Срок исполнения (осуществления) денежного долга (требования) обычно предстает в виде периода времени. Впрочем, предусмотренный п. 1 ст. 295 ГК Беларуси день исполнения тоже период времени, но состоящий из 24 часов. Стало быть, на шкале времени мы можем отметить моменты начала (00:00:00 первого дня) и окончания (24:00:00 последнего дня) срока. Указанные моменты позволяют разделить «жизнь» денежного долга (требования) на три возможных интервала: 1) возникновение — начало срока исполнения (осуществления); 2) период исполнения (осуществления); 3) окончание срока исполнения (осуществления) — прекращение. Каждому интервалу соответствует свое юридическое состояние, в зависимости от которого мы выделяем денежные долги и требования: 1) не достигшие срока исполнения (осуществления), или «несозревшие»; 2) находящиеся в периоде исполнения (осуществления); 3) просроченные. Возможность исполнения (осуществления) «несозревшего» денежного долга (требования) не исключается: «Должник вправе исполнить обязательство до срока...» (ст. 296 ГК Беларуси). Просрочка исполнения денежного долга открывает возможность его взыскания и часто порождает сопутствующие денежные долги и требования (возмещение убытков, уплата неустойки и процентов).

Денежные требования, не достигшие срока платежа, белорусский законодатель называет будущими (ч. 1 ст. 155 БК Беларуси). Однако будущее отрицает настоящее, т. е. будущих требований еще нет, а в нашем случае они возникли, хотя срока осуществления не достигли. Термин «будущее требование» в данном контексте некорректен.

Будущий денежный долг (требование), в основе которого лежит сделка с отлагательным условием (п. 1 ст. 158 ГК Беларуси), является условным (с обусловленным возникновением). Наряду с этим законодательство допускает долги (требования) с обусловленным исполнением (осуществлением). Так, исполнение обязательства может быть обусловлено исполнением своих обязательств контрагентом (п. 1 ст. 309 ГК Беларуси). По ст. 327.1 ГК России исполнение обязанности и осуществление права по договорному

обязательству «может быть обусловлено совершением или несовершением одной из сторон обязательства определенных действий либо наступлением иных обстоятельств, предусмотренных договором, в том числе полностью зависящих от воли одной из сторон».

В законодательстве и литературе часто используется термин «основной долг». Его легальная дефиниция дана в Бюджетном кодексе Республики Беларусь: «основной долг — сумма займа (кредита), полученная заемщиком, эмитентом ценной бумаги и не возвращенная ими» (подп. 1.43 п. 1 ст. 2) [623]. В регулировании бюджетных отношений она, конечно, пригодна, но для частного права представляется слишком узкой.

По мнению Е. В. Тирской, «“основной” денежный долг заключается в уплате должником обусловленной денежной суммы» [400, с. 73]. Термином «основной долг», полагает О. В. Савенкова, «обозначается обязанность денежного характера в регулятивном отношении». [353, с. 28]. Согласно Д. В. Добрачеву, «основной денежный долг представляет собой такую денежную обязанность должника, получившего встречное представление, выполнение которой направлено на прекращение основного регулятивного обязательственного правоотношения и не влечет дополнительного обременения должника» [151, с. 40].

В ГК Беларуси выражение «основной долг» не упоминается, но употребляется близкий по смыслу термин «основная сумма долга». Сумма произведенного платежа, недостаточная для полного исполнения денежного обязательства, во вторую очередь погашает «основную сумму долга и проценты за пользование денежными средствами, подлежащие уплате по денежному обязательству (займу, кредиту, авансу и т. д.)» (ст. 300 ГК Беларуси).

Считаем, что основным является денежный долг, на который могут начисляться проценты с момента его возникновения.

Таким образом, исследование понятий денежного долга и требования позволяет прийти к следующим выводам:

— **денежный долг** — нормативно обязательный отрицательный денежный поток, предписанный одному субъекту (должнику) в пользу другого субъекта (кредитора). По своей юридической природе денежный долг есть объект обязанности;

— **денежное требование** — нормативно обязательный положительный денежный поток одного субъекта (кредитора) за счет другого субъекта (должника). В юридическом качестве денежное требование выступает объектом субъективного права.

Суждение о существовании денежного долга и требования обычно опирается на юридические факты, подтверждающие их документы и, разумеется, правовые нормы. Они призваны обнаружить основание и количество денежного долга (требования), а также личность должника и кредитора.

Денежные долги и требования, определяемые за период начисления, равно как и соответствующие обязательства, мы именуем периодическими. Вместе с тем мы выделяем обязательства с периодическим исполнением. Они возникают вне зависимости от каких-либо периодов начисления, но подлежат исполнению по частям в течение нескольких календарных периодов.

В отсутствие осведомленности кредитора о должнике денежные долги и требования мы называем «спящими». Они становятся активными в момент установления личности должника.

С течением времени возникшие денежные долги и требования могут пребывать в различных юридических состояниях, отчего делятся на три вида: 1) не достигшие срока исполнения (осуществления), или «несозревшие»; 2) находящиеся в периоде исполнения (осуществления); 3) просроченные.

Будущий денежный долг (требование), в основе которого лежит сделка с отлагательным условием, является условным (с обусловленным возникновением). Наряду с этим законодательство допускает долги (требования) с обусловленным исполнением (осуществлением).

2.4. Понятие и виды финансовых инструментов

Деньги и денежные требования суть идеальные объекты юридического господства. Они существуют исключительно в связке с субъективным правом, которая поддерживается нормативным признанием денег и денежных требований в качестве объектов гражданских прав. Правообладание ими (смежная связка «субъект — субъективное право») обеспечивается различными юридическими средствами, в том числе с помощью правоудостоверяющих объектов.

Право на деньги удостоверяется: 1) денежным банковским счетом; 2) электронным кошельком; 3) виртуальным кошельком с карточкой виртуального кошелька¹; 4) владением банкнотами и монетами. В последнем случае мы имеем дело с отдельными объектами гражданских прав, свидетельствующими о праве их владельца на обозначенное количество денег.

Денежное требование осуществляется исполнением долга, поэтому право на требование подтверждается прежде всего признанием долга. Согласно ч. 2 п. 13 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 2 декабря 2005 г. № 29 [761] к действиям, свидетельствующим о признании долга, могут относиться: частичная уплата

¹ Положение *de lege ferenda*: нормативные основания для такого утверждения в настоящее время отсутствуют.

должником или с его согласия другим лицом основного долга и (или) сумм неустойки, процентов; уплата процентов по основному долгу; признание претензии полностью или частично в отношении конкретных требований; заключение дополнительного соглашения, из которого следует, что должник признает наличие долга; обращение должника с просьбой об изменении договора в части, касающейся погашения долга; обращение должника с просьбой о предоставлении отсрочки или рассрочки платежа; акцепт платежного требования.

Отметим, что ГК Германии предусматривает возможность заключения договора о признании долга (§ 781). В белорусской правовой действительности его нет, однако договорное признание долга обнаруживает себя подписанием акта сверки расчетов, заключением медиативного соглашения, мирового соглашения, а также соглашения о примирении.

При бесспорном взыскании долга на основании исполнительный надписи право на денежное требование подтверждается документами, указанными в перечне, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2006 г. № 1737 [718]. Право на спорное требование устанавливается средствами доказывания, определенными процессуальным законодательством. Когда спор разрешен, оно подтверждается судебным постановлением или иным исполнительным документом.

Если денежное требование возникло из договора банковского вклада (депозита), то право на него удостоверяется банковским счетом по учету вкладов (депозитов).

Право на денежное требование может быть удостоверено другим объектом гражданских прав — ценной бумагой (облигация, вексель и др.). Банкноты, монеты и упомянутые ценные бумаги мы именуем финансовыми инструментами.

Деньги и денежные требования входят в состав активов субъекта, а денежные долги — в состав его пассивов. Разность между денежным выражением активов и пассивов показывает важную в экономическом и юридическом плане величину чистых активов (собственного капитала). Чем она больше, тем лучше экономическое состояние субъекта. Если по окончании второго и каждого последующего финансового года стоимость чистых активов коммерческой организации окажется менее уставного фонда, организация обязана в установленном порядке уменьшить его до соответствующего размера. В случае уменьшения стоимости чистых активов ниже минимального размера уставного фонда коммерческая организация подлежит ликвидации (п. 3 ст. 47-1 ГК Беларуси). Отрицательное значение чистых активов свидетельствует о неплатежеспособности должника и при ее устойчивом характере может привести к банкротству.

Активы коммерческих корпоративных организаций принадлежат им на праве собственности. Полагаем, что интересы таких организаций в осуществлении данного права сводятся к корпоративным интересам их участников (акционеров, членов). Как пишет Р. фон Иеринг о юридическом лице, «последнее не есть само дестинатор прав, которыми оно обладает, а этим являются те физические лица, которые, так сказать, стоят позади него...» [173, с. 75]. Вместе с тем теория корпоративного управления выделяет более широкий круг субъектов, в интересах которых должна действовать корпорация, а именно стейкхолдеров (англ. *stakeholders*). В широком смысле Э. Фримен относит к ним любую идентифицируемую группу или индивида, которые могут влиять на достижение целей организации либо зависят от достижения таких целей [532, с. 91].

Единство интересов коммерческой корпоративной организации и ее участников (акционеров, членов) обнаруживает себя в корпоративной цели. Хозяйственное товарищество и общество, производственный кооператив и крестьянское (фермерское) хозяйство преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности и распределяют полученную прибыль между участниками (акционерами, членами) (п. 1 ст. 46 ГК Беларуси). Их единый интерес заключается в максимальной величине чистых активов. Для достижения этой цели (юридического обеспечения интересов) коммерческая корпоративная организация наделена правом собственности на активы, а ее участники (акционеры, члены) — комплексом корпоративных прав в отношении организации. Участники (акционеры, члены) в своей совокупности могут определять решения коммерческой корпоративной организации, т. е. обладают корпоративным контролем над ней. Иначе говоря, они имеют косвенное юридическое господство над ее активами.

Термин «корпоративный контроль» мы используем в значении контроля над организацией, а не за ее деятельностью. В белорусском законодательстве и судебной практике он не употребляется, но уже воспринят российской Федерацией впервые применил его в постановлении от 3 июня 2008 г. № 1176/08: «Хотя концерн предъявил иск о применении последствий недействительности договора купли-продажи доли в уставном капитале общества... фактически это требование содержит просьбу о восстановлении права истца на корпоративный контроль над обществом... посредством присуждения концерну соответствующей доли участия в уставном капитале данного общества» [763, с. 93]. Не остается он без внимания в юридической литературе. По мнению Д. И. Степанова, «корпоративный контроль в самом общем виде — это контроль акционеров (участников корпорации), проявляющийся в экономической власти над корпорацией, т. е. в возможности навязывать свою волю как самой корпорации, главным образом

в лице ее органов, так и прочим акционерам (участникам) конкретной корпорации, не обладающим необходимым влиянием, например, в силу незначительности принадлежащего им пакета акций или доли в уставном капитале» [382, с. 156].

Корпоративный контроль в хозяйственном товариществе, производственном кооперативе и крестьянском (фермерском) хозяйстве основан на личном участии полных товарищей (членов) в деятельности (ведении дел) организации. Только они вправе управлять ею (ст. 68, 110 ГК Беларуси, гл. 5 Закона Республики Беларусь от 18 февраля 1991 г. «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [657]). При этом каждый полный товарищ (член) по общему правилу имеет один голос независимо от его доли в уставном фонде хозяйственного товарищества, крестьянского (фермерского) хозяйства и пая в имуществе производственного кооператива (п. 2 ст. 68, п. 4 ст. 110 ГК Беларуси, п. 2 ст. 20 того же закона о крестьянском (фермерском) хозяйстве).

В хозяйственном обществе на первый план выходит имущественное участие: объем корпоративных прав участника (акционера) зависит от принадлежащей ему корпоративной доли (размера доли в уставном фонде, количества акций). В соответствии с ч. 1 ст. 45 Закона Республики Беларусь от 9 декабря 1992 г. «О хозяйственных обществах» [672] (далее — Закон об обществах) «при принятии решения общим собранием участников хозяйственного общества участник этого общества обладает числом голосов, пропорциональным размеру (количеству) принадлежащей ему доли в уставном фонде (акций) этого общества...». Стало быть, в основе корпоративного контроля над хозяйственным обществом лежит обладание корпоративной долей, которая удостоверяет корпоративные права участника (акционера) и обеспечивает ему самостоятельное либо совместное с другими участниками (акционерами) косвенное юридическое господство над активами хозяйственного общества.

Хозяйственное общество управляет своими активами в интересах участников (акционеров). Вместе с тем, будучи банком, небанковской кредитно-финансовой организацией, управляющей организацией инвестиционного фонда, оно может управлять чужими активами, действуя в интересах вверителей. С участниками (акционерами) хозяйственное общество состоит в корпоративных отношениях, а с вверителями — в обязательственных, возникающих из договора доверительного управления денежными средствами, фондом банковского управления или имуществом паевого инвестиционного фонда. Вверитель, передавший деньги в доверительное управление управляющей организации паевого инвестиционного фонда, получает инвестиционный пай — ценную бумагу, удостоверяющую его права, предусмотренные Законом Республики Беларусь от 17 июля 2017 г. «Об инвестиционных фондах» [676] (далее — Закон об ин-

вестиционных фондах). Инвестиционные паи обеспечивают вверителям косвенное (через управляющую организацию паевого инвестиционного фонда) юридическое господство над деньгами и иными активами в доверительном управлении.

Инвестиционному паю подобен долевым сертификат, который выдается вверителю, передавшему деньги и (или) ценные бумаги в доверительное управление фондом банковского управления. Он подтверждает права вверителя, определенные в Инструкции о регулировании отношений, возникающих при объединении денежных средств и (или) ценных бумаг в фонд банковского управления... утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 26 марта 2014 г. № 178 [738], и договоре доверительного управления. Несмотря на то что в данной инструкции упоминается выкуп долевого сертификата, мы не находим достаточных оснований для признания его объектом гражданских прав. Долевой сертификат, по нашему мнению, закрепляет лишь договорную позицию вверителя. Он не может свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому (п. 1 ст. 129 ГК Беларуси). Нет его и в составе объектов, изъятых из оборота или ограниченных в нем (п. 2 ст. 129 ГК Беларуси). Полагаем, выкуп долевого сертификата сводится к исполнению договора доверительного управления (возврату собственности вверителю) и к купле-продаже отношения не имеет.

Доли в уставном фонде (акции) хозяйственного общества и инвестиционные паи в контексте косвенного юридического господства над деньгами и (или) денежными требованиями мы относим к финансовым инструментам.

Таким образом, финансовые инструменты — общее понятие, заключающее в себе объекты гражданских прав, обеспечивающие юридическое господство над деньгами и (или) денежными требованиями. Мы делим их на валютные (банкноты и монеты), кредитные (ценные бумаги, удостоверяющие право на денежное требование) и долевые (доли в уставном фонде (акции) хозяйственного общества, инвестиционные паи) инструменты.

Термин «финансовый инструмент» нормативно определен в п. 11 Международного стандарта финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» (прил. 20 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 19 августа 2016 г. № 657/20 [715]): «Финансовый инструмент — договор, в результате которого возникает финансовый актив у одной организации и финансовое обязательство или долевым инструментом — у другой». Законом об инвестиционных фондах финансовыми инструментами названы объекты инвестирования денежных средств инвестиционного фонда: ценные

бумаги и иные объекты гражданских прав, перечень которых определяется уполномоченным органом (абз. 17 п. 1 ст. 1).

Согласно ч. 28 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг» [668] «финансовый инструмент — ценная бумага или производный финансовый инструмент». По п. 1 ст. 128-1 Гражданского кодекса Казахстана «финансовый инструмент — деньги, ценные бумаги, включая производные ценные бумаги, производные финансовые инструменты и другие финансовые инструменты, в результате операций с которыми одновременно возникают финансовый актив у одной организации и финансовое обязательство или долевой инструмент — у другой».

В силу ст. 4 (15) Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2014/65/EU от 15 мая 2014 г. [797] и секции С прил. 1 к ней финансовые инструменты охватывают ценные бумаги, обращающиеся на рынке капитала; инструменты денежного рынка; паи в организациях коллективного инвестирования; опционы, фьючерсы, свопы, форварды и любые другие производные контракты; производные инструменты передачи кредитного риска; финансовые контракты на разницу; разрешения на выбросы.

В соответствии с секцией 5341 раздела 12 Кодекса законов США (12 USC 5341) «термин “финансовый инструмент” означает финансовый контракт, условия которого общедоступны, а права одной или нескольких сторон по нему могут быть уступлены без согласия контрагентов (включая простые акции публичных компаний, правительственные облигации, биржевые фьючерсные и опционные контракты)» (перевод авт. — С. П.) [771]. Согласно же секции 731 раздела 26 (26 USC 731) данный термин включает акции и другие доли участия в капитале, долговые документы, опционы, форвардные и фьючерсные контракты, свопы и деривативы [780].

Как видим, официальное понимание финансовых инструментов шире нашего. Мы считаем их объектами, обеспечивающими юридическое господство над деньгами и (или) денежными требованиями, а законодатель, судя по всему, сводит к объектам финансового рынка. Косвенное подтверждение тому можно найти в определении последнего. «Финансовый рынок, — пишет И. А. Бланк, — представляет собой рынок, на котором объектом покупки-продажи выступают разнообразные финансовые инструменты и финансовые услуги» [54, с. 185]. По дефиниции Ф. Д. Фабоцци, «финансовый рынок — это рынок, на котором происходит обмен (торговля) финансовыми инструментами. Хотя создание финансовых инструментов и обмен ими с необходимостью не обусловлены существованием финансового рынка, в большинстве стран они создаются и впоследствии торгуются на каком-то финансовом рынке» (перевод авт. — С. П.) [604, с. 8].

Договоры, в результате которых одновременно возникает финансовый актив у одной организации и финансовое обязательство или долевого инструмент у другой, производные и им подобные инструменты, а также финансовые контракты мы обозначаем термином «финансовые договоры». По этой причине, исследуя финансовые инструменты, подвергаем анализу только: 1) банкноты и монеты; 2) кредитные ценные бумаги; 3) доли в уставном фонде (акции) хозяйственного общества и инвестиционные паи.

Банкноты и монеты, удостоверяющие право их владельца на деньги, суть валютные инструменты. В белорусском законодательстве они именуются наличными деньгами (ч. 2 ст. 28 БК Беларуси) или денежными знаками (абз. 11 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 30 июня 2014 г. «О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения» [658], далее — Закон о AML/CFT).

Согласно ч. 4 ст. 29 БК Беларуси «банкноты и монеты, выпущенные в обращение Национальным банком, являются безусловным обязательством Национального банка и обеспечиваются всеми его активами...». Если наличные деньги — это безусловное обязательство Национального банка, то последний, будучи должником, обязан совершить в пользу владельца банкнот и (или) монет (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 288 ГК Беларуси). Однако в силу ч. 2 ст. 52 БК Беларуси Национальный банк не вправе оказывать услуги по осуществлению банковских операций юридическим лицам, не имеющим лицензии на осуществление банковской деятельности, и физическим лицам. Банкноты и монеты в гражданско-правовом смысле не обязательства. Именовать их обязательствами в наше время можно лишь в контексте бухгалтерского учета, поскольку денежные средства в обращении отражаются в разделе «Обязательства» бухгалтерского баланса Национального банка.

По белорусскому законодательству существенное свойство денежных знаков состоит в их платежности. Иначе говоря, только платежные банкноты и монеты удостоверяют право их владельца на деньги.

В соответствии с п. 1, 3 Перечня признаков платежности банкнот и монет Национального банка Республики Беларусь (прил. 1 к Инструкции о порядке определения платежности и обмена банкнот и монет Национального банка Республики Беларусь, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 211 [732]) платежными являются банкноты и монеты:

- 1) имеющие силу законного платежного средства на территории Республики Беларусь (в том числе изымаемые из обращения);
- 2) не имеющие признаков подделки;
- 3) без повреждений либо с повреждениями, указанными в п. 1, 3 данного Перечня.

По ч. 3, 4 ст. 29 БК Беларуси банкноты и монеты, выпущенные в обращение Национальным банком, признаются законным платежным средством на территории Республики Беларусь и обязательны к приему по нарицательной стоимости при всех видах платежей, а также для зачисления на счета, во вклады (депозиты) и перевода на всей ее территории.

С такой позицией законодателя мы согласиться не можем. Банкноты и монеты по своей сути выступают лишь законным средством обладания правом на деньги. С передачей банкнот и монет к получателю переходит право на обозначенное количество денег, поэтому и складывается ложное впечатление, что мы платим банкнотами и монетами, отчего называем их законным платежным средством. В действительности же мы платим деньги. Именно они в национальной валюте есть законное платежное средство.

Полагаем, сущность валютных инструментов состоит не в платежности банкнот и монет, а в их юридической силе, под которой мы понимаем основанное на объективном праве свойство банкнот и монет удостоверять субъективное право их владельца на деньги.

Исключительное право выпуска в обращение белорусских банкнот и монет принадлежит Национальному банку (ч. 1, 2 ст. 28 БК Беларуси). Следовательно, они приобретают юридическую силу в момент выпуска в обращение Национальным банком, когда выбывают из его оперативного управления.

Согласно ч. 1 ст. 29 БК Беларуси «Национальный банк определяет номинал (достоинство), изображение, степени защиты и другие характеристики банкнот и монет, выпускаемых им в обращение...». Другими словами, банкноты и монеты, выпущенные в обращение Национальным банком, всегда имеют известные характеристики. Их описание (изображение) содержится в республиканских печатных средствах массовой информации и на официальном интернет-сайте Национального банка в разделе «Банкноты и монеты» [285]. Если находящаяся в обращении банкнота (монета) соответствует характеристикам банкноты (монеты) данного номинала и не имеет признаков подделки, то она выпущена Национальным банком (является подлинной).

По ч. 9 ст. 29 БК Беларуси «Национальный банк осуществляет обмен образцами банкнот и монет (в том числе памятных банкнот и монет) с центральными (национальными) банками иностранных государств». Банкноты с напечатанным словом «УЗОР», и (или) «ОБРАЗЕЦ», и (или) «SPECIMEN» юридической силы не имеют.

В процессе обращения банкноты и монеты изнашиваются и повреждаются, вследствие чего могут утратить некоторые характеристики. Судя по вышеупомянутому Перечню признаков платежности банкнот и монет, Национальный банк выделяет три категории повреждений банкнот:

1) не влияющие на юридическую силу банкноты и субъективное право на нее (физический износ, потертости, потемнение банкнотной бумаги, надрывы, небольшие отверстия, проколы, утраченные углы и края, незначительные загрязнения).

Банкнота с такими повреждениями называется ветхой. Поступив в банковскую систему, она сдается в Центральное хранилище Национального банка и в обращение больше не выпускается;

2) не влияющие на юридическую силу банкноты, но ограничивающие субъективное право на нее (утрата значительной части, но не более 45 процентов от первоначальной площади банкноты; разделение на части (без учета их количества), если эти части в склеенном виде безусловно принадлежат одной банкноте и составляют не менее 55 процентов от первоначальной площади банкноты; изменение окраски и свечения в ультрафиолетовых лучах, повреждение огнем, водой, другими жидкостями или химикатами в случае, если эти повреждения не препятствуют определению подлинности банкнот; изменение в результате воздействия агрессивных сред первоначальных размеров как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения банкноты).

Субъективное право на банкноту с подобными повреждениями ограничено предъявлением ее к обмену в банк или небанковскую кредитно-финансовую организацию. После поступления поврежденной банкноты в банковскую систему она именуется обмененной, сдается в Центральное хранилище Национального банка и в обращение, разумеется, не выпускается;

3) прекращающие юридическую силу банкноты и ее существование (все иные повреждения вплоть до гибели банкноты).

Монеты имеют две категории повреждений:

1) не влияющие на юридическую силу монеты и субъективное право на нее (повреждения, которые не препятствуют однозначной идентификации номинала монеты и принадлежности к монетам Республики Беларусь).

Монета с такими повреждениями называется поврежденной. Поступив в банковскую систему, она сдается в Центральное хранилище Национального банка и в обращение больше не выпускается;

2) прекращающие юридическую силу монеты и ее существование (полная утрата изображений и надписей (буквенных и цифровых) на аверсе, реверсе и гурте либо сохранение их фрагментов, которых недостаточно для однозначной идентификации номинала монеты и ее принадлежности к монетам Республики Беларусь).

Банкноты и монеты утрачивают юридическую силу не только вследствие их повреждения (гибели), но и объявления недействительными. Однако они не могут быть объявлены таковыми, если не установлен достаточно продолжительный срок их обмена на банкноты и монеты нового образца. Срок изъятия из обращения банкнот и монет не может быть менее одного года и не должен превышать десяти лет. При этом не допускается установление каких-либо ограничений по суммам или субъектам обмена (ч. 6 ст. 29 БК Беларуси).

Показательна в этом плане денежная реформа 1991 г. в СССР, известная как «павловская реформа». Постановлением Кабинета Министров СССР от 22 января 1991 г. № 2 [722] с 0 часов 23 января 1991 г. был прекращен прием во все виды платежей денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 руб. образца 1961 г. (п. 1). Их обмен на денежные знаки другого достоинства производился предприятиями и организациями по решению комиссии только работникам, состоящим в штате, а также временно прикомандированным лицам в течение трех дней с 23 по 25 января 1991 г. в пределах среднемесячного заработка за последний год работы. К тому же размер обмена не мог превышать 1000 руб. на одного работающего (абз. 2 п. 3).

Исключительное право изъятия из обращения белорусских банкнот и монет принадлежит Национальному банку (ч. 5 ст. 29 БК Беларуси). Но «решение об обмене банкнот и монет, выпущенных в обращение Национальным банком, на банкноты и монеты нового образца при проведении в Республике Беларусь денежной реформы, деноминации белорусского рубля принимается Президентом Республики Беларусь» (ч. 7 ст. 29 БК Беларуси).

Стоит отметить, что недействительными объявляются сразу все банкноты (монеты) данного номинала и образца. Белорусское законодательство не предусматривает возможность признания недействительной конкретной банкноты (монеты). Как пишет Л. А. Лунц, «денежные знаки в случае их утраты или уничтожения не подлежат мортификации, т. е. аннулированию с заменой утраченных или уничтоженных купюр дубликатами. <...> Это объясняется тем, что “денежное свойство” банкнот представляется более существенным, нежели их качество предъявительской ценной бумаги» [247, с. 103].

Таким образом, банкноты и монеты Национального банка обладают юридической силой (являются валютными инструментами) при наличии в совокупности ряда условий, а именно:

- 1) когда они не находятся в оперативном управлении Национального банка;
- 2) являются подлинными;

3) не имеют напечатанного на них слова «УЗОР», и (или) «ОБРАЗЕЦ», и (или) «SPECIMEN»;

4) не имеют повреждений, вследствие которых по законодательству признаются утратившими юридическую силу;

5) не объявлены недействительными.

Вместе с тем в Беларуси используется наличная иностранная валюта — «денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монет, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в соответствии с законодательством иностранного государства или группе государств, а также изъятые или изымаемые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки» (абз. 2 п. 4 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. «О валютном регулировании и валютном контроле» [650], далее — Закон о валютном регулировании). Разумеется, юридическая сила иностранных банкнот и монет распространяется на территорию юрисдикции их эмитента, но может быть признана и за ее пределами.

Национальный банк признает юридическую силу зарубежных банкнот и монет, которой они наделены иностранным правом. Если на территории юрисдикции эмитента банкнота (монета) не имеет юридической силы либо утратила ее, то в Беларуси она не будет валютным инструментом. Участники гражданского оборота должны знать признаки юридической силы иностранных денежных знаков. Заметим, из 900 поддельных банкнот и монет, выявленных в Республике Беларусь в 2018 г., 98,1 % были иностранными [299]. При приеме наличной иностранной валюты субъекты хозяйствования «обязаны проверять ее подлинность и платежность, руководствуясь нормативными правовыми актами Национального банка, информацией, размещенной на официальных сайтах банков-эмитентов в глобальной компьютерной сети Интернет, официальными материалами и оперативной информацией органов внутренних дел, а также перечнем признаков платежности банкнот, установленным обслуживающим банком на основании требований иностранных банков или банков-посредников, с которыми заключены соответствующие договоры» (ч. 4 п. 33 Инструкции о порядке ведения кассовых операций и расчетов наличными денежными средствами, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 19 марта 2019 г. № 117 [728], далее — Инструкция о кассовых операциях). Физические лица для проверки подлинности банкнот могут обращаться в банки (Инструкция о порядке проведения банками проверки подлинности банкнот по заявлению физического лица утверждена постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 27 апреля 2015 г. № 253 [734]).

Банкноты и монеты имеют вещественный характер, что задает вопрос об отнесении их к гражданско-правовым вещам. Ранее мы установили два условия, необходимые для такой квалификации: 1) принадлежность

к классу вещей в узком (телесном) смысле и 2) возможность фактического господства над объектом. Но есть и третье условие. Поскольку участники гражданских правоотношений приобретают права в своих интересах (ч. 3 ст. 2 ГК Беларуси), объектом гражданских прав, в том числе вещь, бывает только то, что вызывает интерес. «Вещь может быть объектом права, — отмечает Я. М. Магазинер, — если она способна быть объектом чьего-либо интереса вообще, объектом абстрактного интереса» [249, с. 158]. В отношении валютных инструментов все условия соблюдаются. В частности, юридическая сила банкнот и монет порождает интерес к обладанию ими. Значит, валютные инструменты относятся к гражданско-правовым вещам.

Таким образом, **валютный инструмент** — это объект гражданских прав (банкнота, монета), имеющий основанное на объективном праве свойство удостоверять субъективное право его владельца на деньги.

Валютный инструмент и деньги, право на которые он удостоверяет, — отдельные объекты гражданских прав, но, будучи связанными субъективным правом (деньги — объект этого права, а валютный инструмент удостоверяет его), находятся в обороте парой. Однако, имея общую ценность, они представляют себя в правоотношениях одним объектом в зависимости от того, на чем акцентируют свои интересы участники правоотношений. Представляющим объектом могут быть: 1) деньги, право на которые удостоверено валютным инструментом (**наличные деньги**), а также 2) валютный инструмент.

Объектом интереса участников правоотношений обычно являются наличные деньги. К примеру, денежное обязательство подлежит исполнению либо наличными деньгами, либо в безналичном порядке (ст. 775 ГК Беларуси). Наличный расчет предполагает передачу валютных инструментов — особый способ, но не предмет исполнения денежного обязательства: его предметом всегда выступают деньги.

Валютный инструмент вызывает интерес не только вследствие правоудостоверяющего свойства. Национальный банк имеет право выпускать в качестве объектов коллекционирования памятные банкноты, а также памятные и слитковые (инвестиционные) монеты из драгоценных и недрагоценных металлов (ч. 12 ст. 29 БК Беларуси). Вряд ли интерес к обладанию ими детерминирован юридической силой.

В нашем исследовании указанная пара объектов представлена наличными деньгами.

Ценные бумаги, удостоверяющие право на денежное требование, суть кредитные инструменты. В их состав мы включаем облигацию, вексель, депозитный и сберегательный сертификаты, банковскую сберегательную книжку на предъявителя и закладную, т. е. **кредитные ценные бумаги**.

Согласно ст. 143 ГК Беларуси «ценной бумагой являются документ либо совокупность определенных записей, удостоверяющие с соблюдением установленной формы и (или) обязательных реквизитов имущественные и неимущественные права». Следовательно, белорусский кредитный инструмент — объект гражданских прав — это документ или совокупность определенных записей, удостоверяющие с соблюдением установленной формы и (или) обязательных реквизитов право на денежное требование.

Сущность кредитного инструмента — юридическая сила кредитной ценной бумаги — основанное на объективном праве свойство последней удостоверять субъективное право на денежное требование. Удостоверение же ею права возможно лишь с соблюдением формы и (или) обязательных реквизитов, которые определяются законодательством или в установленном им порядке (п. 1 ст. 145 ГК Беларуси).

Форма ценной бумаги зависит от того, что она собой представляет — документ или совокупность записей.

Легальная дефиниция документированной информации, закреплённая в абз. 7 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. «Об информации, информатизации и защите информации» [677], приводит нас к суждению, что термин «документ» означает материальный носитель с реквизитами, позволяющими идентифицировать зафиксированную на нем информацию. Применительно к ценным бумагам документ не просто материальный носитель, а полиграфический продукт (бланк), изготовленный с элементами (средствами) защиты от подделки и (или) нумерацией (идентификационным номером), нанесенной при его изготовлении (ч. 1 подп. 3.2 п. 3 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 22 декабря 2001 г. № 1846 [716]). Такие бланки подлежат обязательной регистрации в Государственном реестре бланков ценных бумаг (абз. 2 ч. 1 подп. 3.1 п. 3 того же постановления). Если документарная кредитная ценная бумага создана на бланке, зарегистрированном в указанном реестре, и не подделана, то по своей форме она позволяет удостоверить право на денежное требование.

Ценная бумага в виде совокупности записей обнаруживает себя в бездокументарной форме. Записи производятся на счетах «депо», открываемых в депозитарии для учета ценных бумаг, прав на них и обременений (ограничений) этих прав (абз. 38 ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 5 января 2015 г. «О рынке ценных бумаг» [666], далее — Закон о рынке ценных бумаг). Значит, форма бездокументарной ценной бумаги соблюдена, если последняя учтена на счете «депо».

Отметим, что бездокументарная форма кредитного инструмента отождествляет его с денежным требованием. Учет инструментов на счетах «депо» — это, по сути, учет денежных требований, а не отдельных от них

объектов гражданских прав. На текущих банковских счетах, к примеру, учитываются не «бездокументарные» банкноты и монеты (валютные инструменты), а именно деньги. Полагаем, бездокументарный кредитный инструмент есть юридическая фикция, позволяющая применять законодательство о ценных бумагах к некоторым денежным требованиям.

Обязательные реквизиты кредитных ценных бумаг содержатся в следующих нормах:

- облигация — ч. 1, 3 ст. 10 Закона о рынке ценных бумаг;
- вексель — ст. 1, 75 Закона Республики Беларусь от 13 декабря 1999 г. «Об обращении переводных и простых векселей» [679] (далее — Закон об обращении векселей);
- сберегательный сертификат — ч. 4 ст. 196 БК Беларуси;
- депозитный сертификат — ч. 5 ст. 196 БК Беларуси;
- банковская сберегательная книжка на предъявителя — ч. 2 ст. 192 БК Беларуси;
- закладная — ч. 1 п. 1 ст. 17 Закона Республики Беларусь от 20 июня 2008 г. «Об ипотеке» [678] (далее — Закон об ипотеке).

Если кредитная ценная бумага без подлога имеет все обязательные реквизиты, то по своему содержанию она может удостоверяет право на денежное требование.

Отсутствие обязательных реквизитов или несоответствие ценной бумаги установленной форме влечет ее ничтожность (п. 2 ст. 145 ГК Беларуси). Законодатель допускает лишь отступления от обязательных реквизитов векселя (ст. 2, 76 Закона об обращении векселей).

Ничтожность ценной бумаги означает отсутствие у нее юридической силы, без которой нет кредитного инструмента. Ничтожность документарной ценной бумаги оставляет ее владельцу обычный документ, который может содержать сведения о фактах, имеющих значение для дела, т. е. письменное доказательство. В совокупности с другими средствами доказывания оно позволяет искать защиту прав и интересов, нарушенных в связи с ничтожностью ценной бумаги.

Белорусское законодательство предусматривает возможность признания ценной бумаги недействительной. Так, если в результате рассмотрения дела о восстановлении права по документу на предъявителя просьба заявителя подлежит удовлетворению, «суд выносит мотивированное решение, которым признает утраченный документ или документ, утративший признаки платежности, недействительным. Это решение является основанием для выдачи заявителю нового документа взамен признанного недействительным» (ст. 389 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь [636], далее — ГПК Беларуси).

Кредитная ценная бумага возникает вследствие эмиссии (выдачи). Стало быть, ее юридическая сила обусловлена правомочностью упомяну-

той процедуры (акта). По ч. 1 ст. 20 Закона о рынке ценных бумаг «эмиссия эмиссионных ценных бумаг признается недобросовестной, а выпуск (дополнительный выпуск) эмиссионных ценных бумаг недействительным, если они осуществлены с нарушением порядка эмиссии эмиссионных ценных бумаг, установленного законодательством Республики Беларусь, либо на основании документов, содержащих недостоверную и (или) неполную информацию...». В данном случае все ценные бумаги недействительного выпуска подлежат изъятию из обращения, а полученные эмитентом средства возвращаются инвесторам (ч. 5 ст. 20 Закона о рынке ценных бумаг).

Согласно п. 11 ст. 16 Закона об ипотеке закладная может утратить юридическую силу в результате аннулирования.

Исполнение обязательства, удостоверенного кредитной ценной бумагой, погашает последнюю (лишает ее юридической силы). Вместе с тем кредитная ценная бумага может считаться (признаваться) погашенной без исполнения. В соответствии с п. 6 ст. 60 ГК Беларуси «требования кредиторов, не удовлетворенные из-за недостаточности имущества ликвидируемого юридического лица, считаются погашенными... Погашенными считаются также требования кредиторов, не признанные ликвидационной комиссией (ликвидатором), если кредитор не обращался с иском в суд, а также требования, в удовлетворении которых решением суда кредитору отказано». В силу ч. 7 ст. 147 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» [684] (далее — Закон о банкротстве) «требования кредиторов, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества должника, признаются погашенными. Погашенными признаются также непризнанные и непредъявленные требования кредиторов, если кредиторы не обращались в... суд».

Удостоверенное кредитной ценной бумагой обязательство обычно основано на договоре между эмитентом и первым владельцем. Источником облигационного обязательства, к примеру, выступает договор купли-продажи. Обязательство, удостоверенное сберегательным или депозитным сертификатом либо банковской сберегательной книжкой на предъявителя, происходит из договора банковского вклада (депозита). Обязательство, удостоверенное закладной, возникает по соглашению между залогодателем, должником и залогодержателем. В основании вексельного обязательства может быть любое соглашение, предусматривающее выдачу векселя.

Все эти договоры объединяет моделирование обязательства, удостоверенного кредитной ценной бумагой. С ее эмиссией (выдачей) договорная модель становится реальным обязательством. Тогда же (при соблюдении установленной формы и (или) обязательных реквизитов) кредитная ценная бумага приобретает свойство удостоверить право на денежное требование.

Юридическая сила ценной бумаги не зависит от действительности указанных договоров и даже от их наличия: «Отказ от исполнения обязательства, удостоверенного ценной бумагой, со ссылкой на отсутствие основания обязательства либо на его недействительность не допускается» (п. 2 ст. 148 ГК Беларуси). Приведенное правило отражает 1) абстрактность обязательства, удостоверенного кредитной ценной бумагой, и 2) ее публичную достоверность.

Действительность основания обязательства, удостоверенного кредитной ценной бумагой, не обуславливает его исполнение. Такое законодательное отвлечение от основания придает обязательству абстрактный характер. Как пишет А. В. Габов, «свойство абстрактности в самом общем виде должно заключаться в том, что судьба основания, в чем бы оно ни состояло (сделка, юридический состав, иное), в частности его недействительность (ничтожность) или нелегальность (отсутствие основания как такового, подделка), никак не влияет на судьбу возникшего обязательства и обратно» [88, с. 180].

Стоит отметить, что вопрос абстрактности обязательства (сделки, ценной бумаги) достаточно дискуссионный. Например, М. М. Агарков, применяя взгляды немецкого цивилиста П. Ортманна, разделявшего все сделки на хозяйственные и специфические, видит ее иначе. «Сделка, из которой возникают правоотношения по ценной бумаге, всегда является специфической сделкой независимо от того, будет ли она договором или односторонним волеизъявлением. Выражение какого-либо права в ценной бумаге всегда производит само по себе определенный правовой эффект — необходимость предъявления бумаги для осуществления соответствующего права. Отношение этой сделки к хозяйственной сделке может быть различно. В содержании ценной бумаги может быть сделано указание на хозяйственную сделку, в него могут быть включены условия хозяйственной сделки. Но возможно и обратное. Текст ценной бумаги может быть сформулирован совершенно независимо от хозяйственной сделки. В первом случае ценная бумага будет каузальной... во втором — абстрактной» [4, с. 193].

Российский законодатель отходит от абстрактности обязательства, удостоверенного ценной бумагой, если владелец в момент ее приобретения знал или должен был знать об отсутствии основания возникновения данного обязательства, в том числе о недействительности основания (абз. 3 п. 1 ст. 145 ГК России).

С абстрактностью связана публичная достоверность ценной бумаги. Отвлекаясь от своего основания, обязательство опирается лишь на ценную бумагу, его удостоверяющую. Поэтому мы и говорим о ее публичной достоверности. Осуществляя денежное требование из кредитной ценной бумаги, кредитору достаточно легитимировать себя по этой бумаге, не прибегая к доказыванию фактов, обычно составляющих основание иска

по иным денежным требованиям. М. М. Агарков объясняет начало публичной достоверности тем, что «предъявительские, ордерные и именные ценные бумаги создают для надлежащим образом легитимированного держателя возможность не прибегать для обоснования своего притязания к ссылке на юридические факты, необходимые с точки зрения общих положений гражданского права для приобретения права, выраженного в бумаге» [4, с. 235].

С учетом такого подхода возражения лица, обязанного по кредитной ценной бумаге, ограничены, оно может: 1) оспорить юридическую силу бумаги; 2) опровергнуть легитимацию кредитора; 3) указать на несоответствие притязания удостоверенному требованию и (или) условиям его исполнения. «В самом общем виде, — полагает А. В. Габов, — признак публичной достоверности... может быть обозначен как определенный принцип исполнения обязательств, удостоверенных ценной бумагой, заключающийся в ограничении перечня возражений, которые обязанное по бумаге лицо (должник), может выдвигать в отношении управомоченного лица» [88, с. 148].

По российскому праву лицо, ответственное за исполнение по ценной бумаге, вправе выдвигать против требований ее владельца только те возражения, которые вытекают из ценной бумаги или основаны на отношениях между ними (абз. 1 п. 1 ст. 145, п. 3 ст. 149.1 ГК России). Ответственные за исполнение по ордерной ценной бумаге лица не вправе ссылаться на возражения других ответственных за исполнение по этой бумаге лиц (п. 2 ст. 145 ГК России).

В Беларуси подобное правило касается векселя: лица, к которым предъявлен иск по векселю, не могут выдвигать против векселедержателя возражения, основанные на их личных отношениях к векселедателью или к предшествующим векселедержателям, если только векселедержатель, приобретая вексель, не действовал сознательно во вред должнику (ст. 17, 77 Закона об обращении векселей).

Согласно абз. 3 п. 1 ст. 145 ГК России правила об ограничении возражений не применяются в случае, если владелец ценной бумаги в момент ее приобретения знал или должен был знать об отсутствии прав предшествующих владельцев, в том числе о недействительности основания возникновения прав, а также если владелец ценной бумаги не выступает ее добросовестным приобретателем.

Таким образом, кредитная ценная бумага, эмитированная (выданная) по белорусскому праву, обладает юридической силой (является кредитным инструментом) при наличии в совокупности ряда условий, а именно когда она:

1) не находится в собственности (хозяйственном ведении, оперативном управлении) эмитента;

2) будучи документарной ценной бумагой, создана на бланке, зарегистрированном в Государственном реестре бланков ценных бумаг, и не подделана либо, будучи бездокументарной ценной бумагой, учтена на счете «депо», открытом в депозитарии для учета ценных бумаг, прав на них и изменений (ограничений) этих прав;

3) без подлога имеет все обязательные реквизиты, предусмотренные законодательством;

4) не признана недействительной (не аннулирована);

5) не считается (не признана) погашенной.

Юридическая сила зарубежных кредитных ценных бумаг устанавливается по иностранному праву. Их нахождение в белорусском гражданском обороте не запрещено, однако эмиссионные ценные бумаги нерезидентов допускаются к обращению на территории Республики Беларусь только на организованном рынке и при одновременном соблюдении следующих условий:

1) присвоение им международного идентификационного кода ценных бумаг (выпуска ценных бумаг) и международного кода классификации финансовых инструментов;

2) квалификация этих инструментов в качестве ценных бумаг на территории Республики Беларусь в порядке, установленном Советом Министров Республики Беларусь (ч. 1, 3 ст. 27 Закона о рынке ценных бумаг).

Видовое деление кредитных инструментов возможно по различным основаниям. Они могут быть эмиссионными и неэмиссионными (ч. 2 ст. 144 ГК Беларуси). К эмиссионным относятся кредитные инструменты, размещаемые выпусками, имеющие равные объем и сроки осуществления прав в рамках одного выпуска вне зависимости от времени приобретения инструмента этого выпуска (абз. 40 ч. 1 ст. 1 Закона о рынке ценных бумаг).

По форме кредитные инструменты делятся на документарные, создаваемые на специальных бланках, и бездокументарные, представляющие собой совокупности записей на счетах «депо». Документарные кредитные инструменты, подобно валютным, относятся к гражданско-правовым вещам.

В зависимости от субъекта осуществления права, удостоверенного кредитным инструментом, выделяются предъявительские (на предъявителя), именные и ордерные инструменты (п. 1 ст. 146 ГК Беларуси). Впрочем, данная классификация применима только к документарным инструментам, поскольку формальная легитимация кредитора, лежащая в основе такого деления, возможна лишь по документу. Однако белорусский законодатель называет именные и бездокументарные инструменты.

В соответствии с абз. 22 ч. 1 ст. 1 Закона о рынке ценных бумаг **облигация** — «эмиссионная ценная бумага, удостоверяющая право ее владельца на получение от эмитента облигации в предусмотренный в ней срок ее но-

минальной стоимости или иного имущественного эквивалента. Облигация может также удостоверяет право ее владельца на получение определенного в ней процента от номинальной стоимости облигации либо иные имущественные права. Доходом по облигации являются процент и (или) дисконт». Облигация — эмиссионный кредитный инструмент, который может быть документарным и бездокументарным, предъявительским и именным. Существует множество их разновидностей: биржевые, государственные, банковские и т. д. Облигации эмитируются только юридическими лицами (абз. 42 ч. 1 ст. 1 Закона о рынке ценных бумаг) и подлежат государственной регистрации в Государственном реестре ценных бумаг. Такая регистрация есть «юридический акт признания и подтверждения государством факта существования выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг» (ч. 1 ст. 14 Закона о рынке ценных бумаг).

Исходя из ч. 1 ст. 28 и ст. 75 Закона об обращении векселей, **простой вексель и акцептованная тратта** — неэмиссионные документарные кредитные инструменты, содержащие простое и ничем не обусловленное обещание (обязательство) уплатить определенную сумму денег. Они бывают именными и ордерными. По п. 1.1 Указа Президента Республики Беларусь от 28 апреля 2006 г. № 278 [697] на территории Республики Беларусь векселя вправе выдавать:

- «от имени Республики Беларусь и ее административно-территориальных единиц — Президент Республики Беларусь или Совет Министров Республики Беларусь в случаях, установленных Президентом Республики Беларусь;

- Национальный банк, иные банки, включенные в перечень банков Республики Беларусь, имеющих право обязываться по векселю, утверждаемый Национальным банком по согласованию с Президентом Республики Беларусь;

- другие юридические лица Республики Беларусь, кроме организаций, финансируемых из бюджета;

- международные организации, иностранные государственные органы и организации, иностранные граждане и лица без гражданства, не имеющие постоянного места жительства на территории Республики Беларусь».

В случае выдачи векселя белорусские юридические лица обязаны представить в республиканское унитарное предприятие «Республиканский центральный депозитарий ценных бумаг» ряд документов, подтверждающих реквизиты векселя, основание и факт его выдачи (ч. 1 п. 1.6 того же указа).

В силу ч. 1, 2 ст. 196 БК Беларуси **депозитный и сберегательный сертификаты** — неэмиссионные документарные кредитные инструменты, удостоверяющие сумму вклада (депозита), внесенного вкладополучателю, права вкладчика на получение по истечении установленного срока суммы

вклада (депозита) и процентов по нему у вкладополучателя, выдавшего сертификат. Они могут быть предъявительскими и именными (ч. 3 ст. 196 БК Беларуси). Сертификаты выдаются банками и небанковскими кредитно-финансовыми организациями, имеющими на основании лицензии на осуществление банковской деятельности право на привлечение денежных средств физических и (или) юридических лиц во вклады (депозиты) (ст. 180 БК Беларуси). Депозитными сертификатами владеют юридические лица и индивидуальные предприниматели, а сберегательными сертификатами — физические лица-непредприниматели.

Легальная дефиниция **банковской сберегательной книжки** на предъявителя отсутствует, но, принимая во внимание ст. 181, 192, 195 БК Беларуси, мы можем заключить, что это — неэмиссионный документарный предъявительский кредитный инструмент, удостоверяющий права вкладчика (физического лица — непредпринимателя) по договору банковского вклада (депозита), при заключении которого выдан этот инструмент. Банковская сберегательная книжка на предъявителя подобна сберегательному сертификату на предъявителя. В отличие от последнего она способна удостоверить право на получение не только срочного вклада (депозита), но и условного, в том числе в иностранной валюте; удостоверяемая ею сумма вклада (депозита) может изменяться вследствие распорядительных действий вкладчика.

В соответствии с п. 3 ст. 16 Закона об ипотеке **закладная** «является именной ценной бумагой, удостоверяющей следующие права:

- право владельца закладной на получение исполнения по обязательству, обеспеченному ипотекой, без представления других доказательств существования этого обязательства;
- права залогодержателя по ипотеке, обеспечивающей исполнение обязательства».

Закладная — неэмиссионный именной кредитный инструмент, который бывает документарным и бездокументарным (ч. 1 п. 5 ст. 16 Закона об ипотеке). Она составляется организацией по государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, но обязанными по закладной лицами выступают залогодатель и должник в обязательстве, обеспеченном ипотекой (п. 4 ст. 16 Закона об ипотеке). Закладная подлежит государственной регистрации в специальном регистре закладных — документе Единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним (ч. 4 п. 5 ст. 16 Закона об ипотеке).

Таким образом, **кредитный инструмент** — это объект гражданских прав (кредитная ценная бумага), имеющий основанное на объективном праве свойство удостоверить субъективное право на денежное требование.

Кредитный инструмент и денежное требование, право на которое он удостоверяет, находятся в обороте парой. Но в правоотношениях они пред-

ставляют себя только кредитным инструментом. Характеризуя требование, мы не можем ограничиться тем, что право на него удостоверено, например, облигацией: мы вынуждены индивидуализировать облигацию, поскольку она содержит положения, необходимые для идентификации денежного требования и его осуществления. Значит, так или иначе мы переходим к описанию кредитного инструмента. Следовательно, он и должен быть представляющим объектом независимо от того, что интересует участников правоотношений — юридическая сила кредитной ценной бумаги или другие ее свойства.

Долевыми инструментами являются доли в уставном фонде (акции) хозяйственного общества, удостоверяющие корпоративные права участника (акционера) и обеспечивающие ему самостоятельное либо совместное с другими участниками (акционерами) косвенное юридическое господство над деньгами и (или) денежными требованиями хозяйственного общества, а также инвестиционные паи, удостоверяющие права вкладчика, предусмотренные законодательством об инвестиционных фондах, и обеспечивающие ему косвенное юридическое господство над деньгами и иными активами в доверительном управлении.

Белорусский законодатель не дает легальной дефиниции **доли в уставном фонде**, но контекст нормативного употребления термина (передача, покупка, отчуждение доли, обращение взыскания на нее) позволяет заключить, что доля в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью — объект субъективного права.

По мнению Р. С. Бевзенко, доля в обществе с ограниченной ответственностью не может быть объектом прав. Она представляет собой нечто вроде знака, символа тех прав, которые принадлежат участнику общества. На его взгляд, доля-символ — это всего лишь процент, дробь, показывающая соотношение оплаченной лицом части уставного капитала и размера самого капитала [38, с. 343]. С приведенной позицией сложно согласиться. Удостоверяемые долей корпоративные права вызывают у субъекта желание получить или сохранить господство над ней для осуществления этих прав, т. е. выступают причиной интереса к обладанию долей. Значит, она — объект интереса, или ценность. Очевидно, что нельзя обладать долей, не лишая такого обладания других. Поэтому интерес участника хозяйственного общества в отношении доли обеспечивается субъективным правом на нее. Следовательно, доля в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью — объект субъективного права.

Будучи объектом гражданских прав, доля в уставном фонде прямо не упоминается в ст. 128 ГК Беларуси, что вызывает необходимость выяснения ее места в системе объектов гражданских прав.

Некоторые авторы видят в доле совокупность (комплекс) прав и обязанностей участника общества. Так, В. В. Розенберг, характеризуя товари-

шеский пай, пишет: «Он означает прежде всего совокупность прав и обязанностей каждого товарища в отношении товарищества, известный... правовой комплекс, а затем уже в более узком значении данного термина — долю участия товарища в имуществе товарищества» [344, с. 155–156]. «Доля, — утверждает Б. М. Гонгало, — представляет собой совокупность прав и обязанностей, существующих в неразрывном единстве» [114, с. 228]. Л. А. Новоселова относит долю к иному имуществу в смысле ст. 128 ГК России и определяет ее «как совокупность имущественных (корпоративных и связанных с ними) прав и обязанностей участника общества...» [295, с. 207]. Д. В. Ломакин находит в доле комплекс имущественных и неимущественных прав участника общества, но считает, что она представляет собой особый объект гражданских прав [241, с. 57].

Другие авторы признают долю в уставном фонде субъективным правом. Как полагает С. А. Бобков, доля — «это имущественное право, имеющее количественное выражение в виде номинальной стоимости, а также долевого соотношения (в виде процентов или дроби) относительно размера уставного капитала общества с ограниченной ответственностью, владение которым наделяет субъекта статусом участника общества с ограниченной ответственностью и как следствие — комплексом прав (как имущественного, так и неимущественного характера) и обязанностей по отношению к обществу и другим участникам» [56, с. 64]. Согласно Р. С. Фатхутдинову, доля «является разновидностью права участия и, следовательно, представляет собой субъективное право на участие в организации деятельности общества, состоящее из единого и неделимого комплекса правомочий участника общества» [414, с. 22]. По мнению Я. И. Функа, доля «с точки зрения ее правовой природы представляет собой имущественное право участника по отношению к обществу, которое объективируется через долю участника в уставном фонде общества» [454, с. 6].

Отождествление доли в уставном фонде с субъективным правом или комплексом прав представляется ошибочным.

Во-первых, для обозначения одного и того же понятия в тексте нормативного правового акта используется один и тот же термин, а разные понятия обозначаются различными терминами (п. 1 ст. 30 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» [661], далее — Закон о нормативных правовых актах). Стало быть, права участников и доля в уставном фонде употребляются законодателем в разных смыслах.

Во-вторых, доля в уставном фонде имеет сходство с акцией (разделение уставного фонда хозяйственного общества на части, возможность совершения сделок с ними и др.). Однако акция не тождественна правам акционеров, которые она удостоверяет. Поэтому есть достаточные ос-

нования полагать, что и доля в уставном фонде не тождественна правам участников.

По верному суждению Д. И. Степанова, «доля в уставном капитале... не является ни денежной суммой, ни отдельным правом или совокупностью прав, ни ценной бумагой или суррогатом ценной бумаги. Доля в уставном капитале... есть особый юридический инструмент...» [381, с. 63]. Мы согласны с А. В. Габовым, который предлагает выделять доли в качестве особого объекта гражданских прав. «Как и в случае с ценными бумагами, это позволит “выстраивать” более адекватный особенностям этого сложного инструмента правовой режим (для такой логики развития института есть основание: доли, как и ценные бумаги, — это не обычное имущество, ведь прежде всего ценность его состоит в тех правах, которые они предоставляют их владельцу)» [87, с. 174].

В силу ч. 1 ст. 70 Закона об обществах **«акция** является именной эмиссионной ценной бумагой, свидетельствующей о вкладе в уставный фонд акционерного общества, эмитируемой на неопределенный срок в бездокументарной форме и удостоверяющей определенный объем прав владельца в зависимости от ее категории (простая (обыкновенная) или привилегированная), типа (для привилегированной акции)».

Каждая простая (обыкновенная) и привилегированная акция одного типа удостоверяет одинаковый объем прав акционера — ее владельца (ч. 3, 5 ст. 70 Закона об обществах).

В соответствии с абз. 6 п. 1 ст. 1 Закона об инвестиционных фондах **инвестиционный пай** — это «именная ценная бумага, выдаваемая в бездокументарной форме, подтверждающая права владельца на долю в праве общей собственности на имущество паевого инвестиционного фонда, получение денежных средств при прекращении существования этого фонда от реализации его имущества, оставшихся после удовлетворения письменных требований кредиторов, которые должны удовлетворяться за счет имущества этого фонда, а также после оплаты расходов, связанных с прекращением его существования, пропорционально количеству принадлежащих этому владельцу инвестиционных паев, иные права, предусмотренные настоящим Законом».

В приведенной дефиниции выделяется право на долю в праве общей собственности, т. е. абсолютное право. Многие авторы не признают возможность его удостоверения ценной бумагой. По утверждению В. А. Белова, абсолютные права не могут быть заключены в ценной бумаге ни при каких условиях [46, с. 325]. Удостоверение абсолютных прав, отмечает М. В. Плюшев, не соответствует цели ценных бумаг [321, с. 53–54]. На взгляд А. В. Габова, «ценных бумаг с чисто “вещно-правовым” содержанием не может быть в принципе...» [88, с. 126]. Вместе с тем он не отрицает, что «ценная бумага может содержать элементы *субъективных вещных*

прав...» [88, с. 126]. Действительно, ценная бумага предполагает наличие обязанного по ней лица. Если его нет, то и ценной бумаги быть не может. Абсолютное право, как известно, обеспечивается запретом, возложенным на всех и каждого. Принимать их за обязанных лиц в ценнобумажном смысле было бы абсурдно. Однако бывают объекты, самостоятельное осуществление права на которые не представляется возможным. К примеру, для распоряжения безналичными деньгами необходимо участие банка. Иногда сам объект подразумевает обязанное лицо: собственнику денежного требования (кредитору) всегда корреспондирует должник. К тому же для осуществления права собственники часто прибегают к услугам других лиц. Во всех этих случаях существует (появляется) обязанное лицо, что создает условия для моделирования ценной бумаги, удостоверяющей не только относительное, но и абсолютное право.

Деньги вверителей, будучи объединенными в паевой инвестиционный фонд, образуют имущество, находящееся в общей долевой собственности последних (ч. 1 п. 2 ст. 19 Закона об инвестиционных фондах). Право собственности вверителя становится правом на долю в праве общей собственности. Оно позволяет получить деньги в порядке выкупа инвестиционных паев и распределения имущества при прекращении существования паевого инвестиционного фонда (ст. 27, 35 Закона об инвестиционных фондах), что обеспечивается управляющей организацией — обязанным в отношении вверителя лицом. Значит, законодатель обоснованно включил право на долю в число прав, удостоверяемых инвестиционным паем.

Удостоверяемые права зависят от вида паевого инвестиционного фонда. В частности, инвестиционный пай закрытого паевого инвестиционного фонда уполномочивает участвовать в общем собрании владельцев инвестиционных паев этого фонда, получать дивиденды по инвестиционному паю (п. 8 ст. 20 Закона об инвестиционных фондах), что сближает его с долей в уставном фонде (акцией) хозяйственного общества.

Сущность долевого инструмента — юридическая сила доли в уставном фонде (акции) хозяйственного общества, инвестиционного пая — основанное на объективном праве их свойство удостоверить указанные выше права и обеспечивать юридическое господство над деньгами и (или) денежными требованиями.

Доли в уставном фонде (акции) хозяйственного общества существуют в неразрывном единстве с ним. Иначе говоря, правосубъектность хозяйственного общества выступает необходимым условием юридической силы доли в его уставном фонде (акции).

Хозяйственное общество не может быть наделено корпоративными правами в отношении самого себя, поэтому принадлежащая ему доля в уставном фонде (акция) «собственного выпуска» юридической силы не имеет. Однако законодатель позволяет в пределах установленного срока

снова ввести ее в гражданский оборот. Общество с ограниченной ответственностью в течение одного года со дня приобретения им долей участников в его уставном фонде должно распределить эти доли между всеми его участниками либо продать их. В противном случае оно должно уменьшить свой уставный фонд на величину стоимости этих долей (ст. 100 Закона об обществах).

Хозяйственное общество признается созданным и приобретает правосубъектность с момента его государственной регистрации (ч. 4 ст. 10 Закона об обществах). Сведения о государственной регистрации включаются в Единый государственный регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (далее — Единый регистр) (п. 1 ст. 47 ГК Беларуси).

«Единый регистр представляет собой общегосударственную систему учета и идентификации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, предназначенную для обеспечения полной и достоверной информации о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, зарегистрированных в Республике Беларусь...» (п. 2 Положения о Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 февраля 2009 г. № 229 [719], далее — Положение о Едином регистре). Достоверность содержащихся в нем сведений — один из принципов формирования Единого регистра (п. 3 Положения о Едином регистре). В Российской Федерации принцип публичной достоверности подобного регистра раскрыт в абз. 2 п. 2 ст. 51 ГК России: «Лицо, добросовестно полагающееся на данные единого государственного реестра юридических лиц, вправе исходить из того, что они соответствуют действительным обстоятельствам. Юридическое лицо не вправе в отношениях с лицом, полагавшимся на данные единого государственного реестра юридических лиц, ссылаться на данные, не включенные в указанный реестр, а также на недостоверность данных, содержащихся в нем, за исключением случаев, если соответствующие данные включены в указанный реестр в результате неправомерных действий третьих лиц или иным путем помимо воли юридического лица».

Единый регистр содержит сведения, необходимые и достаточные для суждения о существовании и юридической силе доли в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью: они достоверно подтверждают его правосубъектность, а также размер и принадлежность доли в уставном фонде (п. 7 Положения о Едином регистре). Поскольку акция и инвестиционный пай — бездокументарные ценные бумаги, к ним (с учетом их особенностей) применимы условия юридической силы бездокументарной кредитной ценной бумаги.

Следовательно, доля в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, зарегистрированного в Республике Бе-

ларусь и не исключенного из Единого регистра, имеет юридическую силу (является долевым инструментом), если по сведениям из Единого регистра она не находится в собственности этого общества.

Акция белорусского акционерного общества, не исключенного из Единого регистра, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, сформированного в Республике Беларусь обладают юридической силой (признаются долевыми инструментами) при наличии в совокупности ряда условий, а именно когда они:

- 1) не находятся в собственности эмитента (для акций), управляющей организации паевого инвестиционного фонда (для инвестиционных паев);
- 2) учтены на счете «депо», открытом в депозитарии для учета ценных бумаг, прав на них и обременений (ограничений) этих прав;
- 3) без подлога имеют все обязательные реквизиты, предусмотренные законодательством.

Юридическая сила корпоративных долей в зарубежных компаниях определяется по иностранному праву. Их нахождение в белорусском гражданском обороте не запрещено, однако акции нерезидентов как эмиссионные ценные бумаги допускаются к размещению и обращению на территории Республики Беларусь при соблюдении условий, установленных ст. 27 Закона о рынке ценных бумаг.

Таким образом, долевого инструмента — это объект гражданских прав (доля в уставном фонде (акция) хозяйственного общества, инвестиционный пай), имеющий основанное на объективном праве свойство:

- 1) удостоверяет корпоративные права участника (акционера) и обеспечивать ему самостоятельное или совместное с другими участниками (акционерами) косвенное юридическое господство над деньгами и (или) денежными требованиями хозяйственного общества либо

- 2) удостоверяет права вверителя, предусмотренные законодательством об инвестиционных фондах, и обеспечивать ему косвенное юридическое господство над деньгами и иными активами в доверительном управлении.

Обобщая понятия валютного, кредитного и долевого инструментов, мы можем заключить, что финансовые инструменты — это объекты гражданских прав, имеющие основанное на объективном праве свойство обеспечивать юридическое господство над деньгами и (или) денежными требованиями.

Прогнозируем, что в скором времени получит распространение цифровая форма финансовых инструментов, в которой они станут токенами. Цифровой знак (токен) являет собой запись в распределенной информационной системе, способную удостоверить право на объекты гражданских прав (п. 12 приложения 1 к Декрету № 8). Такими объектами могут быть и денежные требования. К примеру, управление надзора за операциями

финансового рынка Швейцарии (FINMA) выделяет инвестиционные токены (англ. *Asset tokens*). По экономической функции они аналогичны акциям, облигациям и деривативам [537].

Завершив исследование денег, денежных долгов и требований, а также финансовых инструментов, произведем верификацию и при необходимости уточнение состава финансового имущества.

В финансовые активы мы включаем деньги (наличные и безналичные), денежные требования, кредитные и долевыми инструментами. Однако его можно расширить до некоторого предела на основе логики «деньги — денежные требования»: если существует объект *X*, то может существовать объект *Y*, именуемый «требование объекта (объектов) *X*». Представим это следующим образом (табл. 2.2).

Таблица 2.2

**Расширение финансовых активов
по схеме «объект — требование объекта»**

№ п/п	А	Б	В
1	Деньги	Денежное требование	Требование денежного требования
2	Кредитный инструмент	Требование кредитных инструментов	Требование требования кредитных инструментов
3	Долевой инструмент	Требование акций или инвестиционных паев	Требование требования акций или инвестиционных паев

Уже признанные финансовые активы находятся на позициях 1А, 1Б, 2А, 3А. Применяемая логика ведет нас вправо, указывая, где это возможно, на новые объекты гражданских прав, пока не будет достигнут предел.

Так, на позиции 1В должно быть «требование денежного требования». Но такого объекта не существует. Передача требования совершается по сделке (п. 1 ст. 353 ГК Беларуси) без возникновения и исполнения обязательства его передать. Являясь идеальным объектом, требование переходит к новому кредитору в момент соглашения (сделки) либо в согласованный момент будущего без дополнительных действий первоначального кредитора. «Строго говоря, — утверждает М. Пляниоль, — тут нет передачи долгового требования, так как передача есть материальное действие, которое не может совершиться относительно невещественного предмета...» [322, с. 612]. Более того, допуская существование данного объекта, мы дойдем до абсурда: нам придется признать возможность «требования... требования денежного требования».

Отметим, что п. 1 ст. 356 ГК Беларуси предусматривает обязанность кредитора, уступившего требование другому лицу, передать ему докумен-

ты, удостоверяющие право требования. Но их передача происходит после совершения сделки, и возникновение у нового кредитора права на уступленное требование с фактом передачи документов не связано. В этом смысле примечательна позиция Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, где действует такая же норма (п. 3 ст. 385 ГК России): «К новому кредитору права (требования) по общему правилу переходят в момент совершения сделки уступки права (требования). Передача документов, удостоверяющих право и подтверждающих его действительность, производится на основании уже совершенной сделки» [762, с. 76]. В белорусской судебной практике встречается другой (по нашему мнению, неверный) подход. К примеру, хозяйственный суд Могилевской области, признавая договор уступки требования незаключенным, пришел к выводу, что «существенным условием, при котором договор может считаться заключенным, является фактическая передача “первоначальным кредитором” “новому кредитору” документов, удостоверяющих право требования к “должнику”, а также сообщение “новому кредитору” сведений, имеющих значение для осуществления требования» [764].

На позиции 2Б мы логически обнаруживаем «требование кредитных инструментов». Поскольку они удостоверяют право на денежное требование, можно сказать, что «требование кредитных инструментов» — это по сути «требование денежного требования», которого не бывает. Тем не менее мы признаем «требование кредитных инструментов» объектом гражданских прав в составе финансовых активов. Во-первых, представляющим объектом в правоотношениях выступает не денежное требование, а кредитный инструмент. Во-вторых, для перехода денежного требования, удостоверенного инструментом, необходима передача документарного или перевод бездокументарного кредитного инструмента. Возникновение у нового кредитора права на денежное требование связано с получением упомянутого инструмента (п. 1, 2 ст. 146-1; п. 1 ст. 150 ГК Беларуси).

На позиции 3Б должно быть «требование долевых инструментов», но тому есть препятствие в части доли в уставном фонде. Дело в том, что отчуждение доли в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью совершается по письменной сделке (ч. 4 ст. 101 Закона об обществах) без возникновения и исполнения обязательства ее передать. Являясь идеальным объектом, доля переходит к приобретателю в момент соглашения (сделки) либо в согласованный момент будущего без дополнительных действий отчуждающего участника. Следовательно, «требования доли в уставном фонде» не существует. В то же время для перехода акций и инвестиционных паев нужен их перевод. Право на данные ценные бумаги возникает с момента их зачисления на счет «депо» приобретателя, поэтому «требование долевых инструментов» мы признаем лишь в части требования акций или инвестиционных паев.

В дальнейшем применяемая логика приводит нас к «требованию требования кредитных инструментов» (позиция 2В) и «требованию требования акций или инвестиционных паев» (позиция 3В). Такие объекты мы отрицаем по тем же основаниям, что и «требование денежного требования».

Окончательное определение состава финансовых активов завершает проверка гипотезы «субъективное право — финансовый инструмент»: если существует объект *X*, то может существовать объект *Y* (финансовый инструмент), удостоверяющий субъективное право на объект *X*. Результат представим следующим образом (табл. 2.3).

Таблица 2.3

Расширение финансовых активов по схеме «субъективное право — инструмент»

№ п/п	А	Б	В
1	Безналичные деньги	Субъективное право	Инструмент
2	Наличные деньги	Субъективное право	Инструмент
3	Денежное требование	Субъективное право	Инструмент
4	Кредитный инструмент	Субъективное право	Инструмент
5	Требование кредитных инструментов	Субъективное право	Инструмент
6	Долевой инструмент	Субъективное право	Инструмент
7	Требование акций или инвестиционных паев	Субъективное право	Инструмент

Право на безналичные деньги удостоверяется: 1) денежным банковским счетом; 2) электронным кошельком; 3) виртуальным кошельком с карточкой виртуального кошелька. Однако выписка из лицевого счета (электронного кошелька) и карточка виртуального кошелька не объекты гражданских прав, потому инструментами не являются.

Наличные деньги в нашем исследовании представляют не только себя, но и валютные инструменты. Они занимают одну позицию — 2А. Стало быть, на позиции 2В должно быть нечто, удостоверяющее право на валютный инструмент, т. е. другой инструмент, а таковой в белорусском правовом порядке отсутствует.

Право на денежное требование может быть удостоверено кредитным инструментом, но последний уже признан нами на позиции 4А. Другого инструмента, удостоверяющего данное право (позиция 3В), равно как и инструмента, удостоверяющего право на кредитный инструмент (позиция 4В), белорусский законодатель не предусматривает (выписка о состоянии счета «депо» к объектам гражданских прав не относится). По той же причине без правоудостоверяющего объекта остается «требование

вание кредитных инструментов» и «требование акций или инвестиционных паев».

В белорусском гражданском обороте нет и объектов, удостоверяющих право на долевой инструмент (позиция 6В). Вместе с тем иностранное или международное юридическое лицо (организация, не являющаяся юридическим лицом) может эмитировать иностранные депозитарные расписки на акции белорусских акционерных обществ. Согласно п. 1.2 Указа Президента Республики Беларусь от 3 марта 2016 г. № 84 [690] иностранная депозитарная расписка признается ценной бумагой, удостоверяющей право собственности или иное вещное право на определенное количество акций открытого акционерного общества — резидента Республики Беларусь, эмитированной эмитентом иностранных депозитарных расписок в соответствии с законодательством иностранного государства, погашение которой осуществляется путем обмена на определенное количество акций эмитента акций, право собственности или иное вещное право на которые удостоверяется иностранной депозитарной распиской, и (или) выплаты денежных средств, полученных от продажи таких акций, и (или) иными способами, предусмотренными условиями эмиссии иностранных депозитарных расписок.

Таким образом, в состав **финансовых активов** входят: 1) деньги (наличные и безналичные); 2) денежные требования; 3) кредитные инструменты; 4) требования кредитных инструментов; 5) долевые инструменты; 6) требования акций или инвестиционных паев.

Обновленное представление о финансовых активах будет неполным без дефиниции «требования кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев». Для этого мы используем нашу позицию в отношении денежного требования: требование кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев — объект гражданских прав — юридически обязательное увеличение количества кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев у одного лица (кредитора) за счет другого лица (должника).

В собственности хозяйственного общества, а также в паевом инвестиционном фонде могут быть любые финансовые активы, в связи с чем напомним возможным уточнить понятие долевого и, как следствие, финансовых инструментов:

— **долевой инструмент** — это объект гражданских прав (доля в уставном фонде (акция) хозяйственного общества, инвестиционный пай), имеющий основанное на объективном праве свойство:

1) удостоверять корпоративные права участника (акционера) и обеспечивать ему самостоятельное или совместное с другими участниками (акционерами) косвенное юридическое господство над финансовыми активами хозяйственного общества либо

2) удостоверяя права вверителя, предусмотренные законодательством об инвестиционных фондах, и обеспечивать ему косвенное юридическое господство над финансовыми активами в доверительном управлении;

— **финансовые инструменты** — это объекты гражданских прав, имеющие основанное на объективном праве свойство обеспечивать юридическое господство над финансовыми активами.

Заметим, что понятие финансовых активов охватывает финансовые инструменты, которые квалифицируются через финансовые активы. Получается, что финансовые инструменты — это финансовые активы, имеющие свойство обеспечивать юридическое господство над финансовыми активами, в том числе финансовыми инструментами. Но здесь мы обнаруживаем не порочный логический круг, а рекурсию. Правильнее сказать, и это мы подразумеваем, что финансовые инструменты суть финансовые активы, имеющие свойство обеспечивать юридическое господство над другими либо другого лица финансовыми активами.

Согласно абз. 13 п. 2 Положения о финансировании коммерческих организаций под уступку прав (требований) за счет средств, привлеченных путем эмиссии облигаций, либо с последующей эмиссией облигаций, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 11 мая 2017 г. № 154 [710] (далее — Положение о секьюритизации) под финансовыми активами в области секьюритизации понимаются денежные средства, ценные бумаги и иные объекты гражданских прав, перечень которых определен п. 1.5 постановления Министерства финансов Республики Беларусь от 15 декабря 2017 г. № 49 [748].

Несмотря на упоминание имущественных прав в ст. 128 ГК Беларуси, права на финансовые активы в финансовое имущество не входят. Они обеспечивают интересы обладателей указанных объектов и не имеют самостоятельной (отличной от финансовых активов) судьбы в гражданском обороте.

В финансовые пассивы мы включаем противоположности требований, находящихся в финансовых активах, а именно: 1) денежный долг и 2) долг по передаче кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев. Последний мы понимаем, подобно денежному: долг по передаче кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев — объект правовой обязанности — юридически обязательное уменьшение количества кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев, предписанное одному лицу (должнику) в пользу другого лица (кредитора).

Входящие в финансовое имущество требования и долги мы будем называть финансовыми.

На основе изложенного детализируем описание монетарного состояния и расширим его за счет выявленных финансовых активов и пассивов (табл. 2.4).

Таблица 2.4

Показатели монетарного состояния

Финансовые активы	Финансовые пассивы
Деньги	
Денежные требования	Денежные долги
Кредитные инструменты	
Долевые инструменты	
Требования кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев	Долги по передаче кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев

Значит, монетарное состояние субъекта частного права — это принадлежность данному субъекту определенного количества денег, кредитных и долевых инструментов, а также долгов и требований денег, кредитных инструментов, акций, инвестиционных паев.

Итак, познание финансовых инструментов и верификация состава финансового имущества приводят нас к следующим положениям.

Финансовые инструменты — объекты гражданских прав, имеющие основанное на объективном праве свойство обеспечивать юридическое господство над финансовыми активами. Они делятся на валютные, кредитные и долевые инструменты.

Валютный инструмент — объект гражданских прав (банкнота, монета), имеющий основанное на объективном праве свойство удостоверять субъективное право его владельца на деньги.

Валютный инструмент и деньги, право на которые он удостоверяет, находятся в обороте парой. Однако, имея общую ценность, они представляют себя в правоотношениях одним объектом в зависимости от того, на чем акцентируют свои интересы участники правоотношений. Представляющим объектом могут быть деньги, право на которые удостоверено валютным инструментом (наличные деньги), а также валютный инструмент. В нашем исследовании указанная пара объектов представлена наличными деньгами.

Кредитный инструмент — объект гражданских прав (кредитная ценная бумага), имеющий основанное на объективном праве свойство удостоверить субъективное право на денежное требование.

Кредитный инструмент и денежное требование, право на которое он удостоверяет, находятся в обороте парой. Но в правоотношениях они представляют себя только кредитным инструментом.

Долевой инструмент — объект гражданских прав (доля в уставном фонде (акция) хозяйственного общества, инвестиционный пай), имеющий основанное на объективном праве свойство:

1) удостоверять корпоративные права участника (акционера) и обеспечивать ему самостоятельное или совместное с другими участниками (акционерами) косвенное юридическое господство над финансовыми активами хозяйственного общества либо

2) удостоверять права вверителя, предусмотренные законодательством об инвестиционных фондах, и обеспечивать ему косвенное юридическое господство над финансовыми активами в доверительном управлении.

К **финансовым активам** относятся деньги (наличные и безналичные), кредитные инструменты, долевые инструменты и финансовые требования: денежные требования, требования кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев, а к **финансовым пассивам** — финансовые долги: денежные долги, долги по передаче кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев.

ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ И УСЛУГИ

3.1. Понятие и виды финансовых рисков

Любой, кто управляет финансами, стремится достичь желаемого монетарного состояния. Однако финансы не всегда подвластны воле их субъектов, вследствие чего не исключается возможность нежелаемого изменения такого состояния. Иначе говоря, обладание финансовым имуществом сопряжено с риском.

Риск присутствует практически в каждой сфере деятельности. «Жить в эпоху “поздней современности”... — утверждает Э. Гидденс, — значит жить в мире случайности и риска» [104, с. 107]. Естественно, что данное явление вызывает научный интерес. Как пишет В. М. Танаев, «категория риска и ее познание... становится одним из двигателей развития человечества (в философском плане)» [390, с. 16]. В то же время, отмечает В. С. Диев, «сегодня не существует общепринятого определения риска, и представители различных наук друг друга порой просто не понимают» [147, с. 28].

Это понятие возникло в XVII в. в связи с азартными играми. Риск тогда означал вероятность появления некоторого события в сочетании с величинной потерь и выигрышей, которые оно повлекло бы за собой [153, с. 243]. Отсюда понимание риска как возможности (вероятности).

По мнению И. И. Степанова, «риск по интересу есть возможность неосуществления интереса, т. е. возможность неполучения выгоды» [383, с. 77]. С точки зрения М. А. Рогова, «риск — это возможность ненаступления каких-либо ожидаемых событий, возможность отклонения каких-либо величин от некоторых их (ожидаемых) значений» [340, с. 11]. В приведенных суждениях риск связывается с неосуществлением желаемого.

Другие авторы рассматривают риск в контексте негативных последствий (осуществления нежелаемого). Согласно О. А. Красавчикову, риск — это определенная опасность (возможность) умаления имущественных или личных неимущественных благ [207, с. 145]. В представлении А. А. Собчака

«риск — это всегда опасность возникновения неблагоприятных последствий (имущественного или личного характера), относительно которых неизвестно, наступят они или нет» [367, с. 55]. Подобного рода дефиниции предлагают Д. З. Чиракадзе [474, с. 21], Ю. Б. Фогельсон [451, с. 28], А. Г. Мартиросян [261, с. 64], А. А. Кудрявцев [215, с. 34], Р. А. Крючков [214, с. 67].

Иную форму понятию исследуемого феномена придает Н. Луман, различающий риск и опасность. Он указывает на две возможные причины возникновения ущерба: «Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т. е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такового ущерба находятся вовне, т. е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности» [245, с. 150]. По Н. Луману, риск субъективен, а опасность объективна. Более тонкое различие между риском и опасностью (в смысле англ. *exposure*) проводит К. А. Хорчер: «Риск относится к вероятности ущерба, тогда как опасность — это возможность ущерба, хотя часто они используются как синонимы» (перевод авт. — С. П.) [543, с. 1–2].

В понимании В. А. Ойгензихта риск — не возможность (вероятность) отрицательных последствий поведения или события, а отношение субъекта к ним. На его взгляд, риск есть «психическое отношение субъекта к результату собственных действий или к поведению других лиц, а также к возможному результату объективного случая и случайно невозможных действий, выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых, имущественных последствий» [305, с. 67].

В зарубежной литературе существенной характеристикой риска выступает неопределенность. А. Х. Уиллет, например, называет риск объективным коррелятом субъективной неопределенности или объективированной неопределенностью относительно возникновения нежелательного события [614, с. 29, 33]. Ф. Х. Найт термином «риск» обозначает измеримую неопределенность [283, с. 225]. Практическое различие между категориями риска и неопределенности, объясняет он, состоит в том, что, когда речь идет о риске, распределение исходов в группе случаев известно либо благодаря априорным расчетам, либо из статистических данных прошлого опыта, тогда как в условиях неопределенности это не так по той общей причине, что ситуация, с которой приходится иметь дело, весьма уникальна и нет возможности сформировать какую-либо группу случаев [283, с. 225–226]. Аналогично рассуждают К. Захман [616, с. 3] и К. Л. Притчард [582, с. 7].

Многие отечественные авторы понимают риск как поведение (деятельность, деяние, действие, поступок) в условиях неопределенности (выбора). Согласно М. А. Котику, «риск — это действие (поступок), выполняемое в условиях выбора, когда существует опасность в случае неудачи оказаться в худшем положении, чем до выбора» [205, с. 257]. А. П. Альгин видит в нем

«деятельность, связанную с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели» [16, с. 19–20]. С точки зрения В. И. Зубкова, «риск представляет собой целенаправленное поведение социального субъекта, осуществляемое в обстоятельствах неопределенности ожидаемых исходов» [167, с. 124]. Похожую позицию занимают А. Л. Савенок [354, с. 14], Г. И. Лукьянов [243, с. 36], В. В. Бабурин [31, с. 29–30], В. С. Ефимовских [157, с. 76], А. А. Арямов [28, с. 24–25].

Таким образом, существующие знания о риске подтверждают тезис об отсутствии общепринятого определения данного феномена и вызывают необходимость его дальнейшего научного исследования.

По нашему мнению, риск предполагает несущего его субъекта — физическое лицо, организацию, государство либо их целостную совокупность. Субъект риска всегда находится в том или ином состоянии, а точнее — в состояниях, так как многообразие его свойств детерминирует множество состояний, в которых он может пребывать в конкретный момент. Человек, например, существует в физическом, психическом, социальном, имущественном, юридическом и других состояниях. Они субъекту не безразличны и являют собой объект риска. Свойства субъекта и значимых для него элементов внешней среды мы относим к предмету риска: именно они характеризуют состояние субъекта и обнаруживают его (состояния) изменение.

Риск немалозначим без будущего. Как отмечает Г. Г. Бунеску, «риск и время представляют собой две стороны одной медали, потому что если бы не было завтрашнего дня, то и риска бы не существовало» [72, с. 88]. Связь риска и будущего основана на неопределенности последнего: мы достоверно не знаем, что будет с нами в известный момент или период будущего. Следовательно, в будущем, помимо прочего, может произойти нежелательное изменение нашего состояния. Однако «ни одно явление, — пишет Г. В. Лейбниц, — не может оказаться истинным или действительным... без достаточного основания...» [229, с. 418]. Стало быть, нежелательное изменение тоже имеет достаточное основание. Оно включает причину такого изменения и совокупность условий, при которых причина возникает и действует. Поскольку нежелательное изменение субъект не целенаправляет, оно происходит от внешней среды. Но если причина по отношению к субъекту всегда экзогенна, то условия ее возникновения и действия зависят как от внешней среды, так и от самого субъекта. Возможность наступления всех условий, необходимых и достаточных для возникновения и действия упомянутой причины, мы называем **опасностью**. А основанную на опасности возможность нежелательного изменения состояния субъекта обозначаем термином **риск**.

Заметим, риск мы видим в возможности нежелательного (отрицательного), тогда как в литературе его часто дополняют возможностью жела-

емого (положительного), выделяя спекулятивный (динамический) риск ([69, с. 848], [398, с. 192], [242, с. 356]). Мы не можем согласиться с приведенным расширением понятия. По верному суждению В. Е. Кирюшкина и И. В. Ларионова, «возможный позитивный исход случайного события говорит о наличии шанса, а не риска» [196, с. 91]. «Ибо риск, — утверждает Я. М. Магазинер, — ...есть не что иное, как возможность зла» [249, с. 112]. Возможность желаемого изменения состояния субъекта являет собой не риск, а его противоположность — **шанс**.

Риск есть возможность с вероятностью реализации. Значит, с обратной вероятностью существует возможность его желаемого неосуществления. Последняя подобна, но не тождественна шансу: возможности «не потерять» и «получить» имеют разный семантический объем, поэтому возможность желаемого неосуществления риска мы будем именовать **квазишансом**. Аналогично мы приходим к термину **квазириск**, что в итоге можно представить следующим образом (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Соотношение риска (квазириска) и шанса (квазишанса)

Возможность	нежелаемого	изменения состояния субъекта	— риск
	желаемого	неосуществления риска	— квазишанс
	желаемого	изменения состояния субъекта	— шанс
	нежелаемого	неосуществления шанса	— квазириск

Сущность финансов заключается в изменении монетарного состояния. Значит, **финансовый риск** — это основанная на опасности возможность нежелаемого изменения такого состояния. Последнее есть объект финансового риска, а финансовое имущество — его предмет.

Мы исходим из того, что нежелаемое изменение монетарного состояния никогда не бывает целью субъекта: иначе оно становится желаемым. К тому же мы постулируем разумность в оценке изменения его состояния.

Изменение монетарного состояния сводится к изменению номинального и (или) реального количества денег, кредитных и долевых инструментов, финансовых требований и долгов. Разумеется, их количество должно иметь денежное выражение.

Количество денег определяется числом денежных величин (валюты) в настоящее время, т. е. всегда реально.

Количество кредитных и долевых инструментов в денежном выражении — это их стоимость. Она может быть номинальной и реальной.

Номинальная стоимость кредитного инструмента (сумма денег; сумма вклада (депозита); размер требований по обязательству, обеспеченному ипотекой) содержится в его реквизитах. Реальная же стоимость кредитного инструмента — результат оценки. Здесь применимы Международные

стандарты финансовой отчетности (IAS) 39 «Финансовые инструменты: признание и оценка» и (IFRS) 13 «Оценка справедливой стоимости» (прил. 26 и 40 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 19 августа 2016 г. № 657/20 [715]).

По общему правилу номинал доли в уставном фонде равен стоимости вклада участника в уставный фонд и указывается в уставе в виде размера вклада (ч. 2 ст. 91, ч. 2 ст. 92, ч. 1 ст. 94 Закона об обществах). Номинальная стоимость акции устанавливается акционерами и фиксируется в уставе акционерного общества (ч. 2 ст. 69 Закона об обществах). Данные сведения вносятся в Единый регистр. Реальная стоимость долей в уставном фонде и акций определяется в результате оценки, произведенной в соответствии с разд. 12 Технического кодекса установившейся практики ТКП 52.1.01-2015 (33520) «Оценка стоимости объектов гражданских прав. Оценка стоимости предприятий (бизнеса)», утвержденного приказом Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 25 августа 2015 г. № 184 [755]. В Законе об обществах упоминается действительная стоимость доли в уставном фонде (ч. 2 ст. 94), но она применяется при расчетах общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью с его участниками, в том числе вышедшими (исключенными) из общества, а также наследниками и кредиторами участников.

Облигации и акции могут иметь рыночную цену, которая рассчитывается в порядке, установленном постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 17 марта 2016 г. № 13 [749].

В период формирования паевого инвестиционного фонда инвестиционные паи размещаются по первоначальной стоимости, определенной правилами фонда, а впоследствии — по их расчетной стоимости (п. 11, 12 ст. 22 Закона об инвестиционных фондах). Расчетная стоимость пая исчисляется путем деления стоимости чистых активов паевого инвестиционного фонда на общее количество инвестиционных паев этого фонда, размещенных на момент окончания текущего рабочего дня (абз. 12 п. 1 ст. 1 Закона об инвестиционных фондах).

Финансовые требования и долги исчисляются как номинально (в будущих деньгах), так и в реальном (приведенном к текущим деньгам) количестве.

Выделение видов финансового риска возможно по опасности, на которой он основан, и характеру нежелаемого изменения монетарного состояния.

Перманентной опасностью, порождающей финансовый риск, выступает возможность изменения валютного стандарта, равняющего всеобщую меновую ценность денежной единицы с ценностью некоторого количества блага или набора благ. Валютный стандарт отражает покупательную способность (англ. *purchasing power*) денег. При денежном сбережении и кредитовании их субъект не желает уменьшения покупательной способности

денег, поскольку тогда он лишается возможности купить столько благ, сколько мог бы купить в момент сбережения и кредитования. Денежный должник, наоборот, не желает увеличения их покупательной способности, так как ему придется расстаться с большим количеством благ, чем он мог купить в момент возникновения долга. Изменение покупательной способности денег проявляется в инфляции (дефляции) и девальвации (ревальвации) валюты. Основанный на данной опасности риск мы называем **валютным**.

Кредитные и долевые инструменты выступают объектами инвестиций. Многие приобретают их не ради удостоверяемых прав, а в расчете на инвестиционный доход. Очевидно, что инвесторы не желают понижения их стоимости. Исключение составляют короткие продажи (англ. *short selling*, *shorting*), когда продаются заемные ценные бумаги и продавцу впоследствии необходимо купить определенное количество этих бумаг на фондовом рынке, чтобы возвратить заимодавцу [567, с. 138]. В белорусском законодательстве сделки, совершаемые с использованием денежных средств и (или) ценных бумаг, предоставленных брокером взаем, признаются маржинальными (ч. 9 ст. 31 Закона о рынке ценных бумаг). Возможность нежелаемого изменения стоимости кредитных и долевых инструментов мы именуем **инвестиционным** риском.

Обладатель денег, кредитных и долевых инструментов, финансовых требований может лишиться их полностью или частично помимо своей воли, чего, естественно, он не желает. Такая возможность представляет собой риск **утраты финансового актива**. Осуществление указанного риска проявляется в следующем:

- 1) списание денег с банковского счета субъекта в отсутствие его платежной инструкции (акцепта);
- 2) уменьшение остатка электронных денег в электронном кошельке без распоряжения их держателя;
- 3) совершение расходной операции без ведома владельца виртуального кошелька;
- 4) потеря закрытого криптографического ключа;
- 5) невольное выбытие наличных денег или документарных кредитных инструментов из владения субъекта;
- 6) утрата юридической силы валютных или документарных кредитных инструментов;
- 7) списание бездокументарных инструментов со счета «депо» в отсутствие поручения депонента;
- 8) уменьшение размера (прекращение) доли в уставном фонде помимо воли ее обладателя;
- 9) уменьшение количества (прекращение) финансового требования без исполнения.

Финансовый долг предписывает уменьшение количества денег, кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев у одного субъекта (должника) в пользу другого (кредитора). Как только долг возникает, уменьшение количества становится необходимым, поэтому участники экономического оборота не хотят обременять себя долгом без предоставления им блага или финансового актива. Следовательно, никто не желает возникновения у него долга помимо своей воли. Возможность нежелаемого возникновения финансового долга (увеличения его количества) есть **долговой** риск. Обычно он осуществляется в виде наступления имущественной ответственности.

Монетарное состояние характеризуется не только числовыми значениями финансового имущества, но и отношениями между ними (числовыми выражениями). Например, разность между финансовыми активами и пассивами показывает величину чистых активов (англ. *net worth*), относящихся к монетарному состоянию. Если же мы разделим количество денег субъекта на количество его краткосрочных долгов, то получим коэффициент абсолютной ликвидности (англ. *cash ratio*). Существует множество других производных показателей. Не вызывает сомнения наличие у них допустимых значений, за пределами которых монетарное состояние становится неприемлемым. Значит, мы можем говорить еще об одном финансовом риске — возможности нежелаемого изменения производных показателей монетарного состояния (приобретения ими недопустимых значений). Поскольку эти показатели целиком определяются числовыми значениями финансового имущества, приведенный риск — комплексный образ других видов финансового риска, в виду чего мы называем его **производным** финансовым риском.

В литературе выделяется гораздо больше финансовых рисков. К примеру, И. А. Бланк относит к ним риск неплатежеспособности, а также инвестиционный, инфляционный, процентный, валютный, депозитный, кредитный, налоговый и др. [55, с. 205], однако в его понимании финансовый риск (предприятия) есть «вероятность возникновения неблагоприятных финансовых последствий в форме потери дохода или капитала в ситуации неопределенности условий осуществления его финансовой деятельности» [55, с. 203].

Если финансовый риск — возможность нежелаемого изменения монетарного состояния, то его противоположность — финансовый шанс — это возможность желаемого изменения такого состояния. Осуществление финансовых шансов с приемлемыми финансовыми рисками, по нашему мнению, образует цель управления финансами.

Распространенный случай неосуществления финансового (кредитного) шанса или, что одно и то же, осуществления финансового (кредитного) квазириска — неисполнение или ненадлежащее исполнение финансового обязательства должником. Когда кредитор не получает исполнение в установленный срок, желаемого увеличения количества денег, кредитных ин-

струментов, акций или инвестиционных паев (прекращение финансового требования) не происходит. Однако кредитный шанс у него остается, но в отношении просроченного финансового требования. Если последнее будет признано погашенным вследствие банкротства должника, то произойдет уже осуществление риска утраты финансового актива (нежелаемое прекращение финансового требования).

Юридическое представление об объекте познания мы получаем из правовых норм. Общее нормативное определение риска имеется в государственном стандарте Республики Беларусь СТБ ISO Guide 73-2014 «Менеджмент рисков. Термины и определения», утвержденном постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 28 марта 2014 г. № 15 [745]. Белорусский стандарт идентичен международному ISO Guide 73:2009 «Risk management – Vocabulary» [809]. Риск в нем означает влияние (англ. *effect*) неопределенности на цели, приводящее к отклонению от предполагаемого (ожидаемого). Согласно стандарту риск обычно выражается в виде сочетания последствий события и вероятности (англ. *likelihood*) его возникновения.

ГК Беларуси не содержит дефиниции риска, но законодатель использует данный термин в десятках гражданско-правовых норм. Он упоминает риск убытков, случайной гибели (порчи, повреждения) имущества, изменения обстоятельств, случайной невозможности исполнения, последствий несовершения некоторых действий, а также предпринимательский, страховой и иные риски. Подобное словоупотребление присутствует в гражданских кодексах стран Содружества Независимых Государств. Анализируя в связи с этим ГК России и выделяя в нем предпринимательские, игровые, обязательственные и страховые риски, В. М. Танаев пришел к выводу, что «речь идет о совершенно различных правовых институтах, которые носят одинаковое название “риск”» [390, с. 21].

Риск действительно имеет отношение к различным гражданско-правовым институтам, однако в общем смысле он везде являет собой одно и то же — основанную на опасности возможность нежелаемого изменения состояния участника гражданского оборота. Говоря о риске убытков, случайной гибели (порчи, повреждения) имущества, законодатель делает акцент на объекте — нежелаемом изменении имущественного состояния. В других же нормах на первый план выходит опасность (основание риска), связанная с изменением обстоятельств, случайной невозможностью исполнения, предпринимательской деятельностью и т. д.

Определение финансового риска в праве отсутствует, но есть легальное истолкование близкого к нему банковского риска. В силу п. 2 Инструкции об организации системы управления рисками в банках... утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 29 октября 2012 г. № 550 [740], «риск — объективно существующая в прису-

щих банковской деятельности условиях неопределенности потенциальная возможность (вероятность) понесения банком потерь (убытков), неполучения запланированных доходов и (или) ухудшения ликвидности и (или) наступления иных неблагоприятных последствий для банка вследствие возникновения различных событий, связанных с внутренними и (или) внешними факторами деятельности банка». В сравнении с нашим пониманием финансового риска мы видим здесь расширение понятия за счет «неполучения запланированных доходов» (квазириска), а также «иных неблагоприятных последствий».

В зависимости от содержания опасности — «различных событий, связанных с внутренними и (или) внешними факторами деятельности банка», его риск по той же инструкции делится на следующие основные виды: кредитный, страновой, рыночный, процентный, операционный, стратегический, репутационный, а также ликвидности и концентрации. Некоторые приведенные риски имеют свои разновидности.

Отношение риска и права детерминируется сущностью последнего. Поскольку она заключается в государственном нормативном регулировании социального поведения, а, как пишет Н. Луман, «свободного от риска поведения не существует» [245, с. 155], право можно назвать нормативной системой регулирования рисков субъектов социального поведения. Еще Я. М. Магазинер утверждал, что «право есть не что иное, как система распределения рисков, которая изменяет и исправляет стихийно складывающееся их распределение на основе естественных законов экономики» [249, с. 165].

Правовое регулирование рисков реализуется следующими способами:

- 1) запрещение опасного поведения;
- 2) обязывание к поведению с приемлемым риском (безопасному поведению);
- 3) специальное дозволение поведения с обоснованным риском и устранение ответственности за вред, причиненный таким поведением;
- 4) общее дозволение рискованного поведения;
- 5) распределение рисков с возможностью управления ими.

Запрещение опасного поведения и обязывание к безопасному поведению — наиболее распространенные пути регулирующего воздействия права на риски. Практически все материально-правовые запреты и предписания, будучи обеспеченными государственным принуждением (юридической ответственностью), призваны предотвращать (минимизировать) риски, связанные с социальным поведением, не свободным от опасности.

В публичном праве допускается поведение с обоснованным риском. В силу ч. 1 ст. 5.4 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [642] (далее — КоАП) «не является административным правонарушением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом

законным интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели». Норма, исключая преступность деяния в случае его совершения «в условиях обоснованного риска для достижения общественно полезной цели», содержится в ч. 1 ст. 39 Уголовного кодекса Республики Беларусь [646] (далее — УК). Как видим, законодатель признает право каждого на обоснованный риск для достижения общественно полезной цели, не допуская административной и уголовной ответственности за причинение вреда при осуществлении данного права. Риск считается обоснованным, если совершенное деяние соответствует современным научно-техническим знаниям и опыту, а поставленная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями и лицо, допустившее риск, обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предотвращения вреда (ч. 2 ст. 5.4 КоАП, ч. 2 ст. 39 УК). Экономический (деловой) риск может признаваться обоснованным, если поставленная цель могла быть достигнута и не рискованными деяниями (решениями), но с меньшим экономическим результатом (ч. 3 ст. 5.3 КоАП, ч. 2-1 ст. 39 УК).

Отдельные категории государственных служащих имеют право на обоснованный профессиональный риск. Например, оно предоставлено сотрудникам органов государственной безопасности. По ст. 28 Закона Республики Беларусь от 10 июля 2012 г. «Об органах государственной безопасности Республики Беларусь» [681] «причинение ими вреда при обоснованном профессиональном риске не является правонарушением. Профессиональный риск признается обоснованным, если совершенное сотрудником органов государственной безопасности деяние объективно вытекало из сложившейся обстановки, законная цель не могла быть достигнута не связанными с риском действиями и сотрудник органов государственной безопасности, допустивший риск, принял все возможные меры для предотвращения вреда охраняемым законом интересам». Заметим, что при обоснованном профессиональном риске устраняется не только административная и уголовная, но и гражданско-правовая ответственность за причинение вреда.

Общее дозволение рискованного проведения характерно для частного права, что связано с дозволительным типом частноправового регулирования и его принципами (свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела и т. д.). На случай осуществления рисков законодатель распределяет их и предоставляет возможность управления ими. А. Г. Мартиросян, к примеру, приводит следующие способы распределения:

- установление правового положения участников гражданских правоотношений в части определения имущества, которым они отвечают;
- установление вины в качестве обязательного условия наступления гражданско-правовой ответственности;
- ограничение размера ответственности реальным ущербом;

- возложение убытков на третье лицо, не являющееся стороной в обязательстве;
- установление очередности в исполнении обязательства;
- разложение последствий риска среди должников;
- возложение последствий риска на одну из сторон в обязательстве;
- государственная регистрация права (права собственности и прав на результаты интеллектуальной собственности и средства индивидуализации);
- требование к форме сделок, опосредующих переход права, и их государственная регистрация (письменная форма, нотариальное удостоверение) [262, с. 85].

По нашему мнению, частноправовое распределение рисков состоит в возложении на определенных лиц обязанности претерпевать нежелаемое изменение своего состояния. Именно в ней мы усматриваем юридическую природу риска, в том числе финансового.

Логично предположить, что финансовый шанс, будучи противоположностью финансового риска (обязанности), представляет собой юридическую дозволенность, принимающую форму законного интереса либо субъективного права. Действительно, любой субъект заинтересован в желаемом изменении его монетарного состояния. Когда такая возможность допускается объективным правом, она становится законным интересом. По верному суждению А. В. Малько и В. В. Субочева, «законный интерес — это отраженная в объективном праве либо вытекающая из его общего смысла и в определенной степени гарантированная государством юридическая дозволенность, выражающаяся в стремлениях субъекта пользоваться определенным социальным благом...» [255, с. 73]. Если же данная возможность обеспечивается запретом или обязанностью другого лица, она предстает субъективным правом. Еще Н. М. Коркунов различал простую дозволенность и субъективное право: «Все, на что лицо имеет право, дозволено; но не на все дозволенное оно имеет право, а лишь на то, возможность чего обеспечена установлением соответствующей обязанности. Только такая возможность составляет право, потому что только она есть возможность по отношению к другому лицу, правообязанному» [201, с. 214]. Следовательно, правовая природа финансового шанса заключается в юридической дозволенности желаемого изменения монетарного состояния субъекта права, принимающей форму законного интереса либо субъективного права.

Таким образом, исследование понятия и видов финансового риска приводит к следующим выводам.

Финансовый риск есть основанная на опасности возможность нежелаемого изменения монетарного состояния социального субъекта, а в юридическом качестве — обязанность субъекта права претерпевать такое изменение.

Выделение видов финансового риска возможно по опасности, на которой он основан, и характеру нежелаемого изменения монетарного состояния. Мы предлагаем следующие:

— **валютный риск** — возможность нежелаемого изменения монетарного состояния вследствие инфляции (дефляции) или девальвации (ревальвации) валюты;

— **инвестиционный риск** — возможность нежелаемого изменения стоимости кредитных и долевого инструментов;

— **риск утраты финансового актива** — возможность списания, выбытия из владения, потери, прекращения, уменьшения количества (размера) финансового актива помимо воли его обладателя;

— **долговой риск** — возможность нежелаемого возникновения финансового долга (увеличения его количества);

— **производный финансовый риск** — возможность нежелаемого изменения производных показателей монетарного состояния (приобретения ими недопустимых значений).

Противоположностью финансового риска выступает **финансовый шанс** — возможность желаемого изменения монетарного состояния социального субъекта, а в правовом смысле — юридическая дозволенность такого изменения, принимающая форму законного интереса либо субъективного права.

Риск — это возможность с вероятностью реализации. Значит, с обратной вероятностью существует возможность его желаемого неосуществления. Последняя подобна, но не тождественна шансу: возможности «не потерять» и «получить» имеют разный семантический объем. Поэтому возможность желаемого неосуществления риска мы именуем **квазишансом**. Аналогично мы приходим к термину **квазириск**.

Неисполнение или ненадлежащее исполнение финансового обязательства обнаруживает неосуществление финансового (кредитного) шанса, или, что одно и то же, осуществление финансового (кредитного) квазириска.

Для частного права характерно общее дозволение рискованного проведения. На случай осуществления рисков законодатель распределяет их и предоставляет возможность управления ими.

3.2. Частноправовое распределение финансовых рисков

Для собственника денег и кредитора в денежном обязательстве основной опасностью, влекущей нежелаемое изменение монетарного состояния, является инфляция (девальвация), а для денежного должника — дефляция (ревальвация). Ни Национальный банк, ни правительство, которые обеспечивают проведение единой денежно-кредитной политики (абз. 2 ст. 26 БК Беларуси), в гражданско-правовом плане не отвечают за названные

явления. Поэтому **валютный риск** несут обладатели денег, денежных требований и долгов.

Валютный риск кредитора и должника в денежном обязательстве есть проявление принципа номинализма. Как объясняет его Л. А. Лунц, «сумма денежных единиц, в которых выражено денежное обязательство, остается неизменной, невзирая на изменения в “металлическом содержании” данной денежной единицы и на изменения в покупательной силе денег» [246, с. 162–163].

В общем праве указанный принцип закреплен в 1605 г. решением Тайного совета Англии по делу *Gilbert v. Brett*, известному как «the case of mixed money». На рубеже XVI–XVII вв. на территории Ирландии имели хождение английские золотые и серебряные монеты (*pure money*). Но в 1601 г. королева Елизавета провозгласила в качестве законного платежного средства в Ирландии новые монеты (*mixed money*). Они были менее ценными по металлическому содержанию, но равными по номиналу изъятым из обращения чистым английским монетам. В связи с этим возник вопрос: может ли должник уплатить 100 стерлингов в *mixed money* и освободиться от обязательства в 100 стерлингов, возникшего до прокламации Елизаветы и подлежащего исполнению в Ирландии? В решении отмечено: «Несмотря на то что во время заключения договора (возникновения обязательства), исследованного по настоящему делу, в королевстве по месту платежа в обращении находились золотые и серебряные *pure money*, для исполнения упомянутого обязательства должник может предоставить *mixed money*, которые введены в обращение в данном королевстве ко дню платежа, а кредитор обязан принять их» (перевод авт. — С. П.) [602, с. 128].

В США принцип номинализма утвержден Верховным Судом в 1871 г. по делам *Knox v. Lee* и *Parker v. Davis*, получившим название «the legal tender cases». Судья У. Стронг, высказываясь о денежном обязательстве по договору, не содержащему условия об оплате определенным видом денег, пояснил: «Оно не состоит в обязанности уплатить золото, серебро или деньги, признанные правом на момент заключения договора, а также в обязанности уплатить деньги, имеющие на рынке равную внутреннюю ценность... Договорное денежное обязательство означает, что должник обязан уплатить то, что право признает деньгами в момент, когда платеж должен быть произведен» (перевод авт. — С. П.) [560, с. 548].

В ГК Франции рассматриваемый принцип обнаруживает себя в правилах о займе: «Если до наступления срока платежа стоимость денежной единицы увеличилась или уменьшилась, то должник обязан возратить ту сумму, что он взял заем, причем лишь в тех денежных единицах, которые находятся в обращении на момент платежа» (ч. 2 ст. 1895).

Принцип номинализма реализован и в отечественном законодательстве. Во-первых, белорусский рубль обязателен к приему по нарицательной стоимости при всех видах платежей (ч. 1 п. 1 ст. 141 ГК Беларуси, ч. 4 ст. 29

БК Беларуси). Во-вторых, денежные обязательства должны исполняться в соответствии с их условиями (ст. 290 ГК Беларуси). Значит, изменения в покупательной способности белорусских рублей не влияют на количество денег, предоставляемое во исполнение обязательства. Ни инфляция, ни девальвация валюты, подчеркивает судья Верховного Суда Республики Беларусь Т. М. Проташик, «не могут выступать ни основанием для расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств, ни основанием для его изменения, а также не являются форс-мажором, поскольку их нельзя отнести к обстоятельствам, которые нельзя предвидеть или предотвратить и которые могут повлечь невозможность исполнения стороной принятых обязательств» [333, с. 6].

Во избежание инфляционных потерь собственник денег вправе хранить их в любой валюте либо инвестировать. Однако «типичный пользователь финансовых услуг относительно плохо ориентируется в финансовых продуктах... и довольно слабо информирован о механизмах защиты своих прав в финансовой сфере» [212, с. 4]. В связи с этим на Национальный банк возложена функция организации работы по повышению финансовой грамотности населения (абз. 51 ст. 26 БК Беларуси).

В силу ч. 2 п. 2 ст. 366 ГК Беларуси «в случаях, предусмотренных законодательством или договором, кредитор вправе требовать от должника возмещения суммы долга, увеличенной с учетом инфляции, в части, превышающей сумму процентов...». В соответствии с ч. 1 ст. 318-2 ГПК Беларуси «по заявлению взыскателя или должника суд, рассмотревший дело, может произвести индексацию взысканных судом денежных сумм...».

Как видим, при просрочке исполнения допускается увеличение суммы долга с учетом инфляции независимо от права кредитора на процент или неустойку. Опираясь на наши положения о проценте¹, находим такую позицию некорректной и чрезмерно прокредиторской. Доход от денежного капитала, впрочем, как и неустойка, не может уменьшать сумму самого капитала, пусть и проиндексированную. А одновременное инфляционное увеличение суммы долга и начисление процентов или неустойки доставляет кредитору несправедливую выгоду. Чтобы компенсировать инфляционные потери за период просрочки, ему достаточно получить законную неустойку по двойной ставке рефинансирования Национального банка Республики Беларусь (подп. 1 п. 3 предлагаемой нами редакции ст. 366 ГК Беларуси²). С 2000 г. годовой индекс потребительских цен [174] превысил двойную среднюю ставку рефинансирования [148] лишь однажды, в 2011 г., когда инфляция увеличилась в 6,82 раза (53,2 % за 2011 г. / 7,8 % за 2010 г.) (рис. 3.1³).

¹ См. разд. 4.3 «Понятие и виды финансовых частных обязанностей».

² См. там же.

³ Разработка автора.

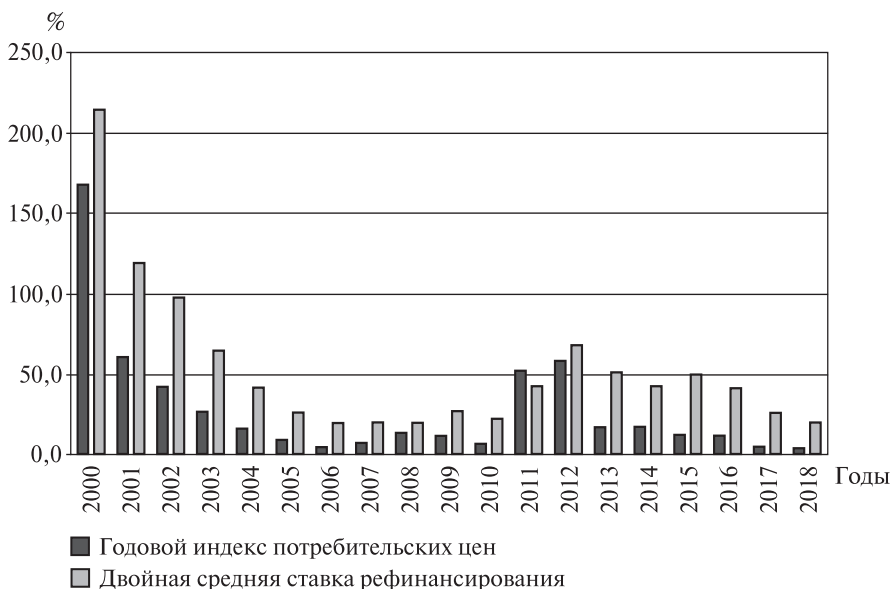

Рис. 3.1. Годовой индекс потребительских цен и двойная средняя ставка рефинансирования за период с 2000 по 2018 г.

Вместе с тем мы допускаем договорную индексацию, а также законную индексацию будущих денежных требований в периодических обязательствах. Они возникают с течением времени в заранее определенном размере. В отсутствие уравнивающей дефляции ценность каждого последующего требования уменьшается, в том числе по причине инфляции. Пока будущее требование не станет существующим, оно не способно создавать процент. Значит, для компенсации инфляционных потерь его целесообразно индексировать к моменту возникновения. В остальных случаях индексацию нужно заместить начислением процентов. А вместо индексации присужденной денежной суммы взыскателю следует предоставить право обращаться за совершением исполнительной надписи о взыскании законной неустойки на данную сумму по ст. 366 ГК Беларуси в предложенной редакции.

Защита от инфляции возможна путем применения валютной оговорки, когда денежное обязательство выражают в стабильной валюте, а исполнение получают в необходимой. В таком случае должник принимает риск девальвации валюты платежа, а кредитор — риск ее ревальвации.

Валютный риск предполагает временной интервал между согласованием (определением) размера денежного обязательства и его исполнением. Следовательно, максимальное сокращение интервала сводит риск к мини-

муму. Поэтому в гражданском обороте часто не определяют размер обязательства, а устанавливают способ его определения на момент исполнения.

Риск нежелаемого изменения стоимости кредитных и долевого инструментов, который мы называем **инвестиционным**, возложен на их собственников. В части долевого инструмента нормативным подтверждением тому выступает п. 3 ст. 19 Закона об инвестиционных фондах: «Владельцы инвестиционных паев несут риск убытков, связанных с изменением рыночной стоимости имущества паевого инвестиционного фонда». По ч. 1 п. 1 ст. 96 ГК Беларуси «участники акционерного общества (акционеры)... несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости принадлежащих им акций». А согласно ч. 1 п. 1 ст. 86 ГК Беларуси «участники общества с ограниченной ответственностью... несут риск убытков, связанных с деятельностью общества, в пределах стоимости внесенных ими вкладов». Но, внося вклад, участник получает в собственность долю в уставном фонде данного общества, потому рискует в пределах стоимости доли, а не вклада. К тому же долю можно приобрести по сделке и в порядке правопреемства, т. е. без внесения вклада, что не освобождает участника от риска. Значит, последняя норма требует корректировки.

Одним из способов митигации валютного и инвестиционного рисков является хеджирование. По определению Ю. Ю. Сидоренко, оно «представляет собой экономические отношения, возникающие в процессе минимизации будущих рисков основной коммерческой деятельности посредством ограничения колебания будущего финансового потока и обеспечения его большей объективной предсказуемости» [360, с. 32]. В соответствии с абз. 25 ч. 1 п. 2 Национального стандарта бухгалтерского учета и отчетности «Финансовые инструменты», утвержденного постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 22 декабря 2018 г. № 74 [746], хеджирование — это «использование финансового инструмента для снижения риска влияния рыночных факторов на стоимость другого финансового инструмента, твердого договорного обязательства, прогнозируемой сделки или генерируемые ими будущие денежные потоки».

Нежелаемое изменение стоимости кредитных и долевого инструментов возможно вследствие правонарушений действий других лиц. Стало быть, они и должны претерпевать негативные имущественные последствия. Однако причиненные в таком случае убытки имеют особую природу: в их основе нет ни нарушения обязательства перед собственником, ни повреждения его имущества. Подобные потери в доктрине деликтного права именуются **чистыми экономическими убытками** (англ. *pure economic loss*). Как пишут Д. Голдберг и Б. Зипурский, «прилагательное “чистые” указывает на отсутствие материального ущерба на стороне истца» (перевод авт. — С. П.) [535, с. 123]. На взгляд М. Буссани и В. Палмера, оно «играет здесь ключевую роль, поскольку экономические убытки, связанные даже с незначи-

тельным вредом личности или имуществу истца, называются последующими...» (перевод авт. — С. П.) [585, с. 5]. Иначе говоря, чистые экономические убытки являют собой ухудшение монетарного состояния, не связанное с причинением вреда личности или имуществу субъекта данного состояния.

Возможность возмещения чистых экономических убытков ограничена во многих правовых системах. Объясняя такой подход (англ. *exclusionary rule*), М. Буссани и В. Палмер приводят несколько основных аргументов, в том числе эффект открытия слюза: дозволение компенсации упомянутых убытков в определенных случаях повлечет бесконечный поток исков, чрезмерную нагрузку на судебную систему и неограниченную ответственность делинквента [585, с. 16–24]. Тем не менее чистые экономические убытки, вызванные умышленными действиями правонарушителя, подлежат возмещению во всех правовых системах [585, с. 534].

Согласно ст. 1240 ГК Франции «любое действие человека, причиняющее другому вред, обязывает лицо, виновное в его причинении, этот вред возместить». Поскольку вредное действие может быть любым, указанная норма позволяет требовать возмещения чистых экономических убытков. По п. 1 § 823 ГК Германии деликтную ответственность несет «лицо, которое умышленно или по неосторожности противоправно причинит вред жизни или здоровью, посягнет на свободу, собственность или иное право другого лица». Здесь уже присутствует перечень объектов вредного воздействия (посягательства), что препятствует компенсации исследуемых убытков. Но ее не исключает § 826 ГК Германии, конкретизирующий не объект, а способ причинения вреда: «Лицо, которое умышленно причинит другому лицу вред способом, противоречащим добрым нравам, обязано возместить причиненный вред».

В соответствии с ГК Беларуси возмещение убытков по общему правилу обусловлено нарушением права (п. 1 ст. 14) и причинением вреда личности или имуществу (ч. 1 п. 1 ст. 933). Поэтому возможность компенсации чистых экономических убытков следует искать в специальных нормах. К примеру, она усматривается в ст. 957 ГК Беларуси, регулирующей возмещение вреда лицам, понесшим ущерб в результате смерти кормильца.

Применительно к инвестиционному риску релевантной представляется ч. 1 ст. 63 Закона о рынке ценных бумаг, запрещающая действия, признаваемые манипулированием рынком. Они оказывают существенное влияние на рыночную цену эмиссионных инструментов. Однако белорусский законодатель устанавливает лишь публичную ответственность манипуляторов (ст. 11.76 КоАП, ст. 226-3 УК), а гражданско-правовые последствия ограничивает недействительностью сделок (ч. 1 ст. 67 Закона о рынке ценных бумаг). Другими словами, компенсация чистых экономических убытков от манипулирования рынком в гражданском процессе не предусмотрена. В то же время уголовная ответственность по ст. 226-3 УК наступает при наличии ущерба в крупном размере, который подлежит возмещению

в уголовном или гражданском процессе (гл. 17 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [645]). В связи с этим Закон о рынке ценных бумаг необходимо дополнить нормой о возмещении убытков, подобной ч. 7 ст. 7 Федерального закона Российской Федерации от 27 июля 2010 г. «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком...» [663]: «Лица, которым в результате... манипулирования рынком причинены убытки, вправе требовать их возмещение от лиц, в результате действий которых были причинены такие убытки». Но убытки надлежит фиксировать только при совершении сделки по искаженной манипулированием цене. Так, согласно Закону США от 6 июня 1934 г. о рынке ценных бумаг (Securities Exchange Act of 1934) лицо, намеренно участвующее в определенных манипуляциях на рынке ценных бумаг, отвечает за причиненные манипуляцией убытки того, кто купит или продаст ценные бумаги по цене, измененной вследствие манипуляции (секция 78i (f) разд. 15 Кодекса законов США (15 USC 78i) [775]).

Стоимость акций и долей в уставном фонде зависит от имущественного состояния хозяйственного общества. Ее нежелательное изменение (уменьшение) возможно вследствие недобросовестных или неразумных действий исполнительного органа данного общества. В соответствии с п. 3 ст. 49 ГК Беларуси «лицо, которое в силу акта законодательства или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Оно обязано по требованию... участников... юридического лица, поскольку иное не предусмотрено законодательными актами или договором, возместить убытки, причиненные им юридическому лицу». Следовательно, чистые экономические убытки участников (акционеров) хозяйственного общества от недобросовестных или неразумных действий его исполнительного органа могут быть компенсированы косвенно, через возмещение убытков обществу.

Риск случайной утраты финансового актива возложен на его собственника, что следует из ст. 212 ГК Беларуси: «риск случайной гибели, случайной порчи или случайного повреждения имущества несет его собственник, если иное не предусмотрено законодательством или договором». Как пишет А. А. Собчак, «в основе такого распределения последствий случайного вреда лежит простое соображение: если нет оснований привлечь к возмещению вреда того, кто его причинил, либо если причинитель вреда вообще отсутствует (при стихийных бедствиях), неблагоприятные имущественные последствия должен принять на себя тот, в чьей имущественной сфере они наступили. Риск случайной утраты определенного материального блага несет всегда тот, кому это благо принадлежит» [367, с. 56]. Возможность случайных имущественных потерь О. А. Красавчиков называет общим риском. «Несение определенным лицом общего риска означает, что на нем

в силу закона или договора лежит обязанность принять на себя невыгодные имущественные последствия, которые могут иметь место из-за субъективно-случайных (невиновных) и объективно-случайных обстоятельств» [207, с. 146].

Банкноты и монеты в зависимости от характера повреждений подлежат обмену на годные либо изъятию, что равносильно их гибели (п. 3, 7, 9 Инструкции о порядке определения платежности и обмена банкнот и монет Национального банка Республики Беларусь, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 6 июня 2011 г. № 211 [732]). Значит, риск случайного повреждения, впрочем, как и случайной порчи, валютных инструментов поглощен риском их случайной гибели. Его осуществление мы констатируем при недопустимости обмена поврежденных (погибших) банкнот и монет.

Собственник утраченных документарных кредитных инструментов имеет возможность восстановления прав по ним. Согласно ст. 149 ГК Беларуси «восстановление прав по утраченным ценным бумагам на предъявителя и ордерным ценным бумагам производится судом в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством». Такой порядок (вызывное производство) установлен § 8 гл. 30 ГПК Беларуси, но касается только документов на предъявителя. Очевидно, его следует распространить на ордерные ценные бумаги, как это сделано в гл. 34 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [637]. Восстановление прав по утраченным именованным (сберегательным и депозитным) сертификатам осуществляется банком по правилам п. 19 Инструкции о сертификатах. Права по утраченной документарной закладной восстанавливаются залогодателем в порядке ст. 20 Закона об ипотеке. В отношении именных документарных облигаций процедура амортизации не регламентирована. Причина, видимо, в том, что «именные эмиссионные ценные бумаги могут эмитироваться только в бездокументарной форме, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами Республики Беларусь» (ч. 6 ст. 9 Закона о рынке ценных бумаг), а их пока нет. Если таковые появятся, восстанавливать права, на наш взгляд, должен эмитент, действуя на основании заявления собственника или решения суда. В виду изложенного осуществление риска случайной утраты документарных кредитных инструментов мы отмечаем при отпадении возможности восстановления прав по ним.

На кредиторе лежит риск утраты денежного требования в силу ч. 7 ст. 147 Закона о банкротстве: «Требования кредиторов, не удовлетворенные по причине недостаточности имущества должника, признаются погашенными. Погашенными признаются также непризнанные и непредъявленные требования кредиторов, если кредиторы не обращались в... суд». Вероятность его осуществления распределена между кредиторами одного банкрота в соответствии с установленной очередностью удовлетворения

их требований (ст. 141 Закона о банкротстве). Для управления этим риском предусмотрены процедуры завершения досудебного оздоровления в защитном периоде, санации, мирового соглашения.

К утрате финансового актива может привести неправомерное поведение другого лица (необеспечение сохранности актива, его уничтожение, хищение и т. д.). Негативные имущественные последствия возлагаются тогда на того, кто отвечает за возникшие у собственника убытки, в том числе на субъекта финансовых услуг, обеспечивавшего обладание утраченным активом.

В отсутствие исполнительного документа или решения государственного органа, исполняемого в бесспорном порядке, банки, небанковские кредитно-финансовые организации, депозитарии вправе списывать деньги, ценные бумаги со счета только по распоряжению собственника (уполномоченного им лица). Разумеется, распоряжение должно быть подлинным. В противном случае они несут гражданско-правовую ответственность за ненадлежащее оказание финансовых услуг (ст. 51 Закона о рынке ценных бумаг, ч. 1 ст. 135 БК Беларуси). Свои убытки эти субъекты возмещают за счет правонарушителя (преступника), если он будет установлен и привлечен к ответственности.

Платежная инструкция клиента, выданная в письменной форме, считается подлинной, если содержит подпись (подписи) владельца счета (уполномоченных лиц) и по иным признакам соответствует требованиям законодательства (ч. 2, 3 ст. 233 БК Беларуси). Целостность и подлинность платежной инструкции в виде электронного документа или электронного сообщения подтверждаются путем использования комплекса организационных мер и программно-технических средств защиты информации (абз. 33, 34 ч. 1 п. 2 Инструкции о банковском переводе, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 66 [726], далее — Инструкция о банковском переводе). Подобные правила применяются при проверке подлинности поручений «депо».

С развитием информационно-коммуникационных технологий и платежной инфраструктуры, а также реализацией принципа сквозной непрерывной обработки (англ. *Straight Through Processing*) участие банковских работников в подтверждении подлинности распоряжений клиентов минимизируется и в перспективе будет исключено. Расширение «взаимодействия банков, их клиентов, республиканских органов государственного управления и коммерческих организаций посредством электронных каналов коммуникаций» образует приоритетную цель Стратегии развития цифрового банкинга в Республике Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 2 марта 2016 г. № 108 [757]. Поэтому законодателю необходимо определить условия, при которых электронные распоряжения признаются подлинными

ми, а субъекты финансовых услуг не отвечают за несанкционированное списание активов. Соответствующее регулирование мы имеем лишь в части совершения операций с банковскими платежными карточками.

Согласно ч. 8 п. 7 Инструкции о порядке совершения операций с банковскими платежными карточками, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 18 января 2013 г. № 34 [736] (далее — Инструкция о банковских платежных карточках), банк отказывает физическому лицу в возврате списанных денег, если операция совершена:

1) с использованием микропроцессора стандарта EMV или технологии радиочастотной идентификации и подтверждена вводом ПИН-кода;

2) в сети Интернет с дополнительной аутентификацией держателя карточки по технологии платежной системы;

3) с аутентификацией держателя карточки посредством системы дистанционного банковского обслуживания;

4) после отмены блокировки карточки, произведенной банком-эмитентом в целях предотвращения несанкционированного доступа к счету клиента.

К тому же банк откажет в возмещении ущерба при наличии у него информации о мошеннических действиях держателя карточки.

В зарубежных странах установлены общие правила распределения рисков несанкционированного списания денег при использовании электронных платежных инструментов.

По ч. 4 ст. 9 Федерального закона Российской Федерации от 27 июня 2011 г. «О национальной платежной системе» [659] (далее — Закон о НПС) «оператор по переводу денежных средств обязан информировать клиента о совершении каждой операции с использованием электронного средства платежа путем направления клиенту соответствующего уведомления...». При обнаружении факта утраты электронного средства платежа и (или) его использования без согласия клиента последний должен незамедлительно, но не позднее дня, следующего за днем получения упомянутого уведомления, сообщить об этом оператору (ч. 11 ст. 9 Закона о НПС). Ответственность оператора за несанкционированное списание денег зависит от исполнения приведенных информационных обязанностей и статуса клиента, что закреплено в ч. 12—15 ст. 9 Закона о НПС.

В силу ст. 74 Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2015/2366 от 25 ноября 2015 г. о платежных услугах [798] на плательщика могут быть возложены убытки в сумме до 50 евро, возникшие в результате использования утраченного им платежного инструмента. Однако убытки плательщика не ограничиваются, если он умышленно или по грубой неосторожности нарушил свои обязанности, предусмотренные ст. 69 Директивы, либо действовал обманным путем. Бремя доказывания мошенничества, а также умысла или грубой неосторожности со стороны плательщика лежит на провайдере платежных услуг (п. 2 ст. 72 Директивы).

Законом США от 10 ноября 1978 г. об электронных денежных переводах (the Electronic Fund Transfer Act) определены предельные размеры убытков физических лиц на случай несанкционированного электронного перевода денег с их счетов (секция 1693g разд. 15 Кодекса законов США (15 USC 1693g) [772]):

1) 50 долл. США, если физическое лицо уведомило финансовый институт об утрате или краже средства доступа к счету в течение 2 рабочих дней после того, как оно узнало об этом;

2) 500 долл. США, если физическое лицо не уведомило финансовый институт в соответствии с п. 1, но уведомило его о несанкционированном переводе или ошибке в течение 60 дней после получения периодической выписки со счета.

При некоторых обстоятельствах (длительное путешествие, госпитализация и т. п.) возможно применение иных (разумных) сроков. В остальных случаях физическое лицо рискует потерять все деньги и сумму разрешенного овердрафта на счете. Бремя доказывания изложенных условий ответственности лежит на финансовом институте.

Полагаем, что распределение рисков несанкционированного списания денег при использовании электронных платежных инструментов в Республике Беларусь может быть основано на следующих правилах:

1) электронное распоряжение, сделанное с использованием электронного платежного инструмента клиента и поступившее субъекту платежных услуг после получения им уведомления об утрате клиентом электронного платежного инструмента или возможности неправомерного использования этого инструмента другим лицом либо не исполненное к моменту получения такого уведомления, не считается подлинным и исполнению не подлежит;

2) электронное распоряжение, сделанное с использованием электронного платежного инструмента клиента и исполненное субъектом платежных услуг в отсутствие уведомления, предусмотренного п. 1, предполагается подлинным до получения от клиента устного, письменного или электронного заявления о том, что данное распоряжение сделано не им и без его согласия (является подложным);

3) субъект платежных услуг обязан возместить клиенту убытки, причиненные в результате операции, совершенной без распоряжения клиента или с нарушением п. 1;

4) после получения заявления, предусмотренного п. 2, субъект платежных услуг обязан вернуть клиенту деньги в сумме операции, совершенной во исполнение электронного распоряжения, в отношении которого получено заявление, за исключением случаев, когда:

а) клиент заявил о подложности электронного распоряжения по истечении 24 часов с момента его информирования о совершении операции и возникновения у него возможности заявить об этом;

б) субъект платежных услуг доказал, что электронное распоряжение сделано клиентом или другим лицом с согласия клиента (является подлинным). Факт использования электронного платежного инструмента клиента и прохождения аутентификации не считается достаточным доказательством подлинности электронного распоряжения;

в) субъект платежных услуг доказал, что электронное распоряжение сделано лицом, прошедшим многофакторную аутентификацию, вследствие грубого нарушения клиентом — физическим лицом правил хранения и (или) использования электронного платежного инструмента;

г) субъект платежных услуг доказал, что электронное распоряжение сделано лицом, прошедшим однофакторную аутентификацию, вследствие грубого нарушения клиентом — юридическим лицом правил хранения и (или) использования электронного платежного инструмента;

д) субъект платежных услуг доказал, что электронное распоряжение сделано лицом, прошедшим многофакторную аутентификацию, вследствие нарушения клиентом — юридическим лицом правил хранения и (или) использования электронного платежного инструмента.

Понятие аутентификации, ее факторов и видов содержится в п. 2 Инструкции о порядке и случаях использования программно-аппаратных средств и технологий при осуществлении банковских операций... утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 6 мая 2016 г. № 241 [730]:

— аутентификация — комплекс мероприятий по проверке подлинности и принадлежности клиенту предъявленного (введенного) им аутентификационного фактора;

— аутентификационные факторы — запрашиваемые у клиента данные в виде информации, уникальных признаков, параметров, используемых для аутентификации и однозначно идентифицирующих клиента;

— однофакторная аутентификация — подтверждение подлинности и принадлежности клиенту предъявленного (введенного) им аутентификационного фактора одного вида;

— многофакторная аутентификация — подтверждение подлинности и принадлежности клиенту двух или более предъявленных (введенных) им видов аутентификационных факторов.

Долговой риск заключается в возможности нежелаемого возникновения финансового долга (увеличения его количества). Обычно он проявляется в наступлении негативной гражданско-правовой ответственности, когда образование долга вследствие гражданского правонарушения неизбежно. Вместе с тем законодатель позволяет освободиться от ответственности или уменьшить ее размер.

Рассмотрим, например, ответственность за неисполнение обязательства. В данном случае возникает обязанность возместить кредитору при-

чиненные неисполнением убытки (п. 1 ст. 364 ГК Беларуси) и уплатить определенную законодательством или договором неустойку (п. 1 ст. 311 ГК Беларуси). Освобождение от этой ответственности зависит от наличия у должника объективной возможности исполнения обязательства.

Невозможность исполнения приводит в действие ст. 386 ГК Беларуси: кредитор лишается права получить исполнение, что устраняет ответственность контрагента за неисполнение. Но «если в двустороннем договоре исполнение стало невозможным для одной стороны в силу обстоятельства, за которые она отвечает, другая сторона при отсутствии в законодательстве или договоре иных указаний имеет право отступить от договора и взыскать причиненные неисполнением убытки» (п. 2 ст. 386 ГК Беларуси). Иначе говоря, невозможность исполнения лишь условно исключает ответственность за неисполнение обязательства. К тому же должник, нарушивший обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, «несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение обязательства невозможно вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств» (п. 3 ст. 372 ГК Беларуси). Ему необходимо доказывать не только невозможность исполнения, но и специальную причину такой невозможности — непреодолимую силу.

При установленной возможности исполнения неисправный должник по общему правилу освобождается от ответственности, если докажет отсутствие своей вины. Согласно ч. 2 п. 1 ст. 372 ГК Беларуси «лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям гражданского оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства».

В соответствии со ст. 1231-1 ГК Франции должник обязан возместить убытки, причиненные неисполнением обязательства, если не докажет, что исполнению препятствовали форс-мажорные обстоятельства (фр. *force majeure*). Таковыми считаются неконтролируемые должником обстоятельства, наступление которых нельзя было разумно предвидеть при заключении договора и последствия которых нельзя предотвратить (ч. 1 ст. 1218 ГК Франции). Как видим, основанием освобождения от ответственности за неисполнение обязательства по французскому праву является не отсутствие вины должника, а определенные обстоятельства, ставшие препятствием исполнению. Аналогичный подход реализован в Принципах европейского контрактного права (ст. 8:108, 9:501), Модельных правилах европейского частного права (ст. III.-3:104, III.-3:701), Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. (ст. 7.1.7, 7.4.1).

Помимо освобождения от ответственности законодатель позволяет уменьшение ее размера. Так, если неисполнение обязательства произошло по вине обеих сторон, суд соответственно уменьшает размер ответствен-

ности должника. Он вправе сделать это и в том случае, когда кредитор умышленно или по неосторожности содействовал увеличению размера убытков, причиненных неисполнением обязательства, либо не принял разумных мер к их уменьшению (п. 1 ст. 375 ГК Беларуси).

Осуществление долгового риска может быть вызвано деликтом. По ч. 1 п. 1 ст. 933 ГК Беларуси «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению... лицом, причинившим вред». Последнее освобождается от возмещения, «если докажет, что вред причинен не по его вине» (п. 2 ст. 933 ГК Беларуси). Впрочем, деликтная ответственность наступает и без вины. К примеру, «юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих... обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего» (ч. 1 п. 1 ст. 948 ГК Беларуси). О. А. Красавчиков усматривает здесь специальный риск, понимая под ним предусмотренную законом обязанность «принять на себя невыгодные имущественные последствия, наступившие в результате субъективно-случайных (невиновных) обстоятельств» [207, с. 147].

Долговой риск происходит не только из возможности гражданского правонарушения. В соответствии с ч. 1 п. 5.4 Декрета № 8 резиденты Парка высоких технологий (далее — ПВТ) вправе «заключать между собой и (или) с третьими лицами соглашение о возмещении имущественных потерь, предусматривающее обязанность одной стороны возместить имущественные потери, понесенные другой стороной или третьим лицом, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств и не связанные с нарушением обязательств стороной, обязующейся их возместить (в том числе расходы, вызванные невозможностью исполнения обязательства, предъявлением требований третьими лицами или государственными органами, иными организациями к стороне или к третьему лицу, указанному в соглашении, и другие)». Подобная норма содержится в п. 1 ст. 406.1 ГК России. Институт возмещения потерь подобен английскому *indemnity*, смысл которого заключается в обязанности одной стороны договора избрать другую от потерь или убытков, возникающих при определенных ими обстоятельствах [580, с. 1351]. «Требования о возмещении по *indemnity*, — отмечает А. Г. Архипова, — не являются разновидностью требования о взыскании убытков. <...> Возмещение убытков является мерой ответственности за нарушение договора, возмещение потерь — исполнением отдельного договорного обязательства. <...> Причинно-следственная связь доказывается в обоих случаях, однако применительно к разным обстоятельствам: для убытков нужно доказать связь с нарушением договора; для компенсации потерь — связь с событием, указанным в договоре, которое может включать или не включать в себя нарушение договора» [27, с. 167–168].

Распределяя финансовые риски, частное право допускает договорную передачу (разделение) распределенного риска. В ее основе лежит институт страхования.

Согласно абз. 31 п. 2 Положения о страховой деятельности в Республике Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 [709] (далее — Положение о страховой деятельности), «страхование — отношения по защите имущественных интересов... при наступлении определенных событий (страховых случаев) за счет страховых резервов, формируемых страховщиками в установленном порядке». Страхование не устраняет возможность события, которое может ухудшить монетарное состояние страхователя, но если данное событие случайно наступит, то состояние страхователя не будет таким, каким бы оно стало в отсутствие страхования, поскольку сразу компенсируется денежным требованием к страховщику, а затем — страховой выплатой последнего. Следовательно, когда лицо становится страхователем, оно освобождается от риска случайного ухудшения его монетарного состояния. В то же время риск возникает у страховщика: страховая выплата всегда больше суммы полученных им страховых взносов.

Таким образом, дозволяя рискованное поведение, частное право распределяет финансовые риски, возлагая их на обладателя финансового имущества либо на лицо, ответственное за осуществление риска. Вместе с тем законодатель предоставляет им возможность свести риск к минимуму, а также покрыть последствия его осуществления (избежать их).

Анализ действующего законодательства обнаруживает целесообразность внесения ряда изменений и дополнений, связанных с частноправовым распределением финансовых рисков и предусматривающих исключение внедоговорной индексации существующих требований; возмещение убытков, причиненных манипулированием рынком; восстановление прав по ордерам ценным бумагам; правила распределения рисков несанкционированного списания денег при использовании электронных платежных инструментов.

3.3. Понятие и субъекты финансовых услуг

Термин «услуга» в общем смысле означает «действие, приносящее пользу, пользу другому лицу» [58, с. 1399]. Такое широкое понимание отражает экономический взгляд на данный феномен. Еще К. Маркс писал: «Услуга есть не что иное, как полезное действие той или иной потребительной стоимости...» [258, с. 203–204]. Получается, что передача имущества для заключения договора (п. 2 ст. 403 ГК Беларуси), исполнение обязательства (п. 1 ст. 288 ГК Беларуси), действия в чужом интересе без поручения (п. 1 ст. 870 ГК Беларуси) — это оказание услуг. Однако не всякое полезное дей-

ствие в частном праве именуется услугой: законодатель употребляет термин в специальном, гражданско-правовом смысле.

«По договору возмездного оказания услуг одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) оказать услуги (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность)...» (п. 1 ст. 733 ГК Беларуси). Значит, услуги обнаруживают себя в форме действий или деятельности. Последние могут иметь различное содержание, в зависимости от которого они квалифицируются как услуги в гражданско-правовом значении термина.

Содержание действий в пользу другого лица состоит в передаче имущества, выполнении работы (создании, изменении или прекращении вещи), либо в совершении иных действий в чужом интересе. Передачу имущества и выполнение работы законодатель юридико-технически отделяет от оказания услуг. Стало быть, эти действия находятся за пределами исследуемого понятия.

Деятельность в пользу другого лица включает предпринимательскую и прочую деятельность, предусмотренную ч. 2–4 п. 1 ст. 1 ГК Беларуси. Предпринимательская деятельность подразумевает систематическое получение прибыли «от пользования имуществом, продажи вещей... а также от выполнения работ или оказания услуг...» (ч. 2 п. 1 ст. 1 ГК Беларуси). Ремесленная деятельность охватывает изготовление и реализацию товаров, выполнение работ, оказание услуг с применением ручного труда и инструмента (ч. 3 п. 1 ст. 1 ГК Беларуси). Остальные виды непредпринимательской деятельности (ч. 4 п. 1 ст. 1 ГК Беларуси) тоже предполагают один или несколько указанных элементов содержания. Следовательно, из гражданского понятия услуги законодатель исключает предпринимательскую и иную деятельность, предметом которой выступает продажа имущества и (или) выполнение работ.

Таким образом, **услуга** в гражданско-правовом смысле представляет собой:

- 1) действие в пользу другого лица, за исключением передачи ему имущества и выполнения для него работы, либо
- 2) предпринимательскую и иную деятельность, которая не состоит в продаже имущества и (или) выполнении работ.

Полезное действие может не быть услугой по п. 1, но являться таковой по п. 2. К примеру, выдача кредита не услуга по п. 1: она заключается в передаче имущества (денег). В то же время названная операция входит в предпринимательскую деятельность, не сводимую к продаже товаров и выполнению работ (банковскую деятельность). Значит, выдача кредита — услуга.

Гражданское законодательство Беларуси (ст. 128 ГК), Армении (ст. 132 ГК), Казахстана (ст. 115 ГК), Кыргызстана (ст. 22 ГК), Таджикистана

(ст. 140 ГК), Узбекистана (ст. 81 ГК), Украины (ст. 177 ГК) относит услуги к объектам гражданских прав, что, по нашему мнению, неверно.

Во-первых, объект гражданских прав — это всегда объект интереса субъекта права. Поскольку услуга приносит пользу в процессе ее оказания, объектом интереса услугополучателя является не услуга (действие в возможности), а оказание услуги (действие в действительности).

Во-вторых, услугополучатель не имеет юридического господства над действиями услугодателя. Интерес первого обеспечивается лишь возможностью привлечения неисправного услугодателя к ответственности.

В-третьих, если оказание услуги рассматривать как объект права кредитора требовать от должника исполнения его обязанности (п. 1 ст. 288 ГК Беларуси), то к объектам гражданских прав придется относить и передачу имущества, и выполнение работы, и любое другое исполнение обязательства действием. Однако в ст. 128 ГК Беларуси таких объектов нет. К тому же от исполнения обязанности оказать услугу можно отказаться, возместив контрагенту убытки (п. 2 ст. 736 ГК Беларуси).

Услуги (оказание услуг) в гражданско-правовом смысле — это не объект гражданских прав, а объект гражданско-правового регулирования.

О понятии финансовых услуг мы можем судить на основании п. 3 Протокола по финансовым услугам (прил. № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе [620], далее — Протокол ЕАЭС по финансовым услугам). Они объединяют страховые и относящиеся к страховым услуги, банковские услуги, а также услуги на рынке ценных бумаг.

При разработке упомянутого протокола приняты во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации. В соответствии с подп. а) п. 5 Приложения по финансовым услугам к Генеральному соглашению по торговле услугами, заключенному 15 апреля 1994 г. в рамках Марракешского соглашения об учреждении Всемирной торговой организации [619], «финансовые услуги включают все страховые и относящиеся к страховым услуги, а также все банковские и другие финансовые услуги (помимо страхования)».

Согласно общегосударственному классификатору Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности», утвержденному постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 5 декабря 2011 г. № 85 [754] (далее — Классификатор), финансовые услуги классифицируются в секции К «Финансовая и страховая деятельность», в которую входит:

1) деятельность, связанная с получением и перераспределением финансовых средств, кроме предназначенных для целей страхования, дополнительного пенсионного обеспечения или обязательного социального страхования (разд. 64);

2) деятельность по страхованию, в том числе перестрахованию (разд. 65);

3) предоставление услуг, связанных с финансовой деятельностью и страхованием, кроме самих услуг по финансовому посредничеству и страхованию (разд. 66).

В силу п. 2 ст. 4 Федерального закона Российской Федерации от 26 июля 2006 г. «О защите конкуренции» [655] «финансовая услуга — банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц».

По п. 5 ч. 1 ст. 1 Закона Украины от 12 июля 2001 г. «О финансовых услугах и государственном регулировании рынка финансовых услуг» [671] «финансовая услуга — операции с финансовыми активами, осуществляемые в интересах третьих лиц за собственный счет или за счет этих лиц, а в случаях, предусмотренных законодательством, — и за счет привлеченных от других лиц финансовых активов, с целью получения прибыли или сохранения реальной стоимости финансовых активов». В частности, финансовыми считаются следующие услуги: доверительное управление финансовыми активами; привлечение финансовых активов с обязательством относительно последующего их возврата; финансовый лизинг; предоставление средств в заем, в том числе на условиях финансового кредита; перевод средств; услуги в сфере страхования и накопительного пенсионного обеспечения; торговля ценными бумагами; факторинг (ст. 4 упомянутого закона).

В соответствии со ст. 2 (12) Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2011/83/EU от 25 октября 2011 г. [795] термин «финансовая услуга» означает любую банковскую, кредитную, страховую, инвестиционную и платежную услугу.

Закон Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 14 июня 2000 г. «О финансовых услугах и рынках» (Financial Services and Markets Act 2000) [802] не содержит дефиниции финансовых услуг, но по смыслу секции 3 (2) они представляют собой регулируемую и другую деятельность, связанную с финансовыми рынками и биржами. Регулируемой является предпринимательская деятельность, относящаяся к инвестициям определенного вида (секция 22 (1)). В прил. 2 к данному закону приведен открытый перечень регулируемой деятельности: инвестиционное посредничество, организация инвестиционных сделок, принятие депозитов, хранение и администрирование активов, управление инвестициями, инвестиционное консультирование, деятельность инвестиционных фондов, использование компьютерных систем при принятии и исполнении инвестиционных распоряжений.

В США финансовые услуги подразумевают финансовую по природе деятельность (англ. *activities that are financial in nature*). Согласно подсекции (к)(4) секции 1843 разд. 12 Кодекса законов США (12 USC 1843) она

включает кредитование, обмен, трансфер, хранение денег и ценных бумаг; страхование, гарантирование; финансовое, инвестиционное и экономическое консультирование; посредничество на рынке ценных бумаг, а также ряд других видов деятельности [770].

Таким образом, **финансовые услуги** в гражданско-правовом смысле — общее понятие, которое включает в себе виды предпринимательской деятельности, обеспечивающей другим лицам обладание финансовыми активами и (или) управление финансами. С целью однозначного понимания термина следует нормативно определить перечень видов упомянутой деятельности, включив в него следующие:

- 1) банковская деятельность (ст. 12, ч. 1 ст. 14 БК Беларуси);
- 2) страховая деятельность и посредническая деятельность по страхованию (абз. 34 п. 2, п. 32 Положения о страховой деятельности);
- 3) профессиональная и биржевая деятельность по ценным бумагам (абз. 30 ч. 1 ст. 1 Закона о рынке ценных бумаг);
- 4) лизинговая деятельность (абз. 2 п. 1.3 Указа Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2014 г. № 99 [689], далее — Указ о лизинговой деятельности);
- 5) микрофинансовая деятельность (п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 23 октября 2019 г. № 394 [694], далее — Указ о микрозаймах);
- 6) учет векселей, являющихся расчетными документами по внешнеторговым договорам, на регулярной основе (п. 1.2 Указа Президента Республики Беларусь от 17 февраля 2015 г. № 69 [700], далее — Указ об использовании векселей);
- 7) деятельность на внебиржевом рынке Форекс (п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 4 июня 2015 г. № 231 [701], далее — Указ о рынке Форекс);
- 8) осуществление почтовых денежных переводов (абз. 35 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 15 декабря 2003 г. «О почтовой связи» [662], далее — Закон о почтовой связи);
- 9) деятельность в сфере игорного бизнеса (ч. 7 Приложения к Положению об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2005 г. № 9 [711], далее — Положение об игорном бизнесе);
- 10) лотерейная деятельность (абз. 6 п. 2 Положения о порядке осуществления лотерейной деятельности на территории Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 4 мая 2007 г. № 209 [708], далее — Положение о лотерейной деятельности);
- 11) деятельность по организации и проведению электронных интерактивных игр (абз. 10, 12, 20 п. 2 Положения о порядке осуществления деятельности по организации и проведению электронных интерактивных игр на территории Республики Беларусь, утвержденного Указом Президента

Республики Беларусь от 10 апреля 2008 г. № 201 [707], далее – Положение об интерактивных играх);

12) деятельность оператора криптоплатформы (абз. 29 п. 3 Положения о Парке высоких технологий, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 12 [705], далее – Положение о ПВТ);

13) деятельность оператора обмена криптовалют (абз. 30 п. 3 Положения о ПВТ).

За пределами финансовых услуг мы оставляем секьюритизацию – «финансирование специальной финансовой организацией инициатора (инициаторов) под уступку прав (требований) за счет средств, привлеченных путем эмиссии облигаций, либо с последующей эмиссией облигаций» (абз. 10 п. 2 Положения о секьюритизации). Секьюритизация сходна с факторингом. Но, во-первых, она являет собой скорее реализацию одного или нескольких проектов, чем регулярную деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Во-вторых, в основе секьюритизации лежит эмиссия облигаций специальной финансовой организацией, не образующая предпринимательскую деятельность.

Законом об инвестиционных фондах предусмотрена деятельность управляющей организации и специализированного депозитария инвестиционного фонда. Ни одна из них не признана банковской или профессиональной деятельностью по ценным бумагам. Однако без лицензии на эти виды деятельности управляющая организация не может осуществлять доверительное управление денежными средствами и ценными бумагами, а специализированный депозитарий – их хранение. Поэтому вне банковской, а также профессиональной деятельности по ценным бумагам услуги управляющей организации и специализированного депозитария инвестиционного фонда мы не считаем финансовыми.

Ввиду изложенного к субъектам финансовых услуг в Республике Беларусь должны относиться:

1) банки и небанковские кредитно-финансовые организации, открытые акционерные общества «Банк развития Республики Беларусь» и «Агентство по управлению активами»;

2) страховщики и страховые брокеры;

3) профессиональные участники рынка ценных бумаг, закрытое акционерное общество «Управляющая компания Китайско-Белорусского инвестиционного фонда»;

4) лизинговые организации;

5) микрофинансовые организации;

6) юридические лица, осуществляющие учет векселей;

7) Национальный форекс-центр и форекс-компании;

8) операторы почтовой связи;

- 9) организаторы азартных игр;
- 10) организаторы лотерей;
- 11) организаторы электронных интерактивных игр;
- 12) операторы криптоплатформ;
- 13) операторы обмена криптовалют.

Отметим, что в приведенных выше актах законодательства упоминаются субъекты, которые не оказывают финансовые услуги, а содействуют этому. К ним, например, можно отнести страховых агентов, ассистанс-организации, косвенных и вспомогательных участников единого расчетного и информационного пространства Республики Беларусь, агентов по операциям с электронными деньгами, владельцев и членов платежных систем, процессинговые центры. Их правовой статус мы не рассматриваем.

В соответствии со ст. 70, 71, 77, 93 БК Беларуси **банк** — это зарегистрированное в установленном порядке Национальным банком акционерное общество, имеющее на основании лицензии Национального банка исключительное право совершать в совокупности банковские операции, предусмотренные ч. 1 ст. 8 БК Беларуси, а именно:

- привлечение денежных средств физических и (или) юридических лиц на счета и (или) во вклады (депозиты);
- размещение привлеченных денежных средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности;
- открытие и ведение банковских счетов физических и (или) юридических лиц.

Банк вправе осуществлять и другие банковские операции, а также виды деятельности, перечисленные в ст. 14 БК Беларуси.

Небанковская кредитно-финансовая организация — зарегистрированное в установленном порядке Национальным банком акционерное общество, имеющее на основании лицензии Национального банка право осуществлять отдельные банковские операции и виды деятельности, определенные ст. 14 БК Беларуси, за исключением совершения в совокупности конstitutивных банковских операций, указанных в ч. 1 ст. 8 БК Беларуси (ст. 9, 105, 107 БК Беларуси).

Как видим, основным квалифицирующим признаком банка и небанковской кредитно-финансовой организации выступает обеспеченное лицензией Национального банка право осуществления банковских операций, приведенных в ст. 14 БК Беларуси.

В Протоколе ЕАЭС по финансовым услугам применен термин «кредитная организация» — «юридическое лицо государства-члена, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании лицензии, выданной уполномоченным органом государства-члена по регулированию банковской деятельности, имеет право осуществлять банковские операции...» (п. 3). По п. 22 того же протокола государства-члены,

руководствуясь в своих действиях наилучшей международной практикой, должны гармонизировать подходы в отношении кредитной организации.

В Федеральном законе Российской Федерации от 2 декабря 1990 г. «О банках и банковской деятельности» [648] банки и небанковские кредитные организации охвачены общим понятием «кредитная организация» (ч. 1 ст. 1), подобным закрепленному в Протоколе ЕАЭС по финансовым услугам. Банки отличаются от других кредитных организаций наличием у первых исключительного права осуществлять в совокупности конститутивные банковские операции: привлечение во вклады денежных средств физических и юридических лиц; размещение этих средств от своего имени и за свой счет на условиях возвратности, платности, срочности; открытие и ведение банковских счетов физических и юридических лиц (ч. 2 ст. 1 того же закона). Небанковские кредитные организации в силу ч. 4 ст. 1 закона вправе совершать лишь некоторые банковские операции и выполнять функции центрального контрагента.

Согласно п. 1 ст. 1 Закона Республики Казахстан от 31 августа 1995 г. «О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан» [649] «банк — юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, которое... правомочно осуществлять банковскую деятельность». Такая деятельность состоит из банковских и иных операций, установленных ст. 30 данного закона. На основании лицензии уполномоченного органа либо сообразно с законами Казахстана отдельные виды банковских операций правомочны проводить юридические лица, не являющиеся банками (ст. 5 упомянутого закона).

Казахский законодатель предусматривает возможность создания и деятельности исламских банков. По ст. 52-1 названного закона «исламский банк не вправе взимать вознаграждение в виде процентов, гарантировать возврат инвестиционного депозита или доход по нему, финансировать (кредитовать) деятельность, связанную с производством и (или) торговлей табачной, алкогольной продукцией, оружием и боеприпасами, игорным бизнесом, а также иные виды предпринимательской деятельности, финансирование (кредитование) которых запрещено советом по принципам исламского финансирования».

В Законе Кыргызской Республики от 16 декабря 2016 г. «О Национальном банке Кыргызской Республики, банках и банковской деятельности» [660] банк понимается как «юридическое лицо, создаваемое в организационно-правовой форме акционерного общества (закрытого или открытого) и правомочное осуществлять банковскую деятельность на основании соответствующей лицензии, выдаваемой Национальным банком...» (ч. 1 ст. 77). Наряду с традиционным банковским делом и кредитованием в Кыргызстане применяются исламские принципы банковского дела и финансирования (ч. 1 ст. 4 того же закона). Национальному банку Кыргызской Ре-

спублики поднадзорны небанковские финансово-кредитные организации и некоторые другие юридические лица (микрофинансовые организации, кредитные союзы, ОАО «Финансовая компания кредитных союзов», обменные бюро). Их деятельность регламентируется отдельными законами.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 Закона Республики Армения от 30 июня 1996 г. «О банках и банковской деятельности» [647] «банк — юридическое лицо, имеющее право осуществлять банковскую деятельность на основании лицензии, выданной в установленном настоящим Законом порядке». При этом «банковской деятельностью считается прием вкладов или обращение с предложением принять вклады и их размещение от имени и с риском принимающего вклад путем предоставления кредитов, вкладов, депозитов и (или) осуществления инвестиций» (ч. 2 ст. 4 закона). Законом Республики Армения от 22 июня 2002 г. «О кредитных организациях» [656] введено понятие такой организации и установлено, что «деятельностью кредитной организации считается привлечение займов, и (или) заключение аналогичных сделок, и (или) предоставление кредитов, или внесение иных... вкладов в качестве предпринимательской деятельности» (ч. 2 ст. 3 закона). Другим лицам, за исключением банков и кредитных организаций, а также инвестиционных фондов и управляющих инвестиционных фондов, запрещается осуществлять эту деятельность (ч. 3 ст. 3 упомянутого закона).

Изложенное показывает, что подходы законодателей к субъектам банковской деятельности отличаются во всех пяти государствах — членах Евразийского экономического союза. Поскольку последние намерены углублять экономическую интеграцию с целью создания общего финансового рынка, гармонизация, предусмотренная п. 22 Протокола ЕАЭС по финансовым услугам, действительно необходима.

В Европейском союзе, где координация законодательства в кредитной сфере продолжается не один десяток лет, используется термин «кредитный институт» (англ. *credit institution*), означающий предприятие, бизнес которого состоит в принятии от неопределенного круга лиц депозитов или других подлежащих возврату средств и предоставлении кредитов за свой счет (п. 1 ст. 4 (1) Регламента Европейского парламента и Совета Европейского союза № 575/2013 от 26 июня 2013 г. [807], далее — Регламент № 575/2013). Банк — это и есть кредитный институт, что подтверждается ст. 4 (2) Регламента № 655/2014 от 15 мая 2014 г. [808].

Помимо кредитного института Регламентом № 575/2013 определен финансовый институт (англ. *financial institution*) — предприятие, основная деятельность которого состоит в приобретении холдингов или осуществлении одного или нескольких видов деятельности: кредитование, финансовый лизинг, платежные услуги, выпуск и администрирование платежных средств, выпуск гарантий и обязательств, финансовый трейдинг, участие в выпуске ценных бумаг и сопутствующие услуги, финансовое

консультирование, брокерские услуги на денежном рынке, управление инвестиционным портфелем и связанные с ним услуги, хранение и администрирование ценных бумаг, выпуск электронных денег. В частности, финансовым институтом является финансовая холдинговая компания, в том числе смешанная, платежный институт, компания по управлению активами (ст. 4 (26) Регламента № 575/2013).

Названные виды профессиональной активности входят в список видов деятельности, подлежащих взаимному признанию в государствах — членах Европейского союза (прил. 1 к Директиве Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2013/36/EU от 26 июня 2013 г. [796]). Финансовый институт может осуществлять один или несколько списочных видов, а кредитный институт — все из них при условии указания их в лицензии (ст. 33, 34 той же директивы).

Согласно секции 1813 разд. 12 Кодекса законов США (12 USC 1813) [768], в которой содержатся положения Закона США от 21 сентября 1950 г. о страховании депозитов (Federal Deposit Insurance Act), термин «банк» включает любой национальный банк либо банк штата США, округа Колумбия или территории США, а также филиал иностранного банка. Вместе со сберегательными ассоциациями банки охвачены понятием «депозитный институт» (англ. *depository institution*).

В соответствии с секцией 1841 разд. 12 Кодекса законов США (12 USC 1841) [769], состоящей из норм Закона США от 9 мая 1956 г. о банковских холдинговых компаниях (Bank Holding Company Act of 1956), термин «банк» означает:

1) банк, признаки которого приведены в Законе США от 21 сентября 1950 г. о страховании депозитов и депозиты в котором застрахованы по данному закону;

2) институт, организованный по праву США, штата США, округа Колумбия или территории США, который принимает депозиты и занимается предоставлением коммерческих кредитов.

В то же время понятие банка по Закону о банковских холдинговых компаниях исключает иностранные банки; сберегательные ассоциации; организации, не ведущие бизнес в США либо ведущие бизнес, обслуживающий их деятельность за пределами США; кредитные союзы; некоторые другие институты и организации.

Таким образом, банк — субъект исключительного права на осуществление предпринимательской деятельности, содержанием которой традиционно выступает привлечение денег от неопределенного круга лиц и их размещение с обязательством возврата. Иногда упоминается еще один элемент такой деятельности — открытие и ведение банковских счетов. Но мы находим его избыточным: депозиты и кредиты уже предполагают счета для их учета.

Банковская деятельность за пределами ее конститутивной части доступна как банкам, так и небанковским кредитно-финансовым организациям (небанковским кредитным организациям в России, небанковским организациям в Казахстане, небанковским финансово-кредитным организациям в Кыргызстане, кредитным организациям в Армении). Однако не являющиеся банками организации вправе на основании лицензии осуществлять лишь отдельные виды указанной деятельности.

Банковская деятельность в государствах — членах Евразийского экономического союза состоит из банковских (финансовых) операций. Поскольку перечень данных операций в каждой стране отличается, он должен быть гармонизирован в силу подп. 15 п. 22 Протокола ЕАЭС по финансовым услугам.

Банки и небанковские кредитно-финансовые организации уполномочены вести не только банковскую, но и другие виды деятельности. К небанковской деятельности этих субъектов относится деятельность, осуществляемая ими для собственных нужд и (или) необходимая для обеспечения совершения банковских операций, за исключением страховой деятельности (ч. 4 ст. 14 БК Беларуси). С согласия Национального банка и на основании лицензии Министерства финансов банки и небанковские кредитно-финансовые организации вправе осуществлять профессиональную и биржевую деятельность по ценным бумагам (ч. 3 ст. 28 Закона о рынке ценных бумаг). После государственной аккредитации в Министерстве финансов они могут быть управляющими организациями и специализированными депозитариями инвестиционных фондов (абз. 14, 16 п. 1 ст. 1 Закона об инвестиционных фондах).

Особым правовым статусом среди белорусских банков обладает **Национальный банк** — центральный банк и государственный орган Республики Беларусь (ч. 1 ст. 24 БК Беларуси). Будучи банком, он:

1) действует исключительно в интересах Республики Беларусь (ч. 1 ст. 24 БК Беларуси);

2) признается кредитором последней инстанции для банков, осуществляя их рефинансирование (абз. 4 ст. 26 БК Беларуси);

3) совершает операции, предусмотренные ч. 1 ст. 52 БК Беларуси;

4) не вправе, за исключением некоторых случаев, оказывать услуги юридическим лицам, не имеющим лицензии на осуществление банковской деятельности, и физическим лицам (ч. 2 ст. 52 БК Беларуси).

Заметим, национальные (центральные) банки не всегда государственные. К примеру, Центральный банк Швейцарской Конфедерации — это акционерное общество со специальным статусом (ч. 1 ст. 1 Федерального закона о Национальном банке Швейцарии от 3 октября 2003 г. [801]).

В соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 21 июня 2011 г. № 261 [699] (далее — Указ № 261) в Беларуси создано и действует

открытое акционерное общество «**Банк развития Республики Беларусь**» (далее — Банк развития). Согласно п. 1.1 Указа № 261:

1) Банк развития не считается банком, небанковской кредитно-финансовой организацией в значении БК Беларуси;

2) законодательство о банковской деятельности применяется к Банку развития, если иное не установлено Указом № 261.

Банк развития без получения специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности кредитует проекты, включенные в государственные программы и мероприятия; привлекает средства бюджета в депозиты; открывает и ведет отдельные счета; проводит расчеты (п. 1.3 Указа № 261). Вместе с тем Банк развития не может обслуживать физических лиц и совершать банковские операции с наличными деньгами (п. 1.11 Указа № 261). Подобные финансовые институты существуют во многих странах мира.

Право открывать и вести определенные счета без получения специального разрешения (лицензии) на осуществление банковской деятельности предоставлено открытому акционерному обществу «Белорусская валютно-фондовая биржа» (абз. 3 п. 1.1 Указа Президента Республики Беларусь от 18 января 2016 г. № 12 [703]). Но открытие и ведение счетов не образует самостоятельного вида предпринимательской деятельности биржи, а направлено на обеспечение ее профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг.

Для снижения доли проблемных активов в банковском секторе и урегулирования необслуживаемых кредитов в Республике Беларусь создано открытое акционерное общество «**Агентство по управлению активами**» (далее — Агентство). По п. 1.2 Указа Президента Республики Беларусь от 14 июля 2016 г. № 268 [698] «Агентство не является банком, небанковской кредитно-финансовой организацией в значениях, определенных в статьях 8 и 9 Банковского кодекса Республики Беларусь, и при его создании, реорганизации и ликвидации, а также при осуществлении им деятельности (за исключением случаев, предусмотренных настоящим Указом) не применяются требования законодательства, предусмотренные для банков и небанковских кредитно-финансовых организаций». Одна из основных задач Агентства — приобретение у банков и Банка развития на основании договоров уступки требования определенных активов, сформированных по кредитам, предоставленным ими сельскохозяйственным организациям, а также обслуживание этих кредитов (абз. 2 п. 1.3 того же указа).

В силу абз. 44 п. 2 Положения о страховой деятельности **страховщики** — «коммерческие организации, созданные для осуществления страховой деятельности и имеющие специальные разрешения (лицензии) на осуществление страховой деятельности». Принимая во внимание п. 28 Положения о страховой деятельности, основным квалифицирующим признаком

страховщика выступает обеспеченное лицензией Министерства финансов право осуществления страховой деятельности.

Страховой брокер — «коммерческая организация, осуществляющая посредническую деятельность по страхованию от своего имени на основании поручения страховой организации или страхователя либо одновременно каждого из них» (абз. 38 п. 2 Положения о страховой деятельности). Его право на такую деятельность обеспечено государственной регистрацией в Министерстве финансов (ч. 1 п. 14 Положения о страховой деятельности).

Сообразно с п. 3 Протокола ЕАЭС по финансовым услугам «“страховая организация” — юридическое лицо государства-члена, имеющее право осуществлять страховую (перестраховочную) деятельность...». Однако в том же протоколе используется и другой термин — профессиональный участник страхового рынка. Причем государства-члены, руководствуясь в своих действиях наилучшей международной практикой, должны гармонизировать требования в отношении данного понятия (п. 1 п. 23 Протокола ЕАЭС по финансовым услугам).

Согласно п. 2 ст. 4.1 Закона Российской Федерации от 27 ноября 1992 г. «Об организации страхового дела в Российской Федерации» [683] страховые организации, общества взаимного страхования и страховые брокеры являются субъектами страхового дела, деятельность которых подлежит лицензированию. Страховые организации и общества взаимного страхования объединены термином «страховщики» (п. 1 ст. 6 того же закона).

Как следует из п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 5 Федерального закона Российской Федерации от 29 ноября 2007 г. «О взаимном страховании» [652], общество взаимного страхования — основанная на членстве некоммерческая организация, созданная в целях страхования имущественных интересов ее членов на взаимной основе. В Республике Беларусь с 8 января 2008 г. взаимное страхование исключено.

Российские страховые брокеры осуществляют деятельность по заключению, изменению, расторжению и исполнению договоров страхования от своего имени, но по поручению и за счет страхователей либо от имени и за счет страхователей или страховщиков. Брокерами могут быть коммерческие организации и индивидуальные предприниматели (абз. 1 п. 6 ст. 8 вышеупомянутого закона об организации страхового дела).

Закон Республики Казахстан от 18 декабря 2000 г. «О страховой деятельности» [670] дает понятие профессиональных участников страхового рынка, относя к ним страховую (перестраховочную) организацию, страхового брокера и актуария, осуществляющих свою деятельность на основании лицензий уполномоченного органа (п. 20 ст. 3). При этом страховые и перестраховочные организации названы субъектами страховой деятельности (п. 19 ст. 3). Та же норма закона определяет каждого профессионального участника страхового рынка:

страховая организация — юридическое лицо, осуществляющее деятельность по заключению и исполнению договоров страхования (п. 24 ст. 3);

страховой брокер — юридическое лицо, представляющее страхователя в отношениях, связанных с заключением и исполнением договоров страхования, или осуществляющее от своего имени посредническую деятельность по оказанию услуг, связанных с заключением договоров страхования или перестрахования, а также консультационную деятельность по вопросам страхования и перестрахования (п. 17 ст. 3).

Деятельность по взаимному страхованию в Казахстане лицензированию не подлежит (п. 1 ст. 13 Закона Республики Казахстан от 5 июля 2006 г. «О взаимном страховании» [651]).

В Законе Кыргызской Республики от 23 июля 1998 г. «Об организации страхования в Кыргызской Республике» [682] используется термин «участники страхового рынка», охватывающий страхователей, страховщиков, страховых агентов, страховых брокеров, перестраховочных брокеров, перестраховочные компании (ст. 3). Страховщиком считается юридическое лицо (страховая организация), являющееся коммерческой организацией и имеющее специальное разрешение (лицензию) на страхование. Страховой брокер — юридическое лицо, осуществляющее после получения лицензии посредническую деятельность по страхованию от своего имени на основании поручений страхователя либо страховщика. В Кыргызстане возможно взаимное и исламское страхование.

Согласно ст. 3, 8 Закона Республики Армения от 22 мая 2007 г. «О страховании и страховой деятельности» [669] страховая компания — акционерное общество или общество с ограниченной ответственностью, имеющее лицензию на страховую деятельность, а страховой брокер — коммерческая организация, имеющая лицензию на осуществление страховой посреднической деятельности от имени и за счет страхователя, а при перестраховании — от имени и за счет страховой компании.

Как видим, в Евразийском экономическом союзе нет единства в понимании профессиональных участников страхового рынка (страховщиков, страховых брокеров), что объясняет необходимость гармонизации, предусмотренной п. 23 Протокола ЕАЭС по финансовым услугам.

В Европейском союзе страховщики именуются страховыми предприятиями (англ. *insurance undertaking*), действующими на основании специального разрешения (ст. 13 (1), 14 Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2009/138/ЕС от 25 ноября 2009 г. [793]).

По п. 8 ст. 2 (1) Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2016/97 от 20 января 2016 г. [791] страховые предприятия вместе со страховыми посредниками относятся к страховым дистрибьюторам (англ. *insurance distributor*). Страховая дистрибуция представляет собой деятельность по подготовке к заключению договоров страхования,

их заключению, а также содействию в их администрировании и исполнении (п. 1 ст. 2 (1) той же директивы).

В силу п. 3 ст. 2 (1) директивы № 2016/97 страховой посредник означает любое физическое или юридическое лицо, за исключением страхового (перестраховочного) предприятия и его работников, занимающееся за вознаграждение страховой дистрибуцией. Если лицо, иное чем кредитный институт и инвестиционная фирма, осуществляет за вознаграждение страховую дистрибуцию как побочную деятельность и отвечает другим условиям, то оно признается второстепенным (англ. *ancillary*) страховым посредником (п. 4 ст. 2 (1) указанной директивы).

В соответствии с секцией 6701 разд. 15 Кодекса законов США (15 USC 6701) [773], в которой содержатся положения Закона США от 9 марта 1945 г., выражающего намерение конгресса в отношении регулирования страхового бизнеса (McCarran-Ferguson Act), термин «страховщик» (англ. *insurer*) подразумевает любое лицо, вовлеченное в страховой бизнес. Однако никто не может заниматься страховым бизнесом в каком-либо штате США, округе Колумбия или территории США в качестве принципала или агента без получения лицензии страхового регулятора данного штата, округа или территории.

Страховой агент или брокер, страховой консультант или представитель либо другое лицо, которое продает или предлагает к продаже страховые полисы, а также консультирует или оказывает иные услуги, связанные со страхованием, в США называется страховым продюсером (англ. *insurance producer*), что отражено в секции 6764 разд. 15 Кодекса законов США (15 USC 6764) [774].

Таким образом, страховщик — субъект права на осуществление страховой деятельности. Согласно ч. 1 п. 27 Положения о страховой деятельности ему доступна не только страховая, но и смежная с ней деятельность:

- 1) осуществление инвестиций;
- 2) оценка страхового риска и размера ущерба;
- 3) оценка и осмотр движимого и недвижимого имущества в связи со страхованием и выдачей заключений о состоянии этого имущества;
- 4) организация предоставления услуг технического, медицинского и финансового характера иному страховщику либо страхователю (застрахованному, потерпевшему, а также другому лицу, претендующему на получение страховой выплаты) в целях выполнения заключенных этими лицами договоров страхования;

5) оказание услуг иной страховой организации в установлении причин, характера ущерба при наступлении страхового случая.

Страховой брокер — субъект права на осуществление от своего имени посреднической деятельности по страхованию. Она является исключительной (п. 40 Положения о страховой деятельности) и ограничена добро-

вольным страхованием (абз. 4 п. 42 Положения о страховой деятельности). Содержание деятельности страхового брокера раскрыто в ч. 1 п. 41 Положения о страховой деятельности.

В силу абз. 31 ч. 1 ст. 1 Закона о рынке ценных бумаг **профессиональный участник рынка ценных бумаг** — «юридическое лицо, получившее специальное разрешение (лицензию) на осуществление профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам». Учитывая п. 396 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 [712] (далее — Положение о лицензировании), основным квалифицирующим признаком профессионального участника рынка ценных бумаг выступает обеспеченное лицензией Министерства финансов право осуществления профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам.

Профессиональная и биржевая деятельность по ценным бумагам — общее понятие, которое включает в себе следующие виды предпринимательской деятельности:

1) брокерская деятельность — совершение профессиональным участником рынка ценных бумаг сделок с ценными бумагами от имени и за счет клиента либо от своего имени и за счет клиента (ч. 1 ст. 31 Закона о рынке ценных бумаг);

2) дилерская деятельность — совершение профессиональным участником рынка ценных бумаг сделок с ценными бумагами от своего имени и за свой счет с правом одновременной покупки и продажи ценных бумаг (ч. 1 ст. 32 Закона о рынке ценных бумаг);

3) деятельность по доверительному управлению ценными бумагами — деятельность, осуществляемая профессиональным участником рынка ценных бумаг от своего имени за вознаграждение в течение определенного срока с переданными ему в доверительное управление и принадлежащими другому лицу (вверителю):

— ценными бумагами;

— денежными средствами, предназначенными для приобретения ценных бумаг в целях последующего доверительного управления этими ценными бумагами;

— денежными средствами и ценными бумагами, получаемыми в процессе доверительного управления этими ценными бумагами (ч. 1 ст. 33 Закона о рынке ценных бумаг);

4) клиринговая деятельность — деятельность профессионального участника рынка ценных бумаг по определению обязательств и требований по сделкам купли-продажи ценных бумаг (сбор, сверка, корректировка информации по сделкам с ценными бумагами, подготовка расчетных документов по ним) для обеспечения расчетов по передаче ценных бумаг и денежных средств (ч. 1 ст. 34 Закона о рынке ценных бумаг);

5) депозитарная деятельность — деятельность профессионального участника рынка ценных бумаг по оказанию услуг по учету ценных бумаг, прав на них и обременений (ограничений) этих прав путем ведения системы записей о депоненте и ценных бумагах, хранению документарных ценных бумаг, а также по осуществлению переводов (списание, зачисление) ценных бумаг по счетам «депо» (ч. 1 ст. 35 Закона о рынке ценных бумаг);

б) деятельность по организации торговли ценными бумагами — деятельность профессионального участника рынка ценных бумаг по предоставлению услуг, способствующих совершению сделок с ценными бумагами между профессиональными участниками рынка ценных бумаг, в том числе иностранными, и (или) при их посредничестве путем организации и проведения торгов ценными бумагами по правилам, установленным организатором торговли ценными бумагами (ч. 1 ст. 36 Закона о рынке ценных бумаг).

Профессиональными участниками рынка ценных бумаг являются брокеры, дилеры, доверительные управляющие, клиринговые организации, депозитарии и организаторы торговли ценными бумагами. Среди них отметим специализированные депозитарии выделенных активов, управляющие организации и специализированные депозитарии инвестиционных фондов, на осуществление деятельности которых требуется государственная аккредитация, проводимая Министерством финансов (абз. 11 п. 2 Положения о секьюритизации, абз. 14, 16 п. 1 ст. 1 Закона об инвестиционных фондах). Однако закрытое акционерное общество «Управляющая компания Китайско-Белорусского инвестиционного фонда» не считается профессиональным участником рынка ценных бумаг и управляющей организацией акционерного инвестиционного фонда (ч. 1 п. 1.3 Указа Президента Республики Беларусь от 8 мая 2018 г. № 163 [691]).

Согласно п. 3 Протокола ЕАЭС по финансовым услугам «“профессиональный участник рынка ценных бумаг” — юридическое лицо государства-члена, имеющее право осуществлять профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг...». В ее составе упоминается деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг (п. 24 Протокола ЕАЭС по финансовым услугам), тогда как по Закону о рынке ценных бумаг она охвачена депозитарной деятельностью.

Российский законодатель к профессиональным участникам рынка ценных бумаг относит брокеров, дилеров, форекс-дилеров, управляющих, инвестиционных советников, депозитариев и держателей реестров (ст. 3–5, 6.1, 7, 8 Федерального закона Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг»). Клиринговые организации и организаторы торговли находятся за пределами данного понятия.

Законом Республики Казахстан от 2 июля 2003 г. «О рынке ценных бумаг» [667] профессиональными участниками рынка ценных бумаг опре-

делены андеррайтер, брокер, дилер, добровольный накопительный пенсионный фонд, управляющий инвестиционным портфелем, кастодиан и трансфер-агент (п. 3, 16, 26, 26-1, 34, 46, 84 ст. 1 закона). Вместе с тем в Казахстане можно выделить более широкую категорию – субъектов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг, включив в нее, помимо профессиональных участников рынка ценных бумаг, субъектов следующей деятельности:

- клиринговая деятельность по сделкам с финансовыми инструментами;
- организация торговли с ценными бумагами и иными финансовыми инструментами;
- депозитарная деятельность;
- деятельность по ведению системы реестров держателей ценных бумаг;
- деятельность единого оператора по осуществлению номинального держания ценных бумаг (п. 1, 2 ст. 45 того же закона).

По Закону Кыргызской Республики от 24 июля 2009 г. «О рынке ценных бумаг» [664] профессиональным участником рынка ценных бумаг является юридическое лицо, обладающее лицензией на осуществление одного или нескольких видов профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг:

- дилерской деятельности;
- деятельности по доверительному управлению инвестиционными активами;
- депозитарной деятельности;
- деятельности по ведению реестра держателей ценных бумаг;
- деятельности по организации торговли на рынке ценных бумаг;
- деятельности инвестиционного фонда (ч. 25 ст. 3, ч. 1 ст. 40 закона).

Профессиональный участник рынка ценных бумаг наряду с публичной компанией и саморегулируемой организацией профессиональных участников рынка ценных бумаг входит в понятие «регулируемый субъект рынка ценных бумаг» (ч. 30 ст. 3 названного закона).

В соответствии с п. 26 ст. 3 Закона Республики Армения от 20 октября 2007 г. «О рынке ценных бумаг» [665] «профессиональными участниками рынка ценных бумаг считаются лица, оказывающие инвестиционные услуги, оператор регулируемого рынка, оператор расчетной системы ценных бумаг и предусмотренные законом другие лица».

Изложенное показывает, что в рамках Евразийского экономического союза необходима гармонизация определения профессиональных участников рынка ценных бумаг. Создание общего финансового рынка без нее будет затруднительно.

В Европейском союзе профессиональным участником рынка ценных бумаг выступает инвестиционная фирма (англ. *investment firm*) – любое юридическое лицо, обычное занятие или бизнес которого заключается

в оказании одной или нескольких инвестиционных услуг третьим лицам и (или) осуществлении одного или нескольких видов инвестиционной деятельности на профессиональной основе (п. 2 ст. 4 (1) Регламента № 575/2013, п. 1 ст. 4 (1) Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2014/65/EU от 15 мая 2014 г.). Инвестиционные услуги и виды инвестиционной деятельности перечислены в секции А прил. 1 к Директиве № 2014/65/EU: совершение сделок с финансовыми инструментами за свой счет, управление портфелем финансовых инструментов, инвестиционное консультирование и т. д. Понятие «инвестиционная фирма» исключает кредитные институты, локальные и некоторые другие фирмы (п. 2 ст. 4 (1) Регламента № 575/2013).

К профессиональным участникам рынка ценных бумаг США можно отнести брокеров, дилеров, клиринговые агентства, трансфер-агентов, инвестиционные компании, инвестиционные банки, инвестиционных консультантов и др.

Так, по Закону США от 6 июня 1934 г. о фондовых биржах (Securities Exchange Act of 1934), представленному в секции 78с разд. 15 Кодекса законов США (15 USC 78с) [776]:

— брокер — любое лицо, осуществляющее деятельность по совершению сделок с ценными бумагами за счет других лиц;

— дилер — любое лицо, осуществляющее деятельность по купле-продаже ценных бумаг за свой счет, в том числе через брокеров.

Согласно Закону США от 22 августа 1940 г. об инвестиционных компаниях (Investment Company Act of 1940), частично доступному в секции 80а-3 разд. 15 Кодекса законов США (15 USC 80а-3) [778], под инвестиционной компанией понимается любой эмитент, который:

1) осуществляет или позиционирует себя как осуществляющий, либо намеревается осуществлять преимущественно инвестиционную деятельность или торговлю ценными бумагами, или

2) осуществляет или намеревается осуществлять выпуск оплачиваемых в рассрочку сертификатов с номинальной суммой (англ. *face-amount certificates of the installment type*), либо уже выпустил, но еще не погасил такие сертификаты, или

3) осуществляет или намеревается осуществлять инвестиционную деятельность, владение ценными бумагами либо торговлю ими и обладает или намерен приобрести инвестиционные ценные бумаги, по стоимости превышающие 40 % стоимости всех активов этого эмитента (без учета государственных ценных бумаг и денежных документов) на неконсолидированной основе.

Сообразно с секцией 80а-2 разд. 15 Кодекса законов США (15 USC 80а-2) [777], посвященной тому же закону об инвестиционных компаниях, инвестиционный банк (англ. *investment banker*) означает любое лицо, кроме

инвестиционной компании, совершающее андеррайтинг ценных бумаг, выпущенных другими лицами.

Таким образом, профессиональный участник рынка ценных бумаг — это субъект права на осуществление профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам — брокер, дилер, доверительный управляющий, клиринговая организация, депозитарий, организатор торговли ценными бумагами. В силу ст. 29 Закона о рынке ценных бумаг специальное разрешение (лицензия) на осуществление данной деятельности может быть выдано на выполнение одновременно нескольких ее видов с учетом ограничений, установленных законодательными актами.

Банки, небанковские кредитно-финансовые организации, страховщики, страховые брокеры и профессиональные участники рынка ценных бумаг образуют три сектора финансовых услуг: банковский, страховой и сектор услуг на рынке ценных бумаг (п. 21 Протокола ЕАЭС по финансовым услугам). Регулятор первого сектора — Национальный банк, а остальных — Министерство финансов. Вместе с тем в Республике Беларусь действуют субъекты финансовых услуг, формально не входящие ни в один из указанных секторов, но поднадзорные Национальному банку: лизинговые организации; микрофинансовые организации; юридические лица, осуществляющие учет векселей; Национальный форекс-центр и форекс-компании.

Согласно абз. 2 п. 1.3 Указа о лизинговой деятельности последняя представляет собой предпринимательскую деятельность по приобретению лизингодателем в собственность имущества в целях его последующего предоставления за плату во временное владение и пользование.

Лизинговую деятельность вправе осуществлять **лизинговые организации**, включенные Национальным банком в реестр лизинговых организаций (ч. 1 п. 1.1 Указа о лизинговой деятельности). В то же время некоторые юридические лица и индивидуальные предприниматели могут заниматься лизингом без включения в упомянутый реестр (ч. 2, 3 п. 1.1 Указа о лизинговой деятельности).

По п. 2 Указа о микрозаймах микрофинансовую деятельность вправе осуществлять **микрофинансовые организации** и некоторые категории юридических лиц. При этом названные организации должны быть включены Национальным банком в реестр микрофинансовых организаций. Микрофинансовой признается «деятельность по предоставлению трех и более займов в течение календарного месяца одному или нескольким заемщикам в сумме, не превышающей 15 000 базовых величин на одного заемщика на день заключения договора» (п. 1 Указа о микрозаймах).

В соответствии с ч. 2 п. 1.2 Указа об использовании векселей учет векселей, являющихся расчетными документами по внешнеторговым договорам (форфейтинг), на регулярной основе (два и более раза в течение календар-

ного года) вправе осуществлять банки, небанковские кредитно-финансовые организации, а также **юридические лица**, включенные Национальным банком в реестр юридических лиц, **осуществляющих учет векселей**.

Под учетом векселей понимается приобретение (с дисконтом по векселю) лицом, не являющимся первым векселедержателем, права получения оплаты по векселю до наступления срока платежа по нему без права регресса (примечание *** к ч. 1 п. 1.2 Указа об использовании векселей).

В силу п. 1 Указа о рынке Форекс деятельность по совершению иницируемых физическими и юридическими лицами операций с беспоставочными внебиржевыми финансовыми инструментами (деятельность на внебиржевом рынке Форекс) вправе осуществлять:

1) юридические лица, включенные Национальным банком в реестр **форекс-компаний**;

2) национальный форекс-центр;

3) банки и небанковские кредитно-финансовые организации.

Национальным форекс-центром является открытое акционерное общество «Белорусская валютно-фондовая биржа» (п. 1 постановления Совета Министров Республики Беларусь и Национального банка Республики Беларусь от 4 марта 2016 г. № 177/8 [717]).

Как видим, право лизинговой и микрофинансовой организаций, а также юридического лица, осуществляющего учет векселей, и форекс-компаний на оказание финансовых услуг обеспечивается включением данных субъектов в реестр Национального банка.

В Республике Беларусь **операторы почтовой связи** осуществляют почтовые денежные переводы — почтовые отправления, посредством которых отправитель поручает выплатить адресату уплаченную им оператору почтовой связи сумму денежных средств (абз. 35 ст. 1 Закона о почтовой связи).

Оператором почтовой связи считается юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, имеющие право на оказание услуг почтовой связи на основании специального разрешения (лицензии) Министерства связи и информатизации (абз. 22 ст. 1, ч. 1 ст. 18 Закона о почтовой связи). Стало быть, право оператора почтовой связи на оказание финансовых услуг обеспечивается лицензией Министерства связи и информатизации.

Цель управления финансами состоит в осуществлении финансовых шансов с приемлемыми финансовыми рисками. Следовательно, финансовые услуги включают виды предпринимательской деятельности, обеспечивающей создание и (или) реализацию финансовых шансов других лиц, а также митигацию их финансовых рисков.

К субъектам финансовых услуг мы традиционно относим страховщиков, позволяющих гражданам и юридическим лицам освободиться от риска на возмездной основе. Вместе с тем находим логичным выделение и таких субъектов, которые за деньги предоставляют гражданам определенный фи-

нансовый шанс — возможность получения денежного выигрыша в результате проведения азартной игры, лотереи или электронной интерактивной игры. Если страховщики получают деньги за освобождение от финансового риска, то организаторы азартных игр, лотерей или электронных интерактивных игр — за предоставление финансового шанса.

Сообразно с ч. 7, 29 Приложения к Положению об игорном бизнесе **организатор азартной игры** — «юридическое лицо Республики Беларусь, осуществляющее деятельность в сфере игорного бизнеса», т. е. деятельность, направленную на заключение основанных на риске соглашений о выигрыше с участниками азартных игр и (или) организацию заключения таких соглашений между несколькими участниками азартной игры, в том числе посредством использования глобальной компьютерной сети Интернет. Право на осуществление деятельности в сфере игорного бизнеса основано на лицензии Министерства по налогам и сборам (п. 5 Положения об игорном бизнесе, п. 156 Положения о лицензировании).

В силу абз. 10 п. 2 Положения о лотерейной деятельности **организатор лотереи** — «осуществляющее организацию и проведение лотереи государственное юридическое лицо...». Под лотереей понимается игра, предусматривающая заключение в устной или письменной форме договоров, по каждому из которых одна сторона (организатор лотереи) обязывается передать другой (каждому из владельцев лотерейного билета или сделавших лотерейную ставку) определенную сумму денег или имущественный выигрыш в том случае, если на лотерейный билет или лотерейную ставку случайно падет выигрыш, а другая сторона обязывается уплатить определенную сумму денег за лотерейный билет или лотерейную ставку независимо от того, падет или не падет на ее долю выигрыш (абз. 9 п. 2 Положения о лотерейной деятельности). По п. 2 Указа Президента Республики Беларусь от 4 мая 2007 г. № 9 [692] исключительное право на деятельность по организации и проведению лотерей в Республике Беларусь принадлежит государству и осуществляется государственными юридическими лицами.

Согласно абз. 9 п. 2 Положения об интерактивных играх **организатор электронной интерактивной игры** — это 1) государственное юридическое лицо, республиканское государственно-общественное объединение или 2) иное юридическое лицо, решения которого может определять государственное юридическое лицо либо республиканское государственно-общественное объединение, владея не менее чем двумя третями акций (долей в уставных фондах), либо 3) другое юридическое лицо в случаях, установленных Президентом Республики Беларусь, осуществляющее организацию и проведение электронной интерактивной игры. В соответствии с абз. 20 п. 2 Положения об интерактивных играх «электронная интерактивная игра — основанная на риске игра, в которой:

- игрок делает ставку на предполагаемый исход события, относительно которого неизвестно, наступит ли оно;
- организатор и игрок не имеют возможности оказывать воздействие на исход события;
- размер выигрыша зависит от частичного или полного совпадения прогноза игрока с наступившими документально подтвержденными событиями;
- процесс приема, регистрации, передачи, обработки, учета, накопления и сохранения информации осуществляется с использованием программных, программно-аппаратных и аппаратных средств».

В целях построения современной цифровой экономики в Республике Беларусь получила нормативное основание деятельность операторов криптоплатформ и обмена криптовалют.

По п. 1 прил. 1 Декрета № 8 **оператор криптоплатформы** — резидент ПВТ, предоставляющий с использованием информационной системы физическим и (или) юридическим лицам возможность совершения между собой и (или) с оператором криптоплатформы следующих сделок (операций):

- отчуждение, приобретение цифровых знаков (токенов) за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги;
- обмен цифровых знаков (токенов) одного вида на цифровые знаки (токены) другого вида;
- иных сделок (операций) в соответствии с требованиями Декрета № 8.

Оператор обмена криптовалют — «резидент Парка высоких технологий, осуществляющий с использованием информационных систем и (или) программно-технических комплексов, работающих в режиме самообслуживания (криптоматов), от собственного имени и в своем интересе обмен цифровых знаков (токенов) одного вида на цифровые знаки (токены) другого вида, их покупку и продажу за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги» (п. 6 того же приложения).

Деятельность операторов криптоплатформ и обмена криптовалют не признается банковской (ч. 2 п. 3.3 Декрета № 8).

Поскольку сведения о деятельности операторов криптоплатформ и обмена криптовалют отдельной графой вносятся в реестр резидентов ПВТ (п. 11 Положения о ПВТ; форма реестра резидентов Парка высоких технологий, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 марта 2006 г. № 403 [721]), мы можем заключить, что право операторов криптоплатформ и обмена криптовалют на оказание финансовых услуг обеспечивается их включением в реестр резидентов ПВТ с указанием соответствующего вида деятельности.

Таким образом, **субъекты финансовых услуг** — лица, имеющие право на осуществление предпринимательской деятельности, обеспечивающей

другим лицам обладание финансовыми активами и (или) управление финансами. В Республике Беларусь данное право основано:

1) на лицензии Национального банка, Министерства финансов, Министерства связи и информатизации, Министерства по налогам и сборам (банки и небанковские кредитно-финансовые организации, страховщики, профессиональные участники рынка ценных бумаг, операторы почтовой связи, организаторы азартных игр);

2) государственной регистрации лица в Министерстве финансов (страховые брокеры);

3) включении в реестр Национального банка (лизинговые организации; микрофинансовые организации; юридические лица, осуществляющие учет векселей; форекс-компании), резидентов ПВТ (операторы криптоплатформ и обмена криптовалют);

4) государственной монополии и квалификации в качестве государственного юридического лица, республиканского государственно-общественного объединения, подконтрольного им хозяйственного общества (организаторы лотерей и электронных интерактивных игр);

5) индивидуальном законодательном правонаделении (Национальный банк, открытые акционерные общества «Банк развития Республики Беларусь» и «Агентство по управлению активами», Национальный форекс-центр, закрытое акционерное общество «Управляющая компания Китайско-Белорусского инвестиционного фонда»).

Белорусских субъектов финансовых услуг можно распределить на четыре сектора: банковский (2 уровня), страховой, фондовый (услуг на рынке ценных бумаг) и игорный (табл. 3.2).

Банковский, страховой и фондовый секторы финансовых услуг являются традиционными и имеют нормативное основание (п. 21 Протокола ЕАЭС по финансовым услугам). Мы же дополнительно выделяем игорный сектор и второй уровень банковского сектора.

Игорный сектор объединяет субъектов финансовых услуг, осуществляющих деятельность по организации азартных игр, лотерей и электронных интерактивных игр. По Классификатору она расположена в секции R «Творчество, спорт, развлечения и отдых» (разд. 92), тогда как виды деятельности, относящиеся к банковскому, страховому и фондовому секторам, размещены в секции K «Финансовая и страховая деятельность». Субъекты игорного сектора, может, и доставляют развлечения, но их деятельность направлена прежде всего на возмездное предоставление финансовых шансов. Именно за это, а не за развлечения платят их клиенты.

Второй уровень банковского сектора мы оставляем для тех субъектов финансовых услуг, чья деятельность сходна с банковской. Они имеют определенные корреляты среди банковских операций: лизинговые и микрофинансовые организации — кредитование; юридические лица, осу-

существляющие учет векселей, — факторинг; Национальный форекс-центр, форекс-компании — доверительное управление денежными средствами; операторы почтовой связи — расчетное и (или) кассовое обслуживание; операторы криптоплатформ — расчетное обслуживание и валютно-обменные операции; операторы обмена криптовалют — валютно-обменные операции.

Таблица 3.2

Секторы финансовых услуг и их субъекты

Сектор финансовых услуг	Уровень 1	Уровень 2
Банковский	Банки и небанковские кредитно-финансовые организации, ОАО «Банк развития Республики Беларусь», ОАО «Агентство по управлению активами»	Лизинговые организации; микрофинансовые организации; юридические лица, осуществляющие учет векселей; Национальный форекс-центр и форекс-компании; операторы почтовой связи; операторы криптоплатформ и обмена криптовалют
Страховой	Страховщики и страховые брокеры	—
Фондовый	Профессиональные участники рынка ценных бумаг, ЗАО «Управляющая компания Китайско-Белорусского инвестиционного фонда»	—
Игорный	Организаторы азартных игр, лотерей и электронных интерактивных игр	

Форекс-компании могли бы найти место и в других секторах. Так, базовым активом по операциям с беспоставочными внебиржевыми финансовыми инструментами, помимо прочего, признаются ценные бумаги (ч. 4 п. 2 Указа о рынке Форекс), что дает основания для помещения форекс-компаний в фондовый сектор. К примеру, в Российской Федерации форекс-дилеры считаются профессиональными участниками рынка ценных бумаг (ст. 4.1 Федерального закона Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. «О рынке ценных бумаг»). Однако беспоставочный характер операций белорусских форекс-компаний уводит их в банковский сектор.

Осуществление финансового шанса клиентов форекс-компаний и участников азартных игр, лотерей и электронных интерактивных игр зависит от случайного события, что позволяет говорить о возможности

отнесения форекс-компаний к игорному сектору. Но клиенты форекс-компаний, открыв позицию, становятся субъектами как финансового шанса, так и финансового риска, поскольку цена базового актива к моменту закрытия позиции может измениться в любую сторону. В такой ситуации обычно оказываются инвесторы, но не участники азартных игр, лотерей и электронных интерактивных игр. Последние, сделав ставку или купив лотерейный билет, получают только финансовый шанс и сопутствующий ему квазириск. Ведь они своей волей уже понесли расходы на ставку или билет. Выигрыш для них — осуществленный финансовый шанс, а проигрыш — осуществленный квазириск. Поэтому форекс-компании в игорный сектор мы не включаем.

Итак, исследование понятия и субъектов финансовых услуг приводит к следующим положениям.

Финансовые услуги в гражданско-правовом смысле — общее понятие, которое включает в себе виды предпринимательской деятельности, обеспечивающей другим лицам обладание финансовыми активами и (или) управление финансами, включая создание и (или) реализацию финансовых шансов, а также митигацию финансовых рисков.

С целью однозначного понимания термина перечень видов указанной деятельности подлежит нормативному определению.

Субъекты финансовых услуг — лица, имеющие право на осуществление упомянутых видов деятельности. Оно может быть основано на лицензии Национального банка, Министерства финансов, Министерства связи и информатизации, Министерства по налогам и сборам; государственной регистрации лица в Министерстве финансов; включении в реестр Национального банка, резидентов ПВТ; государственной монополии и квалификации в качестве государственного юридического лица, республиканского государственно-общественного объединения, подконтрольного им хозяйственного общества; индивидуальном законодательном правонаделении.

Белорусских субъектов финансовых услуг мы распределяем на четыре сектора: банковский (2 уровня), страховой, фондовый (услуг на рынке ценных бумаг) и игорный.

ФИНАНСОВЫЕ ЧАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

4.1. Понятие и структура финансовых частных отношений

В научном познании финансовых частных отношений мы опираемся на триаду философских категорий: вещи, свойства, отношения. «Всякая наука, каков бы ни был ее предмет, изучает вещи, их свойства и отношения. Можно изучать главным образом вещи, преимущественно отдельные свойства или отношения, но нельзя изучать что-либо иное, кроме вещей, свойств и отношений» [411, с. 3].

В широком понимании вещь — это все, что может быть объектом мысли. Значит, она подразумевает и субъекта — участника финансовых частных отношений.

«Свойство — характеристика объекта... определяющая его вид, тип, поведение и пр.» [293, с. 510]. Именно свойства вещей объясняют отношения между ними. Как пишет Г. В. Ф. Гегель, «вещь обладает свойствами; они суть... ее определенные соотношения с другим; свойство имеется лишь как некоторый способ отношения друг к другу» [95, с. 581]. «Разные вещи находятся благодаря их свойствам в существенном взаимодействии», — утверждает он [95, с. 585]. По мнению А. И. Умова, «свойство является тем, что объединяет отдельные вещи в систему, т. е. удовлетворяет определению отношения» [411, с. 64]. Следовательно, финансовые частные отношения детерминированы свойством их участников.

Субъекты имеют множество свойств, но, принимая во внимание предмет исследования, мы выделяем одно — обладание финансовым имуществом. Оно и порождает финансовые частные отношения.

Раскрываемые нами отношения суть частные и финансовые. Их частная природа исключает субъектов, осуществляющих властные полномочия. А финансовое качество отношения получают от упомянутого свойства обладания.

Поскольку финансовые частные отношения детерминированы обладанием финансовым имуществом, они бывают двух типов, что можно представить с помощью рис. 4.1¹.

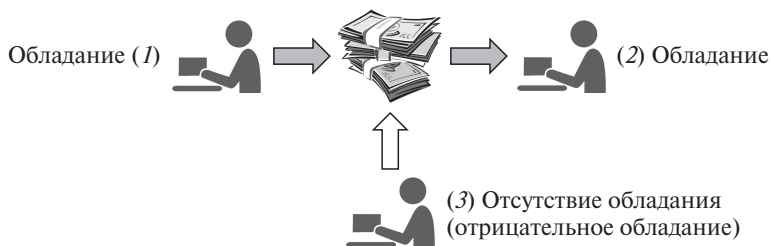

Рис. 4.1. Образование типов финансовых частных отношений

Первый тип составляют отношения «обладание — отсутствие обладания»: (1) — (3), (2) — (3). Второй — «обладание — обладание»: (1) — (2).

В отношениях первого типа обладателю финансового имущества корреспондирует каждый, кто не обладает этим конкретным имуществом. Отношения второго типа выражают совместное обладание одним финансовым имуществом, например отношения сособственников, лиц на стороне кредитора или должника, сторон обязательства (финансовое требование и долг в последнем случае рассматриваются в единстве).

В свое время Г. В. Лейбниц заметил, что «всякое отношение — это либо отношение сравнения, либо отношение связи (*concoeurs*). Отношение сравнения дает различие и тождество... что приводит к понятиям тождественного и различного, сходного и несходного. Связь содержит в себе... совместное существование» [230, с. 365]. «При наличии взаимосвязи между вещами, — считает А. И. Уемов, — изменение одной вещи вызывает изменение другой. Взаимоотношение же не означает, что изменение одной вещи определяет какое-то изменение другой... Поэтому категории связи и отношения нельзя отождествлять друг с другом» [411, с. 50–51]. Вместе с тем некоторые авторы занимают однозначную позицию, усматривая сущность отношения либо в сравнении, либо в связи. «Сущность отношения состоит в сопоставлении, или сравнении, двух вещей друг с другом», — утверждает Д. Локк [240, с. 372]. С точки зрения Н. М. Коркунова, «всякое отношение предполагает связь, зависимость и вытекающую из этой зависимости возможность воздействия. Где нет зависимости, нет и отношения» [201, с. 201].

Существенным признаком финансовых частных отношений выступает обладание финансовым имуществом, а изменение в обладании невозможно без изменения на стороне одного из корреспондентов облада-

¹ Разработка автора.

теля. К примеру, отчуждение финансового имущества сопровождается его приобретением, т. е. возникновением обладания у того, кто корреспондировал владельцу в отношениях первого типа. Погашение финансового долга означает изменение не только на стороне должника, но и кредитора — корреспондента должника (владельца долга) в отношениях второго типа. Значит, финансовые частные отношения являются собой не сравнение (различие, тождество), а связь (совместное существование) частных субъектов¹.

Таким образом, **финансовое частное отношение** — это связь частных субъектов, детерминированная обладанием финансовым имуществом.

Финансовые частные отношения подлежат правовому регулированию, что выражается в наделении субъектов частноправовыми свойствами:

- 1) признании за ними финансовой частной правоспособности;
- 2) определении прав и обязанностей (запретов), а также оснований их возникновения и прекращения.

Юридические свойства субъектов придают финансовым частным отношениям правовую форму. Другими словами, правовое регулирование данных отношений состоит в моделировании финансовых частных правоотношений.

Правоотношение — традиционный предмет научного внимания в правоведении. В то же время, как верно отмечает В. А. Белов, «ни в теории права, ни в цивилистической науке до сих пор так и не достигнуто единства мнений по важнейшим вопросам учения о правоотношении (гражданском правоотношении); так, продолжает оставаться открытым даже вопрос о том, а что, собственно, следует понимать под правоотношением (гражданским правоотношением)» [43, с. 454].

Согласно Н. М. Коркунову, «юридические отношения предполагают юридическую связь зависимости в форме правообязанности и обусловленное этой зависимостью правопритязание или право, полномочие» [201, с. 203]. «Эта связь, — пишет Я. М. Магазинер, — заключается в том, что когда на одном лице обязанность, то у другого есть право на то самое, к чему обязано другое. Равным образом и наоборот: когда у одного лица есть право, т. е. когда у одного есть возможность действовать определенным образом, то другой связан необходимостью действовать в согласии с этой возможностью, т. е. не препятствовать ей (*non facere*), терпеть ее осуществление (*pati*) или содействовать ее осуществлению (*facere*)» [249, с. 221—222]. Н. Г. Александров видит в правоотношении особую связь, характеризующуюся наличием у одного лица защищаемой государственным принуждением возможности требовать от другого лица такого поведения, которое

¹ Публичных субъектов, не осуществляющих в финансовых отношениях властные полномочия, мы приравниваем к частным субъектам.

является должным при данных обстоятельствах [11, с. 9]. С. С. Алексеев, в свою очередь, усматривает индивидуализированную общественную связь между управомоченными и обязанными лицами [14, с. 82]. Подобную позицию занимает Л. А. Чеговадзе: «Правовое отношение — это социальная связь его участников посредством принадлежности субъективных прав и/или обязанностей» [470, с. 60].

Многие авторы определяют правоотношение через общественное отношение. О. С. Иоффе находит в правоотношении «условие существования или преобразования, способ движения и конкретизации, средство закрепления общественных отношений» [178, с. 527]. С. Ф. Кечекян считает, что правоотношения — это специфические общественные отношения, возникающие в результате осуществления норм права [195, с. 5], а также форма экономических и иных общественных отношений, которые отражаются в правоотношениях как их содержание [195, с. 8]. По Ю. К. Толстому, правоотношения — особые идеологические отношения, посредством которых (через которые) норма права регулирует фактические общественные отношения [403, с. 20]. На взгляд Р. О. Халфиной, правоотношения представляют собой общественные отношения, урегулированные нормой права [455, с. 51].

По мнению Ю. Г. Ткаченко, «не существует правовых в собственном смысле отношений, а есть лишь правовой способ регулирования общественных отношений» [401, с. 102]. Вместе с тем она называет правоотношением модель индивидуального поведения людей, возникающую на основе общей модели — нормы права [401, с. 115]. «“Правоотношение-модель” с точки зрения структуры есть совокупность прав и юридических обязанностей субъектов, состоящая из соединений права с обязанностью, права с правом, обязанности с обязанностью, сепаратных прав и сепаратных обязанностей» [401, с. 174].

«Под правоотношением, — полагает В. Н. Протасов, — в юриспруденции понимается на самом деле не отношение в его собственном, структурном смысле, не правовая связь, а единство этой связи и тех явлений, которые предполагаются в качестве элементов правоотношения. Другими словами, последнее рассматривается юридической наукой как некая целостность, имеющая свой состав и свою структуру» [332, с. 42].

Анализируя существующие подходы к понятию правоотношения, В. А. Белов выделяет четыре теории: 1) преобразования, 2) удвоения (социальной связи), 3) формальную и 4) синтетическую (комплексную) [43, с. 454–462]. В итоге он приходит к выводу, что правоотношение «не может быть сведено ни к самому общественному отношению, урегулированному нормами права, ни к особому общественному отношению идеологического порядка; оно может быть охарактеризовано скорее как возможная (должная или запрещенная) форма (структурная модель) фактического

(жизненного) отношения, выражающаяся в системе социальных представлений о возможном и должном поведении участников этого отношения» [43, с. 458]. «Правоотношение — это всего лишь идеальная (умозрительная, мыслимая) “связка” из субъективного права и обеспечивающей его реализацию юридической обязанности, представляющая собою отражение объективно существующих взаимосвязей между различными сторонами конкретных фактических отношений “в зеркале” той оценки, которая дается поведению их участников правовыми нормами» [43, с. 463].

Следуя нашему понятию финансового частного отношения и учитывая выход на первый план юридических свойств субъектов, мы заключаем, что **финансовое частное правоотношение** — это связь субъектов частного права, детерминированная их частноправовыми свойствами, сопутствующими обладанию финансовым имуществом.

Обладание финансовым активом невозможно без наличия субъективного права на него, а финансовым долгом — без юридической обязанности. Иначе говоря, оно обусловлено частноправовыми свойствами обладателя. Финансовых частных отношений вне правовой формы не бывает. Как пишет О. С. Иоффе, «некоторые общественные отношения вначале существуют сами по себе и лишь при определенных условиях преобразуются в правовые отношения или выступают в качестве одного из оснований их возникновения, тогда как другие общественные отношения только и могут существовать как отношения правовые, прекращая свое существование вместе и одновременно с тем, как они утрачивают юридический характер» [178, с. 523].

Научное познание правоотношения не обходится без обсуждения его структуры (взаимосвязанных элементов) или содержания. Однако, по наблюдению Н. Н. Алексеева, «учение об элементах правоотношения отнюдь не является научно построенной теорией, но довольно произвольным и искусственным конгломератом понятий, выработавшихся постепенно в правовой практике и в догматической юриспруденции» [12, с. 137].

«Каждое юридическое отношение, — с точки зрения Н. М. Коркунова, — предполагает субъекта права, субъекта обязанности и объект. Этими элементами и определяется структура юридических отношений» [201, с. 206]. Я. М. Магазинер считает иначе: «Ни субъект, ни объект не являются элементами правоотношения, а его предпосылками, наличными или возможными, но не составляющими существа правоотношения» [249, с. 233]. Элементами правоотношения он называет право и обязанность [249, с. 233].

Согласно О. С. Иоффе, субъективное право в единстве с соответствующей ему обязанностью составляет содержание правоотношения [178, с. 573–574]. На его взгляд, «взаимосвязь, существующая между правоотношением, с одной, и правомочиями и обязанностями, с другой стороны,

обладает всеми признаками, которые характеризуют взаимную связь между определенным явлением и содержанием этого явления. Подобно тому, как всякое содержание вообще не может существовать вне определенной формы, а форма является всегда формой определенного содержания, — подобно этому правомочие и обязанность также не могут существовать вне правоотношения, а правоотношение, в свою очередь, существует лишь постольку, поскольку оно выражает собою правомочия и обязанности его участников» [178, с. 573].

Более сложную позицию занимает Ю. К. Толстой, полагая, что вопрос о содержании и форме правоотношений не может быть решен единообразно для правоотношений, опосредствующих экономические и идеологические отношения. «В экономическом отношении волевой процесс выступает в качестве формы, опосредствующей материальное содержание. Напротив, в правоотношении тот же волевой процесс образует содержание правоотношения» [403, с. 25]. В тех случаях, когда право регулирует идеологические отношения, волевой процесс являет собой содержание указанных отношений, а идеологические отношения, в свою очередь, — содержание правоотношений [403, с. 26].

По мнению С. С. Алексеева, в правоотношении может быть выделено материальное и юридическое содержание. «Юридическое содержание правоотношения — это субъективные юридические права и обязанности, выражающие то специфическое, что свойственно правоотношению как особой идеологической форме фактических общественных отношений. Материальное содержание правоотношения — это то фактическое поведение, которое управомоченный может, а правообязанный должен совершить» [14, с. 112]. Подобное утверждает А. В. Мицкевич: «...содержание правоотношения состоит в правах и обязанностях его участников и в реальных действиях по их использованию и осуществлению» [328, с. 376].

Другой подход мы находим у В. А. Белова. Во-первых, «правоотношение представляет собой чисто идеальное понятие — категорию науки гражданского права, научную абстракцию, прием научного юридического исследования, если угодно, фикцию» [43, с. 463]. Во-вторых, «если правоотношения представляет собой исключительно правовую форму (рамку, модель, оценку) поведения участников фактического отношения (научную абстракцию, формулу, уравнение, конструкцию и т. п.), то ясно, что никакого иного “содержания”, кроме правового (юридического), у понятия правоотношения просто не может быть» [43, с. 469]. По его суждению, «в содержание всякого гражданского правоотношения входят минимум три элемента: 1) субъективное право определенного лица — управомоченного, 2) состояние бесправия всякого и каждого, исключая управомоченного, и 3) обязанность определенного лица или лиц, иных, чем лицо управомоченное» [43, с. 475].

Рассмотрение правоотношения в части его элементов и содержания зависит от решения вопроса об онтологическом статусе отношения, который формулируется примерно следующим образом: «если существуют предметы **а** и **б**, находящиеся между собой в отношении **Р**, то существует ли само **Р** и в каком смысле можно говорить, что **Р** существует?» [294, с. 182–183].

Отношение между вещами объясняется их свойствами. Признав существование свойств, мы примем существование детерминированного ими отношения. При этом мы должны признать существование свойств, если согласны с объективным существованием вещей [411, с. 43]. «Действительно, если материя существует объективно, помимо нашего сознания, то объективно существуют и части этой материи — вещи. Но вещь не существует вне своих свойств. Следовательно, из объективности вещей вытекает объективность их свойств» [411, с. 49].

Субъекты частного права существуют независимо от нашего сознания. Значит, их частноправовые свойства и, соответственно, финансовые частные правоотношения тоже существуют объективно. Тем самым мы отрицаем идеалистическое понимание правоотношений: они не «могут существовать лишь между фактами сознания и устанавливаться самим человеком» [411, с. 49].

Продолжая мысль, можем сказать, что существование финансовых частных правоотношений сводится к существованию частноправовых свойств их участников. Иначе говоря, данные свойства существуют в форме правоотношений, образуя содержание последних. В то же время частноправовое свойство не существует без своего носителя — субъекта частного права, что позволяет нам выделять субъектов финансовых частных правоотношений. По сути дела, субъект частного права, будучи системой существенных и иных свойств, входит в содержание правоотношения частью свойств. Но, называя его субъектом, а не элементом содержания правоотношения, мы имеем в виду носителя, а не систему свойств.

Финансовое частное правоотношение показывает текущее состояние его субъектов в контексте юридически возможного, необходимого и невозможного поведения в будущем. Поэтому в содержании правоотношения нет места фактическому поведению, которое всегда в настоящем. Фактическое поведение относится к области юридических фактов, влекущих возникновение и прекращение правоотношений.

«Едва ли не самым спорным в общем учении о правоотношении является вопрос об объекте правоотношения» [180, с. 677].

Согласно Д. Д. Гримму, «объектами конкретных субъективных прав или вообще объектами конкретных юридических отношений могут быть только явления, доступные внешнему восприятию и внешнему воздействию» [131, с. 225–226]. «Единственными возможными объектами прав, — пишет

он, — являются лица и так называемые телесные вещи, т. е. предметы внешней природы, заключенные в пространственные границы» [131, с. 237].

По мнению М. М. Агаркова, «было бы правильно считать объектами в гражданском праве лишь то, в отношении чего возможны акты распоряжения. <...> Но нередко то, на что направлено действие, составляющее содержание обязанности должника, не имеет общего значения в области гражданского права. Соответствующие указания служат лишь для характеристики и определения содержания обязанности должника в данном обязательстве (или в данном виде обязательств)» [2, с. 30]. Как видим, М. М. Агарков допускает безобъектные правоотношения.

С точки зрения О. С. Иоффе, «у правоотношения должен быть не только юридический, но также идеологический и материальный объект. <...> Юридическое содержание правоотношения образуют права и обязанности его субъектов, а юридическим объектом правоотношения будет то, на что эти права и обязанности направлены» [180, с. 682]. Так как субъективное право и обязанность направлены на поведение обязанного лица, оно «является объектом субъективных прав и обязанностей, а значит, и объектом правоотношения» [180, с. 682]. Идеологическим объектом правоотношения О. С. Иоффе называет волю участников правоотношения, а материальным — вещь [180, с. 682—683]. Вместе с тем он обращает внимание на одно обстоятельство: «У правоотношения может отсутствовать материальный объект, если его нет у регулируемого правом общественного отношения, но в то же время всякое правоотношение всегда имеет свой юридический объект — то поведение обязанного лица, на которое может притязать управомоченный» [180, с. 684—685]. Путем разграничения материального и юридического объектов О. С. Иоффе избавляется «от лишнего какого бы то ни было смысла вывода о возможности существования безобъектных правоотношений» [180, с. 685].

На взгляд Ю. К. Толстого, квалифицирующего правоотношение как посредствующее звено между нормой права и общественным отношением, норма права и правоотношение имеют один и тот же объект, каковым является фактическое общественное отношение [402, с. 35].

По утверждению В. А. Белова, «понятие объекта в праве и правоотношении (правового объекта) — не онтологическое и даже не гносеологическое, но чисто функциональное» [44, с. 58]. «Объекты гражданских правоотношений, — заключает он, — суть любые, функционально годные для этой роли субстанции, исключая субъектов и содержание правоотношений, а также юридические факты» [44, с. 77].

Мы уже отметили, что существование финансовых частных правоотношений сводится к существованию частноправовых свойств их участников. Частноправовое свойство не существует без своего носителя — субъекта частного права. В финансовом частном правоотношении оно сопутствует

обладанию финансовым имуществом. Другими словами, частноправовое свойство субъекта финансового частного правоотношения всегда предполагает некое финансовое имущество. В контексте упомянутого свойства такое имущество выступает его объектом, например объектом субъективного права. Поскольку частноправовые свойства субъектов финансового частного правоотношения образуют содержание последнего, финансовое имущество (конкретное) составляет объект данного правоотношения. Финансовых частных правоотношений без объекта не бывает. Однако, соглашаясь с М. М. Агарковым, мы не исключаем такую возможность в иных правоотношениях.

Моделирование финансовых частных правоотношений зависит от типа отношений и вида финансового имущества.

Модели финансовых частных правоотношений, в которых обладателю финансового имущества корреспондирует каждый, кто не обладает этим конкретным имуществом, мы представляем следующим образом (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Модели финансовых частных правоотношений первого типа

1	Частноправовое свойство обладателя	Финансовое имущество	Частноправовое свойство необладающего корреспондента
1.1	Правоспособность + субъективное право	Деньги	Правоспособность
1.2	Правоспособность + субъективное право	Кредитный инструмент	Правоспособность
1.3	Правоспособность + субъективное право	Долевой инструмент	Правоспособность
1.4	Правоспособность + субъективное право	Финансовое требование	Правоспособность
1.5	Правоспособность + юридическая обязанность	Финансовый долг	Правоспособность

Финансовая частная правоспособность признается за всеми субъектами частного права, потому постоянно присутствует в финансовых частных правоотношениях.

В моделях 1.1–1.4 субъективное право обладателя означает юридическое господство над финансовым активом: собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему финансового актива любые действия, не противоречащие законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящие вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющие прав и защищаемых законом интересов других лиц (ч. 1 п. 2 ст. 210 ГК Беларуси).

Субъективному праву обладателя не корреспондирует ничего, кроме финансовой частной правоспособности необладающего лица. Подобное положение соответствует предложенной В. А. Беловым правовой форме — состоянию неправа (бесправия): «Неправо — это такое юридическое состояние определенного вполне правоспособного лица, которое характеризуется тем, что то или иное определенное субъективное гражданское право им не может быть осуществлено либо вовсе ему не принадлежит» [43, с. 441]. Отсутствие субъективного права на финансовый актив порождает некоторые запреты. К примеру, необладающему лицу запрещено принудительное изъятие финансового актива у собственника, кроме случаев, перечисленных в п. 2 ст. 236 ГК Беларуси. Принимая во внимание принципы недопустимости произвольного вмешательства в частные дела (абз. 9 ч. 2 ст. 2 ГК Беларуси) и беспрепятственного осуществления гражданских прав (абз. 10 ч. 2 ст. 2 ГК Беларуси), не допускается создание собственнику препятствий в законной реализации его правомочий в отношении финансового актива, за исключением случаев, когда они создаются на основании правовых норм в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц.

Обладатель кредитного инструмента и финансового требования является не только собственником финансового актива, но и кредитором. Однако в моделях 1.2 и 1.4 ему противопоставлен не должник, а третье лицо, которому помимо упомянутых запретов правоспособность доставляет права в отношении кредитора. Например, «третье лицо, подвергающееся опасности утратить свое право на имущество должника... вследствие обращения кредитором взыскания на это имущество, может за свой счет удовлетворить требование кредитора без согласия должника» (п. 2 ст. 294 ГК). В результате осуществления этого права третье лицо становится собственником и кредитором.

Обязанность в модели 1.5 указывает на юридическое обременение лица финансовым долгом. Поскольку в этом правоотношении мы абстрагируемся от финансового требования, корреспондентом должника здесь выступает не кредитор, а третье лицо, которое, разумеется, не обязано по данному долгу: «обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц)» (ч. 1 п. 3 ст. 289 ГК Беларуси). В рассматриваемой модели юридической обязанности должника противоположена лишь финансовая частная правоспособность необремененного третьего лица. Вместе с тем обязательство может создавать для него права в отношении должника (ч. 2 п. 3 ст. 289 ГК Беларуси). К примеру, третье лицо вправе получить исполнение по договору, заключенному в его пользу (п. 1 ст. 400 ГК Беларуси).

Модели финансовых частных правоотношений, отражающие совместное обладание финансовым имуществом, принимают следующий вид (табл. 4.2):

Таблица 4.2

Модели финансовых частных правоотношений второго типа

2	Частноправовое свойство обладателя	Финансовое имущество	Частноправовое свойство обладателя
2.1	Правоспособность + субъективное право	Деньги	Правоспособность + субъективное право
2.2	Правоспособность + субъективное право	Кредитный инструмент	Правоспособность + субъективное право
2.3	Правоспособность + субъективное право	Долевой инструмент	Правоспособность + субъективное право
2.4	Правоспособность + субъективное право	Финансовое требование	Правоспособность + субъективное право
2.5	Правоспособность + юридическая обязанность	Финансовый долг	Правоспособность + юридическая обязанность
2.6	Правоспособность + субъективное право	Финансовое требование / финансовый долг	Правоспособность + юридическая обязанность

В моделях 2.1–2.4 субъективные права показывают юридическое господство над финансовым активом двух и более лиц. У каждого из них такие же правомочия, как в моделях 1.1–1.4. Однако совместное правообладание приводит в действие правила, ограничивающие эти правомочия необходимостью консенсуса: «распоряжение имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется по соглашению всех его участников» (п. 1 ст. 249 ГК Беларуси); «имущество, находящееся в долевой собственности, может быть разделено между ее участниками по соглашению между ними» (п. 1 ст. 255 ГК Беларуси). Тем не менее «участник долевой собственности вправе требовать выдела своей доли из общего имущества» (п. 2 ст. 255 ГК Беларуси).

Подобная идея воплощена в модели 2.5, где юридические обязанности свидетельствуют об общем долге двух и более лиц.

Одной из самых значимых моделей финансового частного правоотношения является, пожалуй, модель 2.6, в которой финансовое требование и долг выступают в своем единстве. Субъективному праву на осуществление финансового требования корреспондирует юридическая обязанность исполнить финансовый долг. В данном правоотношении она предписывает должнику предоставить деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи в пользу кредитора, а упомянутое право позволяет получить эти активы за счет должника. В законодательстве и литературе такое правоотношение именуется обязательством.

«В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать иму-

щество, выполнить работу, уплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности» (п. 1 ст. 288 ГК Беларуси). Похожее определение содержится в гражданском праве других стран Содружества Независимых Государств. Выделяются лишь дефиниции туркменского и молдавского законодателей. Сообразно с п. 1 ст. 330 Гражданского кодекса Туркменистана «в силу обязательства кредитор вправе требовать от должника совершения какого-либо действия. Исполнение обязательства может состоять и в том, что должник воздержится от совершения действия». По ч. 1 ст. 512 Гражданского кодекса Республики Молдова «в силу обязательственного отношения кредитор имеет право требовать от должника производства исполнения, а должник обязан произвести его. Исполнение может состоять в предоставлении чего-либо, определенном действии или воздержании от определенного действия». В Молдове, видимо, восприняли немецкий опыт. В соответствии с ч. 1 § 241 ГК Германии кредитор вправе требовать от должника совершить исполнение, которое может состоять в воздержании от действия. Заметим, во многих странах романо-германской правовой семьи, а также в англо-американской правовой системе легальная формулировка обязательства отсутствует.

Различные подходы к обязательству мы наблюдаем в литературе. Одни авторы делают акцент на обязанности должника, другие — на праве кредитора.

Так, К. А. Неволин, рассуждая о существе прав по обязательствам, считает, что оно «заключается в таком отношении между известными лицами, по которому одно из них обязано совершить для другого известное определенное действие или в продолжении известного времени совершать для него известные определенные действия» [286, с. 1]. По мнению В. И. Голевинского, «обязательство (*obligatio*) есть юридическое отношение между двумя или более лицами, в силу которого для одного из этих лиц возникает юридическая необходимость что-либо дать, сделать или не сделать в пользу другого лица» [111, с. 1]. На взгляд Г. Дербурга, «обязательствами называются такие правоотношения, которые состоят в обязанности должника исполнить в пользу кредитора определенное действие, обладающее имущественной ценностью» [144, с. 1]. С точки зрения Э. Годэмэ, обязательство — это «правовая связь, посредством которой одно лицо обязано в отношении другого к предоставлению, действию или воздержанию» [108, с. 18].

Согласно Д. И. Мейеру, «обязательством (*obligatio*) называется юридическое отношение, в котором одному лицу принадлежит право на действие другого лица» [266, с. 440]. П. П. Цитович видит в обязательстве «такое юридическое (охраняемое иском и судом — *necessitas*) отношение между определенными лицами, в силу которого одно из них (кредитор) вправе требовать от другого (должника) совершения известного действия

(*Handlung*) или воздержания от такового (*Unterlassung*)» [467, с. 4]. Подобное воззрение (право требовать) мы находим в работах М. М. Агаркова [2, с. 13], О. С. Иоффе [175, с. 54] и др. А. Г. Гойхбарг квалифицирует обязательство как «правоотношение, в силу которого кредитор имеет право на получение от должника определенного ценного в обороте блага, которое является результатом действия должника (или выполняющего вместо него органа) или воздержания должника от действия» [109, с. 146].

В понимании исследуемого явления мы исходим из того, что обязательство — это правоотношение. Существенными признаками, позволяющими квалифицировать обязательство и отличить его от других правоотношений, являются:

- 1) детерминанты связи сторон — субъективное право и обязанность;
- 2) необходимое условие осуществления субъективного права — исполнение обязанности.

Любое обязательство предполагает исполнение. Однако указанный термин означает как процесс, так и его результат. В ГК Германии применительно к исполнению используются два релевантных термина — *Leistung* и *Erfüllung*. «Первое выражение, — объясняет К. Ф. фон Савиньи, — обозначает преимущественно обязательственную деятельность должника; второе — главным образом результат, долженствующий произойти из обязательства, результат, необходимость и несомненность которого и составляет цель обязательства» [355, с. 8].

В ГК Беларуси термин «исполнение» обычно сопровождается дополнением: исполнение обязанности, исполнение обязательства, исполнение договора и т. д., что свидетельствует о процессе. Но в ряде норм он сам выступает дополнением: произвести исполнение (ст. 147, 297, 388, 400), принять исполнение (ст. 293, 294, 308, 367, 376, 379), получить исполнение (ст. 300, 307), предоставить исполнение (ст. 309, 380). Тогда подразумевается результат процесса. Результат либо следует за процессом, либо наступает прямо в процессе. В первом случае он очевиден и позволяет обоснованно судить о надлежащем исполнении. Во втором — оценка результата может быть затруднена, что вынуждает ограничиться оценкой процесса: если процесс прошел в соответствии с условиями обязательства и требованиями законодательства, то результат признается надлежащим.

По п. 1 ст. 288 ГК Беларуси «кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности». Иначе говоря, кредитор вправе требовать от должника совершения действия. С таким правомочием в содержании обязательства сложно согласиться.

Во-первых, кредитора интересует не процесс, а его результат. Во-вторых, что значит требовать совершения действия? Периодически напоминать о наличии обязательства и необходимости его исполнения? Представляется, что речь здесь идет о юридической возможности принуждения

к исполнению. Но она возникает лишь по истечении срока исполнения обязательства. К тому же не всякое обязательство может быть принудительно исполнено.

Заметим, что согласно ст. 1341 Гражданского кодекса Франции [782] (далее — ГК Франции) «кредитор имеет право на исполнение обязательства» (перевод авт. — С. П.). В пояснении к разд. 6.1 кн. 6 ГК Нидерландов обязательство определяется как правоотношение, в котором одно лицо (кредитор) имеет право на исполнение со стороны другого лица (должника). Сообразно со ст. 1.11 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. [779] «термин “должник” означает сторону, которая должна исполнить обязательство, а термин “кредитор” — сторону, имеющую право на исполнение этого обязательства» (перевод авт. — С. П.). По дефиниции европейского частного права, включенной в Проект общей справочной схемы (англ. *Draft Common Frame of Reference*), «кредитор — это лицо, которое имеет право на исполнение обязательства (денежного или неденежного) со стороны другого лица — должника» (перевод авт. — С. П.) [806, с. 550].

Поведение должника, как видно из законодательства и суждений многих авторов, состоит в совершении действия либо в воздержании от его совершения. Мы думаем, что «отрицательная обязанность» выходит за пределы обязательства. Воздержание от совершения действия заключается в реализации безальтернативной возможности бездействия, т. е. запрета, а не обязанности — безальтернативной возможности действия. Потому в содержании такого правоотношения субъективному праву корреспондирует не обязанность, а договорный запрет. К тому же положительный эффект для кредитора наступает в результате исполнения обязанности должником, тогда как в рассматриваемом правоотношении управомоченная сторона изначально находится в желаемом состоянии, которое поддерживается соблюдением запрета другой стороной. В литературе высказываются иные доводы против обязательств с отрицательным содержанием. К примеру, В. А. Белов видит их проблему «в высочайшей технической сложности и абсолютной логической невозможности достичь определенности в описании действия, являющегося предметом воздержания (запрета)» [45, с. 207].

На основании изложенного предлагаем следующую формулировку: **обязательство** есть правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана совершить в пользу другой стороны (кредитора) определенное действие (предоставить или произвести исполнение), а кредитор вправе получить такое исполнение.

Под предоставлением исполнения мы понимаем передачу имущества, а выделяя производство исполнения, имеем в виду выполнение работы и оказание услуги. Еще К. А. Неволин писал: «Действия, которых одни лица могут иметь право требовать от других, могут быть весьма многообразны. Их можно, впрочем, привести к следующим двум главным разря-

дам: 1) действия, посредством которых один передает другому какие-либо предметы; 2) действия, ограничивающиеся понятием телесного или умственного труда» [286, с. 1]. Между тем получить исполнение — не что иное, как занять его результат. Право на получение нередко сопряжено с кредиторской обязанностью принять исполнение.

Таким образом, финансовое частное правоотношение по модели 2.6 — это **финансовое обязательство**, правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана предоставить в пользу другой стороны (кредитора) деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи, а кредитор вправе получить их. Большинство финансовых обязательств являются денежными.

В силу абз. 8 ст. 1 Закона о банкротстве денежное обязательство представляет собой «обязанность уплатить кредитору определенную денежную сумму по гражданско-правовой сделке или иному основанию, установленном гражданским законодательством». Как видим, законодатель, пусть и для целей данного закона (абз. 1 ст. 1), отождествляет обязательство с обязанностью, с чем мы согласиться не можем. В то же время мы разделяем позицию Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь: «...денежным обязательством является любое обязательство по уплате (возврату, выдаче и др.) денежной суммы (сумм)» (ч. 3 п. 1 постановления Пленума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 21 января 2004 г. № 1 [759]).

При уяснении денежного обязательства, как верно отмечает М. А. Рожкова, мы должны смещать акцент в сторону его денежного характера [342, с. 21]. Согласно многим литературным источникам, денежность обязательства проявляется в его предмете. Д. И. Мейер, например, в качестве такового приводит деньги [266, с. 467], П. П. Цитович — денежные суммы [467, с. 7], Л. А. Лунц — денежные знаки [247, с. 107]. Нечто подобное мы обнаруживаем у современных авторов. По мнению Д. В. Добрачева, «денежное обязательство — это правоотношение, в котором одно лицо, кредитор, вправе требовать от другого лица, должника, уплаты определенной или определимой денежной суммы, а должник обязан совершить платеж» [150, с. 6–7]. Полагаем, денежный характер обязательству придают не денежные знаки (валютные инструменты), а деньги. Допускаем использование выражения «денежная сумма», поскольку оно подразумевает количество денег.

Денежное обязательство — это правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана предоставить в пользу другой стороны (кредитора) деньги, а кредитор вправе получить их.

Обладание финансовыми активами и (или) управление финансами часто обеспечивается оказанием финансовых услуг. Потому наряду с финансовыми частными правоотношениями существуют связанные с ними правоотношения по оказанию финансовых услуг.

Правоотношение по оказанию финансовых услуг — связь субъекта финансовых услуг с его контрагентом, детерминированная их частноправовыми свойствами, сопутствующими оказанию финансовых услуг.

По содержанию данного правоотношения одна сторона (должник — субъект финансовых услуг) обязана оказать другой стороне (кредитору) финансовую услугу, а кредитор вправе получить результат такой услуги. Иначе говоря, упомянутое правоотношение — это обязательство.

Так, «по кредитному договору банк или небанковская кредитно-финансовая организация (кредитодатель) обязуется предоставить денежные средства (кредит) другому лицу (кредитополучателю)... а кредитополучатель обязуется возратить полученную денежную сумму...» (п. 1 ст. 771 ГК Беларуси). Указанная норма вследствие заключения кредитного договора порождает два связанных обязательства:

- 1) денежное обязательство: кредитодатель обязан предоставить кредитополучателю деньги (кредит), а кредитополучатель вправе получить их;
- 2) обязательство по оказанию финансовых услуг: субъект банковской деятельности обязан оказать клиенту банковскую кредитную услугу, а клиент вправе получить результат такой услуги.

С наступлением срока погашения кредита спутником обязательства по оказанию финансовых услуг становится уже другое денежное обязательство: кредитополучатель обязан предоставить кредитодателю деньги (возвратить кредит), а кредитодатель вправе получить их.

Обязательства по оказанию финансовых услуг могут быть связаны с любыми финансовыми частными правоотношениями, возникающими в процессе обладания финансовыми активами и управления финансами.

Понятие финансовых услуг включает в себе предпринимательскую деятельность специальных субъектов. Вместе с тем управление финансами возможно с помощью иных физических и юридических лиц. Так, граждане вправе без систематического получения прибыли хранить и (или) перемещать наличные деньги и документарные кредитные инструменты для других граждан. Коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий, и индивидуальные предприниматели способны осуществлять доверительное управление долей в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью. Не будучи субъектами финансовых услуг, они оказывают услуги, подобные финансовым. При этом возникают правоотношения (обязательства), аналогичные правоотношениям (обязательствам) по оказанию финансовых услуг.

Правовое регулирование заключается не только в моделировании прав и обязанностей, но также оснований их возникновения и прекращения, которые именуются юридическими фактами.

«Юридическим фактом, — пишет Ю. Барон, — называется всякое обстоятельство, влекущее за собою какое-либо юридическое последствие,

т. е. возникновение, перенесение, прекращение, сохранение или изменение права» [37, с. 151]. В контексте гражданского права О. А. Красавчиков понимает под ними «факты реальной действительности, с наличием или отсутствием которых нормы гражданского права связывают юридические последствия, то есть возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (гражданских правоотношений) у правосубъектных лиц» [208, с. 5].

С точки зрения В. Б. Исакова, юридические факты в материальном плане суть обстоятельства конкретные, выражающиеся в наличии либо отсутствии выделенных явлений материального мира и несущие в себе информацию о состоянии общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования. Их идеальная сторона характеризуется тем, что они прямо или косвенно предусмотрены нормами права, фиксируются в установленной законодательством процедурно-процессуальной форме и вызывают правовые последствия [181, с. 13].

Традиционный взгляд на юридические факты поддерживают не все. К примеру, С. А. Зинченко относит к ним лишь волевые акты [165, с. 16]. Р. С. Бевзенко полагает, что «определение юридического факта должно быть скорректировано в следующем духе: из него требуется исключить указание на правоотношение как непереносимое правовое последствие, возникающее под влиянием существования юридического факта; кроме того, необходимо подчеркнуть, что не сам юридический факт порождает правовые последствия, но только лишь соединение его с нормой закона» [39, с. 355–356].

По мнению В. А. Белова, «необходимое основание динамики гражданских правоотношений составляют юридические факты в традиционном (узком) смысле слова, обычно разделяемые на действия и события. Вместе с тем существует целый ряд явлений реальной действительности, не охватываемых понятием факта в узком смысле, но тем не менее имеющих известное гражданско-правовое значение... Весь круг таких феноменов можно было бы называть юридическими (гражданско-правовыми) фактами в широком смысле слова или обозначить каким-нибудь специальным термином, например юридические (гражданско-правовые) явления. Наряду с собственно фактами (фактами в узком смысле — одномоментными фактическими обстоятельствами) туда абсолютно необходимо включить не только юридические состояния (юридически значимые свойства лиц) и юридические обстоятельства (юридически значимые свойства благ), но и... заменители (суррогаты) фактических обстоятельств — предустановленные положения о фактах, представляющие собой фикции, презумпции (предположения) и документы» [41, с. 16].

Обсуждая понятие юридического факта, находим возможным не давать ему какой-либо дефиниции. Достаточно привести определение факта и объяснить юридический признак последнего. Факт — это «нечто реальное

в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего» [289, с. 157]. Когда нормы права связывают с фактом юридические последствия, он становится юридическим. Совокупность юридических фактов, необходимая для наступления правовых последствий, именуется юридическим [208, с. 67] или фактическим [181, с. 24] составом.

Применительно к предмету нашего исследования основными юридическими последствиями мы считаем возникновение (прекращение) права на финансовый актив и обязанности исполнить финансовый долг, т. е. изменение количества финансового имущества у субъекта частного права.

Юридические факты (фактические составы), влекущие указанные последствия, группируются по стадиям жизненного цикла финансового имущества: возникновение, обращение, прекращение.

На стадии возникновения мы отмечаем следующие правопорождающие явления: 1) эмиссию денег; 2) выпуск (выдачу, составление) кредитных инструментов, акций, инвестиционных паев; 3) государственную регистрацию общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью; 4) заключение договора, причинение вреда, неосновательное обогащение и иные основания возникновения финансовых обязательств.

На стадии обращения происходят: 1) расчеты, 2) перевод (передача) кредитных инструментов, акций и инвестиционных паев, 3) отчуждение долей в уставном фонде, 4) цессия, 5) перевод долга, 6) реорганизация юридических лиц и наследование.

Прекращение финансового имущества связано: 1) с повреждением, гибелью, объявлением недействительными валютных инструментов; 2) признанием недействительными (аннулированием), погашением кредитных инструментов и инвестиционных паев; 3) ликвидацией хозяйственного общества; 4) исполнением и другими основаниями прекращения финансовых обязательств.

Большинство вышеуказанных правовых явлений имеют в своей основе договор. Так, например, «эмиссия денег осуществляется Национальным банком путем краткосрочного (до одного года) рефинансирования банков...» (ч. 3 ст. 28 БК Беларуси). Оно производится в форме кредитов, обеспеченных залогом ценных бумаг, и сделок своп, для чего с Национальным банком заключается генеральный кредитный договор и генеральный договор на совершение сделок своп соответственно.

Передача финансовых рисков и оказание финансовых услуг тоже происходят по договору. Поэтому договор — один из основных институтов финансового частного права.

Таким образом, исследование финансовых частных отношений (правоотношений) приводит нас к следующим положениям.

Финансовое частное отношение — это связь частных субъектов, детерминированная обладанием финансовым имуществом.

Финансовые частные отношения бывают двух типов. В отношениях первого типа обладателю финансового имущества корреспондирует каждый, кто не обладает этим конкретным имуществом. Отношения второго типа выражают совместное обладание одним финансовым имуществом.

Правовое регулирование финансовых частных отношений заключается в наделении субъектов частноправовыми свойствами:

- 1) признании за ними финансовой частной правоспособности;
- 2) определении прав и обязанностей (запретов), а также оснований их возникновения и прекращения.

Юридические свойства субъектов придают финансовым частным отношениям правовую форму. Другими словами, правовое регулирование данных отношений состоит в моделировании частных финансовых правоотношений.

Финансовое частное правоотношение — это связь субъектов частного права, детерминированная их частноправовыми свойствами, сопутствующими обладанию финансовым имуществом.

Обладание финансовым активом невозможно без наличия субъективного права на него, а финансовым долгом — без юридической обязанности. Иначе говоря, оно обусловлено частноправовыми свойствами обладателя. Финансовых частных отношений вне правовой формы быть не может.

Содержание финансового частного правоотношения сводится к частноправовым свойствам его участников.

Объектом финансового частного правоотношения выступает финансовое имущество (конкретное). Финансовых частных правоотношений без объекта не существует.

Обязательство есть правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана совершить в пользу другой стороны (кредитора) определенное действие (предоставить или произвести исполнение), а кредитор вправе получить такое исполнение.

Финансовое обязательство — правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана предоставить в пользу другой стороны (кредитора) деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи, а кредитор вправе получить их. Большинство финансовых обязательств являются денежными.

Денежное обязательство — это правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана предоставить в пользу другой стороны (кредитора) деньги, а кредитор вправе получить их.

Правоотношение по оказанию финансовых услуг — связь субъекта финансовых услуг с его контрагентом, детерминированная их частноправовыми свойствами, сопутствующими оказанию финансовых услуг.

Обязательство по оказанию финансовых услуг — правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник — субъект финансовых услуг)

обязана оказать другой стороне (кредитору) финансовую услугу, а кредитор вправе получить результат такой услуги.

Обязательства по оказанию финансовых услуг могут быть связаны с любыми финансовыми частными правоотношениями, возникающими в процессе обладания финансовыми активами и (или) управления финансами.

Управление финансами возможно с помощью физических и юридических лиц, не относящихся к субъектам финансовых услуг. Такие лица оказывают услуги, подобные финансовым. При этом возникают правоотношения (обязательства), аналогичные правоотношениям (обязательствам) по оказанию финансовых услуг.

4.2. Финансовые частные права

Частноправовое регулирование финансов состоит в моделировании финансовых частных правоотношений, а также связанных с ними правоотношений по оказанию финансовых и иных подобных услуг. Содержание названных отношений образуют частноправовые свойства обладателей финансового имущества: финансовая частная правоспособность, субъективные права и юридические обязанности. Финансовая частная правоспособность уже была в поле нашего внимания. В настоящем разделе мы раскрываем субъективные права, а именно финансовые частные права.

В юридической науке субъективное право обычно объясняют с позиции воли и (или) интереса. Так, Ф. К. фон Савиньи видит в праве «власть отдельной личности — область, в которой господствует ее воля и господствует с нашего согласия» [356, с. 278]. По мнению Р. фон Иеринга, «понятие воли и власти не в состоянии привести к практическому пониманию прав» (перевод авт. — С. П.) [550, с. 316]. На его взгляд, «права суть юридически защищенные интересы» (перевод авт. — С. П.) [550, с. 317]. С точки зрения Г. Еллинека, в субъективном праве присутствует и воля, и интерес: «Сила воли есть формальный, а благо или интерес — материальный элемент субъективного права» (перевод авт. — С. П.) [548, с. 42].

В свою очередь Я. М. Магазинер отмечает неприемлемость теорий воли и интереса, «ибо воля есть средство, а интерес — цель осуществления субъективного права, но не его существо» [249, с. 159]. Субъективное право, полагает он, — это «юридически защищенная, т. е. основанная на объективном праве, возможность действовать или, короче, юридически защищенная сила» [249, с. 161].

В цивилистике субъективное право принято квалифицировать через возможность и обеспеченность поведения (меру возможного поведения), что предложено С. Н. Братусем: «Субъективное право является признанной законом определенной мерой возможного поведения лица» [65, с. 33]. Она выражает юридическую возможность, предоставленную лицу объективным

правом [65, с. 34]. Действительно, поведение, будучи целеосуществлением возможного, подразумевает физические, моральные, религиозные, правовые и другие его границы, за которыми пребывает невозможное. Правовые границы, установленные позитивным правом или на его основе, показывают юридическую возможность целеосуществления (дозволенность), его юридическую необходимость (обязанность), а также юридическую невозможность (запрет).

«Дозволенное действие, — обращает внимание Н. М. Коркунов, — может стать правом только, когда будет запрещено совершение всего мешающего дозволенным действиям...» [201, с. 185]. Поэтому в субъективном праве мы видим прежде всего обеспеченную юридическую возможность действия. Вместе с тем право обнаруживает себя через юридическую необходимость и невозможность действия: исполнение обязанности и соблюдение запрета производят положительный эффект, юридическая возможность которого образует субъективное право, обеспеченное данной обязанностью и запретом. Эффект исполнения обязанности состоит в желаемом изменении состояния управомоченного лица. Соблюдение же запрета обеспечивает не только беспрепятственное совершение корреспондентом дозволенного действия, но и желаемое сохранение его состояния.

Таким образом, **субъективное право** представляет собой юридическую возможность:

- 1) собственного действия, обеспеченную корреспондирующим запретом;
- 2) определенного изменения состояния в результате чужого действия, обеспеченную корреспондирующей обязанностью;
- 3) сохранения определенного состояния в процессе чужого бездействия, обеспеченную корреспондирующим запретом.

В круг финансовых частных прав мы включаем субъективное право на финансовый актив. Оно доставляет возможность собственных действий в отношении финансового актива, юридическое господство над ним, что соответствует праву собственности. Но последнее, будучи вещным (разд. II ГК Беларуси), распространяется только на вещи, а финансовые активы, за некоторыми исключениями, к вещам не относятся. Мы усматриваем три варианта решения проблемы:

- 1) не отождествлять право на финансовый актив с правом собственности, а считать неким особым правом;
- 2) приравнивать финансовые активы к вещам;
- 3) признать объектом права собственности не только вещи, но и другое имущество и одновременно конкретизировать понятие имущества.

Гражданский оборот предполагает принятие каждым его участником дихотомии «свое — чужое». Свое может естественно принадлежать субъекту (нематериальные блага гражданина от рождения) или быть результатом присвоения чужого. В присвоенности, на наш взгляд, состоит сущность

собственности. Как пишет С. Н. Братусь, «собственность — это состояние присвоенности материальных благ» [66, с. 21].

Присвоенность — отношение субъекта и объекта (присвоенного), детерминированное их свойствами. Они зависят от основания (характера) присвоения. Юридические свойства, думается, связаны с правом собственности. Так, переводя на юридический язык отношение к средствам производства «как к своим», А. В. Венедиктов поясняет: «...“своими” средства производства являются для того, кто может использовать их своей... властью и в своем интересе» [79, с. 35], а «...в сочетании своей власти и своего интереса заключается специфическое отличие права собственности...» [79, с. 39–40]. Следовательно, на одной стороне отношения у нас субъект, имеющий право собственности, а на другой — объект, которому свойственно находиться в собственности. Порожденная юридическим фактом и указанными свойствами связь субъекта и объекта являет собой юридическую принадлежность (присвоенность) имущества, или **собственность**. Значит, если финансовый актив — юридически присвоенное имущество, он находится в собственности.

Право собственности наряду с вышеупомянутым свойством объекта образует юридическое содержание собственности. Вместе с тем собственность и право собственности нередко сводятся к одному значению. Согласно Д. И. Мейеру, «право собственности есть законное господство лица над вещью...» [266, с. 327]. В то же время «полнейшее юридическое господство над вещью», по Г. Данкварту [134, с. 179], и «общее юридическое господство над вещью», в суждении Ф. Регельсбергера [335, с. 238], суть собственность.

Учитывая ч. 1 п. 2 ст. 210 ГК Беларуси, считаем, что субъективное право собственности — это юридическая возможность совершения в отношении имущества (объекта права собственности) любых действий, не противоречащих законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящих вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющих прав и защищаемых законом интересов других лиц. Проще говоря, право собственности — источник юридического господства лица над имуществом. При таком подходе нет никаких препятствий квалифицировать субъективное право на финансовый актив как право собственности.

В силу п. 1 ст. 210 ГК Беларусь «собственнику принадлежат права владения, пользования и распоряжения своим имуществом». Собственник финансового актива, за некоторыми исключениями, не владеет и не пользуется им, а только распоряжается. Может сложиться впечатление, что он не собственник, а субъект иного права. Однако приведенные правомочия, по верному наблюдению А. В. Венедиктова, «ни порознь, ни в своей совокупности... не выражают собой ни всего объема права собственности, ни существа права собственности» [79, с. 34–35]. Искать сущность

собственности в перечне правомочий, по мнению К. И. Скловского, нет никакого смысла [364, с. 192], поэтому узаконенная триада правомочий собственника не меняет наше представление о существовании субъективного права на финансовый актив. От гипотезы особого права мы отказываемся.

Право собственности, будучи вещным (разд. II ГК Беларуси), распространяется только на вещи. Преодолевая это положение, мы либо приравниваем финансовые активы к вещам, либо признаем объектом права собственности не только вещи, но и другое имущество. В последнем случае для фикции «финансовый актив — вещь» не будет оснований.

Объектом права собственности выступает юридически присвоенное. Все, что может становиться присвоенным, равно как и обращаться в чужое, способно находиться в собственности. Таким свойством обладают телесные и многие бестелесные (идеальные) объекты. Тем самым, как мы считаем, они объединяются в имущество в его узком смысле, исключаяем долги.

Сообразно со ст. VIII.-1:202 Модельных правил Европейского частного права, включенных в Проект общей справочной схемы (англ. *Draft Common Frame of Reference*), право собственности (англ. *ownership*) есть наиболее полное право на имущество (англ. *property*). А имущество «означает все, что способно быть в собственности. Оно может быть движимым и недвижимым, телесным и бестелесным» (перевод авт. — С. П.) [806, с. 563]. «Бестелесность, — пишет С. Глисон, — не является препятствием к нахождению в собственности...» (перевод авт. — С. П.) [534, с. 13].

Существует давняя дискуссия о характере прав на результаты интеллектуальной деятельности. Еще в XIX в. И. Г. Табашников выделил четыре подхода к авторскому праву: 1) право на привилегии; 2) имущественное право; 3) личное право; 4) право собственности. Сам он присоединился к защитникам литературной собственности, усматривая в сочинении вещь [388, с. 52–166]. Республика Беларусь, следуя международно-правовой традиции, восприняла идею исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности (ст. 983 ГК Беларуси). Разумеется, термин «собственность» здесь не более чем метафора. Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации к имуществу и объектам права собственности не относятся.

Нераскрытая информация (ст. 140 ГК Беларуси) и нематериальные блага (ст. 151 ГК Беларусь) не могут быть присвоены и стать чужими для их обладателей. Они, естественно, не способны находиться в собственности.

Таким образом, объектом права собственности является имущество в его узком смысле: вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные требования, иное имущество. Нематериальные блага, нераскрытая информация, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации входят в состав неимущественных благ. Отсюда следует, что финансовые активы, будучи имуществом,

выступают объектом права собственности без необходимости их приравнивания к вещам.

Любой объект права собственности должен быть индивидуализирован. Юридически присвоенные финансовые активы определяются следующим образом (табл. 4.3).

Таблица 4.3

Индивидуализация финансовых активов

Финансовые активы	Индивидуализирующие признаки
Наличные деньги	Владение банкнотами и монетами
Безналичные деньги	Номер банковского счета Номер электронного кошелька Адрес виртуального кошелька
Документарные кредитные инструменты	Реквизиты ценной бумаги Идентификационный номер бланка
Бездокументарные кредитные инструменты, акции и инвестиционные паи	Номер счета «депо» Раздел счета «депо»
Доли в уставном фонде	Сведения из Единого регистра
Финансовые требования	Юридические факты Судебное постановление Исполнительный документ Номер банковского счета

На основании изложенного заключаем, что **субъективное право на финансовый актив** — это право собственности, юридическая возможность совершения в отношении финансового актива любых действий, не противоречащих законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящих вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющих прав и защищаемых законом интересов других лиц. Данная возможность обеспечивается запретом создания собственнику препятствий в законной реализации правомочий относительно финансового актива, за исключением случаев, когда они создаются на основании правовых норм в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц (абз. 9 ч. 2 ст. 2 ГК Беларуси).

«Право собственности, приобретенной законным способом, охраняется законом и защищается государством, ее неприкосновенность гарантируется...» (абз. 6 ч. 2 ст. 2 ГК Беларуси). Поэтому право на финансовый актив доставляет юридическую возможность сохранения монетарного состояния, обеспеченную общим запретом принудительного изъятия финансового актива у собственника (п. 2 ст. 236 ГК Беларуси), а также запретом причинения вреда валютным и документарным кредитным инструментам собственника (ч. 1 п. 1 ст. 933 ГК Беларуси).

Право собственности на финансовый актив подразумевает право на юридически присвоенное. Вместе с тем белорусское гражданское законодательство допускает субъективные права на чужой финансовый актив: право хозяйственного ведения и право оперативного управления (гл. 19 ГК Беларуси). Ими наделяются юридические лица, которые не могут иметь имущество в собственности: унитарные предприятия, государственные объединения, учреждения (ч. 3 п. 2 ст. 44 ГК Беларуси). Будучи субъектами права хозяйственного ведения или оперативного управления, они осуществляют правомочия собственника в установленных пределах (п. 1 ст. 276, п. 1 ст. 277 ГК Беларуси).

Характеристика права собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на финансовый актив зависит от особенностей актива и удостоверения права на него.

Субъективное право на наличные деньги удостоверяется владением валютными инструментами (банкнотами, монетами). Стало быть, мы не можем не уделить внимания проблеме владения, которая уже давно вызывает дискуссии в цивилистике.

По теории Ф. К. фон Савиньи «в основе всякого владения вещью лежит осознание неограниченного физического господства» (перевод авт. — С. П.) [592, с. 238]. Для него требуется: 1) воля обладать вещью как собственной (*animus domini*) и 2) физические условия возможности господства (*corpus*) [592, с. 238–239]. *Corpus* без *animus domini* образует простое держание (*de Detention*) [592, с. 26]. Природа владения, в представлении Ф. К. фон Савиньи, неоднозначна: «Владение есть факт, поскольку основано на чисто фактическом, неюридическом отношении (держании)... Но владение — это и право, так как права связаны с этим фактическим отношением...» (перевод авт. — С. П.) [592, с. 47].

Согласно Р. фон Иерингу, «владение вещами есть реальность или видимость собственности» [170, с. 179], «где нет собственности, там нет владения; где собственность — там и владение» [170, с. 120]. Считая идею физического господства несостоятельной, он предлагает другое понимание *corpus possessionis* — фактическое засвидетельствование собственнических притязаний [170, с. 159].

Ученый разделяет владение на юридическое и естественное (держание) [171, с. 1]. Общий для них термин — обладание (*de Inhabung*) — воплощение воли в фактическом отношении к вещи [171, с. 1, 5]. «Различие между владельцем и держателем обуславливается не тем или иным характером воли обладателя, а просто постановлением объективного права. Именно каждый, кто фактически обладает вещью, является ее владельцем. Но закон в некоторых случаях предписывает, в силу тех или иных практических соображений, считать владельца держателем» [171, с. 3].

По Д. И. Мейеру, юридическим называется владение, связанное с правовыми последствиями, в их отсутствие оно именуется естественным (дер-

жанием) [266, с. 330]. «Юридическое владение складывается из двух деятелей: материального, или внешнего, и духовного, или внутреннего» [266, с. 333]. Внешний деятель заключается в материальной связи лица с вещью, возможности во всякое время поставить себя в фактическое отношение к ней, а внутренний — в сознании господства над вещью, намерении лица распоряжаться ею как своей [266, с. 333–334]. «Присутствием этого деятеля именно и характеризуется юридическое владение в отличие от владения естественного, в котором нет сознания господства, а один только корпус, тело владения» [266, с. 334]. С точки зрения Д. И. Мейера, «всякое владение, не вытекающее из права собственности, есть факт» [266, с. 332].

По определению Г. Ф. Шершеневича, владение — фактическое господство лица над вещью, соединенное с намерением присвоить ее себе. Из него обнаруживаются два существенных момента — объективный и субъективный: а) Объективный признак заключается в том внешнем отношении лица к вещи, которое даст ему возможность действительного пользования и распоряжения ею и которое подобно отношению к вещи со стороны хозяина-собственника. б) Субъективный момент состоит в том, что лицо, господствуя над вещью, может быть, без всякого законного основания, тем не менее желает иметь ее для себя, пользоваться и распоряжаться ею, как будто оно имеет право собственности...» [481, с. 148]. Без намерения присвоения господство над вещью сводится к держанию [481, с. 148–149]. На взгляд Г. Ф. Шершеневича, «владение следует считать за право. Если это право, то его следует причислить к категории вещных прав» [481, с. 150].

В гражданском законодательстве Беларуси дефиниция владения (права владения) отсутствует. Нормы гражданских кодексов Азербайджана (ст. 159), Молдовы (п. 1 ст. 303), Туркменистана (п. 1 ст. 176) позволяют судить, что их законодатели видят во владении фактическое обладание вещью (господство над ней). Впрочем, такой подход заимствован из п. 1 § 854 ГК Германии: «Владение вещью приобретается достижением фактического господства над вещью».

В соответствии со ст. 2255 ГК Франции «владением является обладание или пользование какой-либо вещью или правом, когда эта вещь находится у нас, или когда это право осуществляем мы сами, или же когда мы действуем через другое лицо, которое обладает этой вещью или пользуется этим правом от нашего имени» [635].

Согласно гражданским кодексам Азербайджана (п. 2 ст. 152), Армении (ч. 2 п. 1 ст. 163), Казахстана (ч. 2 п. 2 ст. 188), Кыргызстана (ч. 2 п. 2 ст. 222), Таджикистана (п. 2 ст. 232) право владения представляет собой юридически обеспеченную возможность осуществлять фактическое обладание имуществом.

Право собственности — явление идеальное, а действия, юридическую возможность которых оно доставляет, совершаются в материальном мире.

Там же, разумеется, существуют *homo sapiens* и физические тела (юридические образы последних — лица и вещи). Свойства физического тела могут вызвать у человека желание получить и (или) сохранить над этим объектом господство, обеспечивающее фактическую возможность реализации хозяйственных интересов, — хозяйственное господство. Суждение внешнего наблюдателя о пребывании физического тела в сфере хозяйственного господства зависит от состояния объекта, его места нахождения, поведения окружающих. «Силки и капканы в лесу, — пишет Р. фон Иеринг, — говорят мне, что они расставлены тут по воле хозяина, а часы, валяющиеся тут же, говорят о себе совершенно обратное» [170, с. 152]. В юридическом смысле хозяйственное господство лица над вещью есть **владение**.

Владение, поступление вещи во владение и выбытие из него, когда с ними связаны правовые последствия, относятся к юридическим фактам. Вместе с тем законодатель использует термин «право владения», но это не значит, что владение — право. Как верно отмечает К. И. Скловский, «владение всецело принадлежит к явлениям материального (фактического) порядка. Владение — это протекающий во времени и в пространстве процесс физического господства над вещью, тогда как право как явление идеальное не локализовано в пространстве, лишено качеств процедуры (процесса), т. е. деятельности, и потому не течет, т. е. находится, как и прочие идеальные феномены, вне времени и пространства» [364, с. 579].

В белорусском законодательстве факт владения сам по себе не обнаруживает юридических последствий, за исключением, пожалуй, права на документарную ценную бумагу и права, удостоверенного ценной бумагой на предъявителя (п. 1 ст. 146-1, подп. 1 п. 1 ст. 146 ГК Беларуси). Обычно владение имеет юридическое значение в совокупности с другими фактами: создание вещи для себя, предоставление земельного участка, заключение и исполнение договора, находка, приобретательная давность и т. д. Дополнительные факты либо их отсутствие придают владению отличительные черты, позволяющие выделить его разновидности: пожизненное наследуемое, законное, давностное, незаконное (добросовестное, недобросовестное) и др.

Владельцем банкнот и монет признается лицо, имеющее их: 1) при себе; 2) в вещи, находящейся в его владении (например, в одежде, кошельке, автомобиле, изолированном помещении); 3) в ином известном ему месте при отсутствии у разумного наблюдателя оснований полагать, что они утрачены или брошены.

Владельцами валютных инструментов могут быть воры и лица, получившие их во временное владение по договору (хранители, перевозчики и т. п.). Но никакого права на банкноты, монеты и, разумеется, на деньги у них не возникает. Выходит, наша позиция в отношении владельческого правообладания требует уточнения.

Считаем, что владение валютными инструментами удостоверяет право собственности на наличные деньги, но право предполагаемое (принимаемое за действительное до его опровержения) и зависимое от наличия у владельца права собственности на банкноты и монеты. Нормами гражданских кодексов Германии (§ 1006), Франции (ст. 2256), Азербайджана (ст. 166), Молдовы (ст. 305), Туркменистана (ст. 179) и ряда других государств предусмотрена презумпция права собственности: в пользу владельца движимой вещи предполагается, что он ее собственник. Подобное правило в интересах гражданского оборота целесообразно закрепить в Беларуси.

Владение валютными инструментами позволяет видеть во владельце собственника банкнот и монет, а значит, и собственника наличных денег. Действительная принадлежность права при необходимости устанавливается проверкой основания владения. Если оно не ведет к приобретению права собственности (ст. 219 ГК Беларуси), то собственником предполагается прежний владелец. Далее проверяется его основание владения и т. д. В итоге фиксируется действительное право собственности, а в некоторых случаях — и право хозяйственного ведения или оперативного управления. Однако совершая сделки с владельцами валютных инструментов, контрагенты последних свободны от обязанности проверки и вправе полагаться на презумпцию права собственности. «В обороте на движимости, — объясняет И. А. Покровский, — все третьи лица вправе доверять факту нахождения вещи в чьих-либо руках, вправе считать владельца собственником. <...> При современных условиях на участников делового оборота не может быть возложена обязанность проверять наличность всех необходимых условий юридической сделки; это в высокой степени стесняло бы свободу гражданского оборота и понижало бы ценность экономических благ» [324, с. 201].

Нормативное решение вопроса о действительном праве не всегда рационально. Предположим, банкноты добросовестно получены по договору, но от похитившего их ранее лица. С одной стороны, договор позволяет стать собственником, а с другой — исполнение предоставлено воров. Возникло ли у нового владельца право собственности на валютные инструменты и, соответственно, на деньги? Белорусский законодатель отвечает отрицательно, поскольку отчуждение имущества помимо воли собственника не допускается (ч. 4 п. 2 ст. 219 ГК Беларуси), а нарушение данного запрета влечет ничтожность договора. Следовательно, у нового владельца отсутствует основание права собственности. Банкноты остались в собственности потерпевшего, но без возврата владения ценность его правообладания равна нулю. Вместе с тем потерпевший лишен возможности истребовать валютные инструменты от добросовестного приобретателя (п. 3 ст. 283 ГК Беларуси). Предъявление иска об установлении факта ничтожности договора и применении реституции к улучшению виндикационной позиции не приведет. Как отмечает Конституционный Суд

Российской Федерации, где действуют аналогичные нормы, «права лица, считающего себя собственником имущества, не подлежат защите путем удовлетворения иска к добросовестному приобретателю с использованием правового механизма, установленного пунктами 1 и 2 статьи 167 ГК Российской Федерации. Такая защита возможна лишь путем удовлетворения виндикационного иска... Иное истолкование... означало бы, что собственник имеет возможность прибегнуть к такому способу защиты, как признание всех совершенных сделок по отчуждению его имущества недействительными, т. е. требовать возврата полученного в натуре не только, когда речь идет об одной (первой) сделке, совершенной с нарушением закона, но и когда спорное имущество было приобретено добросовестным приобретателем на основании последующих (второй, третьей, четвертой и т. д.) сделок. Тем самым нарушались бы вытекающие из Конституции Российской Федерации установленные законодателем гарантии защиты прав и законных интересов добросовестного приобретателя» (ч. 7, 8 п. 3.1 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2003 г. № 6-П [758]). Так или иначе, идентификация «своих» банкнот в имуществе ответчика маловероятна, что практически исключает их виндикацию от любого приобретателя. Потерпевшему остается обратиться свои притязания к вору и потребовать от него возмещения ущерба. Но тогда было бы разумно признать право собственности на банкноты за новым владельцем. Скажем, в немецком правопорядке «приобретатель становится собственником, даже если вещь не принадлежала отчуждателю, за исключением случаев, когда он в момент приобретения права собственности действовал бы недобросовестно» (п. 1 § 932 ГК Германии). В России «право собственности на движимое имущество у добросовестного приобретателя возникает с момента возмездного приобретения имущества, за исключением... случаев, когда собственник вправе истребовать такое имущество от добросовестного приобретателя» (абз. 4 п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 г. [760]). Учитывая изложенное, предлагаем правило: в отсутствие оснований для истребования движимой вещи от добросовестного приобретателя (ст. 283 ГК Беларуси) последний признается ее собственником и считается таковым с момента поступления вещи в его владение.

Валютный инструмент и деньги, право на которые он удостоверяет, существуют парой. Однако, имея общую ценность, они представляют себя в обороте одним объектом, а именно наличными деньгами. Поэтому содержание права собственности на наличные деньги включает и юридическую возможность совершения действий с валютными инструментами.

Собственник вправе хранить принадлежащие ему наличные деньги, перемещать их и передавать другим лицам, в том числе в собственность.

Физические лица передают наличные деньги путем вручения, в том числе с помощью субъектов финансовых (квазифинансовых) услуг, например денежным или почтовым переводом. Денежные переводы регулируются Инструкцией о денежных переводах, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 22 июня 2015 г. № 376 [727] (далее — Инструкция о денежных переводах), а почтовые — Правилами оказания услуг почтовой связи общего пользования, утвержденными постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 7 сентября 2004 г. № 1111 [720].

Приходные и расходные операции с наличными деньгами, совершаемые юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, нотариусами, адвокатами, а также хранение ими наличных денег именуются кассовыми операциями и осуществляются по Инструкции о кассовых операциях.

Кассовая работа в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях Республики Беларусь, кассовое обслуживание участников гражданского оборота (прием, выдача, инкассация, перевозка, хранение наличных денег) регулируются БК Беларуси и Инструкцией по организации кассовой работы в банках... утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 21 декабря 2006 г. № 211 [743].

Наличные расчеты с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей ограничены законодательством. При продаже товаров, выполнении работ, оказании услуг они не вправе принимать от физических лиц наличные деньги в сумме, превышающей 1 тыс. базовых величин в рамках одной сделки в течение каждого календарного года исполнения обязательств по сделке (п. 1.1, 1.3 Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2014 г. № 493 [695]). Но физические лица могут без ограничений вносить наличные деньги за товары (работы, услуги) непосредственно в кассы банков, небанковских кредитно-финансовых организаций и платежных агентов для зачисления на банковские счета юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (п. 1.2 того же указа).

Дневной объем наличных расчетов между юридическими лицами, индивидуальным предпринимателями для каждого из них по общему правилу не должен превышать 100 базовых величин (п. 97 Инструкции о кассовых операциях).

Аналогичная практика существует в других государствах. К примеру, в России наличные расчеты в рамках одного договора, заключенного между юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, могут производиться в размере, не превышающем 100 тыс. руб. (п. 6 Указания Центрального банка Российской Федерации от 7 октября 2013 г. № 3073-У [751]). Во Франции установлены лимиты погашения долгов наличными деньгами: для налоговых резидентов и субъектов профессиональной деятельности — 1 тыс. евро, для остальных лиц — 15 тыс. евро (п. 1

ст. L112-6, п. 1 ст. D112-3 Валютно-финансового кодекса Франции (Code monétaire et financier) [785]). Вместе с тем наличные расчеты по оплате услуг возможны лишь в пределах 450 евро (п. 2 ст. L112-6 того же кодекса).

Наличные расчеты между физическими лицами в Беларуси не ограничены. Действительно, сокращение наличного денежного оборота должно быть естественным и обеспечиваться не ограничением права собственности физических лиц на наличные деньги, а развитием безналичных расчетов.

В силу ч. 1 п. 1 ст. 141 ГК Беларуси наличные деньги в белорусских рублях обязательны «к приему по нарицательной стоимости на всей территории Республики Беларусь». Учитывая выпуск в обращение монет, являющихся законным платежным средством, считаем целесообразным установить правило: *физические и юридические лица, за исключением Национального банка Республики Беларусь, банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, вправе не принимать (отказаться от принятия) более 50 монет, предлагаемых при совершении платежа или иной операции с наличными деньгами* (подобная норма содержится в ст. 11 Регламента Совета Европейского союза № 974/98 от 3 мая 1998 г. [788]).

Субъективное право на безналичные деньги удостоверяется в основном денежным банковским (лицевым) счетом.

Лицевой счет — регистр аналитического учета банка, небанковской кредитно-финансовой организации, Банка развития — документ, содержание которого составляют сведения, предусмотренные п. 26 Инструкции о бухгалтерском учете в банках. Будучи документом бухгалтерского учета, лицевой счет имеет и гражданско-правовое значение. Его номер идентифицирует владельца счета — субъекта права на безналичные деньги по книге регистрации открытых и (или) закрытых лицевых счетов (п. 37 Инструкции о бухгалтерском учете в банках). Сумма исходящего остатка с кодом валюты показывает количество безналичных денег владельца счета.

Содержание субъективного права на безналичные деньги зависит от правового режима банковского счета.

«Правовой режим банковского счета, — полагает А. А. Кальгина, — это урегулированный нормами права порядок осуществления кредитными организациями операций по зачислению и списанию денежных средств, а также проведению иных операций по счету, выражающийся в определенном сочетании правовых средств, отражающем специфику соответствующего вида банковского счета» [186, с. 24].

По нашему мнению, правовой режим банковского счета образуют правила в отношении банковского счета данного вида, предусматривающие:

- 1) возможный круг лиц — владельцев счета;
- 2) основания и порядок открытия и закрытия счета;
- 3) права и обязанности владельца счета;
- 4) основания и порядок осуществления, ограничения и запрещения операций по счету.

Следовательно, субъективное право на безналичные деньги состоит в юридической возможности совершения операций по денежному банковскому счету в соответствии с его правовым режимом. Оно осуществляется по воле управомоченного лица (владельца счета), но с участием субъекта банковских услуг.

Основные виды банковских счетов указаны в гл. 22 БК Беларуси:

- 1) текущий (расчетный) счет;
- 2) специальный счет, субсчет;
- 3) временный счет;
- 4) корреспондентский счет;
- 5) благотворительный счет.

Наибольшее распространение имеет текущий (расчетный) банковский счет. На нем учитываются безналичные деньги физического или юридического лица (ст. 198 БК Беларуси). Правовой режим текущего (расчетного) счета позволяет его владельцу распоряжаться безналичными деньгами, иницируя (акцептуя) их перечисление другим лицам, а также получать со счета наличные деньги (ст. 200, 201 БК Беларуси). Порядок перечисления безналичных денег регулируется банковским законодательством, в том числе Инструкцией о банковском переводе, Инструкцией о денежных переводах, Инструкцией о банковских платежных карточках.

Текущий (расчетный) счет предназначен для учета безналичных денег, находящихся в собственности (хозяйственном ведении, оперативном управлении) владельца счета. Однако последний, заключая договор текущего (расчетного) банковского счета, «предоставляет банку или небанковской кредитно-финансовой организации право использовать временно свободные денежные средства» (ст. 197 БК Беларуси). Данное условие превращает право владельца счета на безналичные деньги в фикцию. Дело в том, что поступившие на текущий (расчетный) счет деньги банк сразу обращает в свой актив (присваивает), оставляя вместо них денежное требование к себе. Иначе говоря, владелец счета утрачивает право на безналичные деньги и становится кредитором банка с сопутствующими рисками. Заметим, в Национальном банке депонируется лишь 4 % от «заимствованных» у владельца счета белорусских рублей (ч. 1 ст. 110 БК Беларуси, п. 1 постановления Правления Национального банка Республики Беларусь от 27 октября 2011 г. № 473 [752]).

На наш взгляд, законодателю следует строго разделять банковские счета по учету безналичных денег клиентов и их денежных требований. Должно быть соответствие между договором, на основании которого открывается банковский счет, и видом счета. Условие о праве банка или небанковской кредитно-финансовой организации распоряжаться временно свободными деньгами клиента, находящимися на его текущем (расчетном) счете, противоречит назначению договора текущего (расчетного) банков-

ского счета и подлежит исключению из его предмета. Для получения денег клиента в собственность и совершения с ними активных операций существует договор банковского вклада (депозита), ведущий к открытию банковского счета, на котором учитываются денежные требования вкладчика.

Специальный банковский счет и субсчет представляют собой текущие (расчетные) счета со специальным режимом функционирования, устанавливаемым в договоре на основании акта законодательства (ст. 207-1 БК Беларуси). К примеру, Указом Президента Республики Беларусь от 16 июня 2017 г. № 212 [702] ряду организаций предписано обеспечить открытие специальных счетов в банках для аккумуляирования денежных средств в белорусских рублях для закупки лома и отходов черных и цветных металлов у населения. Право собственности на безналичные деньги, учитываемые на таких счетах, ограничено целью распоряжения: в приведенном случае они могут быть направлены только на закупку лома и отходов черных и цветных металлов у граждан. При этом, за некоторыми исключениями, обращение взыскания на безналичные деньги не производится, арест на них не налагается, приостановление операций по счету не осуществляется (ч. 2 п. 3 того же указа).

Временный банковский счет открывается: 1) уполномоченному учредителю создаваемой коммерческой организации для формирования ее уставного фонда; 2) коммерческой организации — для увеличения размера ее уставного фонда; 3) в иных случаях (ст. 208 БК Беларуси). При формировании (увеличении размера) уставного фонда внесенные учредителями (участниками) на временный счет безналичные деньги находятся в их долевой собственности.

На корреспондентском счете учитываются безналичные деньги банка или небанковской кредитно-финансовой организации (ст. 209 БК Беларуси). По правовому режиму он подобен текущему (расчетному) счету.

Благотворительный банковский счет предназначен для учета безналичных денег, поступивших физическому или юридическому лицу в виде безвозмездной (спонсорской) помощи или пожертвований (ст. 210 БК Беларуси).

В гл. 22 БК Беларуси приведен не исчерпывающий перечень денежных счетов. Так, будучи переданными в доверительное управление, деньги вверителя учитываются на доверительном (трастовом) счете (ст. 228 БК Беларуси).

Поскольку содержание субъективного права на безналичные деньги определяется правовым режимом банковского счета, законодатель должен предложить такое множество видов счетов, которое в максимальной степени отвечало бы потребностям гражданского оборота. В этом смысле заслуживают внимания новые виды счетов, введенные в ГК России:

- 1) совместный счет (п. 5 ст. 845);
- 2) номинальный счет (§ 2 гл. 45);

- 3) счет эскроу (§ 3 гл. 45);
- 4) публичный депозитный счет (§ 4 гл. 45);
- 5) залоговый счет (ст. 358.9–358.14).

Владельцами совместного счета выступают несколько физических лиц. Права на денежные средства считаются принадлежащими им в долях либо являются общими правами супругов.

Номинальный счет открывается для совершения операций с денежными средствами иного лица — бенефициара.

Счет эскроу предназначен для учета и блокирования денежных средств, полученных эскроу-агентом от владельца счета (депонента) в целях их передачи другому лицу (бенефициару) при возникновении договорных оснований. Права на денежные средства, находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи денежных средств бенефициару, а после указанной даты — бенефициару.

Публичный депозитный счет используется для депонирования денежных средств в случаях, установленных законом. Его владельцем может быть нотариус, служба судебных приставов, суд и иной орган или лицо, имеющие право принимать деньги в депозит. На этот счет зачисляются денежные средства, поступающие в пользу бенефициара от должника или иного указанного в законе лица (депонента). Аналогичные счета (нотариуса, органа принудительного исполнения, суда, органа уголовного преследования) применяются в белорусском обороте, но их правовой режим нуждается в систематизации.

Залоговый счет открывается в случае залога прав по договору банковского счета. Залогодатель вправе свободно распоряжаться денежными средствами на залоговом счете, если иное не предусмотрено договором залога или правилами ст. 358.12 ГК России.

Субъективное право на безналичные деньги обычно осуществляется в платежной системе. Согласно п. 1.1 Концепции развития платежной системы Республики Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 29 декабря 2015 г. № 779 [744], «платежная система Республики Беларусь представляет собой совокупность участников расчетов, правил и процедур, платежных инструментов и средств платежа, программно-технических средств, а также межбанковских систем перевода денежных средств, обеспечивающих движение денежных средств внутри страны и взаимодействие с зарубежными платежными системами». Она включает: 1) платежную систему Национального банка; 2) платежные системы банков; 3) расчетно-клиринговую систему по ценным бумагам; 4) систему безналичных расчетов по розничным платежам; 5) автоматизированную информационную систему единого расчетного и информационного пространства. Основной функциональной компонентой автоматизированной системы межбан-

ковских расчетов Национального банка выступает система BISS (Belarus Interbank Settlement System).

Право на электронные деньги удостоверяется электронным кошельком, владелец которого является их собственником (в терминологии Правил операций с электронными деньгами — держателем).

По абз. 2 п. 3 Правил операций с электронными деньгами «электронный кошелек — пластиковая карточка, программное обеспечение персонального компьютера, иное программно-техническое устройство, содержащее электронные деньги и (или) обеспечивающее к ним доступ». Приведенную дефиницию находим ошибочной, поскольку она не отражает сущность электронного кошелька как средства учета прав на электронные деньги. Упомянутая карточка, программное обеспечение, устройство представляют собой не электронный кошелек, а инструменты доступа к нему (электронные платежные инструменты). На наш взгляд, электронный кошелек — это лицевой счет физического или юридического лица (владельца электронного кошелька) по учету электронных денег в системе расчетов с использованием последних. Электронный кошелек есть документ в электронном виде, содержание которого определяется правилами эмитента и (или) правилами системы расчетов с использованием электронных денег. Каждый электронный кошелек должен иметь номер — уникальный признак, позволяющий идентифицировать его в системе расчетов с использованием электронных денег (абз. 19 п. 3 Правил операций с электронными деньгами).

Дозволенные действия держателя электронных денег обозначены термином «использование», который определен как «перевод электронных денег держателем другому лицу из одного электронного кошелька в другой электронный кошелек в рамках одной системы расчетов с использованием электронных денег, перевод электронных денег из одного электронного кошелька в другой электронный кошелек, принадлежащие одному лицу, в рамках одной системы расчетов с использованием электронных денег» (абз. 11 п. 3 Правил операций с электронными деньгами).

Следовательно, субъективное право на электронные деньги заключается в юридической возможности их перевода в системе расчетов с использованием электронных денег.

Для хранения криптовалюты и совершения операций с ней предназначено программное или программно-техническое средство, именуемое виртуальным кошельком (п. 2 прил. 1 к Декрету № 8). Эти средства мы относим к электронным платежным инструментам, а виртуальный кошелек, думается, есть анонимный счет по учету криптовалюты его владельца в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации. Виртуальный кошелек — документ в электронном виде, содержание которого определяется разработчиком электронного платежного инструмента, необходимого

для совершения операций с криптовалютой. Идентификатором виртуального кошелька в распределенной децентрализованной информационной системе выступает его адрес — хешированный открытый криптографический ключ. Владелец виртуального кошелька может генерировать неограниченное количество адресов.

Каждому адресу соответствует закрытый криптографический ключ (англ. *private key*), поэтому субъектом **права на криптовалюту** в сумме положительной разницы приходных и расходных операций по данному адресу логично признать обладателя закрытого ключа. Но, принимая такую позицию, мы сталкиваемся с проблемой обеспечения публичности права собственности.

«Публичность права, — пишет П. Н. Латыев, — заключается в том, что его возникновение, прекращение, переход обусловлены совершением некоторых актов, в большей или меньшей степени позволяющих всем третьим лицам убедиться в наличии и принадлежности конкретному лицу соответствующего права» [223, с. 422].

Конкретизация лица возможна по имени (наименованию), месту жительства (нахождения) и другим признакам, выделяющим его из множества субъектов права. Способ индивидуализации зависит от требований законодательства и обстановки. В любом случае конкретное лицо всегда можно назвать (описать) и (или) указать на него. Очевидно, что анонимность владельцев виртуальных кошельков препятствует конкретизации обладателя закрытого криптографического ключа.

В основе суждения о принадлежности права обычно лежит документированная информация о правообладателе (например, запись о собственнике недвижимого имущества в регистрационной книге) или владение движимыми вещами, создающее видимость собственности. В последнем случае владелец предстает вполне конкретным лицом (предполагаемым собственником), не раскрывая своего имени.

Закрытый криптографический ключ выражается в последовательности символов, зафиксированных на материальном носителе. Однако владение им непригодно для презумпции права собственности на криптовалюту. Во-первых, закрытый ключ может быть одновременно на нескольких носителях, находящихся во владении разных лиц. Во-вторых, реализация публичности через подобное владение требует достоверных сведений о фиксации на носителе необходимого закрытого ключа, а их доставляет только успешно проведенная операция. Тем не менее в этой области одна презумпция усматривается: если расходная операция с криптовалютой подтверждена и отражена в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации, то предполагается, что она совершена собственником криптовалюты. Но назвать (описать) собственника и указать на него мы не можем.

Учитывая изложенное, считаем целесообразным ввести идентификацию владельцев кошельков. Публичная привязка личности к виртуальному кошельку возможна по следующим правилам:

1) владельцем виртуального кошелька признается физическое или юридическое лицо, обладающее закрытым криптографическим ключом, на базе которого выработан адрес этого виртуального кошелька;

2) принадлежность виртуального кошелька его владельцу подтверждается карточкой виртуального кошелька, подписанной владельцем закрытого криптографического ключа и удостоверенной организацией, аккредитованной в Государственной системе управления открытыми ключами проверки электронной цифровой подписи Республики Беларусь.

Карточку виртуального кошелька мы определяем как документ на бумажном носителе, содержащий адрес виртуального кошелька, идентификационные данные обладателя закрытого криптографического ключа и другую информацию, предусмотренную законодательством.

Функции удостоверения, учета и выдачи карточек виртуальных кошельков могут быть возложены на резидента ПВТ, аккредитованного в вышеупомянутой системе управления открытыми ключами.

Публичная привязка личности к виртуальному кошельку преобразует его в личный счет по учету криптовалюты в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации. Собственником криптовалюты тогда является владелец виртуального кошелька, идентифицируемый по карточке этого кошелька.

Наряду с публичной мы видим возможность частной (договорной) привязки. К примеру, в договоре купли-продажи продавец указывает адрес виртуального кошелька для зачисления покупной цены в криптовалюту и тем самым привязывает свою личность к нему. Но такой привязке мы отказываем в свойстве удостоверять и даже презюмировать право собственности на криптовалюту. Все операции в распределенной децентрализованной информационной системе открыты, вследствие чего недобросовестные участники гражданского оборота, зная адреса по совершенной операции, могут привязаться к ним и получить презумпцию, что, разумеется, недопустимо.

Сохраняя анонимность, владельцы виртуальных кошельков как собственники криптовалюты избегают действия права в их отношении. С одной стороны, это позволяет совершать незаконные операции, игнорировать интересы государства и кредиторов, а с другой — лишает юридической защиты и препятствует осуществлению права на криптовалюту, когда требуется раскрытие имени.

Будучи пользователями распределенной децентрализованной информационной системы, анонимные владельцы виртуальных кошельков под-

чиняются исходному коду. По выражению Л. Лессига, «киберпространство регулируется его кодом» (перевод авт. — С. П.) [563, с. 79]. В этом смысле В. Ледонвирта и Р. Али различают юридический код (нормы права, обязательства) и технический код (программное обеспечение, протоколы). Соблюдение юридического кода обеспечивается применением санкций, а если нарушен технический код, система просто не работает, т. е. соблюдение технического кода обеспечивается самим кодом [562, с. 41]. По их мнению, «распределенные децентрализованные информационные системы... показали, что могут функционировать без юридических правил. Вместо них каждый участник должен следовать правилам, установленным и обеспеченным техническим кодом» (перевод авт. — С. П.) [562, с. 42]. В данном контексте можно сказать, что владелец виртуального кошелька с публичной привязкой к нему (карточкой кошелька) — юридический собственник криптовалюты, а анонимный владелец — технический собственник.

Согласно абз. 4 ч. 1 п. 2.1 Декрета № 8 юридические лица вправе через операторов криптоплатформ и обмена криптовалют, иных резидентов ПВТ, осуществляющих соответствующий вид деятельности, отчуждать криптовалюту и совершать с ней другие сделки (операции). Физические лица могут менять криптовалюту, отчуждать ее за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарить (ч. 1 п. 2.2 Декрета № 8). Очевидно, что указанные операции сводятся к переводу криптовалюты в распределенной децентрализованной информационной системе.

Таким образом, субъективное право на криптовалюту заключается в юридической возможности ее перевода в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации. Юридические лица осуществляют его через соответствующих резидентов ПВТ.

Белорусский законодатель относит деньги к вещам, потому на них распространяются нормы о приобретении, регулирующие вещный оборот (гл. 14 ГК Беларуси). Однако безналичные деньги не вещи, и обращаются они в безналичном денежном обороте: в платежной системе — между владельцами банковских счетов, в системе расчетов с использованием электронных денег — между владельцами электронных кошельков, в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации, — между владельцами виртуальных кошельков. В упомянутых системах, на наш взгляд, необходимо иное регулирование.

Содержание прав и обязанностей субъектов безналичного денежного оборота определяется (предусмотрено) режимом банковского счета, электронного или виртуального кошелька. Права на безналичные деньги они приобретают по факту зачисления на лицевой счет, причем независимо от наличия и характера отношений с плательщиком. В отсутствие

оснований приобретения денег у владельца счета увеличивается актив и одновременно возникает пассив — долг по возврату неосновательного денежного обогащения (гл. 59 ГК Беларуси). Если деньги зачислены на счет в результате технической ошибки, то по ч. 1 ст. 250 БК Беларуси «банк-получатель вправе списать зачисленные денежные средства со счета и возратить их банку-отправителю до осуществления иных расходных операций по этому счету».

Кредитные инструменты, акции и инвестиционные паи — ценные бумаги. Права на них удостоверяются в зависимости от формы ценной бумаги.

Собственником документарного кредитного инструмента предполагается его владелец. Здесь применимы те же положения о владении и определении действительного права, которые мы изложили в отношении валютных инструментов. Вместе с тем по п. 1 ст. 146-1 ГК Беларуси «подтверждением права на документарную ценную бумагу является сама ценная бумага», т. е. владение не презюмирует, а подтверждает право. Получается, что что вор, завладевший ценной бумагой, приобретает право на нее. Очевидно, что так быть не должно. Некоторые нормы подчеркивают законность владения ценной бумагой (см., например, п. 1 ст. 148 ГК Беларуси, ч. 1 ст. 16 Закона об обращении векселей, п. 3 ст. 35 Закона об ипотеке). Однако, скажем, хранитель, будучи законным владельцем ценной бумаги, прав на нее не имеет, поэтому приведенное правило п. 1 ст. 146-1 ГК Беларуси следует исключить.

Собственнику документарного кредитного инструмента принадлежит право на денежное требование, удостоверенное данным инструментом. Однако в силу п. 1 ст. 146 ГК Беларуси «права, удостоверенные ценной бумагой, могут принадлежать:

- 1) предъявителю ценной бумаги (ценная бумага на предъявителя);
- 2) названному в ценной бумаге лицу (именная ценная бумага);
- 3) названному в ценной бумаге лицу, которое может само осуществить эти права или назначить своим распоряжением (приказом) другое уполномоченное лицо (ордерная ценная бумага)».

Классическая теория ценных бумаг считает указанных лиц формальными субъектами, а собственника — материальным. Как пишет М. М. Агарков, «формальным субъектом права по ценной бумаге всегда является ее надлежащим образом легитимированный держатель. Материальным субъектом является собственник бумаги» [4, с. 225]. Согласно В. А. Белову, формальная легитимация обнаруживает лишь субъекта осуществления права по ценной бумаге: «Формальные признаки ценной бумаги говорят не о том лице, которому *принадлежат* права на бумагу и из бумаги, но о том, которое может *осуществить* эти права. <...> Именно в разделении вопросов о принадлежности и осуществлении субъективных прав и заключается суть института ценных бумаг» [46, с. 327—328]. Заметим, что в п. 2—4 ст. 143 ГК России речь идет не о субъектах прав, удостоверенных ценной

бумагой, как в п. 1 ст. 146 ГК Беларуси, а о лицах, уполномоченных требовать исполнения по ней. Полагаем, что и в белорусской норме формальная легитимация должна свидетельствовать не о принадлежности права, а о возможности его осуществления.

Формальным субъектом осуществления права на денежное требование, удостоверенное документарным кредитным инструментом, выступает:

1) по предъявительскому инструменту — его владелец;

2) по именному инструменту — владеющее им лицо, на имя которого выдан инструмент или совершена передача денежного требования по непрерывному ряду цессий. В соответствии с п. 28 Инструкции по выпуску, обращению и погашению депозитных и сберегательных сертификатов, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 219 [742] (далее — Инструкция о сертификатах), «условие непрерывности оформления цессии должно быть обязательным»;

3) по ордерному инструменту — владеющее им лицо, на имя которого выдан инструмент или совершена передача денежного требования по непрерывному ряду индоссаментов. Сообразно с ч. 1 ст. 16 и ст. 77 Закона об обращении векселей лицо, у которого находится вексель, рассматривается как законный векселедержатель, если оно основывает свое право на непрерывном ряде индоссаментов.

Должник, исполняющий обязательство формальному субъекту, свободен от предусмотренного ст. 293 ГК Беларуси риска исполнения ненадлежащему лицу. Как отмечает М. М. Агарков, институт ценных бумаг создает отличное от общегражданских правил «распределение риска между участниками соответствующих правоотношений» [4, с. 215]. Но «если ответственное за исполнение по документарной ценной бумаге лицо знало, что владелец ценной бумаги, которому произведено исполнение, не является надлежащим обладателем права на ценную бумагу, оно обязано возместить убытки, причиненные обладателю права на ценную бумагу» (п. 2 ст. 144 ГК России). Подобное правило необходимо ввести в ГК Беларуси.

Собственник документарного кредитного инструмента вправе хранить его, перемещать, передавать другим лицам, в том числе в собственность. Право на денежное требование прекращается и возникает вместе с правом собственности на инструмент, но для получения исполнения по документарному инструменту требуется формальная легитимация нового кредитора (ст. 147 ГК Беларуси).

Субъективное право на бездокументарные кредитные инструменты, акции и инвестиционные паи удостоверяется счетом «депо» в депозитарии. Документарным «подтверждением права на бездокументарную ценную бумагу является выписка о состоянии счета, открытого для учета этой ценной бумаги» (п. 2 ст. 146-1 ГК Беларуси).

Белорусская депозитарная система имеет два уровня: 1) центральный депозитарий – республиканское унитарное предприятие «Республиканский центральный депозитарий ценных бумаг» (ч. 1 п. 1.3 Указа Президента Республики Беларусь от 28 апреля 2006 г. № 277 [693]) и 2) депозитарии, установившие корреспондентские отношения с первым (ч. 1 ст. 44 Закона о рынке ценных бумаг). К депозитариям относятся юридические лица Республики Беларусь, в том числе банки, небанковские кредитно-финансовые организации, получившие специальное разрешение (лицензию) на осуществление профессиональной и биржевой деятельности по ценным бумагам в части депозитарной деятельности (абз. 8 ч. 1 ст. 1 Закона о рынке ценных бумаг).

Согласно абз. 38 ч. 1 ст. 1 Закона о рынке ценных бумаг «счет “депо” – счет, открываемый в депозитарии для учета ценных бумаг, прав на них и обременений (ограничений) этих прав». Исходя из п. 9, 40, 101 Инструкции о порядке осуществления депозитарной деятельности, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 28 апреля 2018 г. № 30 [733] (далее – Инструкция о депозитарной деятельности), счет «депо» представляет собой документ аналитического депозитарного учета, содержащий, в частности, следующие сведения:

- номер счета «депо»;
- полное наименование и место нахождения или фамилию, собственное имя, отчество (если таковое имеется) и место жительства (место пребывания) депонента;
- идентификационные коды выпусков ценных бумаг;
- наименования эмитентов ценных бумаг;
- виды, категории, типы ценных бумаг в случае, если наличие категории и типа следует соответственно из вида и категории ценной бумаги, количество ценных бумаг каждого вида, категории, типа.

Для учета ценных бумаг участников гражданского оборота, прав на них и обременений (ограничений) этих прав предназначены счета «депо» депонентов (ч. 4 п. 10 Инструкции о депозитарной деятельности).

Содержание субъективного права на бездокументарные кредитные инструменты, акции и инвестиционные паи зависит от раздела счета «депо», на котором они учитываются. Под таким разделом понимается совокупность записей на счете «депо», объединенная общим признаком, выраженным в наименовании раздела счета и описании его назначения (абз. 17 ч. 1 п. 2 Инструкции о депозитарной деятельности).

Депозитарная операция, в результате реализации которой происходит списание ценных бумаг с одного счета «депо» и зачисление их на другой либо списание ценных бумаг с одного раздела счета «депо» и зачисление их на иной раздел того же счета, именуется переводом ценных бумаг (абз. 14 ч. 1 п. 2 Инструкции о депозитарной деятельности). Поэтому субъективное

право на бездокументарные кредитные инструменты, акции и инвестиционные паи состоит в юридической возможности совершения переводов ценных бумаг в соответствии с назначением раздела счета «депо». Оно осуществляется по воле управомоченного лица (депонента, оператора счета «депо»), но с участием депозитария в порядке, установленном гл. 14–16, 22 Инструкции о депозитарной деятельности.

Права, удостоверенные бездокументарным инструментом, принадлежат его собственнику. В отличие от документарных инструментов бездокументарные не предусматривают формальных субъектов осуществления удостоверенных прав. Их всегда реализует собственник, в том числе через оператора счета «депо». Эмитент определяет собственников по сформированному депозитарием реестру владельцев ценных бумаг, а управляющая организация паевого инвестиционного фонда — по реестру владельцев инвестиционных паев.

Права на бездокументарные ценные бумаги возникают по факту зачисления последних в соответствующий раздел счета «депо» (п. 1 ст. 150 ГК Беларуси, ч. 1 п. 14 Инструкции о депозитарной деятельности), причем независимо от наличия и характера отношений сторон перевода. В отсутствие оснований приобретения бездокументарных инструментов переводополучатель обязан возвратить неосновательное обогащение либо его стоимость. Однако к моменту взыскания он может распорядиться ценными бумагами и к тому же оказаться неплатежеспособным. В связи с этим в литературе обсуждается вопрос о возможности виндикации бездокументарных ценных бумаг.

По мнению А. Ю. Бушева, виндикация применима к тем бездокументарным бумагам, «в отношении которых в обороте может быть достигнута та же степень индивидуализации, что и в отношении индивидуально определяемых вещей» [74, с. 72]. К. К. Лебедев допускает виндикацию таких бумаг по аналогии закона: «...права бывшего владельца БЦБ подлежат защите и восстановлению, в принципе, на тех же условиях, на которых собственник вещи вправе истребовать ее из чужого незаконного владения» [227, с. 113]. На взгляд С. В. Моргунова, «поиски решения вопроса о юридических средствах возврата собственнику утраченных помимо его воли бездокументарных ценных бумаг не должны идти по пути придания виндикации не свойственных ей функций...» [278, с. 174]. «С точки зрения логики и конструкций классической континентальной юриспруденции, — пишет В. А. Белов, — ни о какой “виндикации” бездокументарных бумаг не может быть и речи не только по причине неспособности последних быть предметом виндикации в силу своей невещественной природы, но и по сугубо юридической причине — отсутствию лица, *управомоченного* на виндикацию» [40, с. 408]. Но «отрицание виндикационного иска в том виде, как он традиционно понимается в догме права, вовсе не означает невозможность конструирования сходных с ним средств защиты права

собственности на ценные бумаги», — считает Д. И. Степанов [380, с. 94]. К примеру, в случае неправомерного списания акций со счета владельца и последующей их перепродажи Э. Хамидуллина предлагает использовать «иск о восстановлении записи на счете владельца ценных бумаг, акции которого были неправомерно зачислены на счет другого лица (основания применения, но не предмет должны быть аналогичны виндикационному иску)» [456, с. 50].

Бездокументарные ценные бумаги к вещам не относятся, потому не могут находиться во владении — их нельзя виндигировать, тем более от собственника. Принудительное изъятие у него имущества не допускается, за исключением случаев, предусмотренных п. 2 ст. 236 ГК Беларуси, но ни один из них не пригоден в рассматриваемой ситуации. При отчуждении неосновательно приобретенных бездокументарных бумаг (особенно в составе пакета с «нормальными» инструментами того же выпуска) вероятность их возврата потерпевшему стремится к нулю. Значит, отчуждение недавно приобретенных бумаг должно быть ограничено, чтобы потерпевший имел время инициировать взыскание неосновательного обогащения и реальную возможность получить утраченные инструменты обратно. Предлагаем следующие правила:

1) бездокументарные ценные бумаги, приобретенные на неорганизованном рынке и зачисленные на счет «депо» переводополучателя, блокируются на десять рабочих дней с момента их зачисления;

2) если в указанный период в депозитарий переводополучателя поступит заявление переводоотправителя о намерении обратиться в суд для возврата бездокументарных ценных бумаг, списанных со счета «депо» переводоотправителя и заблокированных на счете «депо» переводополучателя, период их блокировки продлевается на пятнадцать рабочих дней;

3) если в период продленной блокировки в депозитарий переводополучателя поступит письменная информация о возбуждении производства по делу о возврате заблокированных ценных бумаг, период их блокировки продлевается до получения депозитарием переводополучателя письменной информации о вступлении в законную силу решения суда по делу или определения о прекращении производства по нему;

4) совершение сделок с заблокированными ценными бумагами не допускается.

Субъективное право на долю в уставном фонде изначально возникает с государственной регистрацией общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью и подтверждается сведениями Единого регистра, который ведется в электронном виде и на бумажных носителях. Документы, составляющие Единый регистр на бумажных носителях, содержатся в регистрационных делах юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (п. 7 Инструкции о порядке ведения Единого государственного

регистр юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 10 марта 2009 г. № 25 [729], далее — Инструкция о Едином регистре). «При несоответствии сведений ЕГР, переданных в Минюст, и сведений, содержащихся в документах, послуживших основанием для внесения сведений в ЕГР, приоритет имеют записи в документах регистрационных дел...» (ч. 2 п. 14 Инструкции о Едином регистре).

В гражданском обороте переход доли (части доли) в уставном фонде к другому лицу вызывает изменения в правообладании и требует государственной регистрации. Вместе с тем подготовка документов, их представление в регистрирующий орган и внесение сведений в Единый регистр занимает некоторое время. А законодатель не уточняет, за отдельными исключениями, в какой момент переходит (прекращается, возникает) право на долю (часть доли). Есть основания полагать, что это происходит до появления записи в Едином регистре.

Информация об участниках и принадлежащих им долях должна содержаться в уставе общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью (абз. 2 ч. 2 ст. 92 Закона об обществах). В случае перехода (прекращения, возникновения) права на долю (часть доли) общество с ограниченной (дополнительной) ответственностью обязано внести в устав изменения и представить их для государственной регистрации (ч. 1 п. 22 Положения о государственной регистрации субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 [704]). Значит, внесение изменений в устав и их государственная регистрация следуют за переходом (прекращением, возникновением) права на долю (часть доли).

Согласно ч. 5 ст. 101 Закона об обществах «общество с ограниченной ответственностью должно быть письменно уведомлено о состоявшемся отчуждении доли (части доли) участника в уставном фонде общества с представлением доказательств такого отчуждения. Приобретатель доли (части доли) в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью осуществляет права и несет обязанности участника с момента уведомления этого общества об указанном отчуждении». Стало быть, право на долю (часть доли) при ее отчуждении переходит (прекращается, возникает) до уведомления общества.

Следовательно, в гражданском обороте право на долю (часть доли) в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью переходит (прекращается, возникает) еще до внесения сведений в Единый регистр. В зависимости от юридического факта (состава), влекущего изменения в правообладании, это происходит:

1) при отчуждении доли (части доли) — в момент, согласованный сторонами договора;

2) при переходе к обществу доли (части доли) в случае невнесения его участником своего вклада в уставный фонд общества в установленный срок либо внесения только части вклада — в момент истечения срока внесения вклада (ч. 2 ст. 99 Закона об обществах);

3) при переходе к обществу доли в случае выхода (исключения) его участника — в момент выхода (исключения) (ч. 4 ст. 103 Закона об обществах);

4) при переходе к обществу доли в случае его отказа в согласии на переход доли к наследникам граждан и к правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества, — в момент выплаты наследникам (правопреемникам) действительной стоимости доли или выдачи им имущества в натуре (ч. 3 ст. 102 Закона об обществах);

5) при переходе к обществу (его участникам) доли (части доли) в случае обращения взыскания на нее — в момент выплаты кредиторам действительной стоимости доли (части доли) или выдачи им имущества в натуре (ч. 4 ст. 104 Закона об обществах);

6) при распределении обществом принадлежащей ему доли (части доли) между всеми его участниками — в момент распределения;

7) при переходе доли к наследникам граждан и правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества, — в соответствии с законодательством о реорганизации юридических лиц и наследовании (п. 4 ст. 53 и п. 4 ст. 1069 ГК Беларуси).

Приведенные правила обнаруживают отступление от принципа публичной достоверности Единого регистра. Впрочем, для третьих лиц, полагающихся на такую достоверность, оно компенсируется нормой ч. 1 п. 3 ст. 48 ГК Беларуси: «Изменения учредительных документов приобретают силу для третьих лиц с момента их государственной регистрации... Однако юридические лица и их учредители (участники) не вправе ссылаться на отсутствие регистрации таких изменений в отношениях с третьими лицами, действовавшими с учетом этих изменений». Значит, третьи лица без ущерба своим интересам могут опираться как на сведения Единого регистра, так и на известные им изменения учредительных документов.

Отметим, что право на долю (часть доли) в уставном капитале российского общества с ограниченной ответственностью переходит (прекращается, возникает) с момента внесения записи в единый государственный реестр юридических лиц, за исключением случаев перехода доли к самому обществу (абз. 1 п. 12 ст. 21 Федерального закона Российской Федерации от 8 февраля 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью» [680]). При изменении участников немецкого общества с ограниченной ответственностью либо размера их долей участником (собственником доли) считается лицо, включенное в список участников (нем. *Gesellschafterliste*), внесенный в торговый реестр (нем. *Handelsregister*) (§ 16, 40 Федерального закона Германии от 20 апреля 1892 г. «Об обществах с ограниченной от-

ветственностью» [803]). В соответствии со ст. L221-14, L223-17 Коммерческого кодекса Франции [783] передача долей в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью приобретает силу для третьих лиц после публикации изменений в реестре коммерсантов и товариществ (фр. *Registre du commerce et des sociétés*).

Учитывая изложенное, находим целесообразным предусмотреть в белорусском законодательстве о хозяйственных обществах ряд новых правил:

- 1) право собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на долю (часть доли) в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью возникает (прекращается) с момента внесения записи в Единый регистр, за исключением случаев перехода доли (части) доли к самому обществу, наследникам граждан и правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества;

- 2) перечень участников общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью и сведения о размере их долей в уставном фонде должны содержаться не в уставе, а в списке участников, который относится к документам общества и Единого регистра;

- 3) уведомление об изменении списка участников в регистрирующий орган вправе направлять общество с ограниченной (дополнительной) ответственностью; стороны договора, заключение (исполнение) которого влечет изменение списка участников; нотариус, удостоверивший такой договор;

- 4) с момента заключения договора и (или) наступления иных обстоятельств, достаточных для обращения в регистрирующий орган с уведомлением об изменении списка участников, лицо, право которого на долю (часть доли) в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью прекращается, не вправе осуществлять данное право в ущерб интересам лица, у которого право на эту долю (часть доли) возникает;

- 5) содержание Единого регистра должно включать сведения об обременениях (ограничениях) прав на доли в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью. Обременение (ограничение) возникает (прекращается) с момента внесения записи в Единый регистр.

Собственник доли в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью вправе распоряжаться ею. При этом, учитывая положения ст. 97, ч. 1 ст. 98, ч. 3, 7 ст. 101 Закона об обществах:

- 1) отчуждение единственным участником общества принадлежащей ему доли самому обществу не допускается;

- 2) отчуждение участником общества своей доли (части доли) третьим лицам допускается, если иное не предусмотрено уставом этого общества;

- 3) доля может быть отчуждена до полной ее оплаты лишь в той части, в которой она уже оплачена;

- 4) участники общества пользуются преимущественным правом покупки доли (части доли) участника того же общества;

5) уставом общества право на отчуждение доли (части доли) участника третьим лицам иным образом, чем продажа, может быть ограничено необходимостью получения согласия общества или остальных его участников;

6) участник общества вправе заложить принадлежащую ему долю (часть доли) другому участнику того же общества или, если это не запрещено уставом общества, третьему лицу с согласия общества по решению общего собрания его участников.

Субъективное право на финансовое требование возникает вместе с финансовым обязательством из договора, вследствие причинения вреда, неосновательного обогащения и иных оснований (п. 2 ст. 288 ГК Беларуси).

Если денежное требование опирается на договор банковского вклада (депозита), то право на него удостоверяется банковским счетом по учету вкладов (депозитов). Оно состоит в юридической возможности совершения операций в соответствии с правовым режимом упомянутого банковского счета.

Согласно ч. 3 ст. 185 БК Беларуси «вкладчики могут распоряжаться вкладами (депозитами), получать по ним доход, давать поручения банку или небанковской кредитно-финансовой организации о перечислении денежных средств с их счетов по учету вкладов (депозитов) на другие банковские счета и (или) другим лицам и пользоваться иными видами банковских услуг в соответствии с законодательством Республики Беларусь и договором банковского вклада (депозита)».

Свидетельством существования других финансовых требований и прав на них выступают юридические факты, позволяющие установить основание и количество требования, а также личность должника и кредитора. В подтверждение указанных фактов приводятся средства доказывания, определенные процессуальным законодательством.

Права на некоторые денежные требования, считающиеся бесспорными, подтверждаются документами согласно перечню, утвержденному постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 декабря 2006 г. № 1737 [718]. В основе права на бесспорное финансовое требование может лежать судебное постановление или иной исполнительный документ.

Финансовое требование, не связанное неразрывно с личностью собственника, может быть передано им другому лицу по сделке, если это не противоречит законодательству или договору (п. 1 ст. 353, ст. 354, п. 1 ст. 359 ГК Беларуси). Переход требования (цессия) регулируется § 1 гл. 24 ГК Беларуси, гл. 19 БК Беларуси и Положением о секьюритизации. Право собственности на переданное требование возникает (прекращается) в момент соглашения (сделки), либо в согласованный момент будущего без дополнительных действий прежнего собственника. По ст. 339-1 ГК Беларуси собственник вправе заложить принадлежащее ему финансовое требование.

Субъект права собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на кредитный инструмент, финансовое требование одновре-

менно является кредитором в финансовом обязательстве, а обладатель права на долевого инструмент — участником (акционером) хозяйственного общества или вверителем по договору доверительного управления имуществом паевого инвестиционного фонда.

В силу финансового обязательства кредитор вправе получить исполнение (деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи) от должника. Просрочка исполнения открывает кредитору возможность взыскания финансового долга и часто порождает дополнительные денежные требования (возмещение убытков, уплата неустойки и процентов). **Право получить исполнение в финансовом обязательстве** (право на получение определенного финансового актива) мы относим к финансовым частным правам.

Участник (акционер) наделен корпоративными правами в отношении хозяйственного общества. Они доставляют ему самостоятельный или совместный с другими участниками (акционерами) корпоративный контроль над хозяйственным обществом, которое может быть субъектом: 1) права собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на финансовый актив; 2) права получить исполнение в финансовом обязательстве (кредитором); 3) корпоративных прав (участником (акционером) другого хозяйственного общества). Иначе говоря, корпоративные права обеспечивают корпоративный контроль над субъектом финансовых частных прав, а сами таковыми не являются. Впрочем, право участника (акционера) в обязательстве хозяйственного общества по выплате части прибыли (дивидендов) или распределению ликвидационного имущества (денег, кредитных инструментов, акций, инвестиционных паев) — это право кредитора в финансовом обязательстве, т. е. субъективное финансовое частное право.

Договор доверительного управления и законодательство об инвестиционных фондах закрепляют за верителем в основном финансовые частные права. Последний является сособственником финансовых активов паевого инвестиционного фонда и вправе получить деньги в порядке выкупа инвестиционных паев и распределения имущества при прекращении существования фонда.

Обладание финансовым активом и (или) управление финансами часто обеспечивается оказанием услуг, в связи с чем финансовому частному правоотношению может сопутствовать обязательство по оказанию финансовых и иных подобных услуг. Право кредитора в таком обязательстве входит в содержание предмета частноправового регулирования финансов, поэтому относится к финансовым частным правам.

Финансовые частные права могут быть ограничены в соответствии с Законом о AML/CFT. Финансовые активы по данному закону обозначены термином «средства» (абз. 13 ч. 1 ст. 1). Любая сделка с ними независимо от формы и способа ее осуществления считается финансовой операцией (абз. 17 ч. 1 ст. 1 Закона о AML/CFT).

Закон о AML/CFT предусматривает следующие меры, ограничивающие финансовые частные права:

1) замораживание средств — «запрет на распоряжение, пользование средствами...» (абз. 8 ч. 1 ст. 1, ст. 9-1);

2) блокирование финансовой операции — «запрет на осуществление финансовой операции...» (абз. 3 ч. 1 ст. 1, ст. 9-1);

3) приостановление или отказ в осуществлении финансовой операции (ч. 2—4 ст. 6, абз. 4 ч. 1 ст. 11);

4) приостановление перемещения наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу Евразийского экономического союза в Республике Беларусь (абз. 4 ст. 4).

Таким образом, исследование финансовых частных прав приводит нас к следующим положениям.

Финансовые частные права — общее понятие, которое включает в себе:

1) субъективное право собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на финансовый актив;

2) субъективное право получить исполнение в финансовом обязательстве;

3) субъективное право получить исполнение в обязательстве по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

Субъективное право собственности на финансовый актив — это юридическая возможность сохранения монетарного состояния и совершения в отношении финансового актива любых действий, не противоречащих законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящих вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющих прав и защищаемых законом интересов других лиц.

Владельцем валютных и документарных кредитных инструментов признается лицо, имеющее их: 1) при себе, 2) в вещи, находящейся в его владении (например, в одежде, кошельке, автомобиле, изолированном помещении) либо 3) в ином известном ему месте при отсутствии у разумного наблюдателя оснований полагать, что они утрачены или брошены.

Владение валютным инструментом удостоверяет право собственности на наличные деньги, а владение документарным кредитным инструментом — право собственности на денежное требование. Но удостоверяемые права лишь предполагаются (принимаются за действительные до их опровержения) и зависят от наличия у владельца права собственности на указанные финансовые инструменты. Действительная принадлежность прав определяется проверкой основания владения.

С учетом ограничений, предусмотренных законодательством, собственник вправе хранить принадлежащие ему наличные деньги и документарные кредитные инструменты, перемещать их и передавать другим лицам, в том числе в собственность.

Собственнику документарного кредитного инструмента принадлежит право на денежное требование, удостоверенное этим инструментом. Однако получить исполнение по нему может лишь формально легитимированный субъект:

- 1) по предъявительскому инструменту — его владелец;
- 2) по именному инструменту — владеющее им лицо, на имя которого выдан инструмент или совершена передача денежного требования по непрерывному ряду цессий;
- 3) по ордерному инструменту — владеющее им лицо, на имя которого выдан инструмент или совершена передача денежного требования по непрерывному ряду индоссаментов.

Субъективное право на безналичные деньги состоит в юридической возможности совершения операций по денежному банковскому счету в соответствии с его правовым режимом.

Право на электронные деньги заключается в юридической возможности их перевода в системе расчетов с использованием электронных денег.

Субъективное право на криптовалюту сводится к юридической возможности ее перевода в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации.

Считаем целесообразным ввести идентификацию владельцев виртуальных кошельков. Собственником криптовалюты тогда будет владелец виртуального кошелька, идентифицируемый по карточке этого кошелька.

Право на бездокументарные кредитные инструменты, акции и инвестиционные паи состоит в юридической возможности совершения переводов ценных бумаг в соответствии с назначением раздела счета «депо».

Собственник доли в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью вправе распоряжаться ею с учетом ограничений, предусмотренных законодательством.

В белорусском законодательстве о хозяйственных обществах целесообразно установить правило: право собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на долю (часть доли) в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью возникает (прекращается) с момента внесения записи в Единый регистр, за исключением случаев перехода доли (части доли) к самому обществу, наследникам граждан и правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества.

Субъективное право на денежное требование вкладчика заключается в юридической возможности совершения операций по банковскому счету по учету вкладов (депозитов) в соответствии с его правовым режимом. Собственник иного финансового требования, не связанного неразрывно с его личностью, может передать требование другому лицу по сделке, если это не противоречит законодательству или договору.

Субъект права собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на кредитный инструмент, финансовое требование одновременно является кредитором в финансовом обязательстве. Он вправе получить деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи от должника, т. е. имеет субъективное право получить исполнение в финансовом обязательстве.

Обладание финансовым активом часто обеспечивается оказанием услуг, в связи с чем финансовому частному правоотношению может сопутствовать обязательство по оказанию финансовых и иных подобных услуг. Кредитору здесь тоже принадлежит финансовое частное право — субъективное право получить исполнение в обязательстве по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

4.3. Финансовые частные обязанности

Наряду с финансовой частной правоспособностью и субъективными правами содержание предмета частноправового регулирования финансов образуют юридические обязанности, в нашем именовании — финансовые частные обязанности.

«Юридические обязанности, — отмечает В. А. Белов, — относятся к категории мало исследованных (слабо разработанных) правовых явлений» [43, с. 495]. Известные доктринальные подходы к ним сформировались в советский период развития юридической науки.

На взгляд С. Н. Братуся, обязанность, будучи мерой поведения, «означает долженствование, необходимость этого поведения со стороны обязанного лица...» [67, с. 11]. С. Ф. Кечежян называет ее нормативно обусловленной и обеспеченной государственным принуждением необходимостью определенного поведения [193, с. 25]. Такую же позицию занимает В. С. Ем: «Правовая обязанность — это закрепленное в норме права требование к субъекту, выражающее социально обусловленную необходимость определенного поведения...» [155, с. 18].

По мнению Н. Г. Александрова, «юридическая обязанность есть требуемые законом вид и мера должного поведения лица, соответствующие субъективному праву другого лица» [9, с. 112]. «Субъективная обязанность, — считает Ю. К. Толстой, — может быть определена как предписанная обязанному лицу в целях удовлетворения интересов управомоченного мера должного поведения в данном правоотношении...» [403, с. 46].

Аналогичные суждения о правовой обязанности присутствуют в современных диссертационных исследованиях. В. А. Бабаков, к примеру, видит в ней модель наиболее желательного поведения [30, с. 16], И. В. Коршунова — меру конкретно определенного, общественно необходимого поведения [204, с. 99], А. А. Рудаков — меру должного поведения [347, с. 91],

Ю. В. Барзилова — необходимость определенного поведения [36, с. 85], А. А. Провальский — меру и вид должного поведения [329, с. 32].

Юридическую обязанность, как и субъективное право, мы рассматриваем в контексте социального поведения — целеполагания и целеосуществления возможного.

Возможное целеполагают как желаемое или должное. Желаемое — результат свободного выбора, претворение личных интересов. От него всегда можно отказаться. В то же время должное подразумевает принудительный выбор в силу социальных норм, воплощающих общественные интересы. Целеполагание и целеосуществление должного, если оно предписано субъекту, выходит за пределы его свободного усмотрения.

Правовая обязанность, в нашем понимании, есть юридическая необходимость осуществления должного, тогда как дозволенность — юридическая возможность осуществления желаемого, а запрет — юридическая невозможность целеосуществления.

Указанная необходимость относится к действию, поскольку бездействие к должному не ведет. Необходимость же действия предполагает его возможность: «То, что должно быть, — пишет Л. А. Фейербах, — тем самым и может быть...» [415, с. 357]. Возможность действия становится необходимостью в отсутствие альтернативы — возможности соответствующего данному действию (определенного) бездействия. Поэтому обязанность можно представить как безальтернативную возможность конкретного действия, что в соотношении с дозволенностью и запретом принимает следующий вид (табл. 4.4).

Таблица 4.4

Соотношение дозволенности, обязанности и запрета

Поведение	Дозволенность	Обязанность	Запрет
Действие	Возможно	Возможно	Невозможно
Бездействие	Возможно	Невозможно	Возможно

Нечто подобное утверждает Г. В. Мальцев: «Обязанность, как и право, есть возможность поведения. <...> Долженствование поступка обязанного лица не исключает, но, напротив, предполагает возможность будущего поступка» [257, с. 73]. «Обязанность, — заключает он, — есть возможность поведения, имеющая необходимый характер, т. е. возможное в поведении одновременно является и необходимым» [257, с. 74].

Следовательно, юридическая обязанность — это основанная на нормах права (юридическая) необходимость (безальтернативная возможность) определенного действия.

Исполнение обязанности изменяет состояние лица от сущего к должному. Значит, правовая обязанность есть также юридическая необходимость определенного изменения состояния. Однако такое изменение воз-

можно не только действием обязанного лица, но и независимо от воли последнего. В частном праве свидетельством тому выступает:

- 1) возникновение долга вследствие гражданского правонарушения;
- 2) прекращение права в результате действия (осуществления права) другого лица;
- 3) случайное умаление имущества.

Юридическая необходимость независимого изменения состояния является условной, поскольку для ее реализации требуется факт (гражданского правонарушения, осуществления права, случая), после которого возникновение долга, прекращение права или умаление имущества становится должным. Условная неизбежность и независимость изменения состояния обрекают упомянутого субъекта на претерпевание, известное в римском праве под термином *pati* [508, с. 620].

Ввиду изложенного помимо обязанности действия мы выделяем обязанность претерпевания. Обе конкретизируют абстрактную обязанность — юридическую необходимость определенного изменения состояния (осуществления должного).

Некоторые авторы отождествляют обязанность претерпевания с обязанностью бездействия: «Всякую обязанность “*pati*” можно рассматривать как обязанность “*non facere*”», — считает М. М. Агарков [2, с. 32]. На взгляд Е. А. Крашенинникова, не признающего такое равенство, обязанность претерпевания возможна только в охранительном правоотношении: «В регулятивном правоотношении должное поведение правообязанного лица всегда выражается в форме *facere* или *non facere* и никогда — в форме *pati*» [210, с. 6]. Должное поведение обязанных лиц, претерпевающих реализацию регулятивных прав на совершение односторонних волеизъявлений, он называет квазипретерпеванием [210, с. 7]. «Обязанные лица по указанным правоотношениям, — объясняет ученый, — неспособны воспрепятствовать управомоченному осуществить свое право, в силу чего их поведение... нельзя относить к числу воздержаний. С другой стороны, это поведение не может быть квалифицировано в качестве *pati*, поскольку оно составляет содержание не охранительных, а регулятивных гражданских правоотношений» [210, с. 7].

По мнению Е. Я. Мотовилокера, «так называемая “обязанность претерпеть” вообще не существует, поскольку противоречит смыслу понятия “обязанность”» [280, с. 13]. Положение другой стороны при осуществлении секундарного правомочия он выражает термином «правовое состояние», обозначающим «не меру должного поведения, а состояние зависимости, в которое ставят пассивную сторону действия носителя секундарного правомочия» [280, с. 11].

С точки зрения А. В. Милькова, «претерпевание отражает состояние субъекта, в котором он находится в условиях, не дающих ему свободы вы-

бора, лишаящих его возможности осуществить волевую регуляцию поведения» [275, с. 320]. Он предлагает дихотомию по критерию воли. «Согласно ей все формы поведения можно классифицировать на волевое поведение и неволевое поведение. В этом случае... и действия, и бездействие должны будут быть отнесены к волевому поведению, в то время как претерпевание — к неволевому» [275, с. 331]. В его представлении «подобное изменение вопроса позволит не только четко отграничить бездействие от претерпевания, но и отказаться от признания претерпевания одной из разновидностей должного поведения» [275, с. 331]. Претерпевание, утверждает автор, «не может трактоваться в качестве обязанности» [275, с. 321].

Правовая обязанность претерпевания означает условную юридическую необходимость независимого от воли обязанного лица определенного изменения состояния. Ее содержание не сводится к переживанию, хотя выражение «обязанность претерпевать» на такую мысль наводит. Эта обязанность не исполняется, а осуществляется. Ее нельзя нарушить, потому она не тождественна запрету.

Независимость обязанности претерпевания от воли обязанного лица не лишает ее способности к регулированию волевого поведения. Лицо, принимая и осознавая такую обязанность, будет вести себя сообразно возможности и вероятности наступления фактов, приводящих ее в действие.

В законодательстве обязанность претерпевания только подразумевается. Например, по ст. 212 ГК Беларуси «риск случайной гибели, случайной порчи или случайного повреждения имущества несет его собственник...». Другими словами, на собственнике лежит обязанность претерпевания — условная юридическая необходимость ухудшения именно его имущественного состояния вследствие случайной гибели, случайной порчи или случайного повреждения принадлежащего ему имущества. Аналогично на должнике лежит обязанность претерпевания возникновения у него долга по возмещению убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства (п. 1 ст. 364 ГК Беларуси). Сторона договора обязана претерпевать его расторжение в случае осуществления другой стороной права на односторонний отказ от исполнения договора (п. 3 ст. 420 ГК Беларуси).

Рассматриваемая обязанность выражает юридическую природу риска. Он обнаруживает себя во всех приведенных примерах: риск случайной гибели (порчи, повреждения) имущества, риск возникновения долга, риск расторжения договора.

Обязанность претерпевания позволяет объяснить феномен гражданско-правовой ответственности, давно вызывающий дискуссии в юридической науке.

Согласно О. С. Иоффе, ответственность в гражданском праве является санкцией за нарушение гражданских законов, обеспеченной убеждением

и государственным принуждением или его возможностью. Она устанавливает отрицательные последствия для правонарушителя и направлена на восстановление нарушенных отношений [177, с. 206–207]. «Имущественная ответственность, — считает Н. С. Малеин, — это правоотношение, возникающее из нарушения обязанности... выражающееся в форме невыгодных для правонарушителя... имущественных последствий, наступление которых обеспечивается возможностью государственного принуждения» [253, с. 19]. На взгляд В. П. Грибанова, «гражданско-правовая ответственность есть такое возложение невыгодных имущественных последствий на нарушителя гражданских прав и обязанностей, которое связано с применением санкций» [129, с. 312]. По мнению С. Н. Братуся, «юридическая ответственность — это исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения» [68, с. 85]. «Ответственность, — добавляет он, — это не обязанность претерпевания последствий, проистекающих из правонарушения, а самое их претерпевание в состоянии принуждения независимо от того, какие последствия наступают — будь то исполнение новых обязанностей, поражающих имущественные и личные блага обязанного лица, или только исполнение ранее существовавшей обязанности» [68, с. 103].

Названная проблема не остается без научного внимания цивилистов и теоретиков права нашего времени, о чем свидетельствуют докторские диссертации последних десятилетий. Так, В. А. Хохлов определяет гражданско-правовую ответственность как «особое правовое состояние, возникающее в результате нарушения прав участников гражданских правоотношений и характеризующееся юридической возможностью обеспечить восстановление этих прав с помощью специальных санкций...» [463, с. 53]. А. А. Лукьянцев представляет ее через возникновение и реализацию требования кредитора (потерпевшего) на предмет применения к правонарушителю мер, имеющих целью восстановление утраченного кредитором (потерпевшим) гражданского блага либо получение им компенсации за утрату (уменьшение) этого блага [244, с. 57]. С точки зрения Д. А. Липинского, «юридическая ответственность — это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае ее нарушения — обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного неимущественного характера и их реализация» [236, с. 28]. Г. А. Прокопович видит в ней специфическую обязанность правонарушителя претерпевать лишения личного или материального характера за совершенное правонарушение в соответствии с санкцией нарушенной нормы права [330, с. 91].

Анализ законодательства показывает, что в основе гражданско-правовой ответственности всегда лежит неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязательства, причинение вреда, иное гражданское правонарушение. Оно вызывает обязанность нарушителя возместить убытки (вред), уплатить неустойку или проценты, а также другие юридические последствия. В соответствии с принципом обеспечения восстановления нарушенных прав (абз. 10 ч. 2 ст. 2 ГК Беларуси) их реализация направлена на восстановление нарушенных прав кредитора (потерпевшего).

С совершением гражданского правонарушения изменяется не только правовое состояние нарушителя (возникает обязанность предоставить кредитору (потерпевшему) деньги), но и имущественное (появляется денежный долг). Разумеется, нарушитель этого не желает: исполнение обязанности (осуществление долга) приведет к уменьшению количества денег без какого-либо встречного удовлетворения. Доказав определенные обстоятельства (отсутствие вины, непреодолимая сила и т. д.), можно избежать исполнения упомянутой обязанности, но ее возникновение от воли нарушителя не зависит.

Следовательно, **гражданско-правовая ответственность** есть основанное на гражданском правонарушении и независимое от воли нарушителя негативное изменение его юридического (имущественного) состояния, выражающееся в возникновении обязанности, исполнение которой направлено на восстановление нарушенных прав кредитора (потерпевшего). Значит, ответственность в гражданском праве, впрочем, как и любая юридическая ответственность, состоит в осуществлении обязанности претерпевания — обусловленной правонарушением юридической необходимости независимого от воли обязанного лица определенного изменения его состояния.

Мы определили ответственность за совершенное (прошлое) правонарушение, но «юридическая ответственность... — пишет Д. А. Липинский, — едина и включает в себя как ответственность за будущее поведение (позитивную, добровольную), так и ответственность за прошлое противоправное поведение (негативную, государственно-принудительную ответственность)» [236, с. 23]. Поэтому ее можно представить в виде обязанности претерпевания (позитивной ответственности). С совершением правонарушения (осуществлением обязанности претерпевания) она становится негативной.

Таким образом, **юридическая обязанность** представляет собой основанную на нормах права (юридическую) необходимость (безальтернативную возможность) определенного:

- 1) действия (обязанность действия);
- 2) независимого от воли обязанного лица изменения состояния (обязанность претерпевания).

Учитывая понятие финансовых обязательств, обязательств по оказанию финансовых и иных подобных услуг, а также финансового риска, к **финансовым частным обязанностям** мы относим:

1) обязанность предоставить в пользу кредитора деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи;

2) обязанность оказать кредитору финансовую или иную подобную услугу;

3) обязанность претерпевать независимое от воли обязанного лица нежелаемое изменение монетарного состояния (финансовый риск).

Исполнение обязанности предоставить деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи заключается в осуществлении безальтернативной возможности данного действия. Та же возможность, но с альтернативой бездействия, входит в содержание права собственности на указанные объекты. В связи с этим исполнение названной обязанности и реализация права собственности на деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи имеют общие формы: передача наличных денег или документарных кредитных инструментов; перевод безналичных денег, бездокументарных кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев.

Исполнение обязанности можно понимать как предмет юридической необходимости (будущее действие) и как факт (совершенное действие). Поскольку мы говорим о материальном действии, любое исполнение характеризуется местом, где оно должно произойти или произошло.

Должное место исполнения определяется законодательством, договором либо явствуется из существа обязательства. В остальных случаях исполнение денежного обязательства должно быть предоставлено «в месте жительства кредитора в момент возникновения обязательства, а если кредитором является юридическое лицо, — в месте его нахождения в момент возникновения обязательства» (п. 4 ст. 297 ГК Беларуси). Подобные нормы присутствуют в ГК Германии: «Должник, если не доказано иное, обязан уплатить деньги на свой риск и за свой счет по месту жительства кредитора» (ч. 1 § 270) и в ГК Франции: «Если иное не предусмотрено законом, договором или судьей, местом исполнения денежного обязательства является domiciliй кредитора» (перевод авт. — С. П.) (ст. 1343-4).

Денежные обязательства исполняются переводом безналичных денег (безналичный расчет) или передачей наличных денег (наличный расчет). Правило об исполнении по месту жительства (нахождения) кредитора в отношении безналичных расчетов представляется некорректным. Так, банковский перевод завершается акцептом банком-получателем платежного поручения (ч. 1 ст. 241 БК Беларуси), что «считается исполнением плательщиком обязательства по перечислению денежных средств в пользу бенефициара» (ч. 2 ст. 241 БК Беларуси). Очевидно, действия, свидетельствующие

об акцепте (ст. 245 БК Беларуси), совершаются банком-получателем не по месту жительства (нахождения) кредитора. Логично установить, что денежное обязательство, исполняемое переводом безналичных денег, должно быть исполнено по месту нахождения банка-получателя, как это сделано в абз. 6 п. 1 ст. 316 ГК России.

Однако, во-первых, плательщику и бенефициару (взыскателю) место нахождения банка-получателя безразлично: для заполнения реквизитов расчетного документа нужно знать лишь наименование, код, а в некоторых случаях — страну (административный район, штат, территорию) регистрации банка-получателя (п. 10 прил. 2 к Инструкции о банковском переводе).

Во-вторых, должник, которому адресуется правило о месте исполнения, акцепт не совершает.

Электронные деньги зачисляются на электронный кошелек, а криптовалюта — на виртуальный кошелек, но они никак не связаны с местом жительства (нахождения) кредитора.

Полагаем, место исполнения не относится к числу критериев надлежащего перевода безналичных денег: оно замещается платежными реквизитами получателя. Обязательство перевести бездокументарные ценные бумаги исполняется аналогично (по депозитарным реквизитам переводополучателя). Эти обязательства, разумеется, имеют место исполнения, но фактическое, а не должное.

Исполнение обязательств переводом безналичных денег или бездокументарных ценных бумаг мы именуем безналичным. Поскольку ст. 297 ГК Беларуси предназначена для определения должного места исполнения, она не применяется к безналичному исполнению обязательства. Находим возможным включить в ГК Беларуси ст. 297-1:

«Статья 297-1. Безналичное исполнение обязательства

Безналичным исполнением обязательства признается перевод безналичных денег или бездокументарных ценных бумаг.

Если иное не предусмотрено законодательством или условиями обязательства либо не вытекает из его существа, безналичное исполнение обязательства осуществляется по платежным (депозитарным) реквизитам, указанным кредитором. К платежным реквизитам относятся банковские реквизиты, номер электронного кошелька, адрес виртуального кошелька.

Если к моменту наступления срока безналичного исполнения обязательства у должника отсутствуют сведения о банковских (депозитарных) реквизитах, необходимых для безналичного исполнения данного обязательства, должник вправе депонировать в обслуживающем его банке (депозитарии) причитающиеся с него безналичные деньги (бездокументарные ценные бумаги) в пользу кредитора. Порядок депонирования безналичных денег (бездокументарных ценных бумаг) и последующего перевода их кредитору определяется законодательством.

Депонирование безналичных денег (бездокументарных ценных бумаг) в соответствии с частью третьей настоящей статьи считается исполнением обязательства.

При наличии у должника сведений о нескольких платежных (депозитарных) реквизитах, по которым возможно безналичное исполнение обязательства, должник вправе осуществить исполнение по любым из них, если из законодательства, указаний кредитора или условий обязательства не вытекает иное.

Момент безналичного исполнения обязательства определяется законодательством».

В приведенном проекте мы предлагаем дополнительное решение проблемы технической невозможности исполнения обязательства вследствие действий (бездействий) кредитора. В настоящее время для освобождения от обязательства должник «вправе внести причитающиеся с него деньги или ценные бумаги в депозит нотариуса...» (ст. 308 ГК Беларусь), что сопряжено с необходимостью подготовки документов, уплаты государственной пошлины и обращения за совершением нотариального действия. В предложенном варианте при наступлении определенных условий должнику достаточно подготовить и направить в свой банк (депозитарий) платежное поручение (поручение «депо»).

Момент безналичного исполнения обязательства определен ч. 2 ст. 241 БК Беларуси (совершение акцепта банком-получателем), ч. 2 п. 2.4 Декрета № 8 (отражение операции в распределенной децентрализованной информационной системе) и ч. 2 п. 16 Инструкции о депозитарной деятельности (зачисление бездокументарных ценных бумаг на счет «депо» переводополучателя). В законодательстве нет правила в отношении электронных денег, но его можно вывести: перевод электронных денег считается совершенным в момент отражения данной операции в системе расчетов с использованием электронных денег. На случай депонирования безналичных денег (бездокументарных ценных бумаг) целесообразно установить, что соответствующее обязательство признается исполненным с момента списания депонируемых безналичных денег (бездокументарных ценных бумаг) со счета должника.

С принятием ст. 297-1 ГК Беларуси денежные обязательства в п. 4 ст. 297 того же кодекса необходимо ограничить обязательствами, исполняемыми передачей наличных денег, как это сделано в абз. 5 п. 1 ст. 316 ГК России. Вместе с тем правило п. 4 ст. 297 ГК Беларуси стоит распространить и на обязательства передать документарные ценные бумаги.

Денежные обязательства измеряются и подлежат исполнению в валюте, что отражается в терминах «валюта денежного обязательства» и «валюта платежа».

Национальной валютой и законным платежным средством в Республике Беларусь является белорусский рубль. Согласно ч. 1 п. 1 ст. 298 ГК Беларуси «денежные обязательства должны быть выражены в белорусских

рублях...». Однако следующая часть данной нормы позволяет определять их «в иностранной валюте или в условных денежных единицах (“специальных правах заимствования” и др.)».

В соответствии с п. 4 ст. 1 Закона о валютном регулировании под иностранной валютой понимаются:

— «денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монет, находящиеся в обращении и являющиеся законным платежным средством в... иностранном государстве или группе государств, а также изъятые или изымаемые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки;

— средства в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах, находящиеся на счетах в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях Республики Беларусь, банках и иных кредитных организациях за пределами Республики Беларусь».

Белорусский законодатель не дает легальной дефиниции условной денежной единицы, но приводит ее пример — специальные права заимствования (СДР), выпускаемые Международным валютным фондом. «СДР не являются ни валютой, ни требованием к МВФ. Напротив, они представляют собой потенциальное требование на свободно конвертируемые валюты членов МВФ» (перевод авт. — С. П.) [545, с. 85]. СДР рассчитываются на основе валютной корзины, в которой каждая валюта имеет удельный вес. «Корзина СДР, пересмотренная 1 октября 2016 г., состоит из пяти свободно конвертируемых валют: доллара США, евро, китайского юаня, японской иены и фунта стерлингов... Значение СДР рассчитывается ежедневно как сумма конкретных количеств этих пяти валют, переведенных в доллары США...» (перевод авт. — С. П.) [545, с. 86]. По этой причине полагаем, условная денежная единица — это денежная величина, рассчитываемая на основе двух и более валют по определенным правилам.

Денежное обязательство может быть выражено в базовых величинах, размер которых устанавливается Советом Министров Республики Беларусь. Для исчисления платы за аренду недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности, применяется базовая арендная величина, установленная Правительством Республики Беларусь (п. 3 Положения о порядке определения размера арендной платы... утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 150 [706]).

Учитывая изложенное и принцип свободы договора, предлагаем новую редакцию ст. 298 ГК Беларуси, содержащую исключительно правила о валюте денежного обязательства:

«Статья 298. Валюта денежного обязательства

1. Если иное не предусмотрено законодательными актами или постановлениями Правительства Республики Беларусь, денежное обязательство может быть выражено в белорусских рублях, иностранной валюте, криптовалюте,

условных денежных единицах или установленных законодательством базовых величинах.

Условной денежной единицей признается денежная величина, рассчитываемая на основе двух и более валют.

2. Обязательство по возмещению стоимости полученного по сделке должно быть выражено в той валюте, в которой полученное оплачено или подлежало оплате по данной сделке».

Одновременно в ГК Беларуси следует включить ст. 298-1 «Валюта платежа»:

«Статья 298-1. Валюта платежа

1. Денежное обязательство подлежит исполнению в белорусских рублях, за исключением случаев, когда в соответствии с законодательством допускается исполнение в валюте денежного обязательства или в валюте, определенной соглашением сторон.

2. Если денежное обязательство выражено в иностранной валюте или условных денежных единицах, имеющих значение в иностранной валюте, но подлежит исполнению в белорусских рублях, а равно если денежное обязательство выражено в белорусских рублях, условных денежных единицах, имеющих значение в белорусских рублях, или в установленных законодательством базовых величинах, но подлежит исполнению в иностранной валюте, сумма платежа определяется по официальному курсу белорусского рубля по отношению к соответствующей иностранной валюте (условной денежной единице) на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законодательством или соглашением сторон.

3. Если денежное обязательство выражено в иностранной валюте или условных денежных единицах, имеющих значение в иностранной валюте, но подлежит исполнению в другой иностранной валюте, сумма платежа определяется по кросс-курсу, рассчитанному на основе официальных курсов белорусского рубля по отношению к валюте обязательства (условной денежной единице) и валюте платежа на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законодательством или соглашением сторон.

4. Если денежное обязательство выражено в белорусских рублях, иностранной валюте, условных денежных единицах или установленных законодательством базовых величинах, но подлежит исполнению в криптовалюте, а равно если денежное обязательство выражено в криптовалюте, но подлежит исполнению в белорусских рублях или иностранной валюте, сумма платежа определяется по среднему курсу криптовалюты к белорусскому рублю или соответствующей иностранной валюте на день платежа, если иной курс или иная дата его определения не установлены законодательством или соглашением сторон.

5. Для целей настоящей статьи днем платежа считается:

1) при исполнении обязательства передачей наличных денег – дата вручения наличных денег кредитору или иному управомоченному на получение исполнения лицу, внесения их в депозит в соответствии со статьей 308 насто-

ящего Кодекса либо дата принятия к исполнению документа для совершения денежного или почтового перевода;

2) при безналичном исполнении обязательства – дата принятия к исполнению платежной инструкции (документа) для совершения банковского, денежного или почтового перевода, внесения безналичных денег в депозит в соответствии со статьей 308 настоящего Кодекса либо их депонирования в соответствии с частью третьей статьи 297-1 настоящего Кодекса, а при переводе электронных денег или криптовалюты – дата совершения перевода».

В случаях, предусмотренных законодательством или договором, должник в денежном обязательстве обязан уплачивать проценты на сумму долга.

Понятие процента (англ. *interest*) развито в экономической науке. Согласно А. Смиту, «он представляет собою вознаграждение, уплачиваемое заемщиком заимодавцу за ту прибыль, которую он имеет возможность извлечь при помощи этих денег. Часть этой прибыли, естественно, принадлежит заемщику, который берет на себя риск и заботы по употреблению капитала в дело, а часть, естественно, принадлежит заимодавцу, который предоставляет заемщику возможность получить прибыль» [365, с. 53]. Ж. С. де Сисмонди называет процентом плату за наем капитала [363, с. 327]. К. Менгер видит в нем вознаграждение за пользование капиталом [267, с. 169]. «Этот термин, — пишет А. Маршалл, — применяется в более широком смысле как представляющий денежный эквивалент всего дохода, извлекаемого из капитала. Обычно его выражают в виде определенной процентной доли суммы капитала, предоставленной в заем» [264, с. 134]. В том же ключе рассуждает К. Маркс: «Кредитор расходует свои деньги как капитал; сумма стоимости, которую он отчуждает другому лицу, есть капитал и потому возвращается к нему обратно. Но простое возвращение к нему ссуженной суммы стоимости было бы не возвращением ее как капитала, а просто возвращением ссуженной суммы стоимости. Чтобы возвратиться в качестве капитала, авансированная сумма стоимости должна не только сохраниться в движении, но и возрасти, увеличиться в своем размере, т. е. возвратиться с прибавочной стоимостью, как $D + \Delta D$, и это ΔD является здесь процентом, или той частью средней прибыли, которая не остается в руках функционирующего капиталиста, а достается денежному капиталисту» [259, с. 385].

По мнению О. фон Бём-Баверка, «процент всегда возникает по одной и той же причине: из-за разницы в ценности настоящих и будущих благ» [48, с. 439]. «За настоящие блага должно уплачиваться ажио. Оно представляет собой неизбежное органическое следствие того постоянно действующего обстоятельства, что настоящие блага полезнее и желаннее будущих, а также никогда не бывают доступны в неограниченном количестве. На рынке ссуд это органически необходимое ажио проявляется

непосредственно в виде процента...» [48, с. 484]. Аналогичную позицию занимает Л. фон Мизес: «Процент... является следствием более высокой оценки настоящих благ против будущих благ» [271, с. 490].

На взгляд Д. М. Кейнса, «простое определение нормы процента заключается, в двух словах, в том, что норма процента есть вознаграждение за лишение денег и ликвидности на определенный период. Ведь норма процента как таковая есть не что иное, как величина, обратная отношению суммы денег к тому, что можно получить, расставаясь с возможностью распоряжаться этими деньгами на обусловленный период времени в обмен на долговое обязательство» [192, с. 353].

Экономическое понятие процента воспринято юридической наукой. По Д. И. Мейеру, процент (рост) «образуется из двух частей: вознаграждения за предоставление капитала в пользование на известное время и страховой премии, вознаграждения за риск, связанный с передачей капитала в руки должника. Но все-таки, — добавляет он, — отношение между предложением капиталов и спросом на них в нормальных случаях составляет главный элемент, которым определяется величина роста» [266, с. 600]. С точки зрения Г. Ф. Шершеневича, «под именем процента понимается вознаграждение за пользование чужим капиталом, выраженное в доле однородных вещей» [481, с. 331]. В исследовании Л. А. Лунца «проценты представляют собой периодически начисляемое на должника вознаграждение за пользование “чужим” (т. е. подлежащим возвращению управомоченному лицу) капиталом в размере, не зависящем от результатов использования капитала (в отличие от дивиденда, размер коего зависит от хозяйственных результатов использования этого капитала)» [247, с. 101].

В глоссарии средневековой и поздней латыни Ш. Дюканжа (1678 г.) термин «капитал» (лат. *capitale*), помимо прочего, означает основной денежный долг (лат. *debitae pecuniae caput*) [521, с. 130]. А. Вагнер со ссылкой на тот же источник поясняет, что слово «капитал» есть перевод греческого *χεφαλαιον*, которым выражали денежное требование (нем. *Forderung einer Geldsumme*) [609, с. 313]. Для обращения денег в капитал требуется их вложение (размещение). Оттого под **денежным капиталом** мы понимаем денежное требование, но не любое, а возникшее в результате предоставления денег с обязательством возврата.

Свойство капитала порождать процент открывается в отношениях займа. Заимодавец, передав деньги заемщику, приобретает денежное требование к нему, т. е. происходит обмен настоящих денег на ту же сумму будущих. Но ценность последних в отсутствие уравнивающей дефляции ниже настоящих. Значит, денежное требование кредитора не является экономическим эквивалентом денег, полученных должником. Следовательно, кредитор заинтересован в том, чтобы сумма его требования была выше суммы

займа, а это обеспечивается дополнительным денежным требованием. Оно обозначается термином *interest*, а в русском словоупотреблении — процент или проценты. Но мы их различаем: **процент** — дополнительное денежное требование, **проценты** — денежная сумма, исчисляемая умножением суммы основного требования на ставку процента (дробь), установленную за определенный период времени, и количество этих периодов.

Объясняя процент, экономисты называют его вознаграждением, подлежащим выплате должником за возможность получить прибыль, наем капитала или пользование им, либо вознаграждением кредитора за лишение денег и ликвидности на определенный период. Такой подход нашел отражение в белорусском законодательстве, где проценты подлежат уплате за пользование денежными средствами, в том числе чужими (п. 1 ст. 366 ГК Беларуси). Стало быть, процент отнесен к поступлениям в смысле ст. 136 ГК Беларуси (плоды, продукция, доходы от пользования имуществом). Однако мы полагаем, что процент — это самостоятельный вид поступлений, дополнительное денежное требование, порождаемое денежным капиталом независимо от операций должника с деньгами.

Во-первых, деньги — идеальная меновая ценность, потому не бывают предметом пользования. Во-вторых, должник распоряжается не чужими, а собственными деньгами. В-третьих, как отмечает К. П. Победоносцев, уподобление процентов плодам (*fructus*) неправильно: «...плоды происходят из вещи по природе, а для процентов необходимо юридическое основание... Правильнее признать, что требование процентов в качестве зависимо-го есть плод другого, главного требования, относящегося к капиталу» [323, с. 75]. «Проценты, — пишет Г. Дербург, — являются долгом наряду с капиталом и, продолжая нарастать за все время существования капитального долга, представляют из себя доход от капитала» [144, с. 80].

Денежное требование порождает процент в случаях, предусмотренных законодательством или договором. Уплата процентов, по нашему мнению, должна быть обязательной или условно-обязательной, когда требование:

1) является денежным капиталом, т. е. возникает в результате предоставления денег с обязательством возврата (требование займодавца, вседержателя, владельца облигации, кредитодателя, вкладчика) либо

2) приравнивается к денежному капиталу. Основанием тому выступает предоставление денег, возврата (возмещения, уплаты) которых вправе потребовать кредитор. Таковым мы считаем требование:

- возратить деньги вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения должником другого обязательства;
- возратить неосновательное денежное обогащение, в том числе вызванное расторжением договора, признанием его незаключенным, недействительностью сделки;
- в регрессном обязательстве.

Остальные денежные требования, на наш взгляд, не могут быть нормативно уподоблены капиталу. К ним, в частности, мы относим:

1) требование платы за предоставленное в кредит благо (товар, результат работы, оказанная услуга и т. д.). Предполагается, что кредит учтен в цене. Вместе с тем цена — продукт договора. Следовательно, данное требование может стать денежным капиталом по соглашению сторон;

2) дополнительное денежное требование (неустойки, процентов).

В ст. 1343-2 ГК Франции, § 248 ГК Германии, п. 2 ст. 317.1 и п. 5 ст. 395 ГК России предусмотрена возможность начисления процентов на проценты (сложных процентов). Подразумеваемое в упомянутых нормах отождествление процента и капитала находим некорректным, но допускаем капитализацию процента, когда он становится частью денежного капитала (дополнительное требование обращается в основное). Так, в ст. 17:101 Принципов европейского контрактного права [811], ст. III.-3:709, IV.F.-1:104 Модельных правил европейского частного права [806] речь идет о годовой капитализации процента, а не о сложных процентах.

Согласно ч. 1 п. 1 ст. 366 ГК Беларуси «за пользование чужими денежными средствами вследствие их неправомерного удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица подлежат уплате проценты на сумму этих средств». Пленум Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь в постановлении от 21 января 2004 г. № 1 [X] разъясняет, что данной нормой «установлена самостоятельная ответственность за неисполнение денежного обязательства независимо от оснований его возникновения...» (ч. 1 п. 1). Причем «проценты, предусмотренные пунктом 1 статьи 366 ГК, по своей природе отличаются от процентов, подлежащих уплате за пользование денежными средствами, предоставленными по договору займа (статья 762 ГК), кредитному договору (статья 771 ГК) либо в качестве коммерческого займа (статья 770 ГК), по договору банковского вклада (статья 773 ГК)» (п. 11). Получается, за просрочку исполнения денежного обязательства возможна двойная ответственность в форме уплаты процентов по ст. 366 ГК Беларуси и аналогично начисляемой неустойки (пени). Удваивается не только ответственность, но и природа процента. Мы не видим политико-правовых оснований сохранения такого положения (множественности природы процента). Еще в XIV в. У. Оккам писал о недопустимости умножения сущностей без необходимости: «*pluralitas non est ponenda sine necessitate*» [306, с. 144]. В связи с этим целесообразно ввести общую норму о проценте и поместить ее за пределами гл. 25 ГК Беларуси «Ответственность за нарушение обязательств». Тем самым будет показано, что процент — не форма ответственности, а лишь доход от денежного капитала. Вместе с тем ст. 366 ГК Беларуси следует изложить в новой редакции, предусмотрев в ней закон-

ную неустойку (пеню) за просрочку исполнения денежного обязательства. В Казахстане, к примеру, ответственность за подобное нарушение установлена в форме неустойки (ст. 353 Гражданского кодекса).

Правила начисления неустойки и процентов будут аналогичны, но ее ставка должна быть выше обычной ставки процента. Так, в п. 12 преамбулы Директивы Европейского парламента и Совета Европейского союза № 2011/7/EU от 16 февраля 2011 г. [794] отмечено, что низкая ставка процента делает просрочку платежа в финансовом плане привлекательной для должников. Ставка законного процента на просроченный платеж (англ. *statutory interest for late payment*) должна быть не менее восьми процентных пунктов (ст. 2 (6) той же директивы).

Учитывая изложенное, предлагаем включить в ГК Беларуси ст. 298-2 следующего содержания:

«Статья 298-2. Проценты по денежному обязательству

1. В случаях, предусмотренных законодательством или соглашением сторон, должник в денежном обязательстве обязан уплачивать кредитору проценты, начисленные на сумму непогашенного долга.

Начисление процентов на проценты, а также процентов на неустойку не допускается.

2. Если иное не предусмотрено законодательством или соглашением сторон:

1) проценты начисляются за каждый день обременения долгом начиная со дня, следующего за днем возникновения долга;

2) проценты за день начисляются на сумму долга, не погашенного к двадцати четырем часам предыдущего дня;

3) дневная ставка процента определяется путем деления годовой ставки процента на триста шестьдесят пять.

3. Проценты на сумму долга в белорусских рублях начисляются по ставке рефинансирования Национального банка Республики Беларусь, действующей на день, за который начисляются проценты, если иная ставка процента не установлена законодательством или соглашением сторон.

4. Проценты на сумму долга в иностранной валюте начисляются по базовой ставке процента в иностранной валюте, действующей на день, за который начисляются проценты, если иная ставка процента не установлена законодательством или соглашением сторон.

Базовой ставкой процента в иностранной валюте считается ставка рефинансирования или иная подобная ей ставка процента, установленная организацией, выполняющей функции центрального (национального) банка на территории эмиссии данной валюты, но не менее одного процента годовых.

5. Проценты на сумму долга в криптовалюте начисляются по базовой ставке процента в криптовалюте, действующей на день, за который начисляются проценты, если иная ставка процента не установлена законодательством или соглашением сторон.

Базовой ставкой процента в криптовалюте считается средняя процентная ставка по краткосрочным займам в криптовалюте, определяемая в соответствии с законодательством.

6. Установленная соглашением сторон ставка процента не может превышать установленную законодательством предельную максимальную ставку процента. В случае такого превышения применяется предельная максимальная ставка процента.

7. Ставка процента, значительно превышающая обычно применяемую в подобных случаях, может быть признана судом чрезмерно обременительной для должника и уменьшена до обычно применяемой, в том числе по иску должника.

Уменьшение судом ставки процента имеет обратную силу, но не влечет возврат соответствующей части добровольно уплаченных процентов.

8. Если иное не предусмотрено законодательством или соглашением сторон, проценты подлежат уплате по истечении каждого календарного месяца, в котором они начислялись, а в том календарном месяце, в котором их начисление прекращено, – после прекращения начисления процентов.

9. В случаях, предусмотренных законодательством, договором банковского вклада или договором, заключенным при осуществлении сторонами предпринимательской деятельности, начисленные, но полностью или частично не уплаченные проценты могут быть прибавлены к оставшейся сумме долга для дальнейшего начисления процентов на его увеличенную сумму (капитализированы).

С момента капитализации процентов обязательство по уплате капитализированных процентов прекращается».

Правила ст. 366 ГК Беларуси предлагаем изложить в следующей редакции:

«Статья 366. Ответственность за просрочку исполнения денежного обязательства

1. В случае просрочки исполнения денежного обязательства должник обязан уплатить кредитору неустойку (пеню), начисленную на сумму непредоставленного исполнения.

Начисление неустойки на неустойку не допускается.

2. Если иное не предусмотрено законодательством:

1) неустойка начисляется за каждый день просрочки исполнения;

2) неустойка за день начисляется на сумму исполнения, обязанность предоставления которого не прекращена к двадцати четырем часам предыдущего дня;

3) ставка неустойки определяется в процентах путем деления ставки процента, применимой в соответствии с пунктом третьим настоящей статьи, на триста шестьдесят пять.

3. Для определения ставки неустойки применяются следующие ставки процента:

1) при просрочке исполнения в белорусских рублях – двойная ставка рефинансирования Национального банка Республики Беларусь, действующая

на день, за который начисляется неустойка, но не менее восьми процентов годовых, если более высокая ставка процента не предусмотрена законодательством или соглашением сторон;

2) при просрочке исполнения в иностранной валюте – двойная базовая ставка процента в иностранной валюте, действующая на день, за который начисляется неустойка, но не менее восьми процентов годовых, если более высокая ставка процента не предусмотрена законодательством или соглашением сторон;

3) при просрочке исполнения в криптовалюте – двойная базовая ставка процента в криптовалюте, действующая на день, за который начисляется неустойка, но не менее восьми процентов годовых, если более высокая ставка процента не предусмотрена законодательством или соглашением сторон.

4. Уплата (взыскание) неустойки ранее предоставления (взыскания) исполнения, на сумму которого она начислена, не допускается».

Исполнение обязанности оказать финансовую услугу состоит в совершении предусмотренных законодательством и договором действий в рамках осуществления предпринимательской деятельности, относимой к финансовым услугам. Исполняя такую обязанность, должник обеспечивает кредитору обладание финансовыми активами и (или) управление финансами. Заметим, что финансовая услуга может быть оказана предоставлением денег, кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев. Тогда мы имеем одновременное исполнение обязанности предоставить эти объекты и обязанности оказать финансовую услугу.

Управление финансами возможно с помощью физических и юридических лиц, действия которых не образуют предпринимательскую деятельность, квалифицируемую как финансовые услуги. Они оказывают услуги, подобные финансовым. Исполнение обязанности оказать квазифинансовую услугу заключается в совершении предусмотренных законодательством и договором действий, входящих в содержание чужого права на финансовый актив. Например, по поручению собственника гражданин доставляет наличные деньги в определенное место и передает другому лицу, индивидуальный предприниматель управляет долей в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью.

Право собственности, сопряженное со свободой договора, позволяет собственнику наделять контрагента временным господством над имуществом первого. Иначе говоря, по выражению С. И. Архипова, собственник выступает центром правовой коммуникации и индивидуально-правового регулирования применительно к конкретному объекту [26, с. 453]. Договорная возможность контрагента принимает форму субъективного права, осуществляемого в своих интересах, либо обязанности, исполняемой в пользу собственника. В отношении финансового актива собственник,

оставаясь таковым, способен порождать у контрагента обязанность, но не право на актив.

Таким образом, ключевые результаты изложенного в настоящем разделе исследования мы сводим к следующим положениям.

Юридическая обязанность представляет собой основанную на нормах права (юридическую) необходимость (безальтернативную возможность) определенного:

- 1) действия (обязанность действия);
- 2) независимого от воли обязанного лица изменения состояния (обязанность претерпевания). Последняя выражает юридическую природу риска и позволяет объяснить феномен гражданско-правовой ответственности.

Финансовые частные обязанности — общее понятие, которое включает в себе обязанность:

- 1) предоставить в пользу кредитора деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи;
- 2) оказать кредитору финансовую или иную подобную услугу;
- 3) претерпевать независимое от воли обязанного лица нежелаемое изменение монетарного состояния (финансовый риск).

Анализ действующего законодательства обнаруживает неудовлетворительное состояние правового регулирования исполнения денежных обязательств. В связи с этим мы предлагаем ряд новых правил (изменений и дополнений ГК Беларуси): безналичное исполнение обязательства (ст. 297-1), валюта денежного обязательства (ст. 298), валюта платежа (ст. 298-1), проценты по денежному обязательству (ст. 298-2), ответственность за просрочку исполнения денежного обязательства (ст. 366).

4.4. Понятие и классификация финансовых договоров

Договор является важнейшим юридическим средством регулирования частных отношений, что объясняется диспозитивностью гражданского права. Неслучайно он назван первым среди оснований возникновения гражданских прав и обязанностей (ч. 2 п. 1 ст. 7 ГК Беларуси). Такое же значение имеет финансовый договор. Его понятие включает родовой признак — гражданско-правовой договор и видовое отличие, которое нам предстоит определить.

В силу п. 1 ст. 390 ГК Беларуси «договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей». Дефиниция белорусского законодателя отражает традиционное в цивилистике понимание договора как соглашения. Но в литературе обычно подчеркивается его волевой характер.

Согласно Д. И. Мейеру, «договор (*contractus, pactum*) представляет собой соглашение воли двух или нескольких лиц, которое порождает пра-

во на чужое действие, имеющее имущественный интерес» [266, с. 497]. На взгляд К. П. Победоносцева, «договор есть сознательное соглашение нескольких лиц, в котором все они совместно изъявляют свою волю для того, чтобы определить между собой юридическое отношение в личном своем интересе, по имуществу» [323, с. 9]. «В договоре, — пишет И. Б. Новицкий, — выражается соединение соответственных, покрывающих друг друга, взаимных волеизъявлений двух сторон (соглашение), имеющих целью установление, изменение или прекращение известного правоотношения [292, с. 10].

Примечательно, что с 1 октября 2016 г. в ст. 1101 ГК Франции (дефинитивной норме о договоре) термин *une convention* (соглашение) заменен выражением *un accord de volontés*, означающим согласованность (совпадение) воли (волеизъявлений). К тому же юридический признак договора сформулирован иначе — создание, изменение, передача или погашение обязательств.

Гражданско-правовой договор — это прежде всего соглашение, результат согласованного по содержанию волеизъявления субъектов. Нет волеизъявления — нет соглашения. Как отмечает Г. Ф. Шершеневич, «недостаточно существования согласной воли двух или более лиц. Соглашение предполагает взаимное познание этой воли, усвоение одним лицом содержания воли другого. До этого времени воля каждого лица представляет собой субъективное состояние, а потому лишена юридического значения, так как право имеет дело только с объективным миром» [481, с. 303].

Согласованное волеизъявление порождает соглашение, но не тождественно ему. Соглашение есть общая воля, качественно отличная от воли каждой из его сторон. Объяснением тому выступает принцип холизма: «совокупность предметов, образующих целостность, обретает некое новое качество, которое отсутствует во входящих в нее предметах. Связи между элементами такой совокупности имеют законоподобный характер и определяют место в ней каждой части» [290, с. 300]. В нашем случае общая воля обретает обязательность для субъектов соглашения. В ней, по словам Г. В. Фегеля, «снят произвол умонастроения и возможность его изменения» [98, с. 102]. Указанное свойство возникает на основе признания обязательности соглашений в данной социальной системе. Скажем, во Франции «договоры, заключенные надлежащим образом, имеют силу закона для тех, кто их заключил» (ст. 1103 ГК, перевод авт. — С. Л.). Разумеется, подчинять других может и индивидуальная воля, однако соглашение, будучи продуктом волеизъявления равных, исключает императивность индивидуальной воли сторон.

По п. 1 ст. 390 ГК Беларуси соглашение считается гражданско-правовым договором, если предусматривает установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Иначе говоря, договор являет

собой общую волю, предмет которой сводится к правам и обязанностям, в том числе финансовым. Значит, финансовый договор — это соглашение об установлении, изменении или прекращении финансовых частных прав и обязанностей. Впрочем, данное определение нуждается в некотором уточнении.

Упомянутое в дефиниции гражданско-правового договора изменение прав и обязанностей мы рассматриваем как их прекращение и возникновение с иным содержанием. Поэтому юридические признаки финансового договора находим возможным ограничить указанием на установление и прекращение прав и обязанностей.

Заключая договор, стороны преследуют свои интересы. К примеру, продавец заинтересован в получении денег в обмен на свою вещь, а покупатель — в получении вещи в собственность в обмен на деньги. Договор купли-продажи создает и обеспечивает юридическую возможность осуществления указанных интересов, возлагая на продавца обязанность передать вещь покупателю в собственность, а на последнего — обязанность принять вещь и уплатить за нее денежную сумму (цену). Установление этих обязанностей и корреспондирующих им прав выступает предметом названного договора. Именно предмет отличает его от других гражданско-правовых договоров. Значит, финансовые частные права и обязанности, образующие видовое отличие финансового договора, всегда находятся в его предмете.

В возмездном договоре одна из сторон обычно получает плату за предоставление (п. 1 ст. 393 ГК Беларуси), но финансовая (денежная) обязанность в предмете такого договора придает последнему возмездный, а не финансовый характер. Его же специфика, определяющая особенности регулирования, обнаруживает себя в противоположной обязанности, что отражается в классификации поименованных договоров. М. И. Брагинский, например, разделяет их «на четыре группы: направленные, во-первых, на передачу имущества, во-вторых, на выполнение работ, в-третьих, на оказание услуг и, в-четвертых, на учреждение различных образований» [62, с. 401]. Следовательно, в возмездном финансовом договоре обязанность, за исполнение которой сторона получает плату, должна быть финансовой — в его предмете нет места нефинансовым обязанностям.

Признаком возмездности является не только уплата денег, но и другое встречное предоставление — передача вещи, выполнение работы, оказание услуги и т. п. Договор, предусматривающий нефинансовое предоставление за исполнение финансовой обязанности, мы не признаем финансовым, однако применяем к нему правила о финансовом договоре (п. 2 ст. 538, п. 2 ст. 391 ГК Беларуси).

Таким образом, **финансовый договор** — это гражданско-правовой договор, предмет которого состоит в установлении и прекращении исключительно финансовых частных прав и обязанностей.

Рассматриваемое понятие охватывает множество договоров, потому в его раскрытии целесообразно прибегнуть к классификации. Во-первых, она позволяет познать исследуемое явление в многообразии. Как пишет Ф. Боуэн, «первая необходимость, которую вызывает у нас строение самого разума, состоит в том, чтобы распределить бесконечное богатство природы на группы и классы вещей по их сходству и родственной близости и тем самым увеличить когнитивный потенциал наших умственных способностей. <...> Первые усилия в стремлении к знаниям должны быть направлены на дело классификации» (перевод авт. — С. П.) [511, с. 315—316]. Во-вторых, она дает возможность сопоставить финансовые договоры с классами (типами, видами, подвидами) поименованных договоров и определить место норм о финансовых договорах в гражданском праве.

Заключение гражданско-правового договора, но не соглашения о его расторжении, которым в целях классификации мы пренебрегаем, подразумевает возникновение права или обязанности хотя бы на одной стороне. В связи с этим финансовые частные права и обязанности образуют шесть возможных пар корреспондирующих изменений, наступающих вследствие заключения финансового договора (табл. 4.5).

Таблица 4.5

Корреспондирующие изменения вследствие заключения финансового договора

№ п/п	Сторона 1	Сторона 2
1	Прекращение субъективного права собственности на финансовый актив	Возникновение субъективного права собственности на финансовый актив
2	Возникновение субъективного права получить исполнение в финансовом обязательстве	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора финансовый актив
3	Прекращение обязанности предоставить в пользу кредитора финансовый актив	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора финансовый актив
4	Возникновение субъективного права получить исполнение в обязательстве по оказанию финансовых и иных подобных услуг	Возникновение обязанности оказать кредитору финансовую или иную подобную услугу
5	Прекращение обязанности оказать кредитору финансовую или иную подобную услугу	Возникновение обязанности оказать кредитору финансовую или иную подобную услугу
6	Прекращение финансовой обязанности претерпевания (финансового риска)	Возникновение финансовой обязанности претерпевания (финансового риска)

Указанные пары выявляют пять классов финансовых договоров:

- 1) договоры о передаче финансовых активов (1, 2);
- 2) договоры оказания финансовых и иных подобных услуг (4);
- 3) договоры об установлении и осуществлении права общей собственности на финансовые активы (2, 4);
- 4) договоры о передаче финансового риска (6);
- 5) договоры о замене должника в финансовом обязательстве или обязательстве по оказанию финансовых и иных подобных услуг (3, 5).

Передача финансовых активов может быть безвозмездной и со встречным предоставлением. В первом случае мы квалифицируем дарение. В основе же возмездной передачи лежат различные договорные модели. Для их идентификации представим возможные комбинации пар корреспондирующих изменений, предварительно выделив из финансовых активов деньги. Учитываем, что в предмете возмездного договора о передаче имущества всегда присутствует обязанность, а на каждой его стороне поддерживается юридический баланс: возникновение права сопровождается возникновением обязанности либо прекращением другого права, прекращению обязанности сопутствует прекращение права либо возникновение обязанности и т. д. В результате мы имеем семь конструкций предмета возмездного договора о передаче финансовых активов (табл. 4.6).

В первых четырех конструкциях право собственности на финансовый актив прекращается и возникает в момент заключения договора. Такое возможно при заключении:

- 1) реального договора (п. 2 ст. 403 ГК Беларуси);
- 2) консенсуального договора, когда:
 - законодательство или стороны указывают на данный момент согласно п. 1 ст. 224 ГК Беларуси;
 - оферта акцептуется передачей финансового актива в соответствии с п. 3 ст. 408 ГК Беларуси или в порядке реализации опциона на заключение договора (ч. 4 п. 5.2 Декрета № 8).

Анализ приведенных конструкций позволяет назвать следующие договоры о передаче финансовых активов со встречным предоставлением:

- 1) финансовая рента — отчуждение финансовых активов под выплату ренты (1, 3);
- 2) заем финансовых активов (1, 4, 5);
- 3) купля-продажа финансовых активов (2, 3, 6);
- 4) мена финансовых активов (4, 7).

Финансовые договоры второго класса мы разделяем на две части: 1) договоры оказания финансовых услуг и 2) договоры оказания квазифинансовых услуг. Первая часть распределяется по секторам финансовых услуг и включает договоры оказания банковских (квазибанковских), страховых, фондовых и игровых услуг.

Таблица 4.6

Конструкции предмета возмездного договора о передаче финансовых активов

№ п/п	Сторона 1	Сторона 2
1	Прекращение субъективного права собственности на деньги	Возникновение субъективного права собственности на деньги
	Возникновение субъективного права получить деньги за счет должника	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора деньги
2	Прекращение субъективного права собственности на деньги	Возникновение субъективного права собственности на деньги
	Возникновение субъективного права получить иной финансовый актив за счет должника	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора иной финансовый актив
3	Прекращение субъективного права собственности на иной финансовый актив	Возникновение субъективного права собственности на иной финансовый актив
	Возникновение субъективного права получить деньги за счет должника	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора деньги
4	Прекращение субъективного права собственности на иной финансовый актив	Возникновение субъективного права собственности на иной финансовый актив
	Возникновение субъективного права получить иной финансовый актив за счет должника	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора иной финансовый актив
5	Возникновение субъективного права получить деньги за счет должника	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора деньги
	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора деньги	Возникновение субъективного права получить деньги за счет должника
6	Возникновение субъективного права получить деньги за счет должника	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора деньги
	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора иной финансовый актив	Возникновение субъективного права получить иной финансовый актив за счет должника
7	Возникновение субъективного права получить иной финансовый актив за счет должника	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора иной финансовый актив
	Возникновение обязанности предоставить в пользу кредитора иной финансовый актив	Возникновение субъективного права получить иной финансовый актив за счет должника

Отметим, что некоторые из них содержат признаки договоров первого класса (к примеру, банковский кредит, факторинг, банковский вклад, обмен валюты). Договоры второй части предусматривают совершение лицами, не относящимися к субъектам финансовых услуг, действий в интересах собствен-

ника финансового актива, составляющих содержание его права собственности (непрофессиональное хранение финансовых активов, их перевозка и т. д.).

Представителем третьего класса выступает договор простого товарищества, по которому соединяются вклады в виде финансовых активов. В Российской Федерации отдельно поименован договор инвестиционного товарищества. На его основании «двое или несколько лиц (товарищей) обязуются соединить свои вклады и осуществлять совместную инвестиционную деятельность без образования юридического лица для извлечения прибыли» (ч. 1 ст. 3 Федерального закона Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. «Об инвестиционном товариществе» [675]).

Договоры четвертого класса предназначены для дозволенного законодательством перераспределения финансовых рисков. Из второго класса эту функцию выполняют договоры оказания страховых и банковских услуг, но принимать на себя риски контрагентов могут не только страховщики и банки.

Для передачи валютного и инвестиционного рисков используются договоры, признаваемые финансовыми инструментами срочных сделок, или производными финансовыми инструментами (п. 2.35 ст. 13 Налогового кодекса Республики Беларусь [643], далее — НК Беларуси): опционы, фьючерсы, форварды, свопы. Риск утраты финансовых активов передаваем по соглашению о возмещении имущественных потерь. На передачу кредитного квазириска направлены договоры о предоставлении личного обеспечения (поручительства, гарантии) и (или) вещного обеспечения (залога) третьего лица.

Последнему классу соответствуют договоры перевода долга, по которым обязанность предоставить в пользу кредитора деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи либо обязанность оказать кредитору финансовую или иную подобную услугу прекращается у одной стороны и возникает у другой. В силу ч. 2 п. 1 ст. 391 ГК России «в обязательствах, связанных с осуществлением их сторонами предпринимательской деятельности, перевод долга может быть произведен по соглашению между кредитором и новым должником, согласно которому новый должник принимает на себя обязательство первоначального должника».

Таким образом, мы предлагаем классификацию финансовых договоров, отраженную в табл. 4.7.

В приведенной классификации выделяются договоры, заключаемые только со специальными субъектами — банками, страховщиками, профессиональными участниками рынка ценных бумаг и т. д. Учитывая особенности регламентации их деятельности, мы разграничиваем: 1) общегражданские финансовые договоры и 2) договоры оказания финансовых услуг.

Общегражданские финансовые договоры подлежат регулированию преимущественно нормами ГК Беларуси. В основном они квалифицируются как поименованные: купля-продажа (гл. 30), мена (гл. 31), дарение

(гл. 32), рента (гл. 33), возмездное оказание услуг (гл. 39), заем (гл. 42), простое товарищество (гл. 54) и др. Принимая во внимание наши представления о вещах, финансовых активах и имуществе, считаем целесообразным уточнить дефиниции некоторых договоров.

Таблица 4.7

Классификация финансовых договоров

Договоры о передаче финансовых активов	Договор дарения финансовых активов	
	Договор финансовой ренты	
	Договор займа финансовых активов	
	Договор купли-продажи финансовых активов	
	Договор мены финансовых активов	
Договоры оказания финансовых и иных подобных услуг	Договоры оказания финансовых услуг	Договоры оказания банковских услуг
		Договоры оказания квазибанковских услуг
		Договоры оказания страховых услуг
		Договоры оказания фондовых услуг
		Договоры оказания игорных услуг
	Договоры оказания квазифинансовых услуг	
Договоры об установлении и осуществлении права общей собственности на финансовые активы		
Договоры о передаче финансового риска		
Договоры о замене должника в финансовом обязательстве или обязательстве по оказанию финансовых и иных подобных услуг		

Предметом купли-продажи является «имущество (вещь, товар)» (п. 1 ст. 424 ГК Беларуси), т. е. имущество, сводимое к вещам. Следовательно, передача в собственность иного имущества за деньги остается за пределами договора купли-продажи, что нельзя найти разумным. Поэтому слово «вещь» из указанной нормы необходимо исключить. В п. 1 ст. 425 ГК Беларуси стоит установить новое правило: *товаром не могут быть деньги и имущество, изъятые из оборота*. Однако банкноты и монеты как валютные инструменты способны быть товаром, например при подкреплении операционной кассы банка, когда он приобретает их у Национального или другого банка.

Для передачи отдельных видов имущества (финансовое требование, доля в уставном фонде) требуется только соглашение. В таком случае договор купли-продажи не обязывает продавца передать товар: покупатель становится его собственником либо в момент заключения договора, либо в согласованный момент будущего независимо от воли продавца. Но по п. 1 ст. 424 ГК Беларуси продавец обязуется передать, а не передает имущество. На первый взгляд проблема решается использованием выражения «передает или обязуется передать». Скажем, в ст. 186 кн. 5 проекта Гражданского уложения Российской империи было определено, что «по договору прода-

жи продавец передает или обязуется передать определенное недвижимое или движимое имущество в собственность покупщику за условленную денежную сумму (покупную цену)» [765]. Как объяснили разработчики, «одновременная с заключением договора передача имущества в собственность покупщика является общим правилом, почему необходимо особо упомянуть о ней в определении договора продажи. <...> Выражение “передает или обязуется передать” заимствовано из кассационной практики...» [765, с. 400]. Аналогичные положения мы наблюдаем в ст. 2 английского Закона о продаже товаров 1979 г. (Sale of Goods Act 1979) [810] и ст. 2-106 Единообразного торгового кодекса США (Uniform Commercial Code) [639]. Авторы Кодекса Европейского договорного права (European Contract Code) [800] допускают не только обязанность оплаты товара против его передачи, но и обязанность передачи товара против его оплаты (ст. 174). Вместе с тем употребление слова «передает» в легальной дефиниции договора свидетельствует о его реальной модели. Но договор купли-продажи в отечественной традиции считается консенсуальным. К тому же заключение реального договора представлено формулой «соглашение + передача имущества» (п. 2 ст. 403 ГК Беларуси), а обсуждаемый вопрос связан с формулой «соглашение = передача имущества». По мнению В. В. Витрянского, «когда момент вступления договора в силу совпадает с фактической передачей товара, можно говорить об особом порядке заключения договора купли-продажи и о том, что он исполняется в момент заключения, но не о реальном характере договора» [61, с. 15]. В нашем случае нет исполнения обязанности передать имущество. В то же время особый порядок заключения договора купли-продажи имеет место. Действительно, консенсуальная модель договора не исключает возможность совершения распорядительных действий в момент и путем его заключения. При этом вид договора не меняется. Значит, выявленная проблема таковой не является.

«По договору мены каждая из сторон обязуется передать в собственность другой стороны один товар в обмен на другой» (п. 1 ст. 538 ГК Беларуси). Стало быть, соглашение об обмене денег не считается договором мены. Такой подход находим неприемлемым и предлагаем новую редакцию: *По договору мены каждая из сторон обязуется передать в собственность другой стороны один товар в обмен на другой либо одни деньги в обмен на другие*. Под другими деньгами мы подразумеваем деньги в иной валюте, а также деньги, имеющие другой правовой режим (например, электронные деньги). Примечательно, что договор мены по проекту Гражданского уложения Российской империи предусматривал «обмен одного имущества на другое или денег на деньги» (ч. 1 ст. 241 кн. 5) [765]. Правило п. 2 ст. 538 ГК Беларуси следует ограничить договором мены товаров («К договору мены товаров применяются...») и дополнить частью второй: *Отношения по обмену денег регулируются законодательством*.

Изменения, на наш взгляд, необходимы в определении договоров дарения (ч. 1 п. 1 ст. 543 ГК Беларуси) и займа (ч. 1 п. 1 ст. 760 ГК Беларуси). De lege ferenda мы видим следующее:

По договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) имущество в собственность либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом.

По договору займа одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги, вещи, определенные родовыми признаками, или эмиссионные ценные бумаги, а заемщик обязуется возвратить заимодавцу такую же сумму тех же денег (сумму займа) или равное количество вещей того же рода и качества либо ценных бумаг того же или дополнительного выпуска.

В 2018 г. в белорусском законодательстве появилось понятие договора конвертируемого займа, по которому «одна сторона (заимодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги, а заемщик при наступлении определенного договором обстоятельства, в том числе зависящего от воли заемщика и (или) заимодавца, либо при совершении заемщиком или третьими лицами определенных договором действий передает заимодавцу принадлежащие заемщику акции, долю (часть доли) в уставном фонде заемщика, находящиеся на балансе заемщика, либо увеличивает уставный фонд на сумму конвертируемого займа с передачей заимодавцу акций, эмитентом которых является заемщик, или доли (части доли) в уставном фонде заемщика» (ч. 2 п. 5.1 Декрета № 8). По нашему убеждению, оно непригодно для применения.

Во-первых, приведенная формулировка не относится к гражданско-правовому договору в смысле п. 1 ст. 390 ГК Беларуси. В ней не выражены права и обязанности: обе стороны что-то передают, но не обязаны делать это.

Во-вторых, если здесь ввести обязанность передачи на стороне заемщика, получится близкий к купле-продаже договор (обмен денег на доле-вые инструменты) с обусловленным исполнением неденежного обязательства, но не договор займа.

Полагаем, необходимость выделения и нормативного закрепления договора конвертируемого займа отсутствует. Законодателю достаточно создать условия для конвертации займов, а в гл. 42 ГК Беларуси установить:

Договором займа может быть предусмотрен условный обмен требования по возврату суммы займа на акции, долю (часть доли) в уставном фонде заемщика (конвертация займа).

Конвертация займа производится в порядке, предусмотренном законодательством и договором, при наступлении определенного договором обстоятельства, в том числе зависящего от воли заемщика и (или) заимодавца, либо

при совершении заемщиком или третьими лицами определенных договором действий.

Общегражданские финансовые договоры лежат в основе построения более сложных договорных конструкций: репо, своп и т. д.

Согласно абз. 2 ч. 3 п. 1 Инструкции о порядке обращения ценных бумаг на территории Республики Беларусь, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 31 августа 2016 г. № 76 [731], «сделка РЕПО – сделка по продаже (покупке) ценных бумаг (первая часть РЕПО) с обязательной последующей обратной покупкой (продажей) ценных бумаг того же выпуска в том же количестве (вторая часть РЕПО) через определенный договором срок по цене, установленной этим договором при заключении первой части такой сделки». Как видим, сделка репо объединяет прямую и обратную куплю-продажу ценных бумаг, что обнаруживает экономические отношения займа денег или ценных бумаг. Однако юридическая природа репо заключается не в возврате такой же суммы денег или равного количества ценных бумаг, а в обратной продаже ценных бумаг того же выпуска в том же количестве. По Г. Ф. Шершеневичу, «правильным является взгляд на репорт как на сделку, составленную из двух покупок: а) покупки за наличные с немедленным вручением бумаг и б) продажи в кредит с обязанностью передать бумаги того же рода к определенному сроку. Особенность репорта состоит в неразрывной связи обоих моментов. Совершенные последовательно между теми же лицами из-за тех же бумаг покупка и продажа будут двумя сделками купли-продажи, но не репортом» [479, с. 436]. В исследовании П. В. Хлюстова «договор РЕПО является не самостоятельным типом договора, а видом непоименованного в российском законодательстве самостоятельного договорного типа – договора купли-продажи с обязательством обратного выкупа» [459, с. 124]. В нашем представлении сделка репо – это разновидность договора о передаче финансовых активов, применяемая для регулирования экономических отношений займа.

В силу п. 2 Инструкции о порядке рефинансирования Национальным банком Республики Беларусь банков Республики Беларусь в форме сделок своп, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 8 февраля 2013 г. № 76 [735], «под сделкой СВОП понимается покупка Национальным банком у банка иностранной валюты за белорусские рубли (прямая сделка) с обязательством продажи иностранной валюты за белорусские рубли через определенный сторонами по сделке срок (обратная сделка). При этом сумма иностранной валюты не изменяется». Такой своп, именуемый валютным, подобен сделке репо. Хотя в его дефиниции речь идет о покупке и продаже валюты, мы усматриваем здесь прямую и обратную мену денег, юридически оформляющую экономические отношения займа. Впрочем, в Инструкции по бухгалтерскому учету сделок с производными инструментами в банках Республики

Беларусь, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 29 декабря 2007 г. № 414 [741], валютный своп определяется как «договор сторон об обмене одной валюты на другую валюту (прямая сделка) с обязательным совершением в определенную дату в будущем обратного обмена валютами (обратная сделка) по курсам, установленным сторонами в договоре» (абз. 8 ч. 1 п. 3). Вместе с ним упоминается «процентный СВОП — производный инструмент, представляющий собой договор сторон об обмене в определенную дату в будущем одного денежного потока, рассчитанного по фиксированной процентной ставке, на другой денежный поток, рассчитанный по плавающей процентной ставке» (абз. 6 ч. 1 п. 3 той же инструкции). Указанный обмен денежными потоками означает прекращение взаимных денежных требований (процентов) с выплатой разницы кредитору с большим размером требования. Иначе говоря, процентный своп есть договор на разницу. «В торговом обороте, — объясняет Г. Ф. Шершеневич, — господствует тот принцип, в силу которого купец как представитель частного хозяйства заинтересован не в самом товаре, проходящем через его руки, а в той меновой ценности, которая остается в его руках. Главное значение имеет разность между ценою приобретения и ценою отчуждения. <...> Многие сделки, совершенные в серьезном намерении приобрести товары или ценные бумаги, кончаются расчетом разности цен условленной и рыночной. <...> Это будут сделки на разность, которые, хотя могут совершаться вне биржи, но существуют и питаются главным образом биржевой атмосферой. Здесь биржевая сделка уже совсем близко подходит к пари или игре» [479, с. 434].

Опционы, фьючерсы, форварды, свопы и другие производные финансовые инструменты, будучи договорами, признаются финансовыми инструментами срочных сделок (п. 2.35 ст. 13 НК Беларуси). Порядок торговли ими на организованном рынке регулируется локальными нормативными правовыми актами организатора торговли ценными бумагами (п. 3 Инструкции о порядке совершения срочных сделок в торговой системе организатора торговли ценными бумагами, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 18 ноября 2016 г. № 98 [737], далее — Инструкция о срочных сделках). Складывается впечатление, что названные договоры выступают объектами гражданских прав. К слову, в Казахстане они включены в состав таких объектов на уровне Гражданского кодекса (ст. 115, § 1-1 гл. 3). Но если договоры — объекты гражданских прав, они «могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства (наследование, реорганизация юридического лица) либо иным способом» (п. 1 ст. 129 ГК Беларуси). Ведь в законодательстве не упоминается изъятие их из оборота и ограничение в нем. Однако в белорусском правопорядке предусмотрена лишь передача (уступка, перевод) прав и (или) обязанностей сторо-

ны договора, а не передача самого договора. В ГК России присутствует ст. 392.3 «Передача договора», но под ней понимается одновременная передача стороной всех прав и обязанностей по договору. Аналогичные правила содержатся в Принципах европейского контрактного права (ст. 12:201) и Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 г. (ст. 9.3.1). Значит, передача договора сводится к передаче договорной позиции — совокупности прав и обязанностей стороны договора. Именно так именуется одновременная передача прав и обязанностей по договору в Модельных правилах европейского частного права (art. III.-5:302: Transfer of contractual position). Следовательно, договоры не объекты гражданских прав. Но как тогда покупают и продают производные финансовые инструменты (договоры) в процессе совершения срочных сделок с ними?

На самом деле в результате срочной сделки с производным финансовым инструментом никаких прав и обязанностей в отношении последнего не возникает. Срочной считается сделка, заключенная в торговой системе организатора торговли ценными бумагами и влекущая приобретение ее сторонами прав и обязанностей в отношении *базисного актива* (абз. 9 ч. 1 п. 2 Инструкции о срочных сделках). Купля-продажа производных финансовых инструментов не тождественна купле-продаже товаров в гражданско-правовом смысле. К примеру, покупка фьючерса (договора) означает не получение фьючерса в собственность, а приобретение прав и обязанностей покупателя базисного актива по этому договору (открытие длинной позиции). И наоборот, продажа фьючерса — приобретение прав и обязанностей продавца по тому же договору (открытие короткой позиции).

Классифицируя финансовые договоры, мы выделяем договоры оказания финансовых услуг, а именно договоры оказания банковских, квазибанковских, страховых, фондовых и игорных услуг, представленные в табл. 4.8.

Субъекты финансовых услуг совершают и обычные сделки, но рассматриваемые договоры они заключают в процессе осуществления предпринимательской деятельности, относимой к финансовым услугам.

Договоры оказания финансовых услуг могут быть односторонними и двусторонними, реальными и консенсуальными, меновыми и рисковыми, возмездными и процентными. Однако наше видение возмездности отличается от нормативного.

Согласно п. 1 ст. 393 ГК Беларуси возмездным признается «договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей». Приведенные признаки возмездности вызывают некоторые вопросы. Будет ли возмездным реальный договор, предусматривающий встречное предоставление лицу, передавшему имущество? Что понимать под предоставлением в данном контексте? Существуют ли договоры, не классифицируемые в качестве возмездных и безвозмездных?

Таблица 4.8

Договоры оказания финансовых услуг

Договоры оказания банковских услуг	Кредитный договор
	Договор факторинга
	Договор банковского вклада (депозита)
	Договор банковского счета
	Договор доверительного управления деньгами
	Другие договоры оказания банковских услуг
Договоры оказания квазибанковских услуг	Договор лизинга
	Договор микрозайма
	Договор форфейтинга
	Соглашение о совершении операций с беспоставочными внебиржевыми финансовыми инструментами
	Договор о почтовом денежном переводе
	Договор обмена криптовалют
Договоры оказания страховых услуг	Другие договоры оказания квазибанковских услуг
	Договор страхования
Договоры оказания фондовых услуг	Договор перестрахования
	Договор оказания брокерских услуг
	Договор доверительного управления ценными бумагами
	Договор об оказании услуг клиринговой организацией
	Депозитарный договор
	Договор об участии в торгах
Договоры оказания игорных услуг	Другие договоры оказания фондовых услуг
	Соглашение о выигрыше
	Договор об участии в лотерее
	Договор об участии в электронной интерактивной игре
	Другие договоры оказания игорных услуг

Думаем, в указанной норме законодатель предполагал лишь двусторонне обязывающие договоры и не учел распорядительные действия, отличные от исполнения обязанностей. Но «...возмездные договоры, — пишет В. А. Белов, — нельзя сводить к одним только синаллагматическим, ибо они охватывают собой также такие односторонне обязывающие договоры, в которых встречное удовлетворение предоставляется прежде предмета (реальные договоры), т. е. является более широким» [41, с. 223].

Стороны получают предоставление в результате заключения договора или исполнения контрагентом договорного обязательства. Поэтому полученное предоставление есть ценность, принимающая следующие формы: 1) возникшее у стороны субъективное право на имущество или на отчуждаемое неимущественное благо; 2) прекращение ее юридической

обязанности; 3) результат выполненной в ее пользу работы или оказанной услуги. Например, по договору купли-продажи продавец получает право собственности на деньги, а покупатель — право собственности на товар. По возмездному договору перевода долга первоначальный должник получает освобождение от лежащей на нем обязанности, а новый должник — право собственности на деньги или иное предоставление.

Передача вещи во владение, на наш взгляд, не создает вышеназванную ценность. Если же у нового владельца возникает право на вещь, он считается получившим предоставление. Так, по договору ссуды происходит передача вещи во владение ссудополучателя и ее возврат во владение ссудодателя, но он признается безвозмездным, поскольку ссудополучатель приобретает право пользования вещью и за него не платит. Аналогично передача вещи во владение перевозчика, хранителя, доверительного управляющего и ее возврат во владение отправителя, поклажедателя, вверителя не дают достаточных оснований утверждать возмездность соответствующих договоров. Вместе с тем они предусматривают оказание услуг, обязанность оплаты которых придает договорам возмездный характер.

Возмездность требует встречного предоставления. Оно, разумеется, отсутствует в договорах с односторонним предоставлением (безвозмездных договоров). Полагаем, его нет и в договорах с возвратным предоставлением. Последнее мы усматриваем в правоотношениях займа, кредита, банковского вклада (депозита), обязывающих к возврату имущества в собственность. К примеру, заемщик получает деньги и обязуется возратить такую же сумму тех же денег в собственность заимодавца. Полученное заимодавцем и иное подобное предоставление мы называем возвратным. В отличие от встречного оно никогда не предшествует и всегда тождественно предоставлению контрагента (состоит в праве собственности на те же деньги, вещи того же рода и качества либо ценные бумаги того же или дополнительного выпуска). Поэтому договоры займа, кредита, банковского вклада (депозита) мы не классифицируем в качестве возмездных и безвозмездных. Они бывают только процентными, а заем — еще и беспроцентным.

Таким образом, возмездным следует считать договор, по которому каждая сторона должна получить встречное предоставление. Похожее определение закреплено в ч. 1 ст. 1107 ГК Франции: договор является возмездным (фр. *à titre onéreux*), когда каждая из сторон получает от другой стороны выгоду (фр. *un avantage*) в обмен на то, что она предоставляет.

В настоящее время нормы о договорах оказания финансовых услуг содержатся в ГК Беларуси, БК Беларуси, указах Президента Республики Беларусь и других актах законодательства. Находим целесообразным поместить их в единый законодательный акт с систематизированным изложением правовых предписаний — кодекс о финансовых услугах и внести следующие изменения в ГК Беларуси:

1) *исключить применение правил гл. 39 «Возмездное оказание услуг» к договорам оказания финансовых услуг;*

2) *из разд. IV «Отдельные виды обязательств» исключить статьи 771 «Кредитный договор» (гл. 42 будет именоваться «Заем»), 811 «Хранение ценностей в банке или небанковской кредитно-финансовой организации», 812 «Хранение ценностей в индивидуальном банковском сейфе», 908 «Доверительное управление ценными бумагами», а также главы 43 «Финансирование под уступку денежного требования (факторинг)», 44 «Банковский вклад (депозит)», 45 «Текущий (расчетный) банковский счет», 46 «Расчеты», 48 «Страхование», 57 «Проведение игр и пари».*

Итак, познание финансового договора приводит нас к следующим положениям.

Финансовый договор — это гражданско-правовой договор, предмет которого состоит в установлении и прекращении исключительно финансовых частных прав и обязанностей.

Финансовые договоры делятся на пять классов:

1) договоры о передаче финансовых активов (дарение, купля-продажа, мена, рента, заем);

2) договоры оказания финансовых и иных подобных услуг;

3) договоры об установлении и осуществлении права общей собственности на финансовые активы;

4) договоры о передаче финансового риска;

5) договоры о замене должника в финансовом обязательстве или обязательстве по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

Учитывая особенности регламентации деятельности субъектов финансовых услуг, мы разграничиваем: 1) общегражданские финансовые договоры и 2) договоры оказания финансовых (банковских, квазибанковских, страховых, фондовых, игорных) услуг.

ФИНАНСОВОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Право — явление системное. Как пишет В. П. Мозолин, «оно состоит из множества разнородных структур, первичную клетку которых составляет правовая норма. Правовые нормы одноцелевого характера объединяются в институты, а институты в зависимости от сферы их применения и выполняемых ими функций — в более крупные правовые общности» [276, с. 110]. Следовательно, финансовое частное право представляет собой: 1) компонент системы права, в том числе частного, и в то же время 2) систему с собственной структурой.

Будучи элементом системы, финансовое частное право может быть определено через род, охватывающий нормы частного права, и видовое отличие, позволяющее отграничить исследуемый феномен от других нормативных образований данного рода.

Принимая юридический позитивизм, под частным правом мы понимаем совокупность юридических норм, моделирующих частные правоотношения. В поиске же видового отличия мы приходим к дискуссии о системе права, а точнее, об основаниях его дифференциации.

«Классификация правовых норм, — утверждает М. А. Аржанов, — должна совершаться лишь по одному принципу — по конкретному содержанию общественных отношений, регулируемых правом, по предмету правового регулирования» [20, с. 3]. С точки зрения Д. М. Генкина, «право должно разделяться по отраслям в зависимости от той области общественных отношений, которую эти отрасли права призваны регулировать, т. е. по предмету регулирования» [102, с. 35]. На его взгляд, «метод регулирования является лишь производным моментом и не может сам по себе служить критерием для разграничения отраслей права» [102, с. 29]. Подобную позицию занимает М. М. Агарков: «Если мы будем классифицировать материал советского права по методу регулирования, то мы будем вынуждены, во-первых, относить к различным отраслям советского права нормы, регулирующие одни и те же общественные отношения, во-вторых, для

разных этапов истории советского права по-разному распределять между отраслями советского права те общественные отношения, которые регулирует советское право. В результате этого мы получим классификацию, теоретически и практически непригодную» [3, с. 53–54]. Построение системы права по предмету регулирования находит поддержку в работах В. С. Тадевосяна [389, с. 102], Г. И. Петрова [313, с. 92], С. И. Вильнянского [80, с. 105], С. М. Корнеева [202, с. 23].

По мнению ряда авторов, право следует систематизировать на основе предмета и метода регулирования. «При разграничении отдельных отраслей права, — полагает С. Н. Братусь, — нельзя игнорировать самого метода правового регулирования, не забывая, что различия в методах регулирования отражают различия в реальных общественных отношениях или в тех или иных сторонах общественных отношений, регулируемых правом. Такой путь научной систематизации позволяет нам классифицировать правовые отношения в соответствии с их юридической природой и вместе с тем вскрыть за юридической формой те общественные отношения, регулирование которых осуществляется именно в данной форме» [64, с. 37–38]. Как считает С. Ф. Кечекьян, «метод правового регулирования не отделим от его предмета. Предмет регулирования, т. е. те или иные общественные отношения, составляет одно целое с их правовым оформлением, следовательно, включает в себя всегда определенный метод регулирования» [194, с. 41]. По суждению М. Д. Шаргородского и О. С. Иоффе, «отрасли права, входящие в состав единой системы права, отличаются друг от друга по единству предмета и метода правового регулирования» [477, с. 105]. С. С. Алексеев отмечает, что предмет регулирования — это единый классификационный критерий системы права, а метод — второстепенной, но также необходимый признак [13, с. 100–101].

В литературе присутствуют и другие подходы к построению системы права. Так, согласно Л. И. Дембо, «система права — это совокупность законных в ней правовых принципов и обусловленная этими принципами систематика права» [136, с. 89]. Каждая отрасль права, на его взгляд, конкретизирует общие принципы в соответствующей области правоотношений, причем один из них имеет доминирующее значение [136, с. 95]. «Доминирующий принцип объединяет данную область отношений и специфицирует соответствующие правоотношения» [136, с. 96].

По утверждению В. Ф. Мешеры, классифицируемым материалом системы права выступают правовые нормы. Поскольку каждая из них состоит из гипотезы, диспозиции и санкции, характер отношений, для регулирования которых предназначена правовая норма, проявляется в этих элементах. Используя санкционный критерий, он разделяет право на основные отрасли: уголовное, административное и гражданское право, указывая, что приведенная классификация исчерпывает всю совокупность правовых

норм. Однако особенности общественных отношений обнаруживают себя не только в санкциях. Некоторые отношения возникают исключительно или преимущественно в отдельной сфере человеческой деятельности, что выражается в гипотезах и диспозициях правовых норм. По этим признакам производится не деление права на равнозначные части, а выделение отраслей с учетом разнообразных факторов политического, экономического, исторического и даже географического порядка. К числу подобных отраслей ученый относит трудовое, семейное, финансовое, колхозное, морское, воздушное, земельное право, гражданское процессуальное и уголовное процессуальное право [269, с. 97].

С точки зрения Р. З. Лившица, «отрасль права и отрасль законодательства — различные термины, за которыми скрывается тождественное содержание» [235, с. 28]. В качестве критериев отрасли законодательства, а не отрасли права он принимает предмет, метод и степень регулирования (наличие кодифицированных актов) [235, с. 29].

По мнению М. И. Байтина, можно выделить три блока признаков, раскрывающих наиболее существенные черты или признаки отрасли права:

1) общие системные признаки — функциональность и субстанциональность в их сочетании, придающие отрасли права самостоятельность. Функциональные качества включают государственно-волевой характер, нормативность и свойство официально-властного регулятора общественных отношений; общеправовые принципы и функции. В то же время, являясь самостоятельными элементами, отрасли права обладают рядом субстанциональных свойств, присущих им независимо от взаимных связей, в которых они находятся;

2) материальные признаки, показывающие предмет регулирования отрасли права, который связан с предметами регулирования различных отраслей, но не совпадает с ними. Это следствие общих системных свойств отрасли права;

3) юридические признаки, раскрывающие специфику, принципы и функции нормативно-регулятивного воздействия отрасли права на ее предмет. Они определяют метод правового регулирования [34, с. 29—30].

Согласно В. П. Мозолину, «структурная система права в ее обобщенном виде состоит из трех уровней: конституционного права; основных ветвей права; правовых образований, функционирующих в отдельных сферах жизнедеятельности общества и государства» [276, с. 110—111]. Основными критериями разграничения названных уровней являются: 1) сфера действия правовых норм, входящих в правовые общности соответствующих структурных уровней; 2) характер и юридическая природа правоотношений, возникающих в результате правового регулирования социальных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества и государства; 3) регулирующие возможности указанных правовых норм. Ветви права

(гражданское, трудовое, административное, налоговое, уголовное, процессуальное право), будучи на втором уровне, регулируют только им присущие виды общественных отношений. Каждая из них имеет свой тип правоотношения, отличается единством структуры построения и целостностью [276, с. 111–112].

Очевидно, что позитивное право как совокупность юридических норм подлежит дифференциации на основании свойств последних.

Так, по их юридической силе белорусское право можно разложить на три уровня: 1) конституционное право, объединяющее нормы высшей юридической силы; 2) нормы, содержащиеся в иных законодательных актах (законах, декретах, указах); 3) нормы, выраженные в других актах законодательства.

Существенное свойство всех юридических норм – регулирование социального поведения, или моделирование правовых отношений субъектов такого поведения. Поэтому основным признаком классификации мы считаем предмет нормативного моделирования – правовые отношения.

Деление правовых отношений на публичные и частные позволяет аналогично разделить позитивное право на всех его уровнях, что приводит к картине базовой дифференциации (табл. 5.1).

Таблица 5.1

Дифференциация позитивного права на уровни и части

Уровни \ Части	Публичное право	Частное право
Конституционное право	Юридические нормы	Юридические нормы
Нормы иных законодательных актов	Юридические нормы	Юридические нормы
Нормы других актов законодательства	Юридические нормы	Юридические нормы

Юридические нормы частного права образуют родовую общность относительно финансового частного права. Их общий признак – моделирование частных правоотношений. Значит, искомое видовое отличие норм финансового частного права – моделирование особых частных правоотношений. Ранее мы исследовали финансовые частные правоотношения, а также связанные с ними правоотношения по оказанию финансовых и иных подобных услуг. Именно они являют собой предмет нормативного моделирования финансового частного права.

Таким образом, **финансовое частное право** – это совокупность юридических норм, моделирующих финансовые частные правоотношения, а также связанные с ними правоотношения по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

Принимая во внимание, что данные правоотношения суть имманентная правовая форма соответствующих отношений, финансовое частное

право можно представить как совокупность юридических норм, регулирующих финансовые частные отношения, а также связанные с ними отношения по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

Частное право моделирует правоотношения диспозитивным методом, что отражается в некоторых принципах гражданского законодательства (ч. 2 ст. 2 ГК Беларуси): равенства участников гражданских отношений, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела. Диспозитивность в моделировании правоотношений характерна и для финансового частного права.

Понятие финансового частного права вызывает необходимость выявления его соотношения с гражданским правом и другими нормативными образованиями частного права, а также с традиционным финансовым правом.

Согласно ч. 1 п. 1 ст. 1, п. 2 ст. 1, ст. 2 ГК Беларуси гражданское право регулирует основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников:

1) имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения;

2) личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными (отношения, связанные с осуществлением и защитой неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ), поскольку иное не вытекает из существа этих отношений.

«Имущественные отношения, — пишет С. Н. Братусь, — это прежде всего отношения между собственниками или отношения, связанные с собственностью» [66, с. 10—11]. «К отношениям, связанным с имущественными, — отмечает Л. О. Красавчикова, — традиционно и совершенно справедливо принято относить отношения, возникающие по поводу результатов творческой деятельности» [209, с. 17]. Она же дает развернутую дефиницию личных неимущественных отношений, не связанных с имущественными: «это общественные отношения, которые складываются по поводу духовных нематериальных благ, имеющих внеэкономическую природу, представляющих самостоятельную ценность для их носителя, обладающих функциональным свойством нетоварности, принадлежащих личности как таковой и от нее неотделимых» [209, с. 25]. На взгляд М. Н. Малеиной, «имущественные и личные отношения обладают определенным родством по предмету регулирования и имеют общий метод регулирования» [254, с. 50].

Вместе с тем жилищные, семейные, трудовые, земельные отношения, а также отношения по использованию других природных ресурсов и охране окружающей среды, будучи имущественными, регулируются гражданским законодательством, если специальным законодательством не предусмотрено иное (ч. 5 п. 1 ст. 1 ГК Беларуси). Следовательно, имущественные отношения входят в предмет не только гражданского, но и других норма-

тивных образований частного права: жилищного, семейного, трудового, земельного и природоресурсного права. Их обособление от гражданского права можно объяснить редукцией диспозитивности в моделировании соответствующих правоотношений.

Так, регулирование частных жилищных отношений оставляет минимум усмотрения их субъектам, что вызвано необходимостью обеспечения конституционного права граждан на жилище и сохранности жилищного фонда (п. 3 ст. 3 Жилищного кодекса Республики Беларусь [640]).

По Кодексу Республики Беларусь о браке и семье [641] «супруги обязаны материально поддерживать друг друга» (ч. 1 ст. 29), «родители обязаны содержать своих несовершеннолетних и нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей» (ч. 1 ст. 91), «содержание нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей является обязанностью их совершеннолетних трудоспособных детей» (ст. 100). Члены семьи не так свободны в имущественных отношениях, как участники гражданского оборота, не связанные браком, близким родством и усыновлением. «Основа правоотношений семейных, — подчеркивает А. И. Загоровский, — потребности физической природы и нравственного чувства... Семейные отношения порождают семейные права, ставящие в определенную личную зависимость одного члена семейного союза от другого» [160, с. 3].

По Трудовому кодексу Республики Беларусь [644] запрещается необоснованный отказ в заключении трудового договора с некоторыми категориями граждан (ст. 16); работники обязаны подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, иным документам, регламентирующим вопросы дисциплины труда, выполнять письменные и устные приказы (распоряжения) нанимателя, не противоречащие законодательству и локальным правовым актам (п. 2 ч. 1 ст. 53). Есть и другие правила, ограничивающие автономию воли сторон трудового договора. Согласно Н. Г. Александрову, «главным отличительным признаком трудового правоотношения является включение трудящегося субъекта в личный состав предприятия (учреждения, хозяйства) и возникающее отсюда подчинение трудящегося внутреннему распорядку последнего» [10, с. 149].

Отклонения в диспозитивности регулирования земельных и природоресурсных отношений вызваны господством государственной собственности на соответствующие объекты. Так, доля площади государственных земельных участков в Республике Беларусь превышает 99 % [358, с. 45]. А недра, воды и леса находятся в исключительной собственности государства (ч. 6 ст. 13 Конституции).

Финансовые частные отношения детерминированы обладанием финансовым имуществом, потому относятся к имущественным. С ними связаны отношения (обязательства) по оказанию финансовых и иных подобных услуг. Учитывая диспозитивный метод их регулирования, мы можем

уверенно заключить: эти отношения входят в предмет гражданского права. Следовательно, *финансовое частное право есть право гражданское*.

Традиционное финансовое право «является “типичным представителем” публичного права» [316, с. 104]. Данное утверждение Г. Г. Пиликина отражает позицию большинства финансовых правоведов. По мнению М. В. Карасевой, «финансовое правоотношение в своей сущности является экономическим отношением, имеющим властно-имущественный характер и выражающим публичные интересы» [190, с. 89]. Высказываются, однако, и другие суждения. К примеру, Н. М. Казанцев признает финансовое право третьей отраслью, существующей вместе с публичным и частным правом. Как он считает, «в финансовом праве публично-правовое неотделимо от частноправового» [423, с. 38, 43].

Полагаем, что традиционное финансовое право находится за пределами частного права и тем самым отличается от финансового частного права.

Последнее представляет собой не только компонент системы права, но и систему с собственной структурой. Используя мысль С. С. Алексеева, отметим: вопрос о системе финансового частного права «должен быть решен на основе тех же теоретических предпосылок, которые определяют решение более общего вопроса — о системе права в целом» [13, с. 106].

Поскольку основной признак классификации правовых норм — предмет нормативного моделирования, построение системы финансового частного права мы производим на основе понятия финансовых частных правоотношений и связанных с ними правоотношений по оказанию финансовых и иных подобных услуг. Предлагаем систему институтов, интегрированных в подотрасль финансового частного права (табл. 5.2).

Таблица 5.2

Система институтов финансового частного права

Институт	Содержание
Финансовое имущество	Понятие и состав финансового имущества. Правовой режим финансового имущества
Финансовые риски	Понятие и виды финансовых рисков. Частноправовое распределение финансовых рисков
Финансовые услуги	Понятие и виды финансовых услуг. Правовое положение субъектов финансовых услуг. Защита прав инвесторов и потребителей финансовых услуг
Финансовые договоры	Понятие и система финансовых договоров. Общегражданские финансовые договоры. Договоры оказания финансовых услуг

Простейшими элементами системы финансового частного права выступают юридические нормы. Внешнее выражение (официальную форму) они получают в **финансовом частном законодательстве**, которое, будучи граж-

данским, являет собой совокупность нормативных правовых актов, содержащих нормы финансового частного права (абз. 1 п. 1 ст. 3 ГК Беларуси).

Финансовое частное законодательство состоит из Конституции, иных законодательных актов и других актов законодательства.

Конституция закрепляет основополагающие принципы и нормы правового регулирования важнейших общественных отношений (ст. 12 Закона о нормативных правовых актах). К финансовому частному праву можно отнести конституционные гарантии права собственности (ст. 44).

Базис финансового частного законодательства образуют законодательные акты:

- кодексы — ГК Беларуси, БК Беларуси;
- законы — Закон об обществах, Закон о рынке ценных бумаг, Закон об обращении векселей, Закон об ипотеке, Закон о банкротстве и др.;
- декреты и указы — Положение о страховой деятельности, Указ о лицензионной деятельности, Указ о микрозаймах, Указ о рынке Форекс, Положение об игорном бизнесе и др.

Нормы финансового частного права, содержащиеся в законах, должны соответствовать ГК Беларуси. В случае коллизии действует кодекс (абз. 3 п. 2 ст. 3 ГК Беларуси). Если же с кодексом (законом) расходится декрет или указ, то кодекс (закон) имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом (абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК Беларуси). Однако такие подзаконные декреты и указы нам не известны.

Другие акты финансового частного законодательства представлены постановлениями Совета Министров, министерств, иных республиканских органов государственного управления, решениями местных Советов депутатов, исполнительных и распорядительных органов.

Многие ключевые нормы финансового частного права в законодательстве отсутствуют, а действующие — требуют корректировок. Иначе говоря, финансовое частное законодательство нуждается в развитии и совершенствовании. А этот процесс «во многом зависит от создания внутренней согласованной, научно и логически обоснованной системы законодательства» (п. 11 Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 10 апреля 2002 г. № 205 [688], далее — Концепция). Следовательно, финансовое частное законодательство необходимо привести в систему.

Согласно ч. 1 п. 23 Концепции «целями систематизации законодательства являются устранение недостатков, упорядочение и стабилизация правовой системы государства, обеспечение согласованности законодательства, сокращение множественности нормативных правовых актов, ликвидация коллизий и пробелов в правовом регулировании». Важность систематизации отмечал еще М. М. Сперанский: «Там, где законы не при-

ведены в один состав, весьма трудно при частных их исправлениях обнять и определить все их последствия: там всегда есть опасность, исправляя один закон, неожиданно и сверх чаяния изменить или ослабить другой; там каждое пояснение и дополнение, составляя отдельный закон, по необходимости умножает их число и затрудняет точность исполнения» [378, с. 224].

Систематизация законодательства обычно включает четыре самостоятельные формы правовой деятельности: учет, инкорпорацию, консолидацию и кодификацию законодательства [328, с. 348]. Они определены в п. 2 ст. 72 Закона о нормативных правовых актах:

«Кодификация — вид систематизации нормативных правовых актов, сопровождающейся переработкой установленного ими правового регулирования общественных отношений путем объединения нормативных правовых актов в единый нормативный правовой акт (кодекс, правила), содержащий систематизированное изложение нормативных правовых предписаний, направленных на правовое регулирование определенной области общественных отношений.

Консолидация — вид систематизации нормативных правовых актов, осуществляемой без изменения установленного ими правового регулирования общественных отношений путем объединения нормативных правовых актов в комплексный акт в определенной логической последовательности.

Инкорпорация — вид систематизации нормативных правовых актов, осуществляемой без изменения установленного ими правового регулирования общественных отношений путем включения нормативных правовых актов в своды (сборники, собрания) в определенном порядке».

По мнению Н. В. Сильченко, «инкорпорация законодательства, хотя и ограничивается косметическими изменениями формы права, но именно она позволяет обнаружить ненужные дублирование и конкретизацию норм права, излишние элементы и звенья в механизмах правового регулирования однородных общественных отношений, наметить пути обобщения норм права, создания единых механизмов правового регулирования и осуществить затем посредством издания нормативных правовых актов унификацию норм и механизмов национального права» [361, с. 44]. Вместе с тем «отличительной чертой законодательства Республики Беларусь является стремление к активной кодификации и консолидации нормативных правовых актов» (п. 7 Концепции). Кодификация, позволяющая достичь единого, юридически цельного регулирования в отраслях и институтах права, — главный путь развития системы законодательства (ч. 2 п. 24 Концепции).

Намечая систематизацию финансового частного законодательства Республики Беларусь, принимаем во внимание:

1) что финансовое частное законодательство — компонент гражданского законодательства;

2) гражданское законодательство систематизировано на основе ГК Беларуси;

3) ГК Беларуси содержит общие правила об имуществе, имущественных правах, рисках, услугах, договорах;

4) оказание финансовых услуг регулируется специальным законодательством (БК Беларуси, указы, законы).

С учетом изложенного считаем возможным систематизировать финансовое частное законодательство путем рекодификации ГК Беларуси (ч. 3 п. 24 Концепции) и кодификации нормативных правовых актов о финансовых услугах.

В ГК Беларуси следует внести изменения и дополнения, направленные на реализацию в нем институтов финансового частного права. Впрочем, ГК Беларуси нуждается в более серьезной модернизации, однако вопросы его системного совершенствования выходят за пределы настоящего исследования.

Предлагаемые нами корректировки в общем виде сводятся к следующему:

1) подразд. 3 разд. I именовать «Имущество. Неимущественные блага» и выделить в нем главы «Общие положения», «Вещи», «Деньги», «Ценные бумаги», «Имущественные требования и долги», «Неимущественные блага» (нераскрытая информация, охраняемые результаты интеллектуальной деятельности, нематериальные блага);

2) раздел II назвать «Владение и имущественные права» с выделением в нем подразделов «Владение», «Общие положения об имущественных правах», «Право собственности», «Права на чужое имущество», «Защита имущественных прав»;

3) исключить применение правил гл. 39 «Возмездное оказание услуг» к договорам оказания финансовых услуг;

4) из разд. IV «Отдельные виды обязательств» исключить ст. 771 «Кредитный договор» (гл. 42 будет именоваться «Заем»), 811 «Хранение ценностей в банке или небанковской кредитно-финансовой организации», 812 «Хранение ценностей в индивидуальном банковском сейфе», 908 «Доверительное управление ценными бумагами», а также гл. 43 «Финансирование под уступку денежного требования (факторинг)», 44 «Банковский вклад (депозит)», 45 «Текущий (расчетный) банковский счет», 46 «Расчеты», 48 «Страхование», 57 «Проведение игр и пари»;

5) обеспечить корректное использование термина «имущество» по тексту ГК Беларуси.

Кодификация нормативных правовых актов о финансовых услугах означает переработку их содержания и объединение в единый законодательный акт с систематизированным изложением правовых предписаний, в том числе о договорах оказания финансовых услуг. Таким актом может стать кодекс о финансовых услугах.

Ранее названные нами четыре сектора финансовых услуг предопределяют общую структуру кодекса:

1. Общие положения.
2. Банковская и смежная с ней деятельность.
3. Страховая и смежная с ней деятельность.
4. Профессиональная и биржевая деятельность по ценным бумагам.
5. Игорный бизнес и смежная с ним деятельность.
6. Защита прав инвесторов и потребителей финансовых услуг.

Заметим, что практика подобной кодификации существует во Франции, где с 1 января 2001 г. действуют законодательные положения Валютно-финансового кодекса, но Страховой кодекс (Code des assurances) [784] принят отдельно.

Финансовое частное право — подотрасль гражданского права, а последнее наряду с гражданско-правовыми явлениями, гражданским законодательством и практикой его применения образует предмет науки гражданского права (цивилистики). Следовательно, мы можем говорить о науке финансового частного права, которую предлагаем именовать финансовой цивилистикой.

Финансовая цивилистика — система научных знаний о финансах как объекте частноправового регулирования, финансовом частном праве и законодательстве.

Вместе с тем освоение знаний, а также связанных с ними умений и навыков — цель образования, поэтому финансовая цивилистика не только наука, но и учебная дисциплина.

Образовательными стандартами высшего образования первой ступени по специальностям 1-24 01 02 «Правоведение» и 1-24 01 03 «Экономическое право», утвержденными постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 2 мая 2008 г. № 40 [753], учебная дисциплина, аналогичная финансовой цивилистике, не предусмотрена. Относящиеся к ней дидактические единицы в настоящее время входят в содержание учебного материала дисциплин «Гражданское право» [128], «Финансовое право» (темы «Денежное обращение», «Валютное регулирование и валютный контроль») [422], «Хозяйственное право» (темы «Правовое регулирование рынка ценных бумаг», «Правовое регулирование деятельности бирж», «Правовые основы деятельности банков и небанковских финансовых организаций») [461], «Банковское право» [35]. Полагаем, финансовая цивилистика должна получить самостоятельное место в учебном плане белорусских юридических вузов.

Таким образом, исследование финансового частного права и законодательства приводит нас к следующим выводам.

Финансовое частное право представляет собой компонент системы права, в том числе частного, и в то же время систему с собственной структурой.

Финансовое частное право — это совокупность юридических норм, моделирующих основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников финансовые частные правоотношения, а также связанные с ними правоотношения по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

Финансовое частное право есть подотрасль гражданского права, объединяющая институты финансового имущества, финансовых рисков, финансовых услуг и финансовых договоров.

Финансовое частное законодательство — совокупность нормативных правовых актов, содержащих нормы финансового частного права.

Финансовое частное законодательство нуждается в систематизации. Предлагается рекодификация ГК Беларуси (реализация в нем институтов финансового частного права) и кодификация нормативных правовых актов о финансовых услугах с принятием кодекса о финансовых услугах.

Финансовая цивилистика (наука финансового частного права) являет собой систему научных знаний о финансах как объекте частноправового регулирования, финансовом частном праве и законодательстве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Построение научной теории частноправового регулирования финансов (определение, разработка и логическая организация ее содержания) позволяет заключить следующее.

Теория частноправового регулирования финансов представляет систему научных знаний о финансах как объекте частноправового регулирования, финансовом частном праве и связанных с ними явлениях. Ее содержание образуют высказывания (теоретические положения) в отношении идеальных объектов, группируемых вокруг финансов и частного права. Соответственно, она имеет две части.

I. Финансы и связанные с ними понятия в частном праве

1. Категория финансов раскрывается через ряд утверждений, совокупность которых составляет альтернативу наличной парадигме финансовой науки:

1) денежный поток — прибывание (убывание) денег, выражающееся в изменении их количества у социального субъекта;

2) денежные потоки делятся на действительные и возможные, а по признаку прибывания (убывания) денег — на положительные и отрицательные. Денежные потоки, которые, имея на то основания в своей возможности, должны осуществиться в заданном количестве, называются положенными. Отрицательный положенный поток именуется денежным долгом социального субъекта, а положительный — его денежным требованием;

3) монетарное состояние социального субъекта — принадлежность данному субъекту определенного количества денег, денежных долгов и требований. Частное право расширяет его за счет кредитных и долевого инструментов, а также долгов и требований кредитных инструментов, акций, инвестиционных паев;

4) онтологическая сущность финансов — возможность денежных потоков социального субъекта;

5) онтологическое содержание финансов — денежные потоки социального субъекта;

6) экзистенциальная сущность финансов — изменение монетарного состояния социального субъекта;

7) экзистенциальное содержание финансов — действительные денежные потоки, а также возникновение, изменение количества и прекращение денежных долгов и требований социального субъекта.

Таким образом, в общем смысле финансы — это основанное на возможности денежных потоков социального субъекта изменение его монетарного состояния.

2. В корреляции с частным правом финансы выступают объектом частноправового регулирования и предстают в образе частноправовой системы. Элементами последней являются: 1) объекты, определяющие монетарное состояние и находящиеся в обладании субъектов частного права, а также 2) субъекты частного права, способные обладать названными объектами. Частноправовая система «финансы» организована финансовыми частными отношениями.

Объекты, определяющие монетарное состояние субъекта частного права, охвачены понятием финансового имущества (в широком смысле). Оно включает финансовые активы (финансовое имущество в узком смысле) и финансовые пассивы. В состав финансовых активов входят деньги, денежные требования и финансовые инструменты, а финансовые пассивы состоят из денежных долгов.

К субъектам частного права, способным обладать финансовым имуществом, относятся граждане, юридические лица и государство. В частноправовой системе «финансы» они характеризуются финансовой частной правоспособностью, т. е. способностью иметь гражданские права и нести обязанности, связанные с финансовым имуществом. По содержанию она уже гражданской правоспособности и поглощается ею.

Во взаимной связи с финансами частное право принимает вид финансового частного права.

3. Деньги — это основанная на социальном порядке (правопорядке) всеобщая меновая ценность в форме валюты, а в юридическом качестве — идеальный объект субъективного права в той же форме, занимающий самостоятельное место в системе объектов гражданских прав. В национальной валюте они признаются законным платежным средством или крайним и принудительным средством исполнения обязательств в данном государстве.

Электронные деньги — не отдельная валюта, а электронная разновидность национальной валюты. Она именуется электронной для условного обозначения особенностей ее режима, а не отражения сущности.

Под криптовалютой следует понимать валюту, операции с которой совершаются и фиксируются в распределенной децентрализованной инфор-

мационной системе, использующей криптографические методы защиты информации.

4. Денежный долг — это нормативно обязательный отрицательный денежный поток, предписанный одному субъекту (должнику) в пользу другого субъекта (кредитора). По своей юридической природе денежный долг есть объект обязанности.

Денежное требование — нормативно обязательный положительный денежный поток одного субъекта (кредитора) за счет другого субъекта (должника). В юридическом качестве денежное требование выступает объектом субъективного права.

Суждение о существовании денежного долга и требования обычно опирается на юридические факты, подтверждающие их документы и, разумеется, правовые нормы. Они призваны обнаружить основание и количество денежного долга (требования), а также личность должника и кредитора.

Денежные долги и требования, определяемые за период начисления, равно как и соответствующие обязательства, мы именуем периодическими. Вместе с тем мы выделяем обязательства с периодическим исполнением. Они возникают вне зависимости от каких-либо периодов начисления, но подлежат исполнению по частям в течение нескольких календарных периодов.

В отсутствие осведомленности кредитора о должнике денежные долги и требования мы называем «спящими». Они становятся активными в момент установления личности должника.

С течением времени возникшие денежные долги и требования могут пребывать в различных юридических состояниях, отчего делятся на три вида: 1) не достигшие срока исполнения (осуществления), или «несозревшие»; 2) находящиеся в периоде исполнения (осуществления); 3) просроченные.

Будущий денежный долг (требование), в основе которого лежит сделка с отлагательным условием, является условным (с обусловленным возникновением). Наряду с этим законодательство допускает долги (требования) с обусловленным исполнением (осуществлением).

5. Финансовые инструменты — это объекты гражданских прав, имеющие основанное на объективном праве свойство обеспечивать юридическое господство над финансовыми активами. Они делятся на валютные, кредитные и долевые инструменты.

Валютный инструмент — объект гражданских прав (банкнота, монета), имеющий основанное на объективном праве свойство удостоверять субъективное право его владельца на деньги.

Валютный инструмент и деньги, право на которые он удостоверяет, находятся в обороте парой. Однако, имея общую ценность, они представляют себя в правоотношениях одним объектом в зависимости от того, на чем ак-

центрируют свои интересы участники правоотношений. Представляющим объектом могут быть деньги, право на которые удостоверено валютным инструментом (наличные деньги), а также валютный инструмент.

Кредитный инструмент — объект гражданских прав (кредитная ценная бумага), имеющий основанное на объективном праве свойство удостоверять субъективное право на денежное требование.

Кредитный инструмент и денежное требование, право на которое он удостоверяет, находятся в обороте парой. Но в правоотношениях они представляют себя только кредитным инструментом.

Долевой инструмент — объект гражданских прав (доля в уставном фонде (акция) хозяйственного общества, инвестиционный пай), имеющий основанное на объективном праве свойство:

1) удостоверяет корпоративные права участника (акционера) и обеспечивать ему самостоятельное или совместное с другими участниками (акционерами) косвенное юридическое господство над финансовыми активами хозяйственного общества либо

2) удостоверяет права вверителя, предусмотренные законодательством об инвестиционных фондах, и обеспечивать ему косвенное юридическое господство над финансовыми активами в доверительном управлении.

Познание финансовых инструментов позволяет уточнить состав финансового имущества. К финансовым активам относятся деньги (наличные и безналичные), кредитные инструменты, долевые инструменты и финансовые требования: денежные требования, требования кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев, а к финансовым пассивам — финансовые долги: денежные долги, долги по передаче кредитных инструментов, акций или инвестиционных паев.

6. Обладание финансовым имуществом сопряжено с финансовым риском.

Финансовый риск есть основанная на опасности возможность нежелательного изменения монетарного состояния социального субъекта, а в юридическом качестве — обязанность субъекта права претерпевать такое изменение.

Выделение видов финансового риска возможно по опасности, на которой он основан, и характеру нежелательного изменения монетарного состояния. Мы предлагаем следующие:

— валютный риск — возможность нежелательного изменения монетарного состояния вследствие инфляции (дефляции) или девальвации (ревальвации) валюты;

— инвестиционный риск — возможность нежелательного изменения стоимости кредитных и долевых инструментов;

— риск утраты финансового актива — возможность списания, выбытия из владения, потери, прекращения, уменьшения количества (размера) финансового актива помимо воли его обладателя;

— долговой риск — возможность нежелаемого возникновения финансового долга (увеличения его количества);

— производный финансовый риск — возможность нежелаемого изменения производных показателей монетарного состояния (приобретения ими недопустимых значений).

Противоположностью финансового риска выступает финансовый шанс — возможность желаемого изменения монетарного состояния социального субъекта, а в правовом смысле — юридическая дозволенность такого изменения, принимающая форму законного интереса либо субъективного права.

Риск — это возможность с вероятностью реализации. Значит, с обратной вероятностью существует возможность его желаемого неосуществления. Последняя подобна, но не тождественна шансу: возможности «не потерять» и «получить» имеют разный семантический объем. Поэтому возможность желаемого неосуществления риска мы именуем квазишансом. Аналогично мы приходим к термину «квазириск».

Неисполнение или ненадлежащее исполнение финансового обязательства обнаруживает неосуществление финансового (кредитного) шанса, или, что одно и то же, осуществление финансового (кредитного) квазириска.

Для частного права характерно общее дозволение рискованного проведения. На случай осуществления рисков законодатель распределяет их путем возложения последствий на обладателя предмета осуществленного риска либо на лицо, ответственное за его осуществление. Вместе с тем он позволяет управлять распределенными рисками.

7. Финансовые услуги в гражданско-правовом смысле — общее понятие, которое включает в себе виды предпринимательской деятельности, обеспечивающей другим лицам обладание финансовыми активами и (или) управление финансами, включая создание и (или) реализацию финансовых шансов, а также митигацию финансовых рисков.

С целью однозначного понимания термина перечень видов указанной деятельности подлежит нормативному определению.

Субъекты финансовых услуг — лица, имеющие право на осуществление упомянутых видов деятельности. Оно может быть основано на лицензии Национального банка, Министерства финансов, Министерства связи и информатизации, Министерства по налогам и сборам; государственной регистрации лица в Министерстве финансов; включении в реестр Национального банка, резидентов ПВТ; государственной монополии и квалификации в качестве государственного юридического лица, республиканского государственно-общественного объединения, подконтрольного им хозяйственного общества; индивидуальном законодательном правонаделении.

Белорусских субъектов финансовых услуг мы распределяем на четыре сектора: банковский (2 уровня), страховой, фондовый (услуг на рынке ценных бумаг) и игорный.

8. Финансовое частное отношение — это связь частных субъектов, детерминированная обладанием финансовым имуществом.

Финансовые частные отношения бывают двух типов. В отношениях первого типа владельцу финансового имущества корреспондирует каждый, кто не обладает этим конкретным имуществом. Отношения второго типа выражают совместное обладание одним финансовым имуществом.

Правовое регулирование финансовых частных отношений заключается в наделении субъектов частноправовыми свойствами:

- 1) признании за ними финансовой частной правоспособности;
- 2) определении прав и обязанностей (запретов), а также оснований их возникновения и прекращения.

Юридические свойства субъектов финансов придают финансовым частным отношениям правовую форму. Другими словами, правовое регулирование данных отношений состоит в моделировании финансовых частных правоотношений.

Финансовое частное правоотношение — это связь субъектов частного права, детерминированная их частноправовыми свойствами, сопутствующими обладанию финансовым имуществом.

Обладание финансовым активом невозможно без наличия субъективного права на него, а финансовым долгом — без юридической обязанности. Иначе говоря, оно обусловлено частноправовыми свойствами обладателя. Финансовых частных отношений вне правовой формы быть не может.

Содержание финансового частного правоотношения сводится к частноправовым свойствам его участников.

Объектом финансового частного правоотношения выступает финансовое имущество (конкретное). Финансовых частных правоотношений без объекта не существует.

Обязательство есть правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана совершить в пользу другой стороны (кредитора) определенное действие (предоставить или произвести исполнение), а кредитор вправе получить такое исполнение.

Финансовое обязательство — правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана предоставить в пользу другой стороны (кредитора) деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи, а кредитор вправе получить их. Большинство финансовых обязательств являются денежными.

Денежное обязательство — это правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник) обязана предоставить в пользу другой стороны (кредитора) деньги, а кредитор вправе получить их.

Правоотношение по оказанию финансовых услуг — связь субъекта финансовых услуг с его контрагентом, детерминированная их частноправовыми свойствами, сопутствующими оказанию финансовых услуг.

Обязательство по оказанию финансовых услуг — правоотношение, по содержанию которого одна сторона (должник — субъект финансовых услуг) обязана оказать другой стороне (кредитору) финансовую услугу, а кредитор вправе получить результат такой услуги.

Обязательства по оказанию финансовых услуг могут быть связаны с любыми финансовыми частными правоотношениями, возникающими в процессе обладания финансовыми активами и (или) управления финансами.

Управление финансами возможно с помощью физических и юридических лиц, не относящихся к субъектам финансовых услуг. Такие лица оказывают услуги, подобные финансовым. При этом возникают правоотношения (обязательства), аналогичные правоотношениям (обязательствам) по оказанию финансовых услуг.

9. Финансовые частные права — общее понятие, которое включает в себе:

- 1) субъективное право собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на финансовый актив;
- 2) субъективное право получить исполнение в финансовом обязательстве;
- 3) субъективное право получить исполнение в обязательстве по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

Субъективное право собственности на финансовый актив — это юридическая возможность сохранения монетарного состояния и совершения в отношении финансового актива любых действий, не противоречащих законодательству, общественной пользе и безопасности, не наносящих вреда окружающей среде, историко-культурным ценностям и не ущемляющих прав и защищаемых законом интересов других лиц.

Владельцем валютных и документарных кредитных инструментов признается лицо, имеющее их: 1) при себе; 2) в вещи, находящейся в его владении (например, в одежде, кошельке, автомобиле, изолированном помещении); 3) в ином известном ему месте при отсутствии у разумного наблюдателя оснований полагать, что они утрачены или брошены.

Владение валютным инструментом удостоверяет право собственности на наличные деньги, а владение документарным кредитным инструментом — право собственности на денежное требование. Но удостоверяемые права лишь предполагаются (принимаются за действительные до их опровержения) и зависят от наличия у владельца права собственности на указанные финансовые инструменты. Действительная принадлежность прав определяется проверкой основания владения.

С учетом ограничений, предусмотренных законодательством, собственник вправе хранить принадлежащие ему наличные деньги и доку-

ментарные кредитные инструменты, перемещать их и передавать другим лицам, в том числе в собственность.

Собственнику документарного кредитного инструмента принадлежит право на денежное требование, удостоверенное этим инструментом. Однако получить исполнение по нему может лишь формально легитимированный субъект:

1) по предъявительскому инструменту — его владелец;

2) по именному инструменту — владеющее им лицо, на имя которого выдан инструмент или совершена передача денежного требования по непрерывному ряду цессий;

3) по ордерному инструменту — владеющее им лицо, на имя которого выдан инструмент или совершена передача денежного требования по непрерывному ряду индоссаментов.

Субъективное право на безналичные деньги состоит в юридической возможности совершения операций по денежному банковскому счету в соответствии с его правовым режимом.

Право на электронные деньги заключается в юридической возможности их перевода в системе расчетов с использованием электронных денег.

Субъективное право на криптовалюту сводится к юридической возможности ее перевода в распределенной децентрализованной информационной системе, использующей криптографические методы защиты информации.

Считаем целесообразным ввести идентификацию владельцев виртуальных кошельков. Собственником криптовалюты тогда будет владелец виртуального кошелька, идентифицируемый по карточке этого кошелька.

Право на бездокументарные кредитные инструменты, акции и инвестиционные паи состоит в юридической возможности совершения переводов ценных бумаг в соответствии с назначением раздела счета «депо».

Собственник доли в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью вправе распоряжаться ею с учетом ограничений, предусмотренных законодательством.

В белорусском законодательстве о хозяйственных обществах целесообразно установить правило: право собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на долю (часть доли) в уставном фонде общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью возникает (прекращается) с момента внесения записи в Единый регистр, за исключением случаев перехода доли (части) доли к самому обществу, наследникам граждан и правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества.

Субъективное право на денежное требование вкладчика заключается в юридической возможности совершения операций по банковскому счету по учету вкладов (депозитов) в соответствии с его правовым режимом. Собственник иного финансового требования, не связанного неразрывно

с его личностью, может передать требование другому лицу по сделке, если это не противоречит законодательству или договору.

Субъект права собственности (хозяйственного ведения, оперативного управления) на кредитный инструмент, финансовое требование одновременно является кредитором в финансовом обязательстве. Он вправе получить деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи от должника, т. е. имеет субъективное право получить исполнение в финансовом обязательстве.

Обладание финансовым активом часто обеспечивается оказанием услуг, в связи с чем финансовому частному правоотношению может сопутствовать обязательство по оказанию финансовых и иных подобных услуг. Кредитору здесь тоже принадлежит финансовое частное право — субъективное право получить исполнение в обязательстве по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

10. Юридическая обязанность представляет собой основанную на нормах права (юридическую) необходимость (безальтернативную возможность) определенного:

- 1) действия (обязанность действия);
- 2) независимого от воли обязанного лица изменения состояния (обязанность претерпевания). Последняя выражает юридическую природу риска и позволяет объяснить феномен гражданско-правовой ответственности.

Финансовые частные обязанности — общее понятие, которое включает в себе:

- 1) обязанность предоставить в пользу кредитора деньги, кредитные инструменты, акции или инвестиционные паи;
- 2) обязанность оказать кредитору финансовую или иную подобную услугу;
- 3) обязанность претерпевать независимое от воли обязанного лица нежелательное изменение монетарного состояния (финансовый риск).

Анализ действующего законодательства обнаруживает неудовлетворительное состояние правового регулирования исполнения денежных обязательств. В связи с этим мы предлагаем ряд новых правил (изменений и дополнений ГК Беларуси): безналичное исполнение обязательства (ст. 297-1), валюта денежного обязательства (ст. 298), валюта платежа (ст. 298-1), проценты по денежному обязательству (ст. 298-2), ответственность за просрочку исполнения денежного обязательства (ст. 366).

11. Финансовый договор — это гражданско-правовой договор, предмет которого состоит в установлении и прекращении исключительно финансовых частных прав и обязанностей.

Финансовые договоры делятся на пять классов:

- 1) договоры о передаче финансовых активов (дарение, купля-продажа, мена, рента, заем);
- 2) договоры оказания финансовых и иных подобных услуг;

- 3) договоры об установлении и осуществлении права общей собственности на финансовые активы;
- 4) договоры о передаче финансового риска;
- 5) договоры о замене должника в финансовом обязательстве или обязательстве по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

Учитывая особенности регламентации деятельности субъектов финансовых услуг, мы разграничиваем: 1) общегражданские финансовые договоры и 2) договоры оказания финансовых (банковских, квазибанковских, страховых, фондовых, игорных) услуг.

II. Финансовое частное право и связанные с ним понятия

Финансовое частное право представляет собой компонент системы права, в том числе частного, и в то же время систему с собственной структурой.

Финансовое частное право — это совокупность юридических норм, моделирующих основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников финансовые частные правоотношения, а также связанные с ними правоотношения по оказанию финансовых и иных подобных услуг.

Финансовое частное право есть подотрасль гражданского права, объединяющая институты финансового имущества, финансовых рисков, финансовых услуг и финансовых договоров.

Финансовое частное законодательство — совокупность нормативных правовых актов, содержащих нормы финансового частного права.

Финансовое частное законодательство нуждается в систематизации. Предлагается рекодификация ГК Беларуси (реализация в нем институтов финансового частного права) и кодификация нормативных правовых актов о финансовых услугах с принятием кодекса о финансовых услугах.

Финансовая цивилистика (наука финансового частного права) является собой систему научных знаний о финансах как объекте частноправового регулирования, финансовом частном праве и законодательстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

Литературные источники

1. Авагян Г. Л., Ханина Т. М., Носова Т. П. Деньги, кредит, банки : учеб. пособие. — М. : Магистр : ИНФРА-М, 2011. — 416 с.
2. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. — 192 с.
3. Агарков М. М. Предмет и система советского гражданского права // Совет. государство и право. — 1940. — № 8–9. — С. 52–72.
4. Агарков М. М. Учение о ценных бумагах. Основы банковского права : курс лекций ; Учение о ценных бумагах : науч. исслед. — 3-е изд., стер. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — С. 159–327.
5. Аквинский Ф. Сумма теологии / пер. А. В. Апполонова. — М. : Сигнум Веритатис, 2008. — Т. 3 : Первая Часть Второй Части. Вопросы 1–67. — 752 с.
6. Александров А. М. Финансы и кредит СССР. — М. : Госфиниздат, 1948. — 319 с.
7. Александров А. М. Финансы СССР. — 2-е изд., перераб.— М. : Госфиниздат, 1955. — 368 с.
8. Александров А. М. Финансы СССР / под ред. Н. Н. Ровинского. — М. : Госфиниздат, 1952. — 468 с.
9. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. — М. : Госюриздат, 1955. — 176 с.
10. Александров Н. Г. Трудовое правоотношение. — М. : Юриздат, 1948. — 336 с.
11. Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение. — М.: Моск. юрид. ин-т, 1947. — 27 с.
12. Алексеев Н. Н. Общее учение о праве: курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году. — Симферополь : Тип. Е. К. Брешко-Брешковской, 1919. — 161 с.
13. Алексеев С. С. О теоретических основах классификации отраслей советского права // Совет. государство и право. — 1957. — № 7. — С. 99–107.
14. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. — М. : Юрид. лит., 1982. — Т. 2. — 161 с.
15. Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк // Собр. соч. : в 10 т. — М. : Статут, 2010. — Т. 7 : Философия права и теория права. — С. 321–444.

16. Альгин А. П. Риск и его роль в общественной жизни. — М. : Мысль, 1989. — 187 с.
17. Анишин А. Ю. Предмет финансового права: современное состояние : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. — М., 2004. — 216 л.
18. Анищенко В. С. Знакомство с нелинейной динамикой: лекции соросовского профессора : учеб. пособие. — М. ; Ижевск : Ин-т компьютер. исслед., 2002. — 144 с.
19. Анненков К. Система русского гражданского права : в 6 т. — 2-е изд., пересм. и доп. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. — Т. I : Введение и Общая часть. — 672 с.
20. Аржанов М. А. О принципах построения системы советского социалистического права // Совет. государство и право. — 1939. — № 3. — С. 26—35.
21. Арзуманова Л. Л. Право денежного обращения как подотрасль финансового права Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04. — М., 2014. — 521 л.
22. Аристотель. Метафизика / пер. А. В. Кубицкого // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1976. — Т. 1. — С. 64—367.
23. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н. В. Брагинской // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1983. — Т. 4. — С. 53—293.
24. Аристотель. Политика / пер. С. А. Жебелева // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1983. — Т. 4. — С. 375—644.
25. Артемьева С. С., Митрохин В. В., Чугунов В. И. Финансы, денежное обращение, кредит. — М. : Акад. проспект, 2008. — 467 с.
26. Архипов С. И. Проблема триады права собственности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2011. — Вып. 11. — С. 448—466.
27. Архипова А. Г. Возмещение потерь в новом ГК РФ: «за» или «против»? // Вестн. гражд. права. — 2012. — № 4. — С. 158—183.
28. Арямов А. А. Общая теория риска (юридический, экономический и психологический анализ). — М. : Рос. акад. правосудия, 2009. — 172 с.
29. Ашмарина Е. М. Финансовая деятельность современного государства // Государство и право. — 2004. — № 3. — С. 85—90.
30. Бабаков В. А. Гражданская процессуальная обязанность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Саратов, 1999. — 187 л.
31. Бабурин В. В. Риск как основание дифференциации уголовной ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — Омск, 2009. — 423 л.
32. Базулин Ю. В. Происхождение и природа денег. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. — 246 с.
33. Байбак В. В. Обязательственное требование как объект гражданского оборота : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — СПб., 2004. — 201 л.
34. Байтин М. И., Петров Д. Е. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право. — 2003. — № 1. — С. 25—34.
35. Банковское право: учебная программа учреждения высшего образования по учебной дисциплине для специальности 1-24 01 02 «Правоведение» / авт.-сост.: Р. Р. Томкович, М. Н. Дмитрук. — Минск : БГУ, 2017. — 40 с.
36. Барзилова Ю. В. Юридические обязанности как элемент правового статуса личности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Саратов, 2006. — 199 л.
37. Барон Ю. Система римского гражданского права : в 6 кн. / пер. Л. Петражицкого. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2005. — 1102 с.

38. Бевзенко Р. С. Объекты гражданских правоотношений // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Белова. — 2-е изд., стер. — М. : Юрайт, 2016. — Т. 1. — С. 303–349.
39. Бевзенко Р. С. Теория юридических фактов // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Белова. — 2-е изд., стер. — М. : Юрайт, 2016. — Т. 1. — С. 350–377.
40. Белов В. А. Виндикация бездокументарных ценных бумаг // Частное право. Материалы для изучения : в 3 т. — М. : Юрайт, 2019. — Т. 1 : Общая часть. Проблемы учения об абсолютных правах. — С. 402–414.
41. Белов В. А. Гражданское право : в 4 т. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2016. — Т. II : Общая часть : в 2 кн. Кн. 2 : Факты. — 497 с.
42. Белов В. А. Гражданское право : в 4 т. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2016. — Т. II : Общая часть : в 2 кн. Кн. 1 : Лица, блага. — 453 с.
43. Белов В. А. Гражданское право : в 4 т. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2016. — Т. I : Общая часть. Введение в гражданское право. — 622 с.
44. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2007. — С. 6–77.
45. Белов В. А. Проблемы общего учения об обязательствах // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. / под общ. ред. В. А. Белова. — 2-е изд., стер. — М. : Юрайт, 2017. — Т. 2. — С. 179–242.
46. Белов В. А. Ценные бумаги: основные юридические заблуждения // Частное право. Материалы для изучения : в 3 т. / В. А. Белов. — М. : Юрайт, 2019. — Т. 1 : Общая часть. Проблемы учения об абсолютных правах. — С. 322–356.
47. Белозеров С. А. Финансы домашнего хозяйства: сущность, структура, управление : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10. — СПб., 2006. — 311 л.
48. Бём-Баверк О. Капитал и процент : в 3 т. / пер. В. Кошкина. — Челябинск : Социум, 2010. — Т. 2–3. Т. 2 : Позитивная теория капитала ; Т. 3 : Экскурсы. — 916 с.
49. Бендиксен Ф. Деньги / пер. под ред. М. И. Боголепова. — Петербург : Право, 1923. — 62 с.
50. Берендтс Э. Н. Русское финансовое право. Лекции, прочитанные в Императорском училище правоведения. — СПб. : Типо-литография С.-Петерб. одиноч. тюрьмы, 1914. — 455 с.
51. Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко ; пер. с фр. Г. В. Чуршукова. — М. : NOTA BENE, 2000. — 576 с.
52. Берлин С. И. Теория финансов : учеб. пособие. — М. : Приор : Эксперт. бюро, 1999. — 250 с.
53. Бирман А. М. Очерки теории советских финансов. Сущность и функции финансов. — М. : Финансы, 1968. — 207 с.
54. Бланк И. А. Основы финансового менеджмента : в 2 т. — Киев : Ника-Центр, 1999. — Т. 1. — 592 с.
55. Бланк И. А. Основы финансового менеджмента : в 2 т. — Киев : Ника-Центр, 1999. — Т. 2. — 512 с.
56. Бобков С. А. Уступка доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Журн. рос. права. — 2002. — № 7. — С. 63–69.
57. Богачевский М. Б. Финансы и кредит СССР. — М. : Экономика, 1964. — 339 с.

58. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб. : Норинт, 2000. — 1536 с.
59. Бородин С. В. Финансы и кредит. — М. : Госфиниздат, 1963. — 223 с.
60. Бочаров В. В., Леонтьев В. Е., Радковская Н. П. Финансы. — СПб. : Питер : Лидер, 2009. — 395 с.
61. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. — 2-е изд., стер. — М. : Статут, 2011. — 780 с.
62. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. — 3-е изд., стер. — М. : Статут, 2011. — 847 с.
63. Брагинский, М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга пятая : в 2 т. — 2-е изд., стер. — М. : Статут, 2011. — Т. 1 : Договоры о займе, банковским кредитом и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований. — 736 с.
64. Братусь С. Н. О предмете советского гражданского права // Совет. государство и право. — 1940. — № 1. — С. 36—52.
65. Братусь С. Н. О соотношении гражданской правоспособности и субъективных гражданских прав // Совет. государство и право. — 1949. — № 8. — С. 30—37.
66. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. — М. : Госюриздат, 1963. — 197 с.
67. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. — М. : Госюриздат, 1950. — 368 с.
68. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. — М. : Юрид. лит., 1976. — 215 с.
69. Бригхэм Ю., Эрхардт М. Финансовый менеджмент / пер. Е. А. Дорофеева. — 10-е изд. — СПб. : Питер, 2009. — 960 с.
70. Буданов В. Г. О методологии синергетики // Вопр. философии. — 2006. — № 5. — С. 79—94.
71. Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку. — Л. : Госфиниздат, 1929. — 251 с.
72. Бунеску Г. Г. Генезис риска // Упр. финансовыми рисками. — 2007. — № 2. — С. 86—95.
73. Бурлачков В. К. Денежная теория и динамичная экономика: выводы для России. — М. : Эдиториал УРСС, 2003. — 352 с.
74. Бушев А. Ю. Вещь и право требования: к вопросу о допустимости виндикации бездокументарных ценных бумаг // Арбитр. споры. — 2005. — № 1. — С. 59—74.
75. Вавилов И. Беседы русского купца о торговле : в 2 ч. — СПб. : Тип. штаба отдел. корпуса внутр. стражи, 1846. — Ч. 1. — 204 с.
76. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии, или Теория общественного богатства / пер. И. Егорова, А. Белянина. — М. : Изограф, 2000. — 448 с.
77. Вахрин П. И., Нешиной А. С. Финансы. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Дашков и К, 2005. — 524 с.
78. Вебер М. Основные социологические понятия / пер. М. И. Левиной // Избранные произведения. — М. : Прогресс, 1990. — С. 602—643.
79. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность // Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. — М. : Статут, 2004. — Т. II. — С. 7—412.
80. Вильнянский С. И. К вопросу о системе советского права // Совет. государство и право. — 1957. — № 1. — С. 102—109.

81. Виндшейд Б. Об обязательствах по римскому праву / пер. под ред. А. Б. Думашевского. — СПб. : Тип. А. Думашевского, 1875. — 593 с.
82. Витгенштейн Л. Философские работы : в 2 ч. / пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. — М. : Гнозис, 1994. — Ч. I. — 612 с.
83. Вознесенский Э. А. К анализу сущности социалистических финансов // Правоведение. — 1968. — № 3. — С. 51–59.
84. Вознесенский Э. А. Методологические аспекты анализа сущности финансов. — М. : Финансы, 1974. — 128 с.
85. Воробей Г. А. Финансовое право Республики Беларусь : учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск : Амалфея, 2012. — 432 с.
86. Воронова Л. К. Советское финансовое право. — Киев : Вища шк., 1983. — 240 с.
87. Габов А. В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. — М. : Статут, 2010. — 253 с.
88. Габов А. В. Ценные бумаги: Вопросы теории и правового регулирования рынка. — М. : Статут, 2011. — 1104 с.
89. Гаврилов А. Н. Эволюция денег и современные проблемы денежно-кредитного обращения России : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. — СПб., 1998. — 166 л.
90. Гайдук Ю. Н. Перевод долга в гражданских правоотношениях. — Минск : Амалфея, 2007. — 120 с.
91. Галанов В. А. Финансы, денежное обращение и кредит : учебник. — 2-е изд. — М. : Форум : ИНФРА-М, 2013. — 416 с.
92. Галицкая С. В. Деньги. Кредит. Финансы : учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Эксмо, 2008. — 736 с.
93. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. — М. : Зерцало, 2003. — 816 с.
94. Гапоненко В. Ф., Браткова О. В. Финансы и кредит. — М. : Элит, 2008. — 132 с.
95. Гегель Г. В. Ф. Наука логики / пер. Б. Г. Столпнера // Сочинения : в 14 т. — М. : Соцэкгиз, 1937. — Т. 5. — С. 1–694.
96. Гегель Г. В. Ф. Субъективная логика, или Учение о понятии / пер. Б. Г. Столпнера // Наука логики : в 3 т. — М. : Мысль, 1972. — Т. 3. — С. 6–310.
97. Гегель Г. В. Ф. Учение о бытии / пер. Б. Г. Столпнера // Наука логики : в 3 т. — М. : Мысль, 1970. — Т. 1. — С. 122–482.
98. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. Б. Г. Столпнера // Сочинения : в 14 т. — М. ; Л. : Соцэкгиз, 1934. — Т. 7. — С. 3–362.
99. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика / пер. Б. А. Драгуна // Работы разных лет : в 2 т. — М. : Мысль, 1971. — Т. 2. — С. 6–209.
100. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика / пер. Б. Г. Столпнера // Сочинения : в 14 т. — М. ; Л. : Госиздат, 1929. — Т. 1. — С. 1–360.
101. Гельвеций К. А. О человеке / пер. П. С. Юшкевича // Сочинения : в 2 т. — М. : Мысль, 1974. — Т. 2. — С. 6–567.
102. Генкин Д. М. Предмет советского гражданского права // Совет. государство и право. — 1939. — № 4. — С. 28–40.
103. Гесс М. О сущности денег / пер. И. С. Нарского // Антология мировой философии : в 4 т. — М. : Мысль, 1971. — Т. 3 : Буржуазная философия конца XVIII в. — первых двух третей XIX в. — С. 421–422.

104. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность / пер. С. П. Баньковской // THESIS. — 1994. — Вып. 5. — С. 107–134.
105. Гильфердинг Р. Финансовый капитал / пер. И. И. Степанова-Скворцова. — М. : Соцэкгиз, 1959. — 492 с.
106. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. А. Гутермана // Сочинения : в 2 т. — М. : Мысль, 1991. — Т. 2. — С. 3–623.
107. Годме П. М. Финансовое право / пер. с фр. Р. О. Халфиной. — М. : Прогресс, 1978. — 429 с.
108. Годэмэ Е. Общая теория обязательств / пер. И. Б. Новицкого. — М. : Юриздат, 1948. — 511 с.
109. Гойхбарг А. Г. Хозяйственное право РСФСР. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Госиздат, 1924. — 267 с.
110. Гокиели А. П. Некоторые вопросы теории советских финансов // Труды Тбилисского государственного университета им. Сталина. — Тбилиси, 1957. — Т. 65. — С. 1–42.
111. Голевинский В. И. О происхождении и делении обязательств. — Варшава : Тип. О. Бергера, 1872. — 302 с.
112. Гольбах П. А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного / пер. П. С. Юшкевича // Избр. произведения : в 2 т. — М. : Соцэкгиз, 1963. — Т. 1. — С. 52–684.
113. Гольдман В. К. Русские бумажные деньги. — СПб. : Тип. Ретгера и Шнейдера, 1866. — 238 с.
114. Гонгало Б. М. Доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объект гражданского оборота // Проблемы развития частного права : сб. ст. к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / отв. ред.: Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. — М. : Статут, 2011. — С. 224–239.
115. Горелик В. Н. Финансы: Система движения денег. — М. : РИОР : ИНФРА-М, 2012. — 150 с.
116. Горлов И. Я. Теория финансов. — 2-е изд., испр. и умнож. — СПб. : Тип. И. Глазунова и К, 1845. — 227 с.
117. Государственный долг на 1 августа 2019 г. [Электронный ресурс] // Министерство финансов Республики Беларусь. — URL: http://www.minfin.gov.by/ru/public_debt/pressreleases/a18e0ec26fdf4530.html (дата обращения: 05.09.2019).
118. Гражданское право : учебник / В. А. Бессонов [и др.] ; под ред. М. В. Карпычева, А. М. Хужина. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Форум : ИНФРА-М, 2011. — 784 с.
119. Гражданское право : учебник / Т. В. Богачева [и др.] ; под ред. С. П. Гришаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юристь, 2004. — 496 с.
120. Гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем [и др.] ; под ред. Е. А. Суханова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : БЕК, 2000. — Т. 1. — 816 с.
121. Гражданское право : учебник : в 2 т. / О. Н. Садиков [и др.] ; под ред. О. Н. Садикова. — М. : Контракт : ИНФРА-М, 2009. — Т. 1. — 493 с.
122. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / М. В. Антокольская [и др.] ; под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. — М. : Юристь, 1997. — Ч. 1. — 472 с.

123. Гражданское право : учебник : в 2 ч. / Н. Г. Валеева [и др.] ; под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. — М. : Норма : ИНФРА-М, 1998. — Ч. 1. — 464 с.
124. Гражданское право : учебник : в 3 т. / А. В. Каравай [и др.] ; под ред. В. Ф. Чигира. — Минск : Амалфея, 2008. — Т. 1. — 864 с.
125. Гражданское право : учебник : в 3 т. / В. В. Байбак [и др.] ; под ред. Ю. К. Толстого. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2013. — Т. 1. — 784 с.
126. Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. — М. : РГ-Пресс, 2011. — Т. 1. — 1008 с.
127. Гражданское право России. Общая часть : курс лекций / М. И. Брагинский [и др.] ; под ред. О. Н. Садикова. — М. : Юрист, 2001. — 776 с.
128. Гражданское право: типовая учебная программа по учебной дисциплине для специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06 «Политология» (по направлениям) / авт.-сост.: В. Н. Годунов [и др.]. — Минск : БГУ, 2015. — 67 с.
129. Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей // Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. — М. : Статут, 2001. — С. 285–356.
130. Грибов А. Ю. Институциональная природа денег и ценных бумаг : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. — М., 2006. — 147 л.
131. Гримм Д. Д. К учению об объектах прав // Вестн. гражд. права. — 2007. — № 1. — С. 197–239.
132. Гурвич М. А. Советское финансовое право. — М. : Госюриздат, 1952. — 324 с.
133. Гусейнов А. А. Долг // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. — М. : Мысль, 2010. — Т. I. — С. 686–689.
134. Данкварт Г. Гражданское право и общественная экономика / пер. Цитовича. — СПб. : Изд-во Заленского и Любарского, 1866. — 217 с.
135. Дворецкая А. Е. Финансы : учебник. — М. : Юрайт, 2016. — 503 с.
136. Дембо Л. И. О принципах построения системы права // Совет. государство и право. — 1956. — № 8. — С. 88–98.
137. Демин А. В. Финансовое право. — М. : ИНФРА-М, 2003. — 224 с.
138. Денисов Е. Р. Финансово-правовые основы денежной системы Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14. — М., 2003. — 226 л.
139. Деньги, кредит, банки : учебник / М. А. Абрамова [и др.] ; под ред. О. И. Лаврушина. — 11-е изд., перераб. и доп. — М. : КНОРУС, 2013. — 448 с.
140. Деньги, кредит, банки : учебник / Н. В. Байдукова [и др.] ; под ред. Г. Н. Белоглазовой. — М. : Юрайт, 2012. — 620 с.
141. Деньги, кредит, банки : учебник и практикум / В. В. Иванов [и др.] ; под ред. В. В. Иванова, Б. И. Соколова. — М. : Юрайт, 2016. — 371 с.
142. Деньги. Кредит. Банки : учебник / Е. Ф. Жуков [и др.] ; под ред. Е. Ф. Жукова. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. — 783 с.
143. Деньги. Кредит. Банки : учебник и практикум / В. П. Битков [и др.] ; под ред. В. Ю. Катасонова, В. П. Биткова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2016. — 499 с.
144. Дербург Г. Обязательственное право / пер. под ред. П. Соколовского. — 3-е изд. — М. : Унив. тип., 1911. — 396 с.

145. Дигесты Юстиниана : в 8 т. / пер. Е. В. Пушаева [и др.] ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2003. — Т. III : Книги XII — XIX. — 780 с.
146. Дигесты Юстиниана : в 8 т. / пер. Л. Л. Кофанов [и др.] ; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М. : Статут, 2002. — Т. I : Книги I — IV. — 584 с.
147. Диев В. С. Философская парадигма риска // ЭКО : Всерос. экон. журн. — 2008. — № 12. — С. 27–38.
148. Динамика средней ставки рефинансирования Национального банка Республики Беларусь. Архив [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — URL: <https://www.nbrb.by/statistics/Dynamic/> (дата обращения: 29.08.2019).
149. Дмитриев-Мамонов В. А., Евзлин З. Деньги / под ред. М. И. Боголепова. — Петроград : Тип. М. Пивоварского и Ц. Типографа, 1915. — 309 с.
150. Добрачев Д. В. Денежные обязательства: тенденции развития доктрины и судебной практики. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — 168 с.
151. Добрачев Д. В. Соотношение гражданско-правовых категорий денежного долга и убытков : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Ростов н/Д, 2013. — 173 л.
152. Дубовицкий В. Н. Основные концепции правопонимания и социология права // Право и демократия : сб. науч. тр. / редкол.: В. Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2009. — Вып. 20. — С. 59–74.
153. Дуглас М. Риск как судебный механизм / пер. А. Д. Ковалева // THESIS. — 1994. — Вып. 5. — С. 242–253.
154. Дьяченко В. П. К вопросу о сущности и функциях советских финансов // Вопросы теории финансов / В. П. Дьяченко [и др.] ; под ред. В. П. Дьяченко. — М. : Госфиниздат, 1957. — 191 с.
155. Ем В. С. К вопросу о понятии, содержании и сущности правовых обязанностей // Проблемы развития частного права : сб. ст. к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / отв. ред.: Е. А. Суханов, Н. В. Козлова. — М. : Статут, 2011. — С. 10–18.
156. Ефимова Л. Г. Банковские сделки: право и практика. — М. : НИМП, 2001. — 654 с.
157. Ефимовских В. С. Риск в современном обществе: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Уфа, 2009. — 156 л.
158. Жданов А. А. Финансовое право Российской Федерации. — 2-е изд. — М. : ТЕИС, 1995. — 170 с.
159. Жилин А. А. Новое направление во французской юриспруденции. Учение о государстве и праве профессора Л. Дюги. — Киев : Тип. Императ. ун-та Св. Владимира, 1910. — 28 с.
160. Загоровский А. И. Курс семейного права. — 2-е изд., испр. и доп. — Одесса : Тип. Акционер. Юж.-рус. о-ва печат. дела, 1909. — 564 с.
161. Замотаева Т. Б. Деньги как объект гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Самара, 2003. — 193 л.
162. Запольский С. В. Дискуссионные вопросы теории финансового права. — М. : Эксмо : РАП, 2008. — 153 с.
163. Захарченков С. П. Финансы как целенаправленное движение меновой стоимости капитала // Бизнесинформ. — 2010. — № 7. — С. 48–54.

164. Зенин И. А. Гражданское право : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Высш. образование : Юрайт-Издат, 2009. — 616 с.
165. Зинченко С. А. Юридические факты в механизме правового регулирования. — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 152 с.
166. Злобина Л. А. Деньги, кредит, банки : учеб. пособие. — М. : МГУП, 2002. — 250 с.
167. Зубков В. И. Проблемное поле социологической теории риска // Социол. исслед. — 2001. — № 6. — С. 123–127.
168. Иванова О. Б. Территориальные финансы России: теория, методология, практика : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10. — Ростов н/Д, 2004. — 356 л.
169. Ивлиева М. Ф. Категории «финансы» и «финансовая деятельность государства» в науке финансового права // Государство и право. — 2004. — № 7. — С. 20–26.
170. Иеринг Р. Об основании защиты владения. Пересмотр учения о владении / пер. с нем. 2-го испр. и доп. изд. — М. : Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1883. — 179 с.
171. Иеринг Р. фон. Теория владения / сокр. пер. Е. В. Васьковского. — СПб. : Изд-во юрид. книж. магазина Н. К. Мартынова, 1895. — 47 с.
172. Иеринг Р. фон. Цель в праве / пер. В. Р. Личкого, Н. В. Муравьева, Н. Ф. Дерюжинского. — СПб. : Изд-во Н. В. Муравьева, 1881. — 412 с.
173. Иеринг Р. фон. Юридическая техника / пер. Ф. С. Шендорфа. — СПб., 1905. — 105 с.
174. Индексы потребительских цен в процентах к предыдущему году: годовые данные за 2000–2018 гг. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: [http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/tseny/potrebitelskie-tseny/godovye-dannye/indeksy-potrebitelskikh-tseny/](http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/tseny/potrebitelskie-tseny/godovye-dannye/indeksy-potrebitelskikh-tsen/) (дата обращения: 29.08.2019).
175. Иоффе О. С. Общее учение об обязательствах // Избр. тр. : в 4 т. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — Т. III : Обязательственное право. — С. 51–832.
176. Иоффе О. С. Обязательственное право. — М. : Юрид. лит., 1975. — 880 с.
177. Иоффе О. С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избр. тр. : в 4 т. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — Т. 1 : Правоотношение по советскому гражданскому праву. Ответственность по советскому гражданскому праву. — С. 194–572.
178. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. — 3-е изд., испр. — М. : Статут, 2009. — С. 512–652.
179. Иоффе О. С. Советское гражданское право. — М. : Юрид. лит., 1967. — 494 с.
180. Иоффе О. С. Спорные вопросы учения о правоотношении // Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О. С. Иоффе. — 3-е изд., испр. — М. : Статут, 2009. — С. 653–698.
181. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. — М. : Юрид. лит, 1984. — 144 с.
182. История экономических учений : учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. — М. : ИНФРА-М, 2002. — 784 с.
183. История этических учений : учебник / А. А. Гусейнов [и др.] ; под ред. А. А. Гусейнова. — М. : Гардарики, 2003. — 911 с.

184. Кавелин К. Д. Что есть гражданское право и где его пределы? // Собрание сочинений К. Д. Кавелина : в 4 т. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. — Т. 4 : Этнография и правоведение. — С. 760–861.
185. Казимагомедов А. А., Гаджиев А. А. Деньги, кредит, банки : учебник. — М. : Экзамен, 2007. — 559 с.
186. Кальгина А. А. Правовой режим банковского счета : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2006. — 232 л.
187. Кант И. Метафизика нравов // Сочинения : в 6 т. — М. : Мысль, 1965. — Т. 4. — Ч. 2. — С. 107–438.
188. Кант И. Опыт введения в философию понятия отрицательных величин // Сочинения : в 6 т. — М. : Мысль, 1964. — Т. 2. — С. 79–123.
189. Кант И. Основы метафизики нравственности // Сочинения : в 6 т. — М. : Мысль, 1965. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 219–310.
190. Карасева М. В. Финансовое правоотношение : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12. — Воронеж, 1998. — 304 л.
191. Кармин А. С., Бернацкий Г. Г. Философия : учебник для вузов. — 2-е изд. — СПб. : Питер, 2007. — 560 с.
192. Кейнс Д. М. Общая теория занятости, процента и денег // Избранные произведения. — М. : Экономика, 1993. — С. 224–518.
193. Кечежян С. Ф. Нормы права и правоотношения // Совет. государство и право. — 1955. — № 2. — С. 23–32.
194. Кечежян С. Ф. О системе советского социалистического права // Совет. государство и право. — 1946. — № 2. — С. 41–50.
195. Кечежян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 187 с.
196. Кирюшкин В. Е., Ларионов И. В. Основы риск-менеджмента. — М. : Анкил, 2009. — 132 с.
197. Ковалев М. М. Современная финансовая теория и финансовое образование // Современная финансовая теория : сб. науч. ст. / Белорус. гос. ун-т ; под общ. ред. М. М. Ковалева. — Минск, 2003. — С. 4–31.
198. Ковальчук А. Т. Финансовое право — «ревматизм» старой эпохи или комплексный регулятор публичных отношений? // Государство и право. — 2010. — № 1. — С. 35–44.
199. Козырин А. Н. Формирование науки финансового права в России в конце XVIII — начале XIX вв. // История финансового права России : сб. ст. / Гос. ун-т — Высш. шк. экономики, кафедра финансового права ; под ред. А. А. Ялбулганова. — М. : Гютика, 2005. — С. 4–20.
200. Колпакова Г. М. Финансы, денежное обращение, кредит : учеб. пособие. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2011. — 538 с.
201. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / сост., автор вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский. — М. : РОССПЭН, 2010. — 520 с.
202. Корнеев С. М. Вопросы построения системы советского права // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. — 1963. — № 1. — С. 14–25.
203. Коростелев М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2015. — 229 л.

204. Коршунова И. В. Обязанность как правовая категория : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Абакан, 2004. — 179 л.
205. Котик М. А. Психология и безопасность. — 2-е изд., испр. и доп. — Таллин : Валгус, 1987. — 440 с.
206. Кошегулова И. Р. Деньги в системе институциональных отношений : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01. — М., 2007. — 281 л.
207. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. — М. : Юрид. лит., 1966. — 200 с.
208. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. — М. : Госюриздат, 1958. — 183 с.
209. Красавчикова Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — Екатеринбург, 1994. — 435 л.
210. Крашенинников Е. А. К учению о гражданско-правовых обязанностях // Вопросы теории юридических обязанностей : тез. II межвуз. науч. конф. молодых ученых-юристов. — Воронеж : ВГУ, 1988. — С. 6—8.
211. Кривцов А. С. Абстрактные и материальные обязательства в римском и современном гражданском праве. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1898. — 256 с.
212. Кройтор С., Ображей О., Подвальская В. Финансовая грамотность населения Республики Беларусь: факты и выводы. Январь — февраль 2016 г. [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — URL: https://www.nbrb.by/today/FinLiteracy/Research/FL_AFI_Belarus_2016.pdf (дата обращения: 29.08.2019).
213. Крохина Ю. А. Финансовое право России. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2008. — 720 с.
214. Крючков Р. А. Риск в праве: генезис, понятие и управление : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Н. Новгород, 2011. — 200 л.
215. Кудрявцев А. А. Интегрированный риск-менеджмент : учебник. — М. : Экономика, 2010. — 655 с.
216. Кузнецова Е. И. Финансы. Денежное обращение. Кредит : учеб. пособие. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. — 687 с.
217. Кузьмин И. А. Формально-юридический метод в составе методологии компаративистского исследования // Право. Журн. Высш. шк. экономики. — 2017. — № 2. — С. 18—29.
218. Кукольник В. Г. Начальные основания российского частного гражданского права. — СПб. : Сенат. тип., 1813. — 240 с.
219. Култышев С. Б. Распоряжение требованиями посредством уступки : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Владивосток, 2006. — 186 л.
220. Кун Т. Структура научных революций / пер. И. З. Налетова. — М. : Прогресс, 1977. — 300 с.
221. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции / пер. А. Л. Никифорова // Избранные произведения по философии и методологии науки / И. Лакатос. — М. : Акад. проект : Трикта, 2008. — С. 199—278.
222. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: Теория и судебная практика. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. — 544 с.

223. Латыев А. Н. Регистрация прав на недвижимое имущество и владение: соотношение и влияние на оборот недвижимости // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2007. — С. 419–449.

224. Лаэртский Д. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. — 2-е изд., испр. — М. : Мысль, 1986. — 571 с.

225. Лебедев В. А. Бумажные деньги. — СПб. : Типо-лит. А. М. Вольфа, 1889. — 72 с.

226. Лебедев В. А. Финансовое право. — 2-е изд., перераб. — СПб. : Тип. А. М. Вольфа, 1889. — Т. 1. — 316 с.

227. Лебедев К. К. Защита прав обладателей бездокументарных ценных бумаг (материально- и процессуально-правовые аспекты разрешения споров, связанных с отчуждением бездокументарных ценных бумаг). — М. : Волтерс Клувер, 2007. — 176 с.

228. Левин Г. Д. Вещь // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. — М. : Мысль, 2010. — Т. I. — С. 393.

229. Лейбниц Г. В. Монадология / пер. Б. П. Боброва // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1982. — Т. 1. — С. 413–429.

230. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии / пер. П. С. Юшкевича // Сочинения : в 4 т. — М. : Мысль, 1983. — Т. 2. — С. 47–545.

231. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. — М. : Зерцало-М, 2002. — 288 с.

232. Лемешенко П. С. Институциональная природа денег, или Шаг к тайне финансового кризиса // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. — 2009. — № 1. — С. 103–111.

233. Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики: письмо Д. И. Курскому, 20/II.1922 // Полн. собр. соч. : в 55 т. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — 5-е изд. — М. : Политиздат, 1970. — Т. 44 : Июнь 1921 — март 1922. — С. 396–400.

234. Леонтьев В. Е., Радковская Н. П. Финансы, деньги, кредит и банки : учеб. пособие. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб. : Знание : ИВЭСЭП, 2004. — 384 с.

235. Лившиц Р. З. Отрасль права — отрасль законодательства // Совет. государство и право. — 1984. — № 2. — С. 26–32.

236. Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. — Самара, 2004. — 487 л.

237. Литовченко М. Деньги в гражданском праве. — Киев : Типо-лит. И. Н. Кушнерева и К°, 1887. — 50 с.

238. Лоевецкий Д. А. Денежное обращение и государственные займы. — М. : Финансово-экон. бюро, 1923. — 48 с.

239. Локк Д. Два трактата о правлении / пер. Ю. В. Семенова // Сочинения : в 3 т. / ред. и сост. А. Л. Субботин. — М. : Мысль, 1988. — Т. 3. — С. 135–405.

240. Локк Д. Опыт о человеческом разумении / пер. А. Н. Савина // Сочинения : в 3 т. — М. : Мысль, 1985. — Т. 1. — С. 77–582.

241. Ломакин Д. В. Доли участия в уставных капиталах хозяйственных обществ как особые объекты гражданского оборота // Хоз-во и право. — 2008. — № 2. — С. 44–57.

242. Лукасевич И. Я. Финансовый менеджмент : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Эксмо, 2010. — 768 с.

243. Лукьянов Г. И. Риск как феномен социальной реальности : дис. ... д-ра филол. наук : 09.00.11. — Ставрополь, 2006. — 299 л.
244. Лукьянцев А. А. Ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности в гражданском законодательстве России: теория и судебная практика : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — Ростов н/Д, 2006. — 384 л.
245. Луман Н. Понятие риска / пер. А. Ф. Филиппова // THESIS. — 1994. — Вып. 5. — С. 135–160.
246. Лунц Л. А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран // Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Л. А. Лунц. — 2-е изд., испр. — М. : Статут, 2004. — С. 147–328.
247. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства. Юридическое исследование // Деньги и денежные обязательства в гражданском праве / Л. А. Лунц. — 2-е изд., испр. — М. : Статут, 2004. — С. 25–146.
248. Львов Д. Курс финансового права. — Казань : Тип. императ. ун-та, 1887. — 521 с.
249. Магазинер Я. М. Общая теория права на основе советского законодательства // Избранные труды по общей теории права / Я. М. Магазинер ; под ред. А. К. Кравцова. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2006. — С. 15–314.
250. Маклеод Г. Д. Основания политической экономии / пер. М. П. Веселовского. — СПб. : Изд-во Николая Тиблена, 1865. — 620 с.
251. Максимушкин М. Н. Теоретические и практические аспекты правового регулирования денег и денежных обязательств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2008. — 187 л.
252. Малахова Н. Г. Деньги. Кредит. Банки : учеб. пособие. — Ростов н/Д : Феникс, 2007. — 217 с.
253. Малеин Н. С. Имущественная ответственность в хозяйственных отношениях. — М. : Наука, 1968. — 207 с.
254. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — М., 1997. — 431 л.
255. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 359 с.
256. Мальцев В. А. Финансовое право. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Академия, 2008. — 247 с.
257. Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. — М. : Юрид. лит., 1968. — 143 с.
258. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I: Процесс производства капитала / пер. И. И. Скворцова-Степанова // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1960. — Т. 23. — С. 41–784.
259. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом / пер. И. И. Скворцова-Степанова // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1961. — Т. 25. — Ч. I. — С. 27–505.
260. Маркс К. Критика Готской программы // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения : в 50 т. — 2-е изд. — М. : Политиздат, 1961. — Т. 19. — С. 9–32.
261. Мартиросян А. Г. К вопросу о риске в гражданском праве Российской Федерации // Современное право. — 2009. — № 9. — С. 60–64.

262. Мартиросян А. Г. Способы распределения риска в гражданском праве Российской Федерации // *Соврем. право*. — 2012. — № 4. — С. 81–85.
263. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // *Государство и право*. — 2003. — № 6. — С. 13–21.
264. Маршалл А. Принципы политической экономии : в 3 т. / пер. Р. И. Столпера. — М. : Прогресс, 1983. — Т. 1. — 416 с.
265. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. ЗАО Издат. дом «Питер». — 3-е изд. — СПб. : Питер, 2008. — 352 с.
266. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. — 3-е изд., испр. — По 8-му изд., испр. и доп., 1902. — М. : Статут, 2003. — 831 с.
267. Менгер К. Основания политической экономии // *Избранные работы* / К. Менгер. — М. : Территория будущего, 2005. — С. 57–286.
268. Меньков Ф. А. Основные начала финансовой науки. Выпуск 1: Введение, учение о государственных расходах и общая теория налогов. — М. : Финансово-экон. бюро НКФ СССР, 1924. — 132 с.
269. Мешера В. Ф. О делении советского права на отрасли // *Совет. государство и право*. — 1957. — № 3. — С. 93–99.
270. Мизес Л. фон. Теория денег и фидуциарных средств обращения / пер. под ред. Г. Сапова // *Теория денег и кредита* / Л. фон Мизес. — Челябинск : Социум, 2012. — С. 1–519.
271. Мизес Л. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / пер. А. В. Куряева. — Челябинск : Социум, 2005. — 878 с.
272. Микеладзе З. Н. Основоположения логики Аристотеля // *Аристотель. Сочинения* : в 4 т. — М. : Мысль, 1978. — Т. 2. — С. 5–50.
273. Миллер Р. Л., Ван-Хуз Д. Д. Современные деньги банковское дело : пер. с англ. — М. : ИНФРА-М, 2000. — 856 с.
274. Миль Д. С. Основания политической экономии с некоторыми применениями к общественной философии / пер. Е. И. Остроградской. — Киев ; Харьков : Юж.-рус. книгоизд-во Ф. А. Иогансона, 1896. — 883 с.
275. Мильков А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — М., 2015. — 442 л.
276. Мозолин В. П. Система российского права (доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // *Государство и право*. — 2003. — № 1. — С. 107–113.
277. Монтескье Ш. Л. О духе законов / пер. А. В. Матешук. — М. : Мысль, 1999. — 672 с.
278. Моргунов С. В. Виндикация в гражданском праве. Теория. Проблемы. Практика. — М. : Статут, 2006. — 301 с.
279. Морен Э. Метод. Природа природы / пер. Е. Н. Князевой. — М. : Прогресс-Традиция, 2005. — 464 с.
280. Мотовиловкер Е. Я. Юридическая обязанность и правовое состояние // *Вопросы теории юридических обязанностей* : тез. II межвуз. науч. конф. молодых ученых-юристов. — Воронеж : ВГУ, 1988. — С. 8–13.
281. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права // *Избранное* / С. А. Муромцев. — М. : Статут, 2015. — С. 259–445.
282. Мэнкью Н. Г. Принципы экономики / пер. В. Кузина [и др.]. — СПб. : Питер Ком, 1999. — 784 с.

283. Найт Ф. Х. Риск, неопределенность и прибыль / пер. М. Я. Каждана. — М. : Дело, 2003. — 360 с.
284. Нассе Э., Лексис В. Металлические деньги и валюта. — М. : Типо-лит. Высоч. утв. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1897. — 192 с.
285. Национальный банк Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.nbrb.by/> (дата обращения: 29.08.2019).
286. Неволин К. А. История российских гражданских законов : в 3 т. — СПб. : Тип. Императ. Акад. наук, 1851. — Т. 3. Книга вторая об имуществах. Раздел третий о правах на действия лиц и раздел четвертый о наследстве. — 831 с.
287. Нешиной А. С. Финансы, денежное обращение и кредит : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Дашков и К^о, 2013. — 640 с.
288. Никитский А. А. Основы финансовой науки и политики. — М. : Польза : В. Антик и К^о, 1909. — 256 с.
289. Никифоров А. Л. Факт // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. — М. : Мысль, 2010. — Т. IV. — С. 157–158.
290. Никифоров А. Л. Холизм // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. — М. : Мысль, 2010. — Т. IV. — С. 299–300.
291. Никольский П. А. Бумажные деньги в России. — Казань : Тип. Императ. ун-та, 1892. — 393 с.
292. Новицкий И. Б. Обязательства из договоров: Заключение договоров. Дарение. Двусторонние договоры. Договоры в пользу третьего лица : (Коммент. к ст. 130–140 и 144–146 Гражд. кодекса). — М. : Право и жизнь, 1924. — 54 с.
293. Новоселов М. М. Свойство // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. — М. : Мысль, 2010. — Т. III. — С. 510.
294. Новоселов М., Гастев Ю. Отношение // Философская энциклопедия : в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. — М. : Совет. энцикл., 1967. — Т. 4 : «Наука логики» — Сигети. — С. 182–184.
295. Новоселова Л. А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2007. — С. 197–230.
296. Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2003. — 192 с.
297. Новоселова Л. А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг. — М. : Статут, 2003. — 494 с.
298. О новом золотом содержании рубля и о повышении курса рубля по отношению к валютам иностранных государств // Правда. — 1960. — 15 нояб. — № 320 (15444) — С. 1.
299. О поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе Республики Беларусь в 2018 году [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — URL: http://www.nbrb.by/Publications/coinageoffense/coinage_offense_2018_4.pdf (дата обращения: 29.08.2019).
300. О'Коннор Д., Макдермотт И. Искусство системного мышления. Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем / пер. Б. Пинскера. — М. : Альпина Бизнес Букс, 2006. — 256 с.

301. Общая теория финансов : учебник / Л. А. Дробозина [и др.] ; под ред. Л. А. Дробозиной. — М. : Банки и биржи : ЮНИТИ, 1995. — 256 с.
302. Овсейко С. В. Электронные деньги: перспективы использования // Банк. вестн. — 2005. — № 19. — С. 35–39.
303. Огурцов А. П., Тищенко П. Д. Тело // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. — М. : Мысль, 2010. — Т. IV. — С. 25–29.
304. Озеров И. Х. Основы финансовой науки. Выпуск 1: Учение об обыкновенных доходах. — 5-е изд. с отд. доп. — М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1917. — 544 с.
305. Ойгензихт В. А. Категория «риска» в советском гражданском праве // Правоведение. — 1971. — № 5. — С. 64–70.
306. Оккам У. Метафизика и этика / пер. А. В. Апполонова // Избранное / У. Оккам. — М. : УРСС, 2002. — С. 136–211.
307. Осипова Т. М. Правовое регулирование финансов предприятий (объединений) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02. — М., 1989. — 211 л.
308. Павлов П. В. Финансовое право. — 4-е изд., испр. — М. : Омега-Л, 2009. — 299 с.
309. Панюшкина О. М. Экономическая природа денег и ее эволюция : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. — Чебоксары, 2010. — 217 л.
310. Патлаевский И. И. Курс финансового права. — Одесса : Тип. Одес. вестн., 1885. — 395 с.
311. Пацуркивский П. С. Основной вопрос науки финансового права: поиск современного решения // Финансовое право. — 2004. — № 2. — С. 18–23.
312. Перепеченко В. П. Деньги. Кредит. Банки : учеб. пособие. — М. : Экономика, 2008. — 150 с.
313. Петров Г. И. Место административного права в системе советского права // Совет. государство и право. — 1957. — № 1. — С. 91–101.
314. Петрушевский Ф. И. Общая метрология : в 2 ч. — СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1849. — Ч. 1. — 632 с.
315. Петти В. *Verbum sapienti* (Слово мудрым) / пер. под ред. М. Смит // Экономические и статистические работы / В. Петти. — М. : Соцэкгиз, 1940. — С. 79–89.
316. Пиликин Г. Г. Становление финансового права как особой формы регулирования экономических отношений : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04. — М., 2014. — 397 л.
317. Пилипенко А. А. Курс финансового права. — Минск : Книж. дом, 2010. — 766 с.
318. Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Собр. соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1994. — Т. 3. — С. 79–420.
319. Платон. Законы / пер. А. Н. Егунова // Собр. соч. : в 4 т. — М. : Мысль, 1994. — Т. 4. — С. 71–437.
320. Плотников К. Н. Финансы и кредит в СССР. — М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1959. — 203 с.
321. Плющев М. В. Инвестиционный пай с позиции бездокументарной ценной бумаги // Хоз-во и право. — 2004. — № 5. — С. 52–59.
322. Пляниоль М. Курс французского гражданского права / пер. В. Ю. Гартмана. — Петроков : Тип. С. Панского, 1911. — 1012 с.

323. Победоносцев К. П. Курс гражданского права : в 3 ч. — М. : Статут, 2003. — Часть третья : Договоры и обязательства. — 622 с.

324. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М. : Статут, 1998. — 353 с.

325. Полтораднева Н. Л. Современный взгляд на трактовку категории «финансы» как методологической основы финансовой науки // Финансы и кредит. — 2013. — № 32. — С. 42–49.

326. Портной М. А. Деньги: их виды и функции. — М. : Анкил, 1998. — 167 с.

327. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве // Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / И. Т. Посошков. — М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. — С. 11–244.

328. Проблемы общей теории права и государства : учебник / Н. В. Варламова [и др.] ; под общ. ред. В. С. Нерсисянца. — М. : Норма, 2004. — 832 с.

329. Провальский А. А. Механизм возникновения и реализации гражданско-правовых обязанностей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2007. — 168 л.

330. Прокопович Г. А. Теоретическая модель юридической ответственности в публичном и частном праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. — СПб., 2010. — 449 л.

331. Протас Е. В. Гражданское право : учебник. — М. : МГИУ, 2007. — 488 с.

332. Протасов В. Н. Правоотношение как система. — М. : Юрид. лит., 1991. — 142 с.

333. Проташик Т. М. Влияние инфляции, девальвации, деноминации на денежные обязательства и правоприменительная практика // Судеб. вестн. Плюс: экон. правосудие. — 2016. — № 9. — С. 4–6.

334. Рау К. Г. Основные начала финансовой науки / пер. с 5-го нем. изд. А. Корсака. — СПб. : Тип. Майкова, 1867. — Т. I. — 318 с.

335. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / пер. И. А. Базанова ; под ред. Ю. С. Гамбарова. — М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1897. — 296 с.

336. Ржондковский. Финансовое право для юристов. — СПб. : Изд-во Кравченко, 1861. — 245 с.

337. Рикардо Д. О покровительстве земледелию / пер. под ред. М. Н. Смит // Сочинения : в 4 т. — М. : Политиздат, 1955. — Т. 3. — С. 41–94.

338. Ровинский Е. А. Финансовое право. — М. : Юрид. лит., 1971. — 392 с.

339. Ровинский Р. Е. Самоорганизация как фактор направленного развития // Вопр. философии. — 2002. — № 5. — С. 67–77.

340. Рогов М. А. Риск-менеджмент. — М. : Финансы и статистика, 2001. — 120 с.

341. Родбертус-Ягцов К. И. Исследование о капитале: Торговые кризисы и государственное хозяйство / пер. И. Давыдова. — 2-е изд. — М. : Либроком, 2012. — 224 с.

342. Рожкова М. А. О круге денежных обязательств, значимых для определения наличия признаков банкротства // Корпоратив. юрист. — 2009. — № 4. — С. 20–24.

343. Розанова Н. М. Монетарная экономика. Теория денег и кредита : в 2 т. — М. : Юрайт, 2016. — Т. 1 : учебник и практикум. — 269 с.

344. Розенберг В. В. Товарищество с ограниченной ответственностью (о необходимости введения этой формы в России). — СПб. : Тип. Ред. период. изд. М-ва финансов, 1912. — 215 с.

345. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. В. Витрянский [и др.] ; под. ред. Е. А. Суханова. — 2-е изд., стер. — М. : Статут, 2011. — Т. 2 : Обязательственное право. — 1208 с.

346. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. С. Ем [и др.] ; под ред. Е. А. Суханова. — 4-е изд., стер. — М. : Статут, 2014. — Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. — 958 с.

347. Рудаков А. А. Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Красноярск, 2006. — 197 л.

348. Рыжачков А. А. Деньги и денежные агрегаты: воспроизводственный подход : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. — Иваново, 2003. — 169 л.

349. Сабанти Б. М. Теория финансов : учеб. пособие. — 2-е изд. — М. : Менеджер, 2000. — 192 с.

350. Сабитова Н. М. О сущности финансов: в продолжение дискуссии // Финансы. — 2012. — № 6. — С. 58–61.

351. Саблин М. Т. Взыскание долгов: от профилактики до принуждения. — 4-е изд., испр. и доп. — М. : Статут, 2017. — 496 с.

352. Саватье Р. Теория обязательств. Юридический и экономический очерк / пер. Р. О. Халфиной. — М. : Прогресс, 1972. — 440 с.

353. Савенкова О. В. Возмещение убытков в современном гражданском праве // Убытки и практика их возмещения : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. — М. : Статут, 2006. — С. 6–67.

354. Савенок А. Л. Риск: социально-правовые аспекты : учеб. пособие. — Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. — 67 с.

355. Савиньи Ф. К. Обязательственное право / пер. В. Фукса, Н. Мандро. — М. : Тип. А. В. Кудрявцевой, 1876. — 581 с.

356. Савиньи Ф. К. Система современного римского права : в 8 т. / пер. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М. : Статут, 2011. — Т. I. — С. 248–509.

357. Самуэльсон П. Э., Нордхаус В. Д. Экономика / пер. О. Л. Пелявского. — 18-е изд. — М. : И. Д. Вильямс, 2008. — 1360 с.

358. Сводные показатели государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним в Республике Беларусь. Годовой отчет 2018 [Электронный ресурс] / Гос. ком. по имуществу Респ. Беларусь, Нац. кадастровое агентство. — 2019. — URL: http://nca.by/image2/god_otchet/2018/god_otchet_2018.pdf (дата обращения: 29.08.2019).

359. Севильский И. Этимологии, или Начала : в XX кн. / пер. с лат. Л. А. Харитоновна. — СПб. : Евразия, 2006. — Кн. I–III : Семь свободных искусств. — 352 с.

360. Сидоренко Ю. Ю. Идентификационные признаки хеджирования // Банк. вестн. — 2017. — № 2. — С. 27–33.

361. Сильченко Н. В. Унификация национального права посредством основных форм систематизации законодательства // Правовое регулирование осуществления и защиты прав физических и юридических лиц : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию проф. В. Ф. Чигира, Минск, 4–5 нояб. 2014 г. / редкол.: И. Н. Колядко (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Право и экономика, 2014. — С. 44–46.

362. Сисаури В. В. Финансы как объект правового регулирования // Финансовое право. — 2005. — № 3. — С. 2–5.

363. Сисмонди Ж. С. де. Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению / пер. А. Ф. Кона. — М. : Соцэкгиз, 1936. — 387 с.

364. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. — 5-е изд., перераб. — М. : Статут, 2010. — 893 с.

365. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М. : Соц-экгиз, 1962. — 684 с.

366. Соболев М. Н. Очерки финансовой науки. — Симферополь : Пролетарий, 1925. — 187 с.

367. Собчак А. А. О некоторых спорных вопросах общей теории правовой ответственности // Правоведение. — 1968. — № 1. — С. 49–57.

368. Советское гражданское право : учебник / Д. М. Генкин [и др.] ; под ред. Д. М. Генкина, Я. А. Куника. — М. : Высш. шк., 1967. — 559 с.

369. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. А. Тархов [и др.] ; под ред. Ю. Х. Калмыкова, В. А. Тархова. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1991. — Т. 1. — 454 с.

370. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / В. П. Грибанов [и др.] ; под ред. И. Б. Новицкого, П. Е. Орловского. — М. : Госюриздат, 1959. — Т. 1. — 494 с.

371. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / Д. М. Генкин [и др.] ; под ред. Д. М. Генкина. — М. : Госюриздат, 1950. — Т. 1. — 494 с.

372. Советское гражданское право : учебник : в 2 т. / О. А. Красавчиков [и др.] ; под ред. О. А. Красавчикова. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Высш. шк., 1985. — Т. 1. — 544 с.

373. Советское гражданское право : учебник : в 2 ч. / А. А. Пушкин [и др.] ; под ред. В. Ф. Маслова, А. А. Пушкина. — Киев : Вища шк., 1977. — Ч. 1. — 477 с.

374. Советское гражданское право : учебник : в 2 ч. / К. К. Лебедев [и др.] ; под ред. В. Т. Смирнова, Ю. К. Толстого, А. К. Юрченко. — 2-е изд., испр. и доп. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. — Ч. 1. — 414 с.

375. Советское гражданское право : учебник : в 2 ч. / Н. А. Безрук [и др.] ; под ред. В. А. Рясенцева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрид. лит., 1986. — Ч. 1. — 560 с.

376. Советское финансовое право / В. В. Бесчеревных [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрид. лит., 1974. — 462 с.

377. Социально-экономическое положение Республики Беларусь в январе — июле 2019 г. Доклад 10: Финансы организаций [Электронный ресурс] : стат. бюл., 26 авг. 2019 г., № 03/560-р // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — 2019. — URL: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_14279/ (дата обращения: 05.09.2019).

378. Сперанский М. М. Обзорение исторических сведений о Своде законов // Избранное / М. М. Сперанский. — М. : Статут, 2015. — С. 202–251.

379. Статистический бюллетень, № 7 (241) [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. — 2019. — URL: http://www.nbrb.by/publications/bulletin/stat_bulletin_2019_07.pdf (дата обращения: 05.09.2019).

380. Степанов Д. И. Вопросы теории и практики эмиссионных ценных бумаг // Хоз-во и право. — 2002. — № 5. — С. 78–97.

381. Степанов Д. И. Общества с ограниченной ответственностью: законодательство и практика // Хоз-во и право. — 2000. — № 12. — С. 54–64.

382. Степанов Д. И. Феномен корпоративного контроля // Вестн. гражд. права. — 2009. — № 3. — С. 142–206.

383. Степанов И. И. Опыт теории страхового договора. — Казань : Унив. тип., 1875. — 203 с.
384. Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопр. философии*. — 2003. — № 8. — С. 5–17.
385. Степин В. С. Теоретическое знание. — М. : Прогресс-Традиция, 2003. — 744 с.
386. Стожко Д. К. Феномен долга в системе социального взаимодействия : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — Екатеринбург, 2011. — 187 л.
387. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии // *Трактат по политической экономии / Ж.-Б. Сэй. Экономические софизмы. Экономические гармонии / Ф. Бастиа*. — М. : Дело, 2000. — С. 22–88.
388. Табашников И. Г. Литературная, музыкальная и художественная собственность с точки зрения науки гражданского права и по постановлениям законодательств: Северной Германии, Австрии, Франции, Англии и России. — СПб. : Тип. М. И. Попова, 1878. — Т. 1 : Литературная собственность, ее понятие, история, объект и субъект. — 568 с.
389. Тадевосян В. С. Некоторые вопросы системы советского права // *Совет. государство и право*. — 1956. — № 8. — С. 99–108.
390. Танаев В. М. Понятие «риск» в Гражданском кодексе Российской Федерации // *Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С. С. Алексеева ; Исслед. центр част. права. Урал. фил. ; Рос. шк. част. права. Урал. отд.* — М. : Статут, 2000. — С. 8–34.
391. Тарасов В. И. Денежное обращение и кредит : учеб. пособие. — Минск : БГУ, 2015. — 327 с.
392. Тарасов И. Т. Кредит и бумажные деньги. — Ярославль : Тип. Г. Фальк, 1881. — 45 с.
393. Тарасов И. Т. Очерк науки финансового права. — Ярославль : Тип. губерн. правл., 1883. — 710 с.
394. Тарнопольская С. В. Право требования в гражданском обороте // *Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова*. — М. : Статут, 2007. — С. 143–178.
395. Тархов В. А. Гражданское право. Общая часть. Курс лекций. — Чебоксары : Чуваш. книж. изд-во, 1997. — 331 с.
396. Тедеев А. А., Парыгина В. А. Финансовое право. — М. : Эксмо, 2004. — 477 с.
397. Тённый Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / пер. Д. В. Складнева. — СПб. : Владимир Даль, 2002. — 452 с.
398. Теория финансов : учеб. пособие / Н. Е. Заяц [и др.] ; под ред. Н. Е. Заяц, М. К. Фисенко. — Минск : БГЭУ, 2005. — 351 с.
399. Терлаич Г. И. Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России : в 2 ч. — СПб. : Императ. Акад. наук, 1810. — Ч. II. — 241 с.
400. Тирская Е. В. Категория денежного долга в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2004. — 215 л.
401. Каченко Ю. Г. Методологические вопросы теории правоотношений. — М. : Юрид. лит., 1980. — 176 с.
402. Толстой Ю. К. Еще раз о правоотношении // *Правоведение*. — 1969. — № 1. — С. 32–36.

403. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. — Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. — 88 с.
404. Тосуян Г. А., Викулин А. Ю. К новому финансовому праву // Финансовое право. — 2003. — № 6. — С. 7–11.
405. Точильников Г. М. Вопросы советских финансов (очерки теории). — М. : Госфиниздат, 1962. — 148 с.
406. Трахтенберг И. А. Бумажные деньги: очерки теории денег и денежного обращения. — 3-е изд., доп. — М. : Госиздат, 1924. — 415 с.
407. Трофимов К. Т. Деньги как объект гражданских прав и предмет банковских сделок // Правоведение. — 2004. — № 1. — С. 37–48.
408. Трубачев О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура : в 2 т. — М. : Языки славян. культуры, 2004. — Т. 1. — 798 с.
409. Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. — СПб. : Тип. Н. Греча, 1818. — 371 с.
410. Тюрго А. Р. Ж. Ценности и деньги / пер. А. Н. Миклашевского // Физико-ократы. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ, А. Р. Ж. Тюрго, П. С. Дюпон де Немур. — М. : Эксмо, 2008. — С. 643–662.
411. Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. — М. : Изд-во АН СССР, 1963. — 184 с.
412. Усаткина О. И. Влияние трансформации природы и функций современных денег на денежно-кредитную политику : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. — Ростов н/Д, 2006. — 201 л.
413. Фасмер М. Финансы // Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 4-е изд., стер. — М. : Астрель : АСТ, 2004. — Т. 4 : Т — Яшур. — С. 195.
414. Фатхутдинов Р. С. Уступка доли в уставном капитале ООО: теория и практика. — М. : Волтерс Клувер, 2009. — 184 с.
415. Фейербах Л. А. О спиритуализме и материализме, в особенности в их отношении к свободе воли / пер. С. Бессонова, А. И. Рубина // Сочинения : в 2 т. — М. : Наука, 1995. — Т. 1. — С. 323–426.
416. Философия и методология науки : учеб. пособие / Ч. С. Кирвель [и др.] ; под ред. Ч. С. Кирвели. — Минск : Выш. шк., 2012. — 639 с.
417. Философия науки : учеб. пособие / С. А. Лебедев [и др.] ; под ред. С. А. Лебедева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Акад. Проект ; Альма Матер, 2007. — 731 с.
418. Философия : учебник / А. Ф. Зотов [и др.] ; под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Акад. Проспект : Культура, 2008. — 688 с.
419. Финансовое право / Е. И. Арефкина [и др.]. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2005. — 585 с.
420. Финансовое право / О. Н. Горбунова [и др.]. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2004. — 749 с.
421. Финансовое право / О. Н. Горбунова [и др.]. — М. : Проспект, 2003. — 532 с.
422. Финансовое право: типовая учебная программа по учебной дисциплине для специальностей 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право» / авт.-сост.: В. С. Каменков [и др.]. — Минск : БГУ, 2017. — 48 с.
423. Финансовое право : учебник / Д. Г. Алексеева [и др.] ; под ред. С. В. Запольского. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2017. — 491 с.

424. Финансовое право : учебник / отв. ред. С. В. Запольский. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Контракт : Волтерс Клувер, 2011. — 792 с.
425. Финансовое право : учебник / П. Н. Бирюков [и др.] ; отв. ред. М. В. Карасева. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2016. — 388 с.
426. Финансовое право : учебник / Н. Н. Ровинский [и др.]. — М. : Юрид. изд-во, 1946. — 360 с.
427. Финансы / И. Т. Балабанов [и др.]. — М. : Юрайт-М, 2004. — 500 с.
428. Финансы // Oxford Russian Dictionary / Russian-English ed. by M. Wheeler and B. Unbegaun, English-Russian ed. by P. Falla ; revised and updated by D. Thompson. — 4th ed. — New York : Oxford University Press, 2007. — P. 542.
429. Финансы : учеб. пособие / О. В. Малиновская [и др.]. — М. : ИНФРА-М, 2012. — 320 с.
430. Финансы : учебник / А. М. Ковалева [и др.] ; под ред. А. М. Ковалевой. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2015. — 443 с.
431. Финансы : учебник / В. В. Ковалев [и др.] ; под ред. В. В. Ковалева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби : Проспект, 2008. — 640 с.
432. Финансы : учебник / В. П. Литовченко [и др.] ; под ред. В. П. Литовченко. — М. : Дашков и К°, 2007. — 588 с.
433. Финансы : учебник / Л. А. Чалдаева [и др.] ; под ред. Л. А. Чалдаевой. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2019. — 439 с.
434. Финансы : учебник / Н. И. Берзон [и др.] ; под ред. Н. И. Берзона. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2019. — 498 с.
435. Финансы : учебник / П. Н. Шуляк [и др.] ; под ред. П. Н. Шуляка. — М. : Дашков и К°, 2013. — 384 с.
436. Финансы : учебник / С. А. Белозеров [и др.] ; под ред. В. В. Ковалева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2014. — 928 с.
437. Финансы : учебник : в 2 ч. / Г. Н. Белоглазова [и др.] ; под ред. М. В. Романовского, Н. Г. Ивановой. — 5-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрайт, 2019. — Ч. 1. — 305 с.
438. Финансы и кредит / А. Ю. Казак [и др.]. — Екатеринбург : ПИИП при изд-ве Урал. гос. ун-та, 1994. — 629 с.
439. Финансы и кредит / М. Л. Дьяконова [и др.]. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : КНОРУС, 2008. — 374 с.
440. Финансы и кредит СССР / А. В. Багурин [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Госфиниздат, 1958. — 339 с.
441. Финансы и кредит СССР / Е. В. Коломин [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Финансы и статистика, 1989. — 310 с.
442. Финансы и кредит СССР / М. М. Алексеенко [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Львов : Вища шк : Изд-во при Льв. гос. ун-те, 1987. — 372 с.
443. Финансы СССР / Д. А. Аллахвердян [и др.]. — М. : Госфиниздат, 1958. — 391 с.
444. Финансы СССР : учебник / И. Д. Злобин [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Финансы, 1971. — 375 с.
445. Финансы, денежное обращение и кредит / И. Т. Балабанов [и др.]. — М. : Юрайт-Издат, 2007. — 544 с.
446. Финансы, денежное обращение и кредит / Н. Ф. Самсонов [и др.]. — М. : ИНФРА-М, 2007. — 300 с.

447. Финансы. Денежное обращение. Кредит / Г. Б. Поляк [и др.]. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 639 с.
448. Фихте И. Г. Замкнутое торговое государство / пер. Э. Э. Эссена // Сочинения : в 2 т. — СПб. : Мифрил, 1993. — Т. 2. — С. 226—357.
449. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалензи Р. Экономика / пер. Е. Е. Балаشовой [и др.]. — М. : Дело Лтд. — 1995. — 864 с.
450. Флоренский П. А. Космологические антиномии Иммануила Канта // Сочинения : в 4 т. / сост. и общ. ред. игумена Андроника (А. С. Трубачева), П. В. Флоренского, М. С. Трубачевой. — М. : Мысль, 1996. — Т. 2. — С. 3—33.
451. Фогельсон Ю. Б. Конструкции «интерес» и «риск» в Гражданском кодексе // Хоз-во и право. — 2003. — № 6. — С. 20—29.
452. Фридман М. Капитализм и свобода / пер. В. Козловского. — М. : Новое изд-во, 2006. — 240 с.
453. Фридмен М. Если бы деньги заговорили... / пер. Л. С. Микши, А. М. Семенова. — 2-е изд. — М. : Дело, 2002. — 160 с.
454. Функ Я. И. Общество с ограниченной ответственностью. Общество с дополнительной ответственностью : коммент. к Закону Респ. Беларусь «О хозяйственных обществах» : в 5 кн. — Минск : Ред. журн. «Промышл.-торговое право», 2008. — Кн. 3 : Доли в уставном фонде общества с ограниченной ответственностью и общества с дополнительной ответственностью и их оборот. — 464 с.
455. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. — М. : Юрид. лит., 1974. — 345 с.
456. Хамидуллина Э. Виндикационный иск и проблема защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг // Хоз-во и право. — 2003. — № 9. — С. 44—50.
457. Ханкевич Л. А. Дискуссионные аспекты теории финансового права. — Минск : БИП-С Плюс, 2007. — 143 с.
458. Хикс Д. Р. Стоимость и капитал / пер. под общ. ред. Р. М. Энтова. — М. : Прогресс, 1993. — 488 с.
459. Хлюстов П. В. Договор репо в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — М., 2013. — 260 л.
460. Ходасевич С. Г. Муниципальные финансы в системе реформирования федеративных отношений и местного самоуправления : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.10. — М., 2005. — 315 л.
461. Хозяйственное право: типовая учебная программа для учреждений высшего образования по специальностям 1-24 01 02 «Правоведение», 1-24 01 03 «Экономическое право», 1-23 01 06 «Политология» (по направлениям), 1-24 01 01 «Международное право» / авт.-сост.: О. М. Куницкая [и др.]. — Минск : БГУ, 2013. — 37 с.
462. Хоскинг Д. Экономика доверия / пер. А. Захарова // Неприкоснов. запас. — 2010. — № 5. — С. 84—93.
463. Хохлов В. А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — Самара, 1998. — 349 л.
464. Худяков А. И. Дискуссионные вопросы предмета финансового права // Финансовое право. — 2009. — № 3. — С. 2—7.
465. Худяков А. И. К вопросу о содержании некоторых финансово-правовых категорий // Финансовое право. — 2010. — № 2. — С. 10—13.

466. Цитович П. П. Деньги в области гражданского права. — Харьков : Унив. тип., 1873. — 72 с.
467. Цитович П. П. Обязательства по русскому гражданскому праву : конспект лекций. — Киев : Тип. И. И. Чоколова, 1894. — 104 с.
468. Чантладзе В. Г. Вопросы теории финансов. — Тбилиси : Изд-во Тбилис. ун-та, 1979. — 435 с.
469. Чеговадзе Л. А. К вопросу о механизме перехода права (требования) // Хоз-во и право. — 2002. — № 6. — С. 70–73.
470. Чеговадзе Л. А. Структура и состояние гражданского правоотношения. — М. : Статут, 2004. — 542 с.
471. Черепяхин Б. Б. К вопросу о частном и публичном праве // Труды по гражданскому праву / Черепяхин Б. Б. — М. : Статут, 2001. — С. 93–120.
472. Черных П. Я. Финансы // Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. / П. Я. Черных. — 6-е изд., стер. — М. : Рус. яз. : Медиа, 2004. — Т. 2 : Панцирь — Ящур. — С. 314.
473. Чиларж К. Учебник институций римского права / пер. под ред. В. А. Юшкевича. — 2-е изд. — М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1906. — 500 с.
474. Чиракадзе Д. З. Риск в информационном обществе: социально-философский анализ : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11. — М., 2002. — 149 л.
475. Чистое учение о праве Ганса Кельзена : сб. пер. Вып. 2 / пер. С. В. Лёзова ; Акад. наук СССР, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, Н. Н. Разумович. — М., 1988. — 213 с.
476. Шарапов С. Бумажный рубль. — СПб. : Тип. Тов-ва «Обществ. польза», 1895. — 156 с.
477. Шаргородский М. Д., Иоффе О. С. О системе советского права // Совет. государство и право. — 1957. — № 6. — С. 101–110.
478. Шевцов О. С. Некоторые аспекты понятия имущества как объекта гражданских прав // Ленингр. юрид. журн. — 2015. — № 4. — С. 121–128.
479. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права : в 4 т. — М. : Юрайт, 2019. — Т. II : Товар. Торговые сделки. — 480 с.
480. Шершеневич Г. Ф. Понятие о гражданском праве. — Казань : Тип. императ. ун-та, 1898. — 31 с.
481. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М. : Юрайт, 2018. — 532 с.
482. Шиллер Р. Финансы и хорошее общество / пер. Ю. Каптуревского. — М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2014. — 504 с.
483. Шилль И. Современная теория финансов и влияние ее на финансовую администрацию в западно-европейских государствах. — СПб. : Тип. Эдуарда Праца, 1860. — 262 с.
484. Шипов А. П. Опыт общепонятного изложения некоторых начал финансовой науки с приложением их к России. Вып. 1. — СПб. : Тип. Тов-ва «Обществ. польза», 1868. — 124 с.
485. Шкабара И. Е. Понятие «парадигма» и его развитие в современной науке // Философия образования. — 2006. — № 1. — С. 62–67.
486. Шкаринов И. А. Теория денег: проблемы, которые ждут решения // Журн. рос. права. — 1997. — № 4. — С. 109–119.

487. Шумилов В. М. Международное финансовое право. — М. : Междунар. отношения, 2005. — 430 с.
488. Эберг К. Т. Курс финансовой науки / пер. с 12-го нем. изд. под ред. М. А. Курчинского. — СПб. : Тип. А. Розена, 1913. — 592 с.
489. Эйлер Л. Универсальная арифметика. Том первый, содержащий в себе все образы алгебраического вычисления / пер. П. Иноходцева, И. Юдина. — СПб. : Императ. Акад. наук, 1768. — 376 с.
490. Энгельс Ф. Диалектика природы / подг. В. К. Брушлинским ; под. ред. А. А. Максимова, В. М. Познера. — М. : Политиздат, 1953. — 330 с.
491. Эриашвили Н. Д., Григорьев А. И. Финансовое право. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2017. — 663 с.
492. Эрроу К. Дж. Экономическая теория и гипотеза рациональности // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена ; пер. Ю. Автономова [и др.] ; научн. ред. В. С. Автономов. — М. : ИНФРА-М, 2004. — С. 246–262.
493. Юм Д. Трактат о человеческой природе, или Попытка применить основанный на опыте метод рассуждения к моральным предметам / пер. С. И. Церетели // Сочинения : в 2 т. — 2-е изд., доп. и испр. — М. : Мысль, 1996. — Т. 1. — С. 53–655.
494. Юровицкий В. М. Теория денег в информационной экономике : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01. — М., 2007. — 140 л.
495. Ядгаров Я. С. История экономических учений : учебник. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : ИНФРА-М, 2009. — 480 с.
496. Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. — 4-е изд., изм. и доп. — СПб. : Тип. И. Стасюлевича, 1904. — 500 с.
497. Adams A. T. Investment Mathematics. — Chishester : John Wiley & Sons, 2003. — 419 p.
498. Allen L. U.S. Financial Crisis of 2008–2009 // The Encyclopedia of Money / L. Allen. — 2nd ed. — Santa Barbara : ABC-CLIO, 2009. — P. 413–416.
499. Antonopoulos A. M. Mastering Bitcoin. — Sebastopol : O'Reilly Media, 2015. — 274 p.
500. Baaquie B. E. Quantum Finance. Path Integrals and Hamiltonians for Options and Interest Rates. — New York : Cambridge University Press, 2004. — 316 p.
501. Bailey S. Money and its Vicissitudes in Value. — London : Effingham Wilson, 1837. — 224 p.
502. Baker H. K., Nofsinger J. R. Behavioral Finance: An Overview // Behavioral Finance: Investors, Corporations, and Markets / ed. by H. K. Baker and J. R. Nofsinger. — Hoboken : John Wiley & Sons, 2010. — P. 3–21.
503. Ball L. M. Money, Banking, and Financial Markets. — 2nd ed. — New York : Worth Publishers, 2012. — 588 p.
504. Ballve F. Essentials of Economics: a Brief Survey of Principles and Policies / transl. and ed. by A. Goddard. — 3rd ed. — Irvington-on-Hudson : The Foundation for Economic Education, 1994. — 109 p.
505. Barbon N. A Discourse of Trade // A Reprint of Economic Tracts. Nicholas Barbon on A Discourse of Trade. 1690 / ed. by J. H. Hollander. — Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1903. — P. 3–43.
506. Barker D. A. The Theory of Money. — Cambridge : University Press, 1913. — 141 p.
507. Baumol W. J., Blinder A. S. Macroeconomics: Principles and Policy. — 11th ed. — Mason : South-Western Cengage Learning, 2009. — 420 p.

508. Berger A. *Encyclopedic Dictionary of Roman Law* // Transactions of the American Philological Society. — 1953. — Vol. 43, № 2. — P. 333–809.

509. Besley S., Brigham E. F. *Essentials of Managerial Finance*. — 14th ed. — Mason : Thomson Learning, 2008. — 834 p.

510. Biel G. *Treatise on the Power and Utility of Moneys* / transl. by R. B. Burke // *Treatise on the power and utility of moneys by Master Gabriel Biel of Speyer, a very excellent man and profound thinker, licentiate in the most sacred letters, lecturer ordinarius, with the courage of his convictions, at the famous University of Tübingen, while he was in the world; lately done into English by Robert Belle Burke for Josiah Harmar Penniman*. — Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1930. — P. 18–39.

511. Bowen F. A *Treatise on Logic, Or, the Laws of Pure Thought: Comprising Both the Aristotelic and Hamiltonian Analyses of Logical Forms, and Some Chapters of Applied Logic*. — Cambridge : Sever and Francis, 1866. — 450 p.

512. Bradford F. A. *Money*. — New York : Longmans, Green and Co, 1932. — 403 p.

513. *Cash Flows* // *Encyclopedia of Finance* / ed. by C. F. Lee, A. C. Lee. — New York : Springer Science : Business Media, 2006. — P. 53.

514. Charles G. D. *The Theory of Money in Connection with Some of the Prominent Doctrines of Political Economy*. — Edinburgh : William P. Nimmo, 1868. — 217 p.

515. Cross I. B. *Money and Banking*. — New York : American institute of banking, 1931. — 544 p.

516. Crowther G. *An Outline of Money*. — London : Thomas Nelson and Sons, 1940. — 459 p.

517. Davanzati B. *A Discourse Upon Coins* [Electronic resource] / transl. by J. Toland // Yale Law School. Lillian Goldman Law Library. The Avalon Project. — URL: http://avalon.law.yale.edu/16th_century/coins.asp (date of access: 29.08.2019).

518. Davies G. *A History of Money From Ancient Times to the Present Day*. — 3rd ed. with revis. — Cardiff : University of Wales Press, 2002. — 720 p.

519. *Depreciation* // *Encyclopedia of Small Business* / ed. by A. J. Darnay, M. D. Magee. — 3rd ed. — Farmington Hills : Thomson Gale, 2007. — P. 314.

520. Dobbs J. F. *Legal Tender Fiat Money*. — Los Angeles : John F. Dobbs, 1939. — 224 p.

521. Du Cange C. *Glossarium mediæ et infimæ latinitatis*. — Niort : L. Favre, 1883. — Tomus Secundus. — 688 p.

522. Eddy F. J. *The Philosophy of Money*. — Van Nuys, 1933. — 94 p.

523. Fetter F. A. *Economics* : in 2 vol. — New York : The Century Co, 1926. — Vol. 2 : *Modern Economic Problems*. — 2nd ed. — 611 p.

524. *Final* // *Origins: A Short Etymological Dictionary of Modern English* / ed. by E. Partridge. — London ; New York : Taylor & Francis Group, 2006. — P. 1101–1102.

525. *Finance* / F. Charpentier [et les autres] // *Le Dictionnaire de l'Académie française*. — Paris : Jean Baptiste Coignard, 1694. — Tome I : A – L. — P. 459–460.

526. *Finance* // *A Complete Dictionary of the English Language, both with regard to sound and meaning* / ed. by T. Sheridan. — 2nd ed. — London, 1789. — P. FIN.

527. *Finance* // *Dictionnaire de l'Académie française*. — Cinquième edition. — Paris : Bossange et Masson : Garnery : Henry Nicolle, 1814. — Tome I : A – K. — P. 594.

528. *Finance* // *Encyclopedia of Finance* / ed. by C. F. Lee, A. C. Lee. — New York : Springer Science : Business Media, 2006. — P. 117–118.

529. Finance // The New Encyclopaedia Britannica : in 32 vol. / ed. by J. E. Safria, I. Yeshua. — 15th ed. — Chicago : Encyclopaedia Britannica, 2002. — Vol. 4 : Micropaedia : Delusion — Frenssen. — P. 779.

530. Finance // The Royal Dictionary Abridged : in Two Parts / ed. by A. Boyer. — 3rd ed. — London, 1715. — Part II : English and French. — P. FIR.

531. Fisher I. Elementary Principles of Economics. — New York : The Macmillan Company, 1911. — 476 p.

532. Freeman R. E., Read D. L. Stockholders and Stakeholders: A New Perspective on Corporate Governance // California Management Review. — 1983. — Vol. 25, iss. 3. — P. 88–106.

533. Gesell J. S. Die natürliche Wirtschaftsordnung durch Freiland und Freigeld. — 3 aufl. — Arnstadt : Roman Gesell, 1919. — 383 s.

534. Gleeson S. The Legal Concept of Money. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — 224 p.

535. Goldberg J. C. P., Zipursky B. C. The Oxford Introductions to U.S. Law. Torts. — New York : Oxford University Press, 2010. — 418 p.

536. Graeber D. Debt: The First 5,000 Years. — Brooklyn : Melville House, 2011. — 534 p.

537. Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs), 16 February 2018 [Electronic resource] // Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). — URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/> (date of access: 29.08.2019).

538. Handbook of the Economics of Finance. Vol. 1B: Financial markets and Asset pricing / ed. by G. M. Constantinides, M. Harris, R. M. Stulz. — Amsterdam : Elsevier B. V., 2003. — 1251 p.

539. Harris J. An Essay upon Money and Coins : in 2 vol. — London : G. Hawkins, 1757. — Vol. 1 : The Theories of Commerce, Money, and Exchanges. — 128 p.

540. Hawtrey R. G. Currency and Credit. — London : Longmans, Green and C^o, 1919. — 393 p.

541. Hayek F. A. Denationalisation of Money: An Analysis of the Theory and Practice of Concurrent Currencies. — 3rd ed. — London : The Institute of Economic Affairs, 1990. — 144 p.

542. Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik. Erster Teil : Die objective Logik. Erste Abteilung : Die Lehre vom Sein / herausgegeben von Dr. Henning. — Berlin : Verlag von Duncker und Humblot, 1833. — 468 s.

543. Horcher K. A. Essentials of Financial Risk Management. — Hoboken : John Wiley & Sons, 2005. — 257 p.

544. Hume D. Of Money // Essays: Moral, Political, and Literary : in 2 vol. / D. Hume. — London : Longman, Green and C^o, 1889. — Vol. 1. — P. 309–320.

545. IMF Financial operations / Finance Department, International Monetary Fund. — 4th ed. — Washington, D.C. : International Monetary Fund, 2018. — 183 p.

546. Innes A. M. The Credit Theory of Money // Credit and State Theories of Money. The Contributions of A. Mitchell Innes / ed. by L. R. Wray. — Cheltenham : Edward Elgar, 2004. — P. 50–78.

547. Innes A. M. What is Money? // Credit and State Theories of Money. The Contributions of A. Mitchell Innes / ed. by L. R. Wray. — Cheltenham : Edward Elgar, 2004. — P. 14–49.

548. Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. — Freiburg : Akademische Verlagsbuchhandlung von J. C. B. Mohr, 1892. — 346 s.
549. Jevons W. S. Money and the Mechanism of Exchange. — New York ; London : D. Appleton and Company, 1911. — 342 p.
550. Jhering R. Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung : in 3 Teilen. — Leipzig : Breitkopf und Härtel, 1865. — Teil 3, bd. 1. — 342 s.
551. Kellogg E. A New Monetary System: the Only Means of Securing the Respective Rights of Labor and Property, and of Protecting the Public from Financial Revulsions / ed. by M. K. Putnam. — 5th ed. — Philadelphia : Henry Carey Baird, 1875. — 374 p.
552. Kemp A. The Legal Qualities of Money. — New York : Pageant Press, 1956. — 181 p.
553. Keynes J. M. A Treatise on Money : in 2 vol. — New York : Harcourt, Brace and Company, 1930. — Vol. 1 : The Pure Theory of Money. — 363 p.
554. Kinley D. Money: A Study of the Theory of the Medium of Exchange. — New York : The Macmillan Company, 1904. — 415 p.
555. Kinnard W. N. Finance // The Encyclopedia Americana : in 30 vol. / International Edition. — Danbury : Grolier Incorporated, 1995. — Vol. 11 : Falstaff to Francke. — P. 210–211.
556. Knapp G. F. The State Theory of Money. — London : Macmillan & Company Limited, 1924. — 306 p.
557. Laughlin J. L. The Principles of Money. — London : John Murray, 1919. — 541 p.
558. Law J. Money and Trade Considered: with a Proposal for Supplying the Nation with Money. — Glasgow : R & A Foulis, 1750. — 226 p.
559. Leffler R. V. Money and Credit. — New York : Harper & Brothers, 1935. — 513 p.
560. Legal Tender Cases // Cases Argued and Adjudged in the Supreme Court of the United States, December Terms, 1870–1871 / rep. by J. W. Wallace. — Washington DC : W. H. & O. H. Morrison, 1872. — Vol. XII. — P. 457–681.
561. Legal Tender Status [Electronic resource] // Resource Center. U.S. Department of the Treasury. — URL: <http://www.treasury.gov/resource-center/faqs/Currency/Pages/legal-tender.aspx> (date of access: 29.08.2019).
562. Lehdonvirta V., Ali R. Governance and Regulation [Electronic resource] // Distributed Ledger Technology: beyond block chain / Government Office for Science. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/492972/gs-16-1-distributed-ledger-technology.pdf (date of access: 29.08.2019).
563. Lessig L. Code: Version 2.0. — New York : Basic Books, 2006. — 410 p.
564. Levin T. W. The Logic of Money. — London : George Bell & Sons, 1887. — 41 p.
565. Locke J. Further Considerations Concerning Raising the Value of Money // The Works of John Locke : in 9 vol. — 12 ed. — London : C. Baldwin, 1824. — Vol. 4. — P. 131–206.
566. Locke J. Some Considerations of the Consequences of Lowering the Interest, and Raising the Value of Money // The Works of John Locke : in 9 vol. — 12th ed. — London : C. Baldwin, 1824. — Vol. 4. — P. 1–116.
567. Luenberger D. G. Investment Science. — Oxford : Oxford University Press, 1998. — 494 p.
568. Macleod H. D. The Theory of Credit : in 2 vol. — 2nd ed. — London : Longmans, Green and C^o, 1893. — Vol. 1. — 378 p.

569. Mankiw N. G. *Macroeconomics*. — 7th ed. — New York : Worth Publishers, 2010. — 602 p.
570. Mankiw N. G. *Principles of Economics*. — 6th ed. — Mason : South-Western Cengage Learning, 2012. — 856 p.
571. Marshall A. *Money, Credit and Commerce*. — London : Macmillan & Co, 1923. — 369 p.
572. Mellor M. *The Future of Money: From Financial Crisis to Public Resource*. — London ; New York : Pluto Press, 2010. — 197 p.
573. Meltzer A. H. What Is Money? // *Economic Affairs*. — 1995. — Vol. 15, № 4. — P. 8–14.
574. Miller R. L., Cross F. B., Jentz G. A. *Essentials of the Legal Environment*. — 3rd ed. — Mason : South-Western Cengage Learning, 2011. — 552 p.
575. Money // *The New Encyclopaedia Britannica* : in 32 vol. / ed. by J. E. Safria, I. Yeshua. — 15th ed. — Chicago : Encyclopaedia Britannica, 2002. — Vol. 8 : Micropaedia : Menage — Ottawa. — P. 252.
576. Moran C. *Money*. — New York : D. Appleton and Company, 1863. — 228 p.
577. Nakamoto S. *Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System* [Electronic resource] // *Bitcoin*. — URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (date of access: 29.08.2019).
578. *On the Condition of the Bank of the United States: Report by the Committee of Inspection and Investigation* / printed by W. Fry. — Philadelphia, 1822. — 88 p.
579. Paramasivan C., Subramanian T. *Financial Management*. — New Delhi : New Age International, 2009. — 264 p.
580. Parker P. L., Slavich J. Contractual Efforts to Allocate the Risk of Environmental Liability: Is There a Way to Make Indemnities Worth More Than the Paper They are Writtin On // *Southwestern Law Journal*. — 1990–1991. — Vol. 44, № 4. — P. 1349–1381.
581. Perry R. B. *General Theory of Value: Its Meaning and Basic Principles Construed in Terms of Interest*. — Cambridge : Harvard University Press, 1950. — 702 p.
582. Pritchard C. L. *Risk Management: Concepts and Guidance*. — 5th ed. — Boca Raton : Taylor & Francis Group, 2015. — 430 p.
583. Proctor C. *Mann on the Legal Aspect of Money*. — 7th ed. — Oxford : Oxford University Press, 2012. — 984 p.
584. Pryor F. L. The Origins of Money // *Journal of Money, Credit and Banking*. — 1977. — Vol. 9, № 3. — P. 391–409.
585. *Pure Economic Loss in Europe* / ed. by M. Bussani, V. V. Palmer. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 589 p.
586. Rabin A. A. *Monetary Theory*. — Cheltenham : Edward Elgar, 2004. — 312 p.
587. Reich N. *The Public/Private Divide in European Law* // *European Private Law after the Common Frame of Reference* / ed. by H.-W. Micklitz, F. Cafaggi. — Cheltenham : Edward Elgar, 2010. — P. 56–89.
588. Robertson D. H. *Money*. — New York : Harcourt, Brace and Company, 1922. — 182 p.
589. Roscher W. *Principles of Political Economy* : in 2 vol. / transl. by J. J. Lalor. — Chicago : Callaghan and Company, 1882. — Vol. 1. — 464 p.
590. Ross S. A., Westerfield R. W., Jordan B. D. *Fundamentals of Corporate Finance*. — 8th ed. — New York : McGraw-Hill Companies, Inc., 2008. — 791 p.

591. Rothbard M. N. What Has Government Done To Our Money? – Auburn : Ludwig von Mises Institute, 2010. – 116 p.
592. Savigny F. C. von. Das Recht des Besitzes: eine civilistische Abhandlung / Hrsg. A. F. Rudorff. – 7 Aufl. – Wien : Carl Gerold's Sohn, 1865. – 765 s.
593. Schumpeter J. A. Money and Currency / intr. by R. Swedberg ; transl. by A. W. Marget // Social Research. – 1991. – Vol. 58, № 3. – P. 499–543.
594. Scott W. A. Money and Banking. – 5th ed. – New York : Henry Holt and Company, 1916. – 406 p.
595. Senior N. W. Three Lectures on the Cost of Obtaining Money, and on Some Effects of Private and Government Paper Money. – London : John Murray, 1830. – 103 p.
596. Simmel G. The Philosophy of Money / ed. by D. Frisby ; transl. by T. Bottomore and D. Frisby. – 3rd enl. ed. – London : Routledge, 2004. – 543 p.
597. Smith J. P. The Elements of the Science of Money. – London : Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1813. – 496 p.
598. Soddy F. The Role of Money. – London : George Routledge and Sons, 1934. – 222 p.
599. Stein P. Roman Law in European History. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 137 p.
600. Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Oeconomy: Being an Essay on the Science of Domestic Policy and Free Nations : in 2 vol. – London, 1776. – Vol. 1. – 639 p.
601. Taylor J. An Essay on Money, its Origin and Use. – 3rd ed. – London : Samuel Clarke, 1844. – 90 p.
602. The Case of Mixed Money in Ireland // Cobbett's Complete Collection of State Trials. – London : R. Bagshaw, 1809. – Vol. II. – P. 114–130.
603. The Gentleman's Magazine, and Historical Chronicle / ed. by S. Urban. – London, 1777. – Vol. XLVII [47] : For the Year MDCCLXXVII [1777]. – 654 p.
604. The Handbook of Financial Instruments / ed. by F. J. Fabozzi. – Hoboken : John Wiley & Sons, 2002. – 847 p.
605. Tucker G. The Theory of Money and Banks Investigated. – Boston : Charles C. Little and James Brown, 1839. – 412 p.
606. Vanderlint J. Money Answers all Things // A Reprint of Economic Tracts. Jacob Vanderlint on Money Answers all Things. 1734 / ed. by J. H. Hollander. – Baltimore : The Johns Hopkins Press, 1914. – P. 5–161.
607. Vishwanath S. R. Corporate Finance: Theory and Practice. – 2nd ed. – New Delhi : Response Books, 2007. – 761 p.
608. Waddams S. Dimensions of Private Law. Categories and Concepts in Anglo-American Legal Reasoning. – New York : Cambridge University Press, 2003. – 247 p.
609. Wagner A. Lehr- und Handbuch der politischen Oekonomie. – 3 Aufl. – Leipzig : C. F. Winter'sche Verlagshandlung, 1892. – Erster Theil. – 929 s.
610. Walker F. A. Money. – New York : Henry Holt and Company, 1878. – 550 p.
611. Weston G. M. Money. – New York : Benjamin Homans, 1882. – 352 p.
612. White H. Money and Banking / rev. and enl. by C. S. Tippetts and L. A. Froman. – New ed. – Boston : Ginn and Company, 1935. – 808 p.
613. Wicksell K. Lectures on Political Economy : in 2 vol. / ed. by L. Robbins. – Fairfield : Augustus M. Kelley Publishers, 1978. – Vol. 2 : Money. – 238 p.

614. Willett A. H. The Economic Theory of Risk and Insurance. — London : P. S. King & Son, 1901. — 142 p.

615. Wolf H. A. Money // The Encyclopedia Americana : in 30 vol. / International Edition. — Danbury : Grolier Incorporated, 1995. — Vol. 19 : Meyer to Nauvoo. — P. 349–355.

616. Zachmann K. Risk in Historical Perspective: Concepts, Contexts, and Conjunctions // Risk – A Multidisciplinary Introduction / ed. by C. Klüppelberg, D. Straub, I. M. Welpe. — Cham : Springer International Publishing Switzerland, 2014. — P. 3–35.

Нормативные правовые акты и судебная практика

617. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — 10-е изд., стер. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. — 62 с.

618. Конституция Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 12 нояб. 1995 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

619. Генеральное соглашение по торговле услугами [Электронный ресурс] : [заключено в г. Марракеше 15.04.1994 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

620. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] : [заключен в г. Астане 29.05.2014 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

621. Статьи соглашения Международного валютного фонда : приняты 22 июля 1944 г. : с изм. и доп. : текст по состоянию на 3 марта 2011 г. — Вашингтон : Международный валют. фонд, 2011. — 136 с.

622. Банковский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 25 окт. 2000 г., № 441-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2006 г., № 145-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

623. Бюджетный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 2008 г., № 412-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

624. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

625. Гражданский кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс] : 28 дек. 1999 г., № 779-ПГ // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

626. Гражданский кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс] : 8 мая 1996 г., № 15 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

627. Гражданский кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : 17 июня 1998 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

628. Гражданский кодекс Республики Казахстан. Общая часть [Электронный ресурс] : 27 дек. 1994 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

629. Гражданский кодекс Республики Молдова [Электронный ресурс] : 6 июня 2002 г., № 1107-XV // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

630. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Часть первая [Электронный ресурс] : 30 июня 1999 г. // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

631. Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Часть первая [Электронный ресурс] : 21 дек. 1995 г., № 163-I // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

632. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

633. Гражданский кодекс Туркменистана [Электронный ресурс] : 17 июля 1998 г., № 294-I // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

634. Гражданский кодекс Украины [Электронный ресурс] : 16 янв. 2003 г., № 435-IV // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

635. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) = Code civil des Français (Code Napoléon) / пер. с фр. В. Н. Захватаева. — М. : Инфотропик Медиа, 2012. — 624 с.

636. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

637. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

638. Гражданское уложение Германии : Вводный закон к Гражданскому уложению = Bürgerliches Gesetzbuch Deutschlands mit Einführungsgesetz / пер. с нем. В. Бергманна. — 4-е изд., перераб. — М. : Инфотропик Медиа, 2015. — 888 с.

639. Единообразный торговый кодекс США / пер. С. Н. Лебедева [и др.]. — М. : Междунар. центр финансово-экон. развития, 1996. — 427 с.

640. Жилищный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 28 авг. 2012 г., № 428-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 4 мая 2019 г., № 185-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

641. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

642. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

643. Налоговый кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 19 дек. 2002 г., № 166-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 дек. 2018 г., № 159-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

644. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

645. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

646. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

647. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 30 июня 1996 г., № ЗР-68 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

648. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : Федер. закон, 2 дек. 1990 г., № 395-1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

649. О банках и банковской деятельности в Республике Казахстан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 31 авг. 1995 г., № 2444 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

650. О валютном регулировании и валютном контроле [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 22 июля 2003 г., № 226-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

651. О взаимном страховании [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 5 июля 2006 г., № 163-III // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

652. О взаимном страховании [Электронный ресурс] : Федер. закон, 29 нояб. 2007 г., № 286-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

653. О Государственном банке СССР : Закон СССР, 11 дек. 1990 г., № 1828-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 52. — Ст. 1154.

654. О государственных финансах Республики Таджикистан [Электронный ресурс] : Закон Респ. Таджикистан, 28 июня 2011 г., № 723 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

655. О защите конкуренции [Электронный ресурс] : Федер. закон, 26 июля 2006 г., № 135-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

656. О кредитных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 22 июня 2002 г., № ЗР-359 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

657. О крестьянском (фермерском) хозяйстве [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 18 фев. 1991 г., № 611-XII ; в ред. Закона Респ. Беларусь от 19 июля 2005 г., № 44-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

658. О мерах по предотвращению легализации доходов, полученных преступным путем, финансирования террористической деятельности и финансирования распространения оружия массового поражения [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 30 июня 2014 г., № 165-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

659. О национальной платежной системе [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 июня 2011 г., № 161-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

660. О Национальном банке Кыргызской Республики, банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Респ., 16 дек. 2016 г., № 206 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

661. О нормативных правовых актах Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 130-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

662. О почтовой связи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 дек. 2003 г., № 258-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

663. О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 июля 2010 г., № 224-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

664. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс] : Закон Кыргызской Респ., 24 июля 2009 г., № 251 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

665. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 20 окт. 2007 г., № ЗР-195 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

666. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2015 г., № 231-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

667. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 2 июля 2003 г., № 461-II // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

668. О рынке ценных бумаг [Электронный ресурс] : Федер. закон, 22 апр. 1996 г., № 39-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

669. О страховании и страховой деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Армения, 22 мая 2007 г., № ЗР-177 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

670. О страховой деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Казахстан, 18 дек. 2000 г., № 126-II // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

671. О финансовых услугах и государственном регулировании рынка финансовых услуг [Электронный ресурс] : Закон Украины, 12 июля 2001 г., № 2664-III // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

672. О хозяйственных обществах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 дек. 1992 г., № 2020-XII : в ред. Закона Респ. Беларусь от 10 янв. 2006 г., № 100-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

673. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) [Электронный ресурс] : Федер. закон, 10 июля 2002 г., № 86-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

674. О Центральном банке Туркменистана [Электронный ресурс] : Закон Туркменистана, 25 мар. 2011 г., № 167-IV // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

675. Об инвестиционном товариществе [Электронный ресурс] : Федер. закон, 28 ноября 2011 г., № 335-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

676. Об инвестиционных фондах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2017 г., № 52-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

677. Об информации, информатизации и защите информации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 ноября 2008 г., № 455-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

678. Об ипотеке [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 20 июня 2008 г., № 345-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

679. Об обращении переводных и простых векселей [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 1999 г., № 341-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

680. Об обществах с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс] : Федер. закон, 8 февр. 1998 г., № 14-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

681. Об органах государственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 июля 2012 г., № 390-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

682. Об организации страхования в Кыргызской Республике [Электронный ресурс] : Закон Кыргыз. Респ., 23 июля 1998 г., № 96 // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2020.

683. Об организации страхового дела в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Закон Рос. Федерации, 27 нояб. 1992 г., № 4015-1 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

684. Об экономической несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 415-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

685. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик : Закон СССР, 31 мая 1991 г., № 2211-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1991. — № 26. — Ст. 733.

686. Высочайше утвержденный Устав Монетный : утв. 7 июня 1899 г. // Полное собрание законов Российской империи : собр. 3-е : в 33 т. — СПб., 1902. — Т. XIX. — Отд. 1. — Ст. 17 120.

687. О переводе курса рубля на золотую базу и о повышении курса рубля в отношении иностранных валют // Изв. Советов депутатов трудящихся СССР. — 1950. — 1 марта. — № 51 (10 200). — С. 2.

688. Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

689. О вопросах регулирования лизинговой деятельности [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 25 февр. 2014 г., № 99 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

690. О вопросах эмиссии и обращения акций с использованием иностранных депозитарных расписок [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 3 марта 2016 г., № 84 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

691. О Китайско-Белорусском инвестиционном фонде [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 8 мая 2018 г., № 163 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

692. О лотерейной деятельности на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 мая 2007 г., № 209 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

693. О некоторых вопросах регулирования рынка ценных бумаг [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 апр. 2006 г., № 277 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

694. О предоставлении и привлечении займов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 23 окт. 2019 г., № 394 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

695. О развитии безналичных расчетов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 окт. 2014 г., № 493 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

696. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2018 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

697. О совершенствовании регулирования вексельного обращения в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 28 апр. 2006 г., № 278 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

698. О создании и деятельности открытого акционерного общества «Агентство по управлению активами» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 14 июля 2016 г., № 268 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

699. О создании открытого акционерного общества «Банк развития Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 21 июня 2011 г., № 261 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

700. Об использовании векселей [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 17 февр. 2015 г., № 69 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

701. Об осуществлении деятельности на внебиржевом рынке Форекс [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 4 июня 2015 г., № 231 // ЭТАЛОН.

Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

702. Об открытии специальных счетов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 16 июня 2017 г., № 212 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

703. Об открытом акционерном обществе «Белорусская валютно-фондовая биржа» [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 18 янв. 2016 г., № 12 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

704. Положение о государственной регистрации субъектов хозяйствования [Электронный ресурс] : утв. Декретом Президента Респ. Беларусь, 16 янв. 2009 г., № 1 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 24 янв. 2013 г., № 2 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

705. Положение о Парке высоких технологий [Электронный ресурс] : утв. Декретом Президента Респ. Беларусь, 22 сент. 2005 г., № 12 : в ред. Декрета Президента Респ. Беларусь от 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

706. Положение о порядке определения размера арендной платы при сдаче в аренду капитальных строений (зданий, сооружений), изолированных помещений, машино-мест, их частей [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 29 марта 2012 г., № 150 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

707. Положение о порядке осуществления деятельности по организации и проведению электронных интерактивных игр на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2008 г., № 201 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

708. Положение о порядке осуществления лотерейной деятельности на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 4 мая 2007 г., № 209 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

709. Положение о страховой деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 25 авг. 2006 г., № 530 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 14 апр. 2014 г., № 165 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

710. Положение о финансировании коммерческих организаций под уступку прав (требований) за счет средств, привлеченных путем эмиссии облигаций, либо с последующей эмиссией облигаций [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 11 мая 2017 г., № 154 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

711. Положение об осуществлении деятельности в сфере игорного бизнеса [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 10 янв. 2005 г., № 9 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 7 авг. 2018 г., № 305 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

712. Положение о лицензировании отдельных видов деятельности [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 1 сент. 2010 г., № 450 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

713. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : утв. Указом Президента Респ. Беларусь, 15 дек. 2016 г., № 466 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

714. О платежном средстве Республики Беларусь : постановление Верхов. Совета Респ. Беларусь, 19 окт. 1994 г., № 3326-XII // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

715. О введении в действие на территории Республики Беларусь Международных стандартов финансовой отчетности и их Разъяснений, принимаемых Фондом Международных стандартов финансовой отчетности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Нац. банка Респ. Беларусь, 19 авг. 2016 г., № 657/20 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

716. О некоторых вопросах изготовления и использования бланков ценных бумаг и документов с определенной степенью защиты, а также документов с определенной степенью защиты [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 дек. 2001 г., № 1846 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

717. Об определении Национального форекс-центра и утверждении Положения о деятельности Национального форекс-центра [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь и Нац. банка Респ. Беларусь, 4 марта 2016 г., № 177/8 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

718. Перечень документов, по которым взыскание производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 28 дек. 2006 г., № 1737 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 11 нояб. 2011 г. № 1518 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

719. Положение о Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 23 февр. 2009 г., № 229 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

720. Правила оказания услуг почтовой связи общего пользования [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 7 сент. 2004 г., № 1111 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

721. Форма реестра резидентов Парка высоких технологий [Электронный ресурс] : утв. постановлением Совета Министров Респ. Беларусь, 27 марта 2006 г., № 403 : в ред. постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 20 марта 2018 г.,

№ 205 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

722. О прекращении приема к платежу денежных знаков Госбанка СССР достоинством 50 и 100 рублей образца 1961 года и порядке их обмена и ограничении выдачи наличных денег со вкладов граждан [Электронный ресурс] : постановление Кабинета Министров СССР, 22 янв. 1991 г., № 2 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

723. О чеканке золотых червонцев : Декрет Совета народных комиссаров РСФСР, 26 окт. 1922 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. правительства. — 1922. — № 66. — Ст. 876.

724. Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами : постановление Совета Министров СССР, 4 мая 1960 г., № 470 // Собр. постановлений правительства СССР. — 1960. — № 10. — Ст. 69.

725. Инструкции о порядке применения плана счетов бухгалтерского учета в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях Республики Беларусь, открытом акционерном обществе «Банк развития Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 29 авг. 2013 г., № 506 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

726. Инструкция о банковском переводе [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 29 марта 2001 г., № 66 : в ред. постановления Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 19 нояб. 2012 г., № 583 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

727. Инструкция о денежных переводах [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 22 июня 2015 г., № 376 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

728. Инструкция о порядках ведения кассовых операций и расчетов наличными денежными средствами [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 19 марта 2019 г., № 117 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

729. Инструкция о порядке ведения Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва юстиции Респ. Беларусь, 10 марта 2009 г., № 25 : в ред. постановления М-ва юстиции Респ. Беларусь от 23 нояб. 2011 г., № 265 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

730. Инструкция о порядке и случаях использования программно-аппаратных средств и технологий при осуществлении банковских операций и иной деятельности Национальным банком Республики Беларусь, банками, небанковскими кредитно-финансовыми организациями, открытым акционерным обществом «Банк развития Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 6 мая 2016 г., № 241 // ЭТАЛОН. Законода-

тельство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

731. Инструкция о порядке обращения ценных бумаг на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь, 31 авг. 2016 г., № 76 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

732. Инструкция о порядке определения платежности и обмена банкнот и монет Национального банка Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 6 июня 2011 г., № 211 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

733. Инструкция о порядке осуществления депозитарной деятельности [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь, 28 апр. 2018 г., № 30 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

734. Инструкция о порядке проведения банками проверки подлинности банкнот по заявлению физического лица [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 27 апр. 2015 г., № 253 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

735. Инструкция о порядке рефинансирования Национальным банком Республики Беларусь банков Республики Беларусь в форме сделок СВОП [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 8 февр. 2013 г., № 76 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

736. Инструкция о порядке совершения операций с банковскими платежными карточками [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 18 янв. 2013 г., № 34 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

737. Инструкция о порядке совершения срочных сделок в торговой системе организатора торговли ценными бумагами [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь, 18 нояб. 2016 г., № 98 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

738. Инструкция о регулировании отношений, возникающих при объединении денежных средств и (или) ценных бумаг в фонд банковского управления на основании договора доверительного управления фондом банковского управления [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 26 марта 2014 г., № 178 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

739. Инструкция об организации ведения бухгалтерского учета и составления бухгалтерской (финансовой) отчетности в Национальном банке Республики Беларусь, банках и небанковских кредитно-финансовых организациях Республики Беларусь, открытом акционерном обществе «Банк развития Республики Беларусь» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь,

12 дек. 2013 г., № 728 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

740. Инструкция об организации системы управления рисками в банках, небанковских кредитно-финансовых организациях, банковских группах и банковских холдингах [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 29 окт. 2012 г., № 550 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

741. Инструкция по бухгалтерскому учету сделок с производными инструментами в банках Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 29 дек. 2007 г., № 414 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

742. Инструкция по выпуску, обращению и погашению депозитных и сберегательных сертификатов [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 27 дек. 2006 г., № 219 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

743. Инструкция по организации кассовой работы в банках и небанковских кредитно-финансовых организациях Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 21 дек. 2006 г., № 211 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

744. Концепция развития платежной системы Республики Беларусь на 2016—2020 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 29 дек. 2015 г., № 779 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

745. Менеджмент рисков. Термины и определения = Менеджмент рызык. Тэрміны і азначэнні : СТБ ISO Guide 73-2014. — Введ. 01.11.14. — Минск : Госстандарт, 2014. — 15 с.

746. Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Финансовые инструменты» [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь, 22 дек. 2018 г., № 74 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

747. Национальный стандарт бухгалтерского учета и отчетности «Цифровые знаки (токены)» [Электронный ресурс] : утв. постановлением М-ва финансов Респ. Беларусь, 6 марта 2018 г., № 16 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

748. О некоторых вопросах осуществления операций секьюритизации [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г., № 49 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

749. О некоторых вопросах расчета рыночной цены эмиссионных ценных бумаг [Электронный ресурс] : постановление М-ва финансов Респ. Беларусь, 17 марта 2016 г., № 13 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

750. О платёжном средстве Республики Беларусь : постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 18 мая 1994 г., № 5 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

751. Об осуществлении наличных расчетов : Указание Центр. банка Рос. Федерации, 7 окт. 2013 г., № 3073-У // Вестн. Банка России. — 2014. — № 45. — С. 30–31.

752. Об установлении нормативов обязательных резервов, депонируемых в Национальном банке Республики Беларусь (резервных требований) [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 27 окт. 2011 г., № 473 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

753. Об утверждении и введении в действие образовательных стандартов по специальностям высшего образования первой ступени [Электронный ресурс] : постановление М-ва образования Респ. Беларусь, 2 мая 2008 г., № 40 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

754. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности» [Электронный ресурс] : утв. постановлением Гос. ком. по стандартизации Респ. Беларусь, 5 дек. 2011 г., № 85 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

755. Оценка стоимости объектов гражданских прав. Оценка стоимости предприятий (бизнеса) = Ацэнка вартасці аб'ектаў грамадзянскіх праў. Ацэнка вартасці прадпрыемстваў (бізнесу) : ТКП 52.1.01-2015 (33520). — Введ. 01.09.15. — Минск : Госстандарт, 2015. — 68 с.

756. Правила осуществления операций с электронными деньгами [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 26 нояб. 2003 г., № 201 : в ред. постановления Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 16 февр. 2007 г., № 52 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

757. Стратегия развития цифрового банкинга в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : утв. постановлением Правления Нац. банка Респ. Беларусь, 2 марта 2016 г., № 108 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

758. По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширияева [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 21 апр. 2003 г., № 6-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

759. О некоторых вопросах применения норм Гражданского кодекса Республики Беларусь об ответственности за пользование чужими денежными средствами [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 21 янв. 2004 г., № 1 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

760. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав [Элек-

тронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации и Пленума Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации, 29 апр. 2010 г., № 10/22 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — М., 2020.

761. О некоторых вопросах, связанных с применением сроков исковой давности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 2 дек. 2005 г., № 29 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

762. Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации : информ. письмо Президиума Высш. Арбитр. суда Рос. Федерации, 30 окт. 2007 г., № 120 // Вестн. Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. — 2008. — № 1. — С. 60–87.

763. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 3 июня 2008 г., № 1176/08 // Вестн. Высш. Арбитр. Суда Рос. Федерации. — 2008. — № 10. — С. 90–94.

764. Решение хозяйственного суда Могилевской области, 4 мая 2006 г., дело № 88-11/2006 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2020.

765. Гражданское уложение: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения. С объяснениями. Кн. 5 : Обязательства. Т. 1 : ст. 1–276. — СПб. : Гос. тип., 1899. — 618 с.

766. О модельном законе «Об общих принципах организации местных финансов» : постановление Межпарламент. ассамблеи государств — участников СНГ, 8 дек. 1998 г., № 12-10 // Информ. бюллетень Межпарламент. ассамблеи государств — участников СНГ. — 1999. — № 20. — С. 141–155.

767. 11 USC 101 : Definitions [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title11-section101&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

768. 12 USC 1813 : Definitions [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title12-section1813&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

769. 12 USC 1841 : Definitions [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title12-section1841&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

770. 12 USC 1843 : Interests in nonbanking organizations [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title12-section1843&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

771. 12 USC 5341 : Definitions [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=%22financial+instrument%22&f=treesort&fq=true&num=7&hl=true&edition=prelim&granuleId=USC-prelim-title12-section5341> (date of access: 29.08.2019).

772. 15 USC 1693g : Consumer liability [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title15-section1693g&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

773. 15 USC 6701 : Operation of State law [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title15-section6701&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

774. 15 USC 6764 : Definitions [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title15-section6764&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

775. 15 USC 78i : Manipulation of security prices [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title15-section78i&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

776. 15 USC 78c : Definitions and application [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title15-section78c&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

777. 15 USC 80a-2 : Definitions; applicability; rulemaking considerations [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title15-section80a-2&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

778. 15 USC 80a-3 : Definition of investment company [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title15-section80a-3&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

779. 2016 UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts [Electronic resource] // The International Institute for the Unification of Private Law. — URL: http://www.unidroit.org/english/principles/contracts/principles2016/principles_2016-e.pdf (date of access: 29.08.2019).

780. 26 USC 731 : Extent of recognition of gain or loss on distribution [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: [http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=\(title:26%20section:731%20edition:prelim\)%20OR%20\(granuleid:USC-prelim-title26-section731\)&f=treesort&edition=prelim&num=0&jumpTo=true](http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=(title:26%20section:731%20edition:prelim)%20OR%20(granuleid:USC-prelim-title26-section731)&f=treesort&edition=prelim&num=0&jumpTo=true) (date of access: 29.08.2019).

781. 31 USC 5103 : Legal tender [Electronic resource] // The Office of the Law Revision Counsel of the United States House of Representatives. — URL: <http://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title31-section5103&num=0&edition=prelim> (date of access: 29.08.2019).

782. Code civil [Electronic resource] // Légifrance: le service public de la diffusion du droit. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721&dateTexte=20190829> (date of access: 29.08.2019).

783. Code de commerce [Electronic resource] // Légifrance: le service public de la diffusion du droit. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000005634379&dateTexte=20190829> (date of access: 29.08.2019).

784. Code des assurances [Electronic resource] // Légifrance: le service public de la diffusion du droit. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006073984&dateTexte=20190829> (date of access: 29.08.2019).

785. Code monétaire et financier [Electronic resource] // Légifrance: le service public de la diffusion du droit. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006072026&dateTexte=20190829> (date of access: 29.08.2019).

786. Coinage Act 1971 [Electronic resource] // The National Archives. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/24> (date of access: 29.08.2019).

787. Commission Recommendation of 22 March 2010 on the scope and effects of legal tender of euro banknotes and coins // Official Journal of the European Union. — 2010. — L 83. — P. 70–71.

788. Council Regulation (EC) № 974/98 of 3 May 1998 on the introduction of the euro // Official Journal of the European Communities. — 1998. — L 139. — P. 1–5.

789. Council Regulation (EC) № 2866/98 of 31 December 1998 on the conversion rates between the euro and the currencies of the Member States adopting the euro // Official Journal of the European Communities. — 1998. — L 359. — P. 1–2.

790. Currency and Bank Notes Act 1954 [Electronic resource] // The National Archives. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Eliz2/2-3/12/contents> (date of access: 29.08.2019).

791. Directive (EU) 2016/97 of the European Parliament and of the Council of 20 January 2016 on insurance distribution // Official Journal of the European Union. — 2016. — L 26. — P. 19–59.

792. Directive 2009/110/EC of the European Parliament and of the Council of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC // Official Journal of the European Union. — 2009. — L 267. — P. 7–17.

793. Directive 2009/138/EC of the European Parliament and of the Council of 25 November 2009 on the taking-up and pursuit of the business of Insurance and Reinsurance (Solvency II) // Official Journal of the European Union. — 2009. — L 335. — P. 1–155.

794. Directive 2011/7/EU of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 on combating late payment in commercial transactions // Official Journal of the European Union. — 2011. — L 48. — P. 1–10.

795. Directive 2011/83/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2011 on consumer rights, amending Council Directive 93/13/EEC and Directive 1999/44/EC of the European Parliament and of the Council and repealing Council Directive 85/577/EEC and Directive 97/7/EC of the European Parliament and of the Council // Official Journal of the European Union. — 2011. — L 304. — P. 64–88.

796. Directive 2013/36/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on access to the activity of credit institutions and the prudential supervision of credit institutions and investment firms, amending Directive 2002/87/EC and repealing

Directives 2006/48/EC and 2006/49/EC // Official Journal of the European Union. — 2013. — L 176. — P. 338–436.

797. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU // Official Journal of the European Union. — 2014. — L 173. — P. 349–496.

798. Directive 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market, amending Directives 2002/65/EC, 2009/110/EC and 2013/36/EU and Regulation (EU) № 1093/2010, and repealing Directive 2007/64/EC // Official Journal of the European Union. — 2015. — L 337. — P. 35–127.

799. Dutch Civil Code [Electronic resource] // DCL: Dutch Civil Law. — URL: <http://www.dutchcivillaw.com/civilcodegeneral.htm> (date of access: 29.08.2019).

800. European Contract Code. Book Two [Electronic resource] // The Academy of European Private Lawyers. — URL: http://www.eurcontrats.eu/site2/newdoc/Norme%20LibroII-inglese_.pdf (date of access: 29.08.2019).

801. Federal Act on the Swiss National Bank [Electronic resource] // The Swiss National Bank. — URL: http://www.snb.ch/en/mmr/reference/snb_legal_nbg_rev/source/snb_legal_nbg_rev.en.pdf (date of access: 29.08.2019).

802. Financial Services and Markets Act 2000 [Electronic resource] // The National Archives. — URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/8/contents> (date of access: 29.08.2019).

803. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung [Electronic resource] // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz; juris GmbH. — URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gmbhg/> (date of access: 29.08.2019).

804. Money Services Act [Electronic resource] // The Uniform Law Commission. — URL: <http://www.uniformlaws.org/Act.aspx?title=Money%20Services%20Act> (date of access: 29.08.2019).

805. Presidential Proclamation (№ 7072) Fixing the Weight of the Gold Dollar. January 31, 1934 // The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt, with a Special Introduction and Explanatory Notes by President Roosevelt : in 13 v. / Compiled and collated by S. I. Rosenman. — New York : Random House, 1938. — Vol. 3 : The Advance of Recovery and Reform. 1934. — P. 67–76.

806. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Draft Common Frame of Reference (DCFR) : Outline Edition / ed. by C. von Bar [and others]. — Munich : Sellier. European Law Publishers GmbH, 2009. — 643 p.

807. Regulation (EU) № 575/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on prudential requirements for credit institutions and investment firms and amending Regulation (EU) № 648/2012 // Official Journal of the European Union. — 2013. — L 176. — P. 1–337.

808. Regulation (EU) № 655/2014 of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 establishing a European Account Preservation Order procedure to facilitate cross-border debt recovery in civil and commercial matters // Official Journal of the European Union. — 2014. — L 189. — P. 59–92.

809. Risk management – Vocabulary : ISO Guide 73:2009 [Electronic resource] // ISO. – URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:guide:73:ed-1:v1:en> (date of access: 29.08.2019).

810. Sale of Goods Act 1979 [Electronic resource] // The National Archives. – URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1979/54/contents> (date of access: 29.08.2019).

811. The Principles of European Contract Law 2002 [Electronic resource] // Lex Mercatoria. – URL: <https://www.jus.uio.no/lm/eu.contract.principles.parts.1.to.3.2002/portrait.pdf> (date of access: 29.08.2019).

812. The Treaty on the Functioning of The European Union : consolidated version // Official Journal of the European Union. – 2012. – C 326. – P. 47–199.

813. United Nations Monetary and Financial Conference. Bretton Woods, New Hampshire. July 1–22, 1944 : Final Act : Document 492 // Proceedings and Documents of the United Nations Monetary and Financial Conference. Bretton Woods, New Hampshire. July 1–22, 1944 : in 2 vol. / Department of State Publication № 2866. – Washington : US Government printing Office, 1948. – Vol. I. – P. 927–1015.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ПОНЯТИЕ ФИНАНСОВ	7
1.1. Развитие учения о финансах	7
1.2. Сущность финансов	16
1.3. Цивилистическая интерпретация финансов.....	30
Глава 2. ФИНАНСОВОЕ ИМУЩЕСТВО	39
2.1. Общее учение о деньгах.....	39
2.2. Сущность и юридическая природа денег	50
2.3. Понятие денежных долгов и требований	67
2.4. Понятие и виды финансовых инструментов.....	78
Глава 3. ФИНАНСОВЫЕ РИСКИ И УСЛУГИ.....	111
3.1. Понятие и виды финансовых рисков	111
3.2. Частноправовое распределение финансовых рисков.....	122
3.3. Понятие и субъекты финансовых услуг	136
Глава 4. ФИНАНСОВЫЕ ЧАСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ.....	162
4.1. Понятие и структура финансовых частных отношений	162
4.2. Финансовые частные права	181
4.3. Финансовые частные обязанности.....	212
4.4. Понятие и классификация финансовых договоров.....	230
Глава 5. ФИНАНСОВОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО	246
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	258
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ.....	268
Литературные источники	268
Нормативные правовые акты и судебная практика	298

Научное издание

Протасовицкий Сергей Петрович

**ТЕОРИЯ ЧАСТНОПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВ**

Ответственный за выпуск *М. К. Чернякевич*

Художник обложки *Т. Ю. Таран*

Технический редактор *Л. В. Жаборовская*

Компьютерная верстка *О. Ю. Шантарович*

Корректор *Е. И. Бондаренко*

Подписано в печать 28.02.2020. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,37. Уч.-изд. л. 22,6.

Тираж 100 экз. Заказ .

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Издательско-полиграфическое

частное унитарное предприятие «Донарит».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий №1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, офис 2, 220030, г. Минск, Республика Беларусь.